

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА 1980 ГОД

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
К. Н. ГРИГОРЬЯН

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

В очередном выпуске «Ежегодника» публикуются историко-литературные материалы XVIII—XX вв., связанные с творческой биографией широкого круга русских и советских писателей. Открывается «Ежегодник» обзором новых поступлений в Пушкинский фонд за 1975—1981 гг. Ряд публикаций посвящен В. А. Жуковскому в связи с 200-летием со дня его рождения. Приводятся также письма К. Н. Батюшкова, В. Ф. Одоевского, А. Н. Пыпина, Н. С. Лескова, А. И. Куприна, отрывок из неоконченной трагедии Вяч. Иванова «Ниобея». Советский период представлен статьями, посвященными С. А. Есенину и М. А. Шолохову.

Книга представляет интерес как для историков русской литературы разных ее периодов, так и для широкого круга читателей.

Редакционная коллегия:

*В. В. Базанов, К. Н. Григорьян, Ф. Я. Прийма,
В. В. Тимофеева, Г. М. Фридендер*

Рецензенты:

К. И. Ровда и Н. И. Соколов

І. ОБЗОРЫ

Р. Е. Терёбенина

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ПУШКИНСКИЙ ФОНД РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) ЗА 1975—1981 гг.

В 1975—1981 гг. в Пушкинский фонд из ряда государственных учреждений страны поступили три автографа А. С. Пушкина и четыре письма к поэту.

В Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в фонде известного собирателя древних рукописей и книг П. Н. Тиханова в январе 1976 г. мы неожиданно обнаружили листок из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*» (т. е. А. Д. Илличевским). На лицевой стороне листка рукой Пушкина записаны два стихотворения: «Твой и мой» («Бог весть за что философы, пииты...») и «Экспромт на А. <гареву>» («В молчаньи пред тобой сижу...»); на обороте рукой А. Д. Илличевского — эпитафия «Еще на Пучкову» («Зачем об инвалидной доле...») и рукой А. А. Дельвига — «Надпись на мой портрет» («Не бойся, Глазунов, ты моего портрета...»). От «Антологии», как известно, уцелело несколько листков. Первоначально они хранились в лицейском архиве М. Л. Яковлева, который и представил их для публикации В. П. Гаевскому;¹ от Яковлева листки перешли к Ф. Ф. Матюшкину; последний один из листков (вернее, обрывок листка) передал, как это выяснилось позднее, кн. П. А. Путьятину; четыре других вместе с лицейскими бумагами по смерти Матюшкина перешли к Я. К. Гроту. Но в Пушкинский Дом в составе лицейского собрания Грота поступили в 1918 г. только три листка «Антологии»,² четвертый еще в 1884 г. Я. К. Грот по-

¹ *Гаевский В. П.* Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения. — Современник, 1863, т. 97, № 7, с. 142—144.

² ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 419. Далее ссылки на места хранения в Рукописном отделе ИРЛИ даются непосредственно в тексте.

дарил П. Н. Тиханову. Однако в архиве собирателя (он поступил в Государственную Публичную библиотеку в 1907 г.) листок не был выявлен ни при первоначальной, ни при окончательной разборках и считался утраченным. Мы нашли его среди копий.

Немногочисленное собрание лицейских рукописей поэта пополнилось сразу двумя автографами (1816 г.). Они вносят некоторые уточнения в давно известные тексты стихотворений, напечатанные в «большом» академическом издании по копиям. Теперь в Пушкинском фонде хранится пять листков из «Лицейской антологии» (обрывок листка, подаренный Матюшкиным П. А. Путятину, поступил в Пушкинский Дом в 1963 г.). Они относятся к первоначальному составу ее и дают ранние редакции стихотворений. Нахождение двух листков вскрыло интересную особенность «Антологии»: оказывается, сами авторы по своему выбору вписывали в нее свои произведения. Это позволило окончательно отнести приписываемую Пушкину — ранее безусловно, а в последних изданиях предположительно — эпиграмму «Завещание <Кюхельбекера>» («Друзья, простите! Завещаю...»): в «Антологии» (единственный источник ее публикации) она написана рукой Илличевского и, следовательно, принадлежит ему.³

Вместе с листком из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*» в мае 1976 г. из Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Пушкинский Дом были переданы оригиналы четырех писем кн. В. Ф. Одоевского к А. С. Пушкину (публикацию и описание этих автографов см. на с. 197—204 настоящего издания).

Два других автографа Пушкина относятся к первой болдинской осени, и судьба их сложная.

Из Государственного Литературного музея им. М. Горького в г. Горьком в мае 1976 г. поступил альбом соседа Пушкина по имени Д. А. Остафьева. 26 ноября 1830 г., находясь в Болдине, поэт вписал в него последние стихи Г. Р. Державина «Река времен в своем теченьи...».

Первые сведения о фамильном альбоме и автографе Пушкина в нем относятся к началу века, когда родственник владельца (внучатый племянник) — А. А. Остафьев предоставил его во временное пользование Нижегородской архивной комиссии.⁴ Однако

---

³ См.: *Теребенина Р. Е.* Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина. — В кн.: *Временник Пушкинской комиссии.* 1974. Л., 1977, с. 5—19 (на с. 7 факсимиле листка с автографами). Обрывок листка из «Антологии» был обнаружен нами в пачке лицейских автографов А. А. Дельвига, выявленных в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР в коллекции кн. П. А. Путятин и переданных в Пушкинский Дом. См.: *Теребенина Р. Е.* Поступления в Лицейское собрание Пушкинского фонда: (Листок из «Лицейской Антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*», новые автографы А. А. Дельвига). — *Известия АН СССР. Серия литературы и языка,* 1972, т. XXXI, № 2, с. 176—181.

⁴ См.: *Литературный вестник: Издание Русского библиологического общества.* СПб., 1902, т. III, кн. 2, с. 251.

лишь в 1915 г. известный поэт Б. А. Садовской (сын председателя комиссии) в журнале «Лукоморье» напечатал статью «Новый автограф Пушкина. Находка в старинном альбоме», в которой определил владельца и дал краткое описание альбома.⁵ Автор статьи не скрыл разочарования, что поэт вписал в альбом не свои, а державинские стихи, и даже не назвал их — впрочем, возможно, к статье должно было быть приложено факсимиле автографа, но в условиях военного времени стихотворение по содержанию было признано непримлемым для печати. Так или иначе, но какое именно стихотворение Державина было вписано Пушкиным в альбом, стало известно из воспроизведения (уменьшенного) части листа с автографом в 9—10-м томе «Литературного наследия» (М., 1933) в обзоре Г. А. Гукковского «Литературное наследие Г. Р. Державина». Факсимиле было сделано со старой фотографии, сохранившейся в архиве Б. А. Садовского, а об автографе Пушкина говорилось, что он ныне «утерян». По фотографии Б. А. Садовского Л. Б. Модзалевский в 1935 г. впервые опубликовал запись в сборнике «Рукою Пушкина», а в комментариях привел сведения о владельце альбома и о стихах Державина; о самом же альбоме сказал, что ныне он «неизвестно где находится».⁶ Альбом обнаружился неожиданно — в конце 1944 г. его принесла в Государственный Литературный музей им. М. Горького одна из родственниц Б. А. Садовского. О «ценной литературной находке» — приобретении сообщил в печати директор музея Д. Г. Лавров.⁷

Большой вклад в изучение альбома внес горьковский краевед, к сожалению преждевременно скончавшийся, — А. Г. Исаев. В его статьях «ожили» некоторые ранее неизвестные авторы альбомных записей; им же было определено, что И. Г. Озерский, И. М. Горбунов, М. Тихонов, рисунки которых имеются в альбоме, это ученики арзамасской школы живописи академика А. В. Ступина.⁸ Интересные сведения о владельце альбома и его родных привел в своей статье «Остафьевы» В. В. Ниякий.⁹ Мы не будем повторять их, а остановимся только на том, чему еще

---

⁵ Лукоморье, 1915, 18 апреля, № 16, с. 10—12.

⁶ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935, с. 667—668.

⁷ Горьковская коммуна, 1945, 1 апреля, № 77, с. 3. См. также: Остафьевский альбом: Ценная литературная находка. — Комсомольская правда, 1945, 5 апреля, № 80, с. 4 (без подписи).

⁸ Исаев А. 1) Находка в старинном альбоме. — Горьковская правда, 1961, 2 июля, № 155, с. 4; 2) Рукою Пушкина. — Учительская газета, 1961, 30 декабря, с. 4; 3) Альбом Остафьева. — В кн.: Записки краеведов / Сост. Н. И. Куприянова. Горький, 1977, с. 120—126. См. также: Сигорский А. Затерянный автограф А. С. Пушкина. — Вопросы литературы, 1962, № 4, с. 248—249; Соловьева О. С. Новые данные об автографах Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963, с. 9—18 (об альбоме Д. А. Остафьева см. с. 9—10).

⁹ Записки краеведов, 1977, с. 126—131.

не уделялось или почти не уделялось внимания при характеристике альбома.

Прежде всего дадим его описание. Альбом в четвертую долю листа (4°), в прекрасном и теперь еще неплохо сохранившемся красном сафьяновом (с тиснением) переплете, по краям крышек орнаментальная, тисненая золотом рамка; тиснение золотом и на корешке и по краям обложек на оборотах; в центре передней крышки небольшая металлическая накладка (волной), по имя владельца на ней так и не было выгравировано; альбом закрывался двумя металлическими застежками; обороты обложек и прилегающие к ним страницы листов оклеены сиреневато-синей шелковой материей. Бумага альбома белая, пожелтевшая от времени, непержированная, с водяным знаком «GJF», размером 202×242 мм.¹⁰ Лист с автографом Пушкина с водяным знаком. Альбомные листы постранично пронумерованы (пагинация только на лицевых сторонах листов, в правом нижнем углу, чернильным, проступившим от времени карандашом) с номера 1 по 213; при этом ошибочно пронумерован один вклеенный лист (л. 213), но зато опущен лист с наклеенным на него рисунком между страницами 106 и 107 и не пронумерованы листы, прилегающие к обложкам, хотя их не оклеенные шелком стороны тоже с записями и рисунками. Итого 109 альбомных листов. Кроме того, в альбом вклеены (или вложены) в разных местах 17 листов с рисунками и 2 листа с текстами — другого и разного качества, не имеющие нумерации (кроме одного листа, упомянутого выше). Таким образом, всего в альбоме 128 листов. Из них только 5 чистых, остальные — с обеих сторон или с одной — имеют записи или рисунки. В альбоме свыше 100 записей (в основном на альбомных листах, часть на листках, приклеенных к ним, и две записи на вклеенных) и свыше 40 рисунков (карандашом, пером, акварелью и др.) — в основном на вклеенных в альбом листах, меньше на листах, приклеенных к альбомным, и на листах самого альбома (таких совсем мало).

Вопреки утверждению Б. А. Садовского альбом дошел до нас в не совсем исправном состоянии, некоторых листов в нем не хватает. Судя по сохранившимся местам подклейки, из альбома изъято несколько листов с рисунками, находившимися на вклеенных листах, и один рисунок, наклеенный на лист (и грубо, с повреждением листа оторванный). Однако мы имеем в виду не их, а альбомные листы. Несколько листов вырезано или вырвано из альбома в середине, но особенно пострадали начало и конец альбома — листы оторваны от корешка, разъединены на пачки или распадаются на отдельные листики; часть листов в начале альбома утрачена и первоначальный порядок их нарушен. Б. А. Са-

¹⁰ См.: *Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные знаки на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959, с. 81, № 1029.* Водяной знак находится в нижней части листов; при брошюровке листы были сложены вдвое, поэтому на листах альбома водяной знак расположен боком.

довской писал, что «открывается остафьевский альбом стихотворением В. Филимонова „Песня Алевтины“, вписанным подле карандашного во всю страницу рисунка Alexandre'a Leger'a (1817 г.), изображающего женщину с мечом».¹¹ По пагинации чернильным карандашом начальная запись в альбоме другая. Откроем альбом. На лицевую, оклеенную шелковой материей сторону листа, прилегающего к обложке, наклеена вырезанная по рамке литография — две танцующие вакханки; на обороте листа в росчерках и виньетах, по их линиям, надпись: «1811-го года || Августа 1-го дня, || Инкино || Д. Остафьев»; к листу у корешка приклеен лист белой плотной бумаги, на обороте которого погрудный портрет карандашом полноватого мужчины средних лет с подписью «Р. И. Озерский». Затем идет пачка не закрепленных в альбоме, но склеенных между собой листов: на с. 1 стихотворение «Сердечный портрет» («Желал бы я иметь портрет моей любезной. . .») за подписью «М. О—нъ» и с датой «Августа 27-го дня 1817-го года», на обороте (с. 2) французские стихи, на с. 3 прозаическая запись некоего Дювернуа 1820 г. и др.; к этим двум альбомным листам приклеены еще три листа с рисунками на оборотах. Следующий за ними лист закреплен в альбоме — он парный к листу, прилегающему к обложке, на лицевую сторону его наклеено пять небольших рисунков (портретов), нижний из которых с подписью «Константин Шипилов»; к обороту этого листа, у корешка, приклеен лист, на обороте которого находится упоминаемый Садовским рисунок, только не Лежера (Leger), а Зегера (Zeger — в первой букве отчетливо видна палочка посредине), а за листом с рисунком на с. 7—9 идут стихи Филимонова.

Судя по отпечаткам чернил на предшествующем листе, пачка листов со стихами «Сердечный портрет» (с. 1—3) шла в альбоме после с. 202, а переложена она была, по-видимому, для того, чтобы дать альбому начало. От первой тетрадки в альбоме осталось только два крайних листа; так как начальная тетрадка обычно меньше других, то мы предполагаем, что в начале альбома не хватало 2 или 4 листов (т. е. одного или двух парных). Один из них мы нашли в альбоме. После стихотворения Филимонова идет лист с номером 11 — верхний правый угол у него с частью текста оторван, но мы восстановили запись (подобная в альбоме А. П. Новосильцева, хранящемся в Пушкинском фонде, — ф. 244, оп. 21, ед. хр. 9, л. 1): «1811-го года А<вгуста 1-го дня Инкино> || Пишите, Милые, Вот мой для Вас *Album*> || Что скажет сердце ва<м, пль изберет что ум.> || Д. Остафьев». Под записью стихотворение: «О дружба! кто тебя не знает, Не знает тот и красных дней. . .» — оно обрывается на обороте листа (с. 12) на 4-м стихе четвертой строфы (лист с продолжением стихотворения не сохранился). Автор послания — друг владельца альбома, тоже поэт, но все его записи без подписи. Среди начальных строк стихотворения отчетливо видны отпечатки виньетов и росчерков на обо-

¹¹ Лукоморье, 1915, 18 апреля, № 16, с. 10.

роте листа, прилегающего к обложке, — очевидно, что этот лист (с. 11) был в альбоме первым. Когда Садовской описывал альбом, этого листа перед рисунком Зегера уже не было, иначе он назвал бы его, а мужской портрет и рисунки К. Шипилова Садовской, начав описание с записей, мог и опустить. После рисунка Зегера и до с. 21, на которой начинается послание В. Л. Пушкина «К Д. В. Дашкову», все листы из альбома выпадают и разъединены: за листами с песней Филимонова (с. 7—9), с приклеенным к ним у корешка листом с рисунком, шел первый альбомный лист (с. 11), за ним лист с французскими стихами С. П. Званцева (с. 13) и три чистых листа с двумя вклеенными и одним наклеенным рисунками (И. Горбунова, М. Тихонова, К. Шипилова). Листы эти выпали потому, что в этом месте несколько листов из альбома было вырвано. Судя по отчетливому отпечатку на с. 53 прокладки к рисунку на с. 50, лист с номером 51 был вложен между ними позднее. Это лист с рисунком М. Тихонова — девочка с вязаньем; он выполнен на листе, вырезанном из альбома и приклеенном вновь к широкой полоске корешка другого альбомного листа; при этом на заклеенной части корешка на свет видны концы записей чернилами — факт любопытный, и мы еще вернемся к нему. С другой стороны к корешку приклеен лист — тоже с рисунком Тихонова на обороте («Гадание»). Оба листа были подложены перед «Сельской элегией» А. Ф. Мерзлякова. При архивной нумерации мы восстановили в альбоме первоначальный порядок листов.

В альбоме свыше 100 записей, а лиц, сделавших их, гораздо меньше, ибо одно и то же лицо, как правило, делало в альбоме в разных местах его несколько записей. Это позволило нам определить авторов еще нескольких альбомных записей. Пространное «Послание к Д. А. Остафьеву» с эпитафией из Фонтенеля и пометой: «Москва. 1812 года июня 9 дня» — было отмечено почти всеми пишущими об альбоме; по почерку мы определили, что оно принадлежит В. С. Филимонову, и действительно нашли его среди произведений поэта. Оказалось, что кроме «Сельской элегии» А. Ф. Мерзляков вписал в альбом Остафьева еще четыре отрывка, без подписи.

Не все записи в альбоме датированы, но имеющиеся позволяют проследить его хронологию и географию. Первая запись сделана хозяином альбома 1 августа 1811 г. в Инкине, родовом имении Остафьевых; последняя — А. С. Пушкина — 26 ноября 1830 г. в Болдине. Большая часть записей сделана в альбоме до начала Отечественной войны: в августе 1811—июне 1812 г., в селах Инкино, Апраксино, Яново, Юрьево, Воскресенское и др. и в Москве, где, судя по записям, Остафьев был за это время дважды. Все датированные записи военных лет сделаны в Дрездене в декабре 1813—сентябре 1814 г. (отличившись при взятии, Д. А. Остафьев был там плац-майором, т. е. помощником военного коменданта города). Еще Б. А. Садовской отметил, что эти записи вклеены в альбом. Мы обратили внимание, что все они

(кроме двух) сделаны на маленьких листках одного размера и качества — это несомненно листки из другого, маленького альбома (на одном листе запись начинается с полужазаы, начало ее, которое видно на свет, находится на приклеенной к альбому стороне). Одна запись, от 14 сентября 1814 г., находится на альбомном листе под наклеенной на лист литографией с сельским видом (по-видимому, французским), но она сделана почерком Д. А. Остафьева — вероятно, он скопировал запись на заклеенном обороте литографии. Это заставляет отказаться от уже устоявшейся легенды, что Остафьев взял свой альбом на войну и всюду возил с собой — в это время он спокойно лежал в Инкне. К военному времени относят записи в альбоме, сделанные В. Л. Пушкиным. Действительно, под первым из записанных им стихотворений — посланием «К Д. В. Дашкову» («Мой милый друг, в стране...») имеется следующая помета: «Нижний Новгород. 1813 года». Это послужило основанием для утверждения, что В. Л. Пушкин вписал в альбом данное и другие стихотворения, когда находился во время войны в Нижнем Новгороде, где в то время жили Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, А. Ф. Малиновский, Д. Н. Бантыш-Каменский и др. Однако военное ополчение, в которое записался Остафьев, выступило из города в начале декабря 1812 г.¹² Судя по почерку и чернилам, В. Л. Пушкин вписал в альбом все стихотворения одновременно, но среди них есть французские куплеты на вступление русских войск в Париж (в русском стихотворном переводе они впервые опубликованы А. Г. Исаевым) — значит, он мог сделать свои записи не ранее 1814 г. Поскольку же Остафьев был в это время в Германии, а потом — по семейной хронике — в Париже (хотя по альбому это не видно), то очевидно, что записи могли быть сделаны в альбоме только после возвращения Остафьева с войны — в Нижегородской губернии, где иногда бывал В. Л. Пушкин,¹³ или в Москве, а помета под стихотворением показывает время и место его создания. Записи в альбоме, принадлежавшем некой Лизе (р. I, оп. 42, ед. хр. 19, л. 46),¹⁴ свидетельствуют, что уже в июне 1815 г. Д. А. Остафьев был дома. Однако послевоенные датированные записи в альбоме относятся лишь к 1817—1822 гг., и их не так много. Два рисунка (Лизы Болтиной) сделаны в 1803 г., другие одновременны записям. При этом интересно, что рисунки

¹² Сын отечества, 1813, ч. III, № 2, с. 94.

¹³ В послании «К П. Н. Приклопскому» (1812 г., до войны) В. Л. Пушкин писал: «Хозяин я плохой, в больших разъездах вечно. То в Питере живу, то в Низовой стране...» (Соч. В. Л. Пушкина, изд. под ред. В. И. Саитова. СПб., 1893, с. 74 (Ежемесячное приложение к журналу «Север»)).

¹⁴ Альбом в таком же переплете, как Остафьевский, только в 8-ю долю листа. В нем много стихов и рисунков Д. А. Остафьева, что отмечено в обзоре В. Э. Вацура «Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы)» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979, с. 7—8; на с. 9 дана общая характеристика альбома Д. А. Остафьева).

М. Тихонова и И. Г. Озерского, сделанные на альбомных листах, датированы 1821 г. — очевидно, к этому времени относится общение с ними хозяина альбома; рисунки же И. М. Горбунова все находятся на вклеенных листах, был ли с ним знаком Остафьев или получил его листы от Озерского или Тихонова — неизвестно. После 1821—1822 гг. записей и рисунков в альбоме до Пушкина нет.

Наряду со стихами профессиональных поэтов в альбоме немало дилетантских записей, сделанных родственниками, соседями, знакомыми хозяина альбома. Среди них послание к Д. А. Остафьеву декабриста И. А. Анненкова; стихотворения члена литературного кружка при Главном народном училище (позднее губернской гимназии) А. Которова и самого Остафьева. В числе записей немало и слабых, восходящих к альбомной традиции; несколько таких «досужих виршей» привел в своей статье Б. А. Садовской. Альбом «засорен», и это связано с тем, что он был начат как непритязательный альбом «дружества», а затем стихи профессиональных поэтов и рисунки художников сделали его литературно-художественным. «Засоренность» альбома признавал и его хозяин. Приклейка листа с рисунком Озерского к корешку с концами записей свидетельствует, что им была произведена некоторая «чистка» альбома; тогда, вероятно, и были вырваны листы в начале — для того чтобы альбом начинался не «досужими виршами», а стихами Филимонова, В. Л. Пушкина, Мерзлякова. Не исключено, что эта «чистка», а также вклейка на свободных местах записей и рисунков военного времени и украшение его вклеенными рисунками Тихонова, Озерского, Горбунова и др. были произведены хозяином альбома перед тем, как он повез его к Пушкину. В любом случае поэт видел его уже таким, каким он дошел до нас. Запись Пушкина была заключительным аккордом в истории альбома.

Б. А. Садовской дал суровую оценку не только «виршам» дилетантов, но и стихам Филимонова; Мерзлякова он даже не упомянул и отметил только «пьесы», вписанные «прекрасным четким почерком» В. Л. Пушкина — «дяди великого поэта». С строго поэтической точки зрения он прав, однако нельзя не учитывать исторического значения этих поэтов: для своего времени, т. е. для эпохи 1800—1810-х годов, это были не такие уж малые величины. Почти все вписанные ими в альбом стихи были опубликованы (мы пока не нашли в печати только четырех, определенных нами, записей Мерзлякова), некоторые не один раз. Так, послание «К Д. А. Остафьеву» В. С. Филимонова с 1812 по 1822 г. было напечатано четыре раза, безусловно сделав его адресата в какой-то мере известным в литературных кругах; три стихотворения из альбома Остафьева вошли в «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах», изданных Обществом любителей отечественной словесности, где были напечатаны и стихотворения Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, К. Н. Батюшкова и Пушкина-лицеиста (его послание

«К Лицинию» появилось в одном разделе с посланцем «К Д. А. Остафьеву» Филимонова).¹⁵ Записи В. Л. Пушкина, А. Ф. Мерзлякова, В. С. Филимонова и декабриста И. А. Анненкова, рисунки художников — учеников арзамасской школы академика А. В. Ступина делали альбом незаурядным и давали Д. А. Остафьеву право представить его Пушкину и просить его сделать в нем запись.

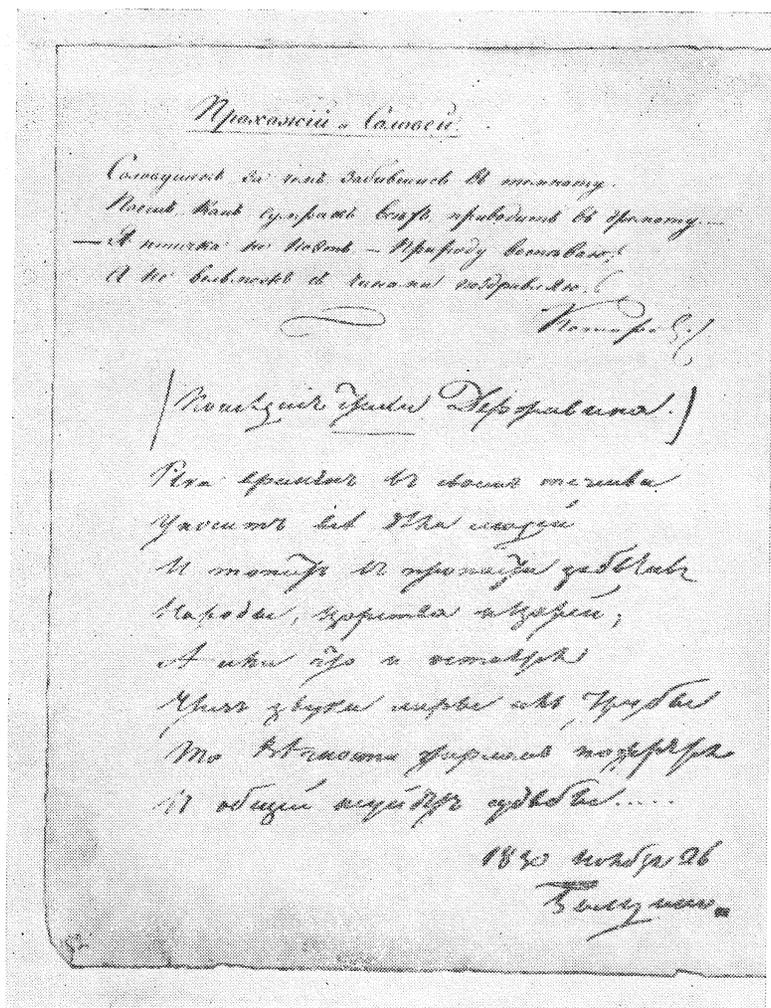
Причину того, что Пушкин вписал в альбом не свои стихи, видят в скромности поэта и в высокой оценке им дарования Державина. Отмечают также, что записанное стихотворение созвучно обязательным разговорам Пушкина с хозяином альбома об Отечественной войне 1812 г. и думам поэта, нашедшим отражение в произведениях первой болдинской осени и вызванным «cholera morbus» и смертью В. Л. Пушкина (добавим сюда и смерть Мерзлякова в конце июля 1830 г.). Все это справедливо, но нам кажется, что главная причина в другом. Альбом Остафьева — это памятник литературы XVIII—начала XIX в., т. е. допушкинской эпохи. Познакомившись с альбомом, поэт сразу понял это — его безусловный эстетический вкус сказался и здесь. В таком соседстве собственные стихи Пушкина (не вписывать же ему лицейские) были бы диссонансом в альбоме. Поэтому он и вписал стихи величайшего поэта предшествующей эпохи, который и умер в то самое время, когда в основном заполнялся альбом. Первые стихи были напечатаны в поправке к некрологу Державина с пояснением: «За три дня до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту: *Река времен*, начал он стихотворение *На тленность*, и успел написать первый куплет».¹⁶ Некоторые неточности в передаче текста («теченьи» вместо «стремленьи», «иль трубы» вместо «и трубы») свидетельствуют, что Пушкин записал стихи по памяти. Запись сделана на с. 10⁴ об. по архивной нумерации, под четверостишием А. Которова «Прохожий и соловей»; отпечатки чернил на следующем листе показывают, что, записав, он сразу же закрыл альбом. Лист с записью поэта впервые полностью воспроизводится при настоящем обзоре.

В Пушкинском фонде хранится много документов о болдинских имениях Пушкиных — родственников поэта и его самого, извлеченных из архивов правительственных учреждений бывшей Нижегородской губернии. Значительная часть этих материалов поступила в Пушкинский Дом еще до революции, в 1911—1912 гг.,¹⁷ другие, обнаруженные позднее, — в 1948 г. в составе

¹⁵ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. СПб., 1816 (цензурное разрешение от 28 сентября 1815 г.), ч. 4, с. 137—145, 184—187.

¹⁶ Сын отечества, 1816, ч. XXXI, № 30, с. 175—176.

¹⁷ ЛО Архива АН СССР, ф. 2, оп. 1 (1909), № 46, л. 188—190, 197, 199, 209, 211, 213, 225—226, 229—239. См. также: ИРЛИ, ф. 244, оп. 27, № 39, л. 302—303, 316—318, 329, 334. В статье Е. П. Казапович «Пушкинский Дом. История его возникновения» о поступлении материалов сказано в самой общей форме: «Из числа крупных покупок и пожертвований за пе-

Запись А. С. Пушкиным стихотворения Г. Р. Державина
в альбоме Д. А. Остафьева. 26 ноября 1830 г.

рукописного собрания Государственного музея А. С. Пушкина в Москве (куда они были переданы в 1938 г.). В этих документах, над которыми много работали и краеведы и сотрудники Пушкинского музея-заповедника в селе Большое Болдино, обнаружи-

риод времени с 1911 по 1913 г. можно назвать: библиотеку и литературный архив друга Пушкина П. А. Плетнева; дела, имеющие отношение к некоторым русским писателям, из архивов разных министерств, Главного военно-судного управления, окружных судов различных губерний, губернских правлений и прочих правительственных учреждений...» (Временник Пушкинского Дома. 1913. СПб., 1913, с. XVI). Однако в «Описании ру-

ваются пробелы, что побуждало исследователей вновь и вновь обращаться в местные архивы. Перед 175-летием со дня рождения А. С. Пушкина Государственный архив Горьковской области (ГАГО) решил собрать воедино материалы «на болдинскую тематику», выявленные в последнее время, и разыскать новые. Целенаправленная работа квалифицированных, сведущих в делопроизводстве старых государственных учреждений специалистов увенчалась успехом: в архиве было выявлено свыше ста дел, касающихся Пушкиных и их имений, и в некоторых из них содержатся неизвестные ранее факты и детали, относящиеся к пребыванию Пушкина в Нижегородском крае. Старший научный сотрудник ГАГО Н. И. Куприянова обнаружила в архиве два дела с тремя автографами Пушкина — это расписка в приеме имения в свое владение и подписи под копиями двух доверенностей П. А. Кирееву (на ведение дел, связанных с получением свидетельства на имение) в журнале регистрации «верующих писем» Сергачского уездного суда. О своих находках исследовательница рассказала участникам Болдинских чтений¹⁸ и опубликовала их полностью в статье «Осень 1830-го» во втором выпуске «Записок краеведов».¹⁹ Первый автограф Н. И. Куприянова, зная, что само дело о вводе Пушкина во владение имением хранится в Пушкинском фонде, в начале сентября 1978 г. привезла в Пушкинский Дом.

Дадим описание этих автографов.

Три листа белой, несколько пожелтевшей от времени бумаги писчего формата (227×346 мм), без обреза. Листы 2 и 3 представляют собой полный, т. е. двойной лист; лист 1 — левый полулист той же бумаги с отогнутой узкой (от 5 до 9 мм) полоской отрезанного парного полулиста (т. е. его размеры 235×346 мм). На л. 1 и 2 в правом верхнем углу печатный штемпель (текст с обеих сторон листов его обходит): в круге — двуглавый орел под императорской короной и надпись «Цѣна 50 копѣекъ». На свет отчетливо виден водяной знак: большой двуглавый орел под короной, над ним и под ним надписи — «Гербовая Бумага || 1829 || Цѣна 50 Копѣекъ»; на полулисте — левая часть герба и надписи: «Гербовая», «18», «Цѣна 50 к». По описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, это бумага № 256,

---

копией, принадлежащих Пушкинскому Дому», составленном Б. Л. Модзалевским и Е. П. Казанович и напечатанном во «Временнике Пушкинского Дома» 1914 г., этих дел нет, хотя в разделе о Пушкине там показано много дел Санкт-Петербургского цензурного комитета и некоторые другие (см. с. 1—22).

¹⁸ См.: *Михайлова Н. И.* «Болдинские чтения». — Вестник МГУ. Серия Х. Филология, 1975, № 3, с. 92—93; *Левина Ю. И.* Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области в 1973—1974 гг. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979, с. 147—151. Отклики на сообщение и информационные заметки о находках Н. И. Куприяновой появились во многих газетах.

¹⁹ Записки краеведов. 1975 / Сост. Н. И. Куприянова. Горький, 1975, с. 86—96 (публикация переданных документов на с. 87—88).

такая же, как в прошении Пушкина о вводе во владение имением от 11 сентября 1830 г. (ф. 244, оп. 1, № 728, л. 3—4).

Два документа, одинаково начинающихся: «1830 года сентября 16 дня прибывшему на место Сергачского земского суда дворянскому заседателю Григорьеву...». На л. 1 и 1 об. текст так называемого «вводного листа», т. е. официального ввода Пушкина во владение выделенной ему отцом частью «сельца Кистенева, Тимашево тож» с писанными по 7-й ревизии двумястами душ «мужеска полу», с распиской поэта в приеме имения на обороте листа (но когда Пушкин расписывался на нем, он был двойным). Н. И. Куприянова указывает, что под документом Пушкин поставил «свое имя, отчество и фамилию», и в публикации выделяет курсивом только их; однако, судя по начертаниям, почерк Пушкина в тексте начинается со слов: «принял 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин», что соответствует и содержанию документа (расписка в приеме).²⁰

На л. 2—3 (л. 3 об. чистый) — текст так называемой «крестьянской присяги», т. е. подписки властям выделенных Пушкину крестьян быть у нового их помещика «в полном повиновении и послушании». В присяге перечислено 68 кистеневцев-мужчин, т. е. 68 глав семей, владельцем которых становился Пушкин. «За неумением их грамоте» вместо них под документом расписался «по личной прозбе господина Пушкина земской Капитон Петров». Ввод Пушкина во владение имением осуществил и расписку в принятии имения у него, а у крестьян — подписку взял Сергачского земского суда заседатель — губернский секретарь Давид Егорович Григорьев, его подписи — «Дворянский заседатель Григорьев» — стоят под обоими документами.²¹ Писаны документы рукою секретаря Сергачского земского суда — Ивана Михайловича Ясницкого, коллежского секретаря. Таким же почерком в деле Нижегородской палаты Гражданского суда о даче Пушкину на имение свидетельства написано пять листов документов, приложенных к рапорту Сергачского земского суда, со скрепой: «Секретарь Ясницкий».²²

На сгибах листов проколы от шивки; в правом верхнем углу пагинация бледными чернилами — 5, 6, 7; на л. 1 и 2 в левом верхнем углу надпись чернилами: «561 С.У.С. от № 132». Под № 561 в архиве Сергачского уездного суда («С.У.С.») было зарегистрировано дело «по прошению коллежского секретаря Пушкина о вводе его по отдельной записи имением во владение», начатое 11 сентября 1830 г. и решенное в тот же день. Дело это на

---

²⁰ В полном виде автограф впервые опубликован нами в пушкинской части хроники юбилейной выставки Пушкинского Дома: Русская литература, 1981, № 3, с. 223.

²¹ Имя, отчество и чин Григорьева показаны в кн.: Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1830 год. СПб., 1830, ч. II, с. 209.

²² См.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 22, ед. хр. 357, л. 8—13. Сведения о Ясницком мы взяли из «Месяцеслова на 1831 год» (ч. II, с. 214); в «Месяцеслове на 1830 год» должность секретаря в земском суде показана вакантной.

14 полулистах (т. е. одишарных листах). Листы 5—8 и 13 по старой архивной нумерации в деле отсутствуют (см. ф. 244, оп. 1, № 728). При этом листы 8 (парный к вводному листу) и 13 были чистые и их вырезали до изъятия других листов. Листы 5—7 были вынуты из дела до передачи его из архива Нижегородского окружного суда в 1911 г. в Пушкинский Дом. Н. И. Куприянова нашла их в папке с разрозненными вводными листами.²³ Из дела видно, что обнаруженные документы были приложены к рапорту Сергачского земского суда Сергачскому уездному суду от 18 сентября 1830 г. об исполнении его предписания (от 12 сентября) — о введении господина Пушкина «законным порядком» во владение имением.

Содержащееся в деле прошение Пушкина о вводе его во владение выделенной ему отцом частью сельца Кистенева (за его подписью и с доверенностью П. А. Кирееву «по оному хождение иметь») было опубликовано и основные обстоятельства дела были изложены и прокомментированы П. Е. Щеголевым в его книге «Пушкин и мужики» (в главе «Помещик»).²⁴ Сравнение с этим трудом показывает, что нового дают нам найденные документы. Из рапорта земского суда было известно, что 16 сентября 1830 г. во владение имением Пушкина ввел «дворянский заседатель Григорьев»; Щеголев отмечает это, но, воссоздавая картину выдела 200 душ, пишет: «Приехали власти и стали делить мужиков». Теперь мы знаем, что при этой процедуре присутствовал кроме земского Капитана Петрова еще один чиновник — И. М. Ясницкий. Никого из них, даже Д. Е. Григорьева, в словаре Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1975) нет, хотя их подписи стоят и в упоминаемых документах дела о выдаче Пушкину свидетельства на имение. П. Е. Щеголев справедливо отметил, что слова помещика-рассказчика в «Истории села Горюхина»: «Около трех недель прошло для меня в хлопотах всякого рода, — я возился с заседателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками» (VIII, 129) — «отразили дей-

²³ Исследователями было обнаружено отсутствие вводных листов (и крестьянских присяг) еще в трех болдинских делах 22-й описи Пушкинского фонда (материалы об имениях). Так как они могут оказаться в той же или других папках, приводим их названия и номера отсутствующих листов по старой архивной пагинации: 1) № 376 — дело Сергачского уездного суда № 329 «по прошению коллежского асессора Василья и 5-го класса Сергея Пушкиных, кои с приложением свидетельства просят об отдаче им оставшегося после брата родного подполковника Пушкина имения во владение», 1825 г., сентября 9—12, на 12 полулистах; нет л. 7—11; 2) № 381 — дело того же суда № 1527 «по прошению поверенного опекуна над малолетними гг. Пушкиными Ланскова, Лукояновского 3-й гильдии купца Никиты Скородова о вводе во владение г.г. Пушкиных недвижимым имением, состоящим в селе Кистеневе», 1852 г., мая 12, на 16 л.; нет л. 12—13; 3) № 385 — дело Лукояновского уездного суда № 583 «о вводе во владение наследников г. Пушкина, чиновника 5-го класса Сергея Пушкина с прочими по деревне Львовке», 1852 г., февраля 25—26, на 20 л.; нет л. 8—10.

²⁴ Щеголев П. Е. Пушкин и мужики: По неизданным материалам. М., [1928], с. 75—78; первоначально: Новый мир, 1927, № 12, с. 165—166.

ствительные события в жизни Пушкина — ввод во владение Кн-стеновкой» (так Щеголев называет имение поэта). Как при вводе во владение имением, так и в последующих хлопотах о получении свидетельства на имение, а позднее и о получении свидетельства на выезд из Болдина, Пушкину пришлось вступить в те или иные отношения с широким кругом сергачского и нижегородского чиновничества и дворянства. Не зная признаков, по которым шел дележ, Щеголев полагал, что «тягло за тяглом переписывалось на нового помещика», но раздела по тяглам, видимо, не было, в документах фигурируют только души — к Пушкину перешло 68 семей, в которых насчитывалось писанных по ревизии «мужеска полу» 200 душ. Нам известны имена и фамилии глав семей, в то время как исследователю для воссоздания картины раздела пришлось брать имена крестьян из позднейших документов, значительно отличающихся от вводного листа (там показаны и жены и дочери, и фамилии не совсем совпадают). Души передавались с принадлежащею на их число «в упомянутом сельце пашенною и непашенною землею, с лесы, с санными покосы» и со всем, что «во владении их состояло». Так же об этом сказано и в отдельной записи на имение С. Л. Пушкина. Для вводного листа этого было достаточно, и мы не знаем, был ли произведен межевой раздел перед вводом во владение имением или нет. Обмеры имения даны в документах по его освидетельствованию 6 октября (ф. 244, оп. 22, № 357, л. 8); из них известно, что отошедшие к Пушкину земли находились в «чересполосном» владении с отцом, а впоследствии обнаружилось, что на выделенное количество душ Пушкину земли нарезали мало и ему отказали в 15-процентной надбавке к сумме залога имения. Возможно, все это объясняется тем, что поэт очень спешил. С волнением смотрим мы на поступившие документы, ради которых Пушкин приехал в Болдино осенью 1830 г.

Итак, теперь в Пушкинском фонде 1759 единиц хранения автографов А. С. Пушкина.

Разнообразными материалами пополнилась за указанные годы и пушкиниана.

От правнука пушкинского знакомого — М. П. Званцева (Горький) в апреле 1975 г. поступил список стихотворения Пушкина «Десятая заповедь» на бумаге 1820—1830-х годов. За отсутствием автографа в «большом» академическом издании оно напечатано по копиям. В списке много отличий от установленного текста, большей частью искажений, что свидетельствует, что он восходит к устной традиции. М. П. Званцев приобрел его в 1919 г. у прислуги владелицы имения близ села Гагина Л. П. Снегиревой вместе со старинными бумагами, некогда принадлежавшими помещице деревни Бажулиной близ уездного города Княгинина — Шебуевой, родственницы художника В. К. Шебуева. В упомянутом альбоме Лизы есть запись Аграфены Шебуевой (л. 32) и послание Д. А. Остафьева «К В. К. Шебуеву» («Живописец

беспримерный Слава русской стороны...», л. 6). Список пушкинского стихотворения, вероятно, связан с остафьевским кругом.

В 1975 г. от Н. Г. Поповой (Ленинград) поступил сборник стихотворений разных авторов, составленный в 1834—1836 гг. и принадлежавший Варваре Петровне Фаминцыной, по-видимому дочери Петра Егоровича Фаминцына, гвардии прапорщика, помещика Опочецкого уезда Исковской губернии, и сестры поручика Николая Петровича Фаминцына. В сборнике копии произведений Пушкина: «Будрыс и его сыновья», «Воевода», «Кавказский пленник», «Анджело», «Простят <sic!> ли мне ревнивые мечты...», восходящие к печатным изданиям. Списки первой—восьмой глав «Евгения Онегина», снятые с издания 1833 г., поступили в 1975—1977 г. из магазина Ленкинготорга № 53 (на бумаге с водяным знаком «ФКНГ 1834») и от В. В. Горбунова из г. Вельска Архангельской области (на бумаге 1835 г.); список второй половины XIX в. первой и второй (кончая XXXV строфой) глав романа — от О. А. Белобровой (Ленинград). Ксерокопии списка оды «Вольность», обнаруженного в архиве деятеля чешского национально-освободительного движения Йозефа Юнгмана-младшего и написанного его рукой в 1830—1831 гг. (Чехословакия, Прага), передала в Пушкинский фонд (через М. П. Алексеева) в ноябре 1976 г. Г. А. Лилич (Ленинград). По вариантам он близок к одесскому списку Анжела Галеры; исследовательница предполагает, что он мог попасть к Юнгману через проживавших в Одессе поляков.²⁵

Сборник текстов романсов на слова русских поэтов, составленный в октябре 1838 г. неким «А. И. Г.....м» и в декабре 1861 г. подаренный им Т. Н. Тимофееву (Еропкину), поступил в июле 1978 г. от Е. В. Тимофеевой (Ленинград). В нем копии шести стихотворений Пушкина: «О дева-роза, я в оковах...», «Мечты, мечты! Где ваша сладость?..» и др. В апреле 1981 г. из Музея ИРЛИ был передан обнаруженный при разборке библиотеки акад. В. В. Виноградова сборник (типа альбома, в темно-зеленом, тисненном золотом сафьяновом переплете) с записями 1820—1840-х годов стихотворений разных авторов, принадлежавший какой-то даме (с пометами: «Васильевка», «Михайловка», «Козловка»). В сборнике 16 стихотворений Пушкина, эпилог «Руслана и Людмилы», отрывки из «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана», из первой и второй глав «Евгения Онегина» — копии, снятые с изданий 1820—1826 гг.; текст стихотворения «К Н. Я. Плюсковой» («К императрице Елизавете Алексеевне!») восходит к рукописной традиции — он с вариантами списка кн. А. М. Горчакова (ф. 244, оп. 1, № 422, л. 1).

²⁵ См.: *Стратен В.* Одесский список оды «Вольность». — В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Одесса, 1926, т. II, с. 1—4; *Лилич Г. А.* Из истории чешско-русских литературных связей начала XIX века. — Вестник ЛГУ, 1974, № 14, вып. 3, с. 155.

В августе 1979 г. от живущей в Архангельске К. П. Гемп (через В. П. Будорагина) поступил машинописный список стихотворения Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей». К. П. и А. М. Гемпы получили его в конце 1920-х—1930-х годах от археолога и поэта Б. М. Зубакина, а тот снял его с печатного издания сказки, подаренного ему М. Горьким, когда он гостил у него в Сорренто в августе—сентябре 1927 г.,²⁶ — таково предание. В Пушкинском фонде хранится статья Б. М. Зубакина «Новое и забытое о Пушкине» (ф. 244, оп. 31, ед. хр. 72),²⁷ а недавно в составе его бумаг в Рукописный отдел поступила фотография сделанного им из глины к юбилею 1937 г. бюста молодого поэта. М. Горький в январе 1920 г. передал в Пушкинский Дом список 50-х годов XIX в. нескольких стихотворений Пушкина, а 23 марта того же года — альбом А. Е. Шиповой, урожд. гр. Комаровской, с пушкинским автографом стихотворения «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...»)²⁸ То, что у Горького имелось издание сказки Пушкина, факт интересный. Однако какое это было издание, нам определить не удалось. Связанный с Горьким список привлек внимание и пушкинистов, и прессы.²⁹ Было отмечено, что в списке много вариантов, не учтенных в академическом издании; но в последнем приведены разночтения отнюдь не всех списков произведений Пушкина, а только тех, относительно которых можно предполагать, что они восходят к не дошедшим до нас автографам. На эту оговорку не всегда обращают внимание. Совершенных списков сказки, как известно, нет, и это объясняется тем, что она распространялась в основном устно. Среди разночтений поступившего списка много вариантов зарубежных изданий конца XIX—начала XX в., но встречаются варианты и сборника, изданного Н. В. Гербелем,³⁰ и даже чернового автографа начала сказки во второй кишиневской тетради (ПД № 832, л. 9 об.). В списке много искажений (отдельные стихи опущены, слова перестав-

²⁶ О Б. М. Зубакине (1894—1938) и его пребывании в Сорренто Горький пишет во многих письмах 1927 г. См.: Горьковские чтения. 1953—1957. М., 1959, с. 55—57; Литературное наследство. М., 1963, т. 70, с. 296, 300—301, 342; Архив А. М. Горького. М., 1965, т. X, кн. 2, с. 58; М., 1966, т. XI, с. 111; *Быковцева Л.* Горький в Италии. М., 1979, с. 327. За помощь в подборе источников мы благодарим А. С. Морщихину — заведующую Горьковским кабинетом библиотеки ИРЛИ.

²⁷ Статья частично опубликована в журнале: Звезда Севера, Архангельск, 1934, № 11, с. 68—70.

²⁸ См.: *Летопись жизни и творчества А. М. Горького: Вып. 3. 1917—1929.* М., 1959, с. 159, 166. В литературе о Пушкине эти даты приводятся впервые.

²⁹ См.: *Салтыков Е.* Дар Пушкинскому Дому. — Правда Севера, Архангельск, 1979, 12 сентября.

³⁰ См.: Царь Никита п Первая почь брака: Эротические поэмы; Десятая заповедь; Эпиграммы; Сочинение А. С. Пушкина. Le Tsar Nikita par Pouchkine. [Б. м.], 1899, с. 3—12; то же — 1896, 1898. См. также: *Пушкин А. С.* Царь Никита. Изд. Гуго Штейница. Берлин, 1904, с. 5—14 (*Собрание лучших русских произведений, ч. 99*); Стихотворения А. Пушкина. [Изд. Н. В. Гербеля]. Берлин, 1861, с. 30—33, 168—174.

лены, заменены другими), есть даже переделки текста (например, в стихах 137—142, 197—201); нам показалась также любопытной замена салфетки на полотенце, ларца на сундучок; все это показывает, что список восходит к устной традиции. Список необычный, но от окончательного суждения мы воздерживаемся, ибо не все издания сказки нам известны.

Недавно скончавшийся старейший член Пушкинской комиссии АН СССР, автор книги «Пушкин в Грузии и под Эрзерумом» — И. К. Ениколопов в июне 1979 г. передал нам фотокопию листка с четверостишием «На земле щедротой неба...» за подписью «Пушкин» и заметку «Неизвестное стихотворение, приписываемое Пушкину». С сообщением о четверостишии И. К. Ениколопов выступил на проходившей тогда в Тбилиси Всесоюзной Пушкинской конференции. Листок был приобретен им у А. И. Лебедева и некогда принадлежал деду последнего со стороны матери — Алексею Прокофьевичу Логинову (Логвинову), офицеру Чугуевского уланского полка, один эскадрон которого входил в Сводный уланский полк, находившийся на Кавказе и бывший наряду с Нижегородским драгунским полком в распоряжении Н. Н. Раевского. Тогда, очевидно, и получил А. П. Логинов от адъютанта генерала Л. С. Пушкина четверостишие — оно написано его рукой.³¹ Но Левушка ошибся: стихи эти не его брата, а С. Е. Ранча — отрывок из стихотворения последнего «Прощальная песнь в кругу друзей», напечатанного в альманахе «Уrania» на 1826 г. (на это указал В. Э. Вацуро).

Интересными материалами пополнилось собрание переводов произведений А. С. Пушкина на другие языки. В июне 1977 г. Рукописный отдел Пушкинского Дома посетил выдающийся словенский поэт и переводчик Миле Клопчич (Klopčič Mile) из Любляны (Югославия). В его переводах, с его вступительными статьями и комментариями и под его редакцией в Словении вышло два издания собрания сочинений А. С. Пушкина,³² несколько изданий избранной лирики поэта, «Евгения Онегина» и сказок. Познакомившись с автографами великого поэта, Миле Клопчич записал в книге впечатлений: «Я очень счастлив, что имел возможность посмотреть рукописи А. С. Пушкина, которого высоко ценю как поэта и человека и переводами которого я так много занимался». По нашей просьбе в том же году М. Клопчич при-

³¹ Ср.: ИРЛИ, ф. 253, № 98, л. 1—2, № 103 и др. (черновики писем и рапортов Н. Н. Раевского рукой Л. С. Пушкина). См. также: *Гагуа Л., Виноградов А.* Кто автор? — Вечерний Ленинград, 1979, 9 июля.

³² См.: Izbrano delo A. S. Puškina v šestih knjigah v prevodih Mileta Klopčiča, Vladimira Levstika, Jožeta Udoviča, Josipa Vidmarja, Tita Vidmarja in Otona Župančiča. Urednik Mile Klopčič. Državna založba Slovenije v Ljubljani. Vol. 1—6. 1950—1967. Миле Клопчичу принадлежат переводы в томах 1 (Pesmi) и 6 (Jevgenij Onjegin) и значительная часть в томах 3 (Povesti, Slanki, Pisma) и 5 (Pesnitve, Pravljičice); ко всем томам им написаны предисловия и комментарии и подобраны иллюстрации. 2-е издание, исправленное и дополненное (Druga, pregledana in razširjena izdanja) вышло в 1970 г.

слад в Пушкинский Дом беловые автографы своих переводов на словенский язык стихотворений Пушкина «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), «Пророк» и XXIX строфы восьмой главы «Евгения Онегина» («Любви все возрасты покорны...»), а в октябре 1978 г. — черновые автографы переводов отдельных строф из «Евгения Онегина»: из глав пятой (строфы II—V), седьмой (XXXI—XXXIV), восьмой (XXX—XXXIII) и письма Онегина к Татьяне. Перевод первого стихотворения был сделан в 1949 г., второго — в 1970 г., а над романом в стихах поэт работал в 1962—1966 гг. Поступившие материалы, особенно черновики переводов из «Евгения Онегина», наглядно показывают стремление переводчика не только к смысловой, но и к ритмико-синтаксической точности перевода, к передаче всех особенностей пушкинской онегинской строфы. Материалы эти уже привлекли внимание специалистов.

От Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии (председатель О. Ф. Нодиа), по инициативе которой в Тбилиси были проведены Всесоюзные Пушкинские конференции в 1977 и 1979 гг. (последняя вместе с Домом Дружбы Грузинской Академии наук), в июне 1978 г. в Пушкинский фонд поступили беловой автограф перевода на грузинский язык I и II строф первой главы «Евгения Онегина», осуществленного Отаром Челидзе — известным грузинским поэтом, которому принадлежит последний по времени перевод пушкинского романа в стихах,³³ и беловой автограф перевода на грузинский язык монолога Барона (со стиха «Хочу себе сегодня пир устроить...») из «Скупого рыцаря», выполненного Тамазом Чхенкели — известным поэтом-переводчиком и литературоведом; последний перевел не только «Скупого рыцаря», но и «Моцарта и Сальери», «Каменного гостя» и стихотворения Пушкина.³⁴ Эти переводы были высоко оценены грузинской критикой.

В 1975 г. Рукописный отдел приобрел еще пять книжек дневника П. Д. Дурново — мужа дочери министра императорского двора П. М. Волконского. Они восполнили пробелы, правда не полностью, ранее поступивших тоже пяти книжек.³⁵ Характеристика автора записей и его дневника и отрывки из него даны нами в публикации «Записи о Пушкине, Гоголе, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново».³⁶ А в октябре 1979 г. от Т. А. Шапошниковой (Ленинград) в Ру-

³³ *Пушкин А.* Евгений Онегин. Тбилиси: Накадули, 1975. (На грузинском языке).

³⁴ *Пушкин А.* Маленькие трагедии: («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость») / Пер. Тамаз Чхенкели, худ. М. Дедлашвили. Тбилиси: Накадули, 1978. (На грузинском языке).

³⁵ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 116—117. В частных руках находится еще одна книжка дневника П. Д. Дурново — за 1853—1854 гг.

³⁶ *Пушкин.* Исследования и материалы. Л., 1978, т. VIII, с. 248—275.

кописный отдел поступили памятные книжки на 1833 и 1836 гг. с записями его жены — А. П. Дурново (1804—1859). Пушкин познакомился с нею в Одессе летом 1824 г.; позднее они встречались на светских балах и во дворце. Б. В. Казанский еще в 1936 г. в статье «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. (Из собрания П. Е. Щеголева)» опубликовал записи А. П. Дурново в памятной книжке на 1837 г. и отрывки из двух писем ее к матери С. Г. Волконской этого же года, касающиеся поэта.³⁷ В комментариях к указанной выше публикации мы привели некоторые записи А. П. Дурново из памятных книжек и отрывки из писем, хранящихся в фондах Волконских и Дурново в ЦГИА. В поступивших книжках есть записи о Н. Н. Пушкиной, И. И. Козлове, В. Ф. Одоевском, З. А. Волконской и др., которые дают несколько новых дат и фактов к биографии Пушкина и уточняют старые.

Р. Ю. Данилевский во время пребывания в Германской Демократической Республике нашел в архиве Гете и Шиллера в Веймаре письмо из Петербурга от 23 февраля (7 марта), с припиской от 9 (21) марта, воспитательницы детей С. С. Уварова, швейцарки по национальности, Эсперанс Сильвестр (ум. в 1853 г.) к веймарскому канцлеру Фридриху фон Мюллеру (1779—1849), одному из друзей Гете последних лет, с пространным и глубоким откликом на смерть поэта. Письмо было полностью опубликовано исследователем.³⁸ Полученную из немецкого архива фотокопию письма Р. Ю. Данилевский в 1976 г. передал в Пушкинский фонд.

7 октября 1975 г. в Пушкинский Дом пришел, чтобы посмотреть рукописи великого поэта, К. М. Симонов. Позднее по нашей просьбе он прислал в Пушкинский фонд рукопись своего доклада «Пушкин» в Большом театре СССР в Москве 6 июня 1949 г. — четыре варианта, сокращенный вариант и вариант для «Правды» (машинопись с правкой, большей частью вычерками; первый вариант с подписью-автографом). В сопроводительном письме (на личном бланке: «Константин Симонов. Москва») он писал:

«Дорогие товарищи!

Несколько слов по поводу этого материала.

Окончательный текст доклада в день 150-летия со дня рождения Пушкина, произнесенный в Большом театре, — помнится так — был напечатан книжкой в издательстве „Советский писатель“.³⁹

---

³⁷ Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936, вып. 1, с. 236—243.

³⁸ Данилевский Р. Ю. Э. Сильвестр и ее письмо о Пушкине. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979, с. 5—14.

³⁹ Симонов Константин. Александр Сергеевич Пушкин: Доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР. 6 июня 1949. [М.], 1949. 52 с. См. также: К 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Речи на юбилейных заседаниях в Москве. Прилож. к журналу «Новое время» № 25 от 15 июня 1949 г., с. 2—14; А. С. Пушкин в русской критике: Сборник статей. М., 1950, с. 573—603; то же, 2-е изд., исправл. М., 1953, с. 577—

Работа эта была существенна для меня в том смысле, что я перечел от корки до корки самого Пушкина и вдобавок многое другое, что содействовало моему самообразованию.

Сам же доклад на мой нынешний взгляд сколько-нибудь существенного интереса не представляет, удачным мне не кажется, и отнюдь не все сказанное в нем верно — с моей точки зрения, выработавшейся потом, с годами, на которой я стою сейчас.

С этими пояснениями и передаю этот материал в Пушкинский Дом, вполне сознавая его неполноценность.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

11 июля 1976 г.

Ленинград» (ф. 244, оп. 26, ед. хр. 406, л. 1).

Председатель национальной комиссии по библиотекам и информации знаний в США Фридерик К. Буркхардт, посетивший Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР 22 августа 1975 г., передал информационный листок о Пушкинской выставке в Публичной библиотеке г. Нью-Йорка к 175-летию со дня рождения поэта.⁴⁰

В августе 1979 г. академик М. П. Алексеев передал в Пушкинский фонд материалы о деятельности «Культурного центра имени А. С. Пушкина» при обществе дружбы «Люксембург—СССР», присланные ему в сентябре 1977 г. председателемницей его административного совета Розмари Киффер. В числе этих материалов два отчета о деятельности центра — за год (1975) и за три года (1977), ксерокопия заметки из какой-то французской газеты о внуке Пушкина Георге Меренберге — претенденте на люксембургский престол в 1907 г., когда пресеклось мужское потомство его дяди (по отцу) Адольфа Нассауского, бывшего с 1890 г. великим герцогом Люксембургским (эти родственные связи между потомками поэта и люксембургской правящей династией послужили одной из причин организации центра).⁴¹

В дополнение к переданной Т. Г. Цявловской в 1974 г. в Пушкинский фонд части их с М. А. Цявловским архива академического издания Полного собрания сочинений Пушкина после смерти исследовательницы от ее душеприказчицы К. П. Богаевской в июне 1978 г. и в феврале 1979 г. (через Н. Я. Эйдельмана) в Рукописный отдел поступили новые материалы, включающие текстологические работы по отдельным томам издания Т. Г. и М. А. Цявловских и других авторов, а также материалы к сборнику «Современники о дуэли и смерти Пушкина».

---

608. В «Правде» 6 июня 1949 г. был напечатан сокращенный вариант доклада под заглавием «Мировое значение Пушкина».

⁴⁰ См.: Р. Т. Пушкинская выставка в Публичной библиотеке Нью-Йорка. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979, с. 156.

⁴¹ См. написанную М. П. Алексеевым заметку «Культурный центр им. А. С. Пушкина в Люксембурге» (Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 176—179).

Р. Стальгевич (Рига) в декабре 1975 г. передал в Пушкинский фонд свою работу «Пушкин и романтика старой Риги. Послание к Дельвигу» — машинопись с многочисленными иллюстрациями (фотографиями, часть которых раскрашена), в переплете, суперобложке и с фронтисписом работы художника А. И. Юпатова (изготовлено три экземпляра этой книги). От него же (через О. А. Пини) в ноябре 1977 г. поступила другая работа — «Судьба Бродянского замка и семейных реликвий А. Н. Фризенгоф-Гончаровой. Пушкин и Бродяны» (1967 г.), машинопись с фотоиллюстрациями, в переплете, суперобложке и с экслибрисом работы того же художника; в приложении копии переписки Р. Стальгевича с учреждениями и лицами в Словакии и с Пушкинской комиссией АН СССР по вопросам реставрации Бродянского замка (изготовлено пять экземпляров этой книги). В мае 1978 г. Б. Н. Негорюхин прислал в Рукописный отдел текст своего выступления по костромскому радио: «Костромичи в жизни Александра Пушкина».

В сентябре 1978 г. Р. В. Иезуитова передала в Пушкинский фонд присланный ей А. С. Кишкиным (Москва) вольный перевод на русский язык казахской легенды о Кызы (Косу) Курпече и Баян Слу (Сулу Баяне), записанный им в 1931 г. со слов степного акына Аскара — «Курпеч и Баяна», с примечаниями; в архиве Пушкина хранится запись этой легенды, переведенной и переписанной для поэта неизвестным (ф. 244, оп. 3, № 40). В том же году от Б. Е. Казанкова поступили воспоминания «У Анны Ахматовой», в которых приведен разговор с поэтессой о Пушкине во время посещения ее автором в Комарово в августе 1964 г., а от Е. Ф. Чуверевой — статья «„Венгерское вино“ — пушкинская запись», посвященная истолкованию записи поэта в «Дамском альманахе» на 1824 г. Три заметки — «Полутанцевенные пометы» (на автографе стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...»), «Обратный адрес» (о помете на конверте анонимного письма на имя М. Ю. Висльборского, с приложением перечня «Пушкетов приема писем на городскую почту в Санктпетербурге»), «Пушкин прав» (о пушках во время наводнения 1824 г.) — прислал в Пушкинский фонд в 1975—1980 гг. ленинградской краевед А. Г. Петров. В июле 1978 г. после смерти картографа Н. Н. Фокина поступили рукопись его книги «Петербург пушкинского времени» и картотека к ней.

Живущая в Ленинграде, картограф по специальности, В. А. Пушкина, урожд. Дадаева, жена Григория Львовича — правнука Александра Юрьевича Пушкина, двоюродного дяди поэта, в честь которого он получил имя, в мае 1976 г. принесла в дар Пушкинскому Дому составленную ею в 1975 г. по разным литературным источникам «Генеалогическую схему рода Пушкиных» (в 1982 г. она дополнила ее). В схеме показано около 1000 представителей 26 поколений славного рода. Постепенно разветвляется могучее древо. Вот Григорий Пушка, от сыновей и внуков которого пошли упоминаемые поэтом Шафериковы,

Кологривовы, Мусины-Пушкины, позднее Бутурлины и др. Красным выделена линия от Ратши до А. С. Пушкина, до мужских представителей рода — носителей фамилии наших дней. Показаны родственные связи поэта с братом бабки Марии Алексеевны — Юрием Алексеевичем Пушкиным и его потомством, среди которого представлены и Григорий Львович с женой. Зеленым цветом показаны три поколения Ганнибалов, и сразу видно, как дважды пересеклись пушкинские и ганнибаловские линии. Прослеживается и родство предков поэта с первыми владельцами деревни Еболдиной, получившими ее «в вотчину» от земского ополчения князей Трубецкого и Пожарского; по пресечении этой линии владельцем вотчины стал прадед поэта Александр Петрович Пушкин, каштенармус Преображенского полка в петровское время. Показано и родство поэта с Н. Н. Гончаровой — через дочь казненного в 1697 г. Ф. М. Пушкина Прасковью, вышедшую замуж за сына гетмана А. П. Дорошенко; ее дочь Екатерина вышла замуж за Загряжского, а внук Иван, женатый на А. С. Алексеевой, был отцом Натальи Ивановны Гончаровой. Система условных сокращений позволила вместить в схему все основные сведения — они написаны мельчайшим почерком, но четко, тушью, — так что ею можно пользоваться без обращения к источникам. И все это уместилось на двух листах ватмана, разрезанных на 16 частей, наклеенных на полотно и компактно складывающихся в альбом в твердой изящной обложке. Тщательно выполненная схема воспринимается как произведение искусства.

В августе 1975 г. наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Гавриил по нашей просьбе прислал копии надписей на двух керамических плитах о захоронении в монастыре в XVI в. двух представителей старшей ветви рода Пушкиных — Петра Стефановича и Ивана (Суботы) Стефановича (в иночестве Ионы), новгородских помещиков Шелонской пятины. Копии сняты и справка о захороненных Пушкиных составлена отцом Нафанаилом.

Значительно пополнились материалы о потомках поэта. Семейные фотографии прислали правнучки Т. Н. Галина (Москва) и Н. С. Шепелева (Москва). Живущая в Полтаве 94-летняя правнучка С. Н. Данилевская прислала воспоминания «Как породнились А. С. Пушкин с Н. В. Гоголем в потомстве» (1977) и свою фотографию (такую же передала нам и полтавская учительница Т. Ю. Юрченко). От С. М. Дмитриевского (Москва) поступили две фотографии (переснимки) А. А. Пушкина (сына) — в рост и поясной, в генеральском мундире, с дарительными надписями. Фото надписи на обнаруженной им могиле П. А. Пушкина (внука) прислал из Минска И. М. Щербач. Сведения о гр. Г. Н. Меренберге (внуке) и его потомках, составленные гр. М. Т. Лорис-Меликовым, мужем О. Г. Меренберг, а также заметки о внуках — гр. Г. Н. Меренберге, гр. Софье Торби и ее муже вел. кн. Михаиле Михайловиче, с фотографиями, поступили от И. К. Ениколопова (Тбилиси). Член Одесской Пушкинской комиссии

И. И. Александрова прислала свои воспоминания о встрече в Ка-сабланке (Марокко) с А. Н. и Н. Е. Апраксиными (правнучкой и ее мужем). Семейные фотографии прислали праправнучка И. Е. Гибшман (Архангельск) и прапраправнучка Г. С. Усова (Мичуринск). От живущего в Париже праправнука Г. М. Воронцова-Вельяминова поступила воспроизведенная потом в книге В. М. Русакова фотография зарубежных потомков поэта на свадьбе Е. В. Солдаенковой (прапраправнучки), а также ксерокопии с печатных родословий Мильфорд-Хевенов, Вернеров и Бесселей, уничтоживших много белых пятен в генеалогиях английских и немецких потомков поэта, и родословные схемы потомков леди Зии Вернер (правнучки), составленные преподавателем Ливерпульского университета Томом Гринаном, и др. От праправнука С. Е. Клименко (Москва) поступили фотографии и письма к нему почитателей поэта (в том числе белорусской поэтессы Е. И. Лось, посвятившей Клименко стихи), а также тексты некоторых репортажей о Пушкине, переданных по московскому радио. А. М. Бессонова (Ленинград) передала фотографии А. Г. Сванидзе (прапрапраправнука) и др. Материалы о правнуках Г. Г. Пушкине и Е. А. Пушкиной (Зейлих) получены от В. М. Русакова.

От уже упоминаемого М. П. Званцева в 1975 г. поступил альбом 1870-х годов П. И. Званцева, владельца Селищ (близ Болдина). В нем портреты Анатолия Львовича Пушкина (бывшая в альбоме фотография его жены Ольги Александровны затерялась) и пушкинских знакомцев — А. П. Новосильцева, М. А. и П. И. Топорных. Живущая в Туле правнучка Л. С. Пушкина — Н. Б. Нейкирх передала (через А. М. Бессонову) фотографии Нейкирхов (в том числе и Марии Львовны, дочери Л. С. Пушкина, 1860-х годов, в платье воспитанницы Смольного института с серебряной медалью на цепочке, полученной ею при выпуске), а также выпись (1912 г.) из метрической книги Московской Троицкой в Сыромятниках церкви о рождении Е. А. Загряжской и свидетельство о браке ее с Л. С. Пушкиным — заверенная копия, выданная в 1912 г. Б. И. Нейкирху Нижегородским дворянским депутатским собранием, и др.

Материалы о потомках А. П. Ганнибала получены (через А. М. Бессонову) от внучек Веры Каэтановны Ганнибал — Т. В. Игнатъевой (Ленинград) и О. Л. Барабановой (Владивосток), а также от М. Я. Андреевой, урожд. Неёловой, и ее сына Г. Б. Андреева (Ленинград), от Л. А. Красовского (Ленинград) и др. От К. Я. Коротовой, праправнучки последнего владельца Петровского (где теперь создан музей Ганнибалов) В. П. Ганнибала, детские годы которой прошли в Опочечком уезде, поступили написанные ею воспоминания: «Ботфорты Петра I», «Старый нож», «Потомки современницы Пушкина» (о потомке дочери попа И. Е. Раевского-Шюды), «Современница Пушкина» (об Н. Н. Фаминцыной, владелице имения Облядово) и др.

Фотография села Большое Болдино 1920-х годов (на обороте

штамп: «Нижегородский край в памятниках искусства и быта. Фот. Дм. Прокопьева») поступила в 1977 г. от Е. П. Званцевой (Горький). В этом же году П. А. Церетели (Тбилиси) прислал (через А. М. Бессонову) фотографию дома в Душети, в котором, по преданию, останавливался поэт. Фотографии видов пушкинских, ганнибаловских и гончаровских мест Советского Союза поступили в 1977—1981 гг. от Б. К. Мусина (Москва), а также снимки участников некоторых вечеров в Государственном музее Пушкина, портрет Григория Львовича Пушкина и др. В марте 1980 г. заведующий литературно-музейным отделом «Матицы словацкой» в Мартине (Чехословакия) Юрай Хован по нашей просьбе прислал фотографии открытого в Бродзянах Музея русско-словацких литературных связей — общий вид замка и часть интерьера Пушкинского зала (фото Филиппа Лашута).

Режиссерский сценарий фильма «Мой первый друг, мой друг бесценный...» (об И. И. Пущине), снятого «Леннаучфильмом» в 1975 г. (режиссер В. Ермаков, автор сценария В. А. Торопыгин), поступил в том же году от Т. Морозовой. Монтажная запись кинофильма «Пушкин в Одессе», снятого на Украинской студии документальных фильмов режиссером Р. Нахмановичем в 1975 г., получена в декабре того же года от О. Р. Михайловой.

Поэт В. Ф. Боков, в декабре 1975 г. посетивший Рукописный отдел, в январе следующего года прислал в Пушкинский фонд черновой и два беловых автографа написанного им стихотворения «Рукописи Пушкина», где сравнил их с морем:

Что писано рукою Пушкина
Напоминает шторм, прибой:
То выстроено, то разрушено,
То новой поднято строкой!
.....
Не рукописи — волны моря,
Не строки — гребни грозных волн.
А с морем кто из нас поспорит?
Никто! Конечно, только он!

5 января 76 г.
Москва.

Это одно из немногих стихотворений, посвященных рукописям поэта.

Некоторые из поступивших материалов экспонировались на выставках новых поступлений в Пушкинский фонд, приуроченных ко Всесоюзным Пушкинским конференциям (2—3 июня 1976 г., 29 мая—10 июля 1978 г.) и к юбилею ИРЛИ АН СССР (в январе—феврале 1981 г.). О поступивших материалах в печати появилось несколько информации.⁴²

⁴² Судьба автографов. Беседу вела Т. Лазарева. — Вечерний Ленинград, 1976, 1 июня; *Лазарева Т.* Родословная поэта. — Там же, 1977, 8 февраля; *Гению русской литературы.* — Там же, 1978, 30 мая; *Власова Л.* Письмо из архива. — Там же, 1979, 6 апреля; *Лазарева Т.* Летящий росчерк. — Там же, 1979, 26 мая; *Трофимов И.* Автографы поэта. — Гудок, 1979, 3 июня.

**КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ АВТОГРАФОВ ПУШКИНА,
ПОСТУПИВШИХ В ПУШКИНСКИЙ ДОМ В 1976—1978 гг.**

(ТРЕТЬЕ ДОПОЛНЕНИЕ К ОПИСАНИЮ, СОСТАВЛЕННОМУ О. С. СОЛОВЬЕВОЙ)¹

1757. Запись стихотворения Г. Р. Державина. «(Последние стихи Державина)». «Река времен в своем теченьи...». «1830 Ноября 26 Болдино». 1830, ноября 26. На л. 104₂ альбома Д. А. Остафьева. Здесь же записи В. Л. Пушкина, А. Ф. Мерзлякова, В. С. Фильмонова, И. А. Анисенкова и др.; рисунки — И. Г. Озерского, И. М. Горбунова, М. Тихонова и др. 128 л. (л. 13, 15, 24, 95, 103 чист.).
ГЛМ им. М. Горького (г. Горький); нел. № 9665.

1758. а) «Твой и мой».

б) «Экспромт на А. (гареву)».

«1816». Текст белой. 1 л.; из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*» (см. также № 419 и ф. 244, оп. 25, № 379, л. 8); стихотворения под № 86 и 87; на л. 1₂ — рукой А. Д. Иллчевского «Еще на Пучкову» (№ 88) и рукой А. А. Дельвига «Надпись на мой портрет» (№ 89). С пометами Я. К. Грота, карандашом; на л. 1₂: «№ 667», чернилами.

ГПБ (из архива П. Н. Тиханова); нел. № 9666.

1759. Расписка в приеме имения.

1830, сентября 16. На л. 1₂ под вводным листом на владение сельцом Кистеневым; на л. 2—3 крестьянская присяга. Листы из дела № 561 Сергачского уездного суда «По прошению коллежского секретаря Пушкина о вводе его по отдельной записи во владение именем в сельце Кистеневе». 1830, сентября 11—1831, апреля 15 (см.: № 728). 3 л. (л. 3₂ чист.).

ГАГО (из архива Сергачского уездного суда); нел. № 9667—9671.

---

¹ См.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева. М.; Л., 1964. 112 с.; Краткое описание автографов Пушкина, поступивших в Пушкинский Дом в 1965—1967 гг.: (Дополнение к описанию, составленному О. С. Соловьевой) / Сост. Р. Е. Терехина. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 г. Л., 1971, с. 119—120; Краткое описание автографов Пушкина, поступивших в Пушкинский Дом в 1968—1974 гг.: (Второе дополнение к описанию, составленному О. С. Соловьевой) / Сост. Р. Е. Терехина. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 г. Л., 1976, с. 121—123.

ОБ ОДНОМ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМ ЗАМЫСЛЕ ТИМОФЕЯ МАЛЬГИНА *

Сообщение М. П. Лепехина

В конце XVIII в. имя Тимофея Семеновича Мальгина (1752—1819), плодовитого литератора и составителя краткого общедоступного учебника российской истории — выдержавшего за короткое время три издания «Зерцала российских государей», пользовалось широкой известностью. Как книгой во всех отношениях полезной, «Зерцалом» награждались по выпуске студенты и кадеты, сам же автор получил за него высочайшую награду (золотую табакерку с бриллиантами). Но уже в 1810-х годах Мальгин, обладавший меньшим изяществом слога, чем Н. М. Карамзин, и более доверчиво относившийся к историческим преданиям, чем М. Т. Каченовский, был основательно забыт и умер в полной нищете. Между тем произведения и судьба этого самоотверженного и любознательного труженика, одного из немногих профессиональных литераторов того времени, жившего исключительно плодами своего пера, заслуживают внимания и представляют интерес. Единственную попытку собрать биографические сведения о Мальгине предпринял лишь М. И. Сухомлинов при сборе материалов по истории Российской Академии.¹ В дальнейшем же имя Мальгина прочно выпало из истории отечественной словесности конца XVIII—начала XIX в.

1

Сын псковского дьячка, по окончании местной семинарии отправленный как один из наиболее способных учеников в гимназию Академии наук, Мальгин в 1768 г. совместно со своим одно-

* Пользуюсь случаем принести благодарность В. В. Базанову, К. Н. Григорьяну и Н. Д. Кочетковой за помощь при подготовке рукописи к печати.

¹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1888, вып. 5, с. 27—59, 311—317.

кашником Н. Я. Озерецковским был приглашен И. И. Лепехин участвовать в его экспедиции. Вплоть до 1773 г. Мальгин странствовал по России, совершив со своим учителем все три экспедиции — Оренбургскую, Северную и Лифляндскую.² Цени способности Мальгина, Лепехин поручал ему самостоятельные путешествия по радиальным маршрутам: весной 1771 г., «чтобы не упустить первейших растений», Мальгин поехал «на Уральский хребет собирать травы»,³ а в марте 1772 г. он отправился из Архангельска в Пустозерск,⁴ что было крайне нелегким делом. За проявленное усердие его жалованье, первоначально равнявшееся 72 рублям в год,⁵ к концу экспедиции было увеличено вдвое по специальному представлению Лепехина.⁶ Сразу же по возвращении Академия наук направила экспедицию Лепехина в прежнем составе для осмотра новоприсоединенных к России областей на территории современной Белоруссии; особое значение уделялось осмотру древних рукописей и книг, хранящихся в монастырских библиотеках; Мальгин самостоятельно исследовал верховья Други.⁷

Сдав по завершении работы в экспедиции экзамен по естественной истории и химии,⁸ Мальгин не пожелал остаться при Академии наук, решив избрать себе иной род деятельности, вследствие чего конференция 1774 г. постановила: «За понесенные им в бытность его в экспедиции труды и нужды, дабы он чрез то мог удобнее приискать себе место в другой команде, то уволить его от академической службы, переименовав его <...> переводчиком»; также было повелено выплатить ему двухмесячное жалованье.⁹

О служебной деятельности Мальгина после его увольнения из Академии наук у нас нет точных сведений. Попытки его получить место переводчика в Сенате увенчались успехом лишь после подачи прошения на высочайшее имя;¹⁰ в 1775—1778 гг. он был коллежским протоколистом, а в 1779—1780 гг. — губернским секретарем; около 1785 г. Мальгин вышел в отставку в чине коллежского асессора.¹¹ Еще до увольнения из Академии

---

² См.: Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII—XIX вв. М.—Л., 1940, с. 101.

³ ЛО ААН, ф. 3, оп. 30, ед. хр. 9, л. 59.

⁴ См.: Лукина Т. А. Иван Иванович Лепехин. М.; Л., 1965, с. 36—37.

⁵ См.: Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций... , с. 96.

⁶ См.: Лукина Т. А. Иван Иванович Лепехин, с. 25.

⁷ См.: Таранович В. П. Экспедиция академика И. И. Лепехина в Белоруссию и Лифляндию в 1773 г. — В кн.: Архив истории науки и техники. М.; Л., 1935, вып. 5, с. 545—568.

⁸ См.: Протоколы заседаний конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1900, т. III, с. 115—117, 121.

⁹ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 587, л. 590, 594—604.

¹⁰ Там же, ед. хр. 588, л. 236.

¹¹ Сведения о том, что Мальгин имел чин статского советника (см.: Голицын Н. Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889, с. 161 — в статье о Дарье и Марии Мальгиных) ошибочны.

наук Мальгин принимал некоторое участие в деятельности Вольного экономического общества;¹² известен написанный им по совету Лепехина труд «О малороссийском табачном произрастании».¹³

С пачала 1770-х годов Мальгин участвует в работе Собрания, старающегося о переводе иностранных книг, переведя по его заказу с французского «Историю о переменах Неаполитанского королевства в 1647—1648 годах, сочиненную девицею Лусанною» (СПб., 1775—1780, т. 1—4; авторство Никола Бодо де Жюйи тогда еще известно не было), которая была издана Собранием тиражом 300 экземпляров.¹⁴ В дальнейшем все свои произведения Мальгин печатал на свой счет и сам занимался их распространением. Несмотря на то что в 1783 г. Н. И. Новиковым было издано переведенное префектом Троицкой семинарии иеромонахом Мелхиседеком (Заболотским) «Руководство к богопознанию по лестнице сотворенных вещей» кардинала Роберто Беллармино и оно расходилось крайне медленно,¹⁵ Мальгин заново перевел его с латинского, посвящая «Римской империи графу Безбородку».¹⁶ Перевод Мальгина, изобилуя тяжеловесными словосочетаниями и устаревшими словами, не всегда точно следовал оригиналу.

В середине 1780-х годов началось сближение Мальгина с Российской Академией, заседания которой он посещал со дня ее основания. Принимая участие в составлении «Словаря Академии Российской», он произвел выборку слов из сочинений Ивана Грозного, Дмитрия Ростовского и Иоанна Раича; Мальгин объяснил значительное количество церковнославянизмов и судопроизводственных терминов, для каждого слова он дал обстоятельные примеры его употребления. Почти все предложенные им слова и примеры вошли без изменений в академический «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. По предложению Лепехина в 1791 г. Мальгин одновременно с Д. И. Хвостовым был избран в члены Российской Академии «по известному знанию отечественного нашего языка, как сочинениями, так и переводами доказанному».¹⁷ Это еще более активизировало деятельность Мальгина в стенах Академии: полностью проникнувшись ее ин-

---

¹² В списке 393 членов Вольного экономического общества со дня его основания по 11 декабря 1792 г. имени Мальгина нет (см.: Список членам Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге. [СПб., 1792]).

¹³ Труды Вольного экономического общества. СПб., 1773, т. XXIV, с. 144—170.

¹⁴ См.: *Семенников В. П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783. СПб., 1913, с. 53, № 75.

¹⁵ См.: *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867, с. 050.

¹⁶ Лестница умственного восхождения к богу по степеням созданных вещей: Творение к. Б./С латинского языка преложил Тимофей Мальгин, коллежский асессор. СПб., 1786.

¹⁷ Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею. СПб., 1808, ч. III, с. 31; см. также с. 32—33, 50.

тересами, он принимал к сердцу все волновавшие ее вопросы, доложил приговором ее собраний о его трудах, затевал спор с разно-мыслящими сочленами, придавая весьма серьезное значение своей полемике с ними; никто не мог сравниться с ним в исправности посещений собраний и не было такой комиссии или комитета, в деятельности которых он не принимал бы участия. Собрания 3 и 16 января 1792 г. были целиком заняты его спорами с И. Н. Болтиным о происхождении глагола «воскрешать», а в 1798 г. в течение шести собраний шло обсуждение его доказательств происхождения глагола «помнить» от слова «память», а не от глагола «мнить», в чем Мальгин опять разошелся с Болтиным и был поддержан И. И. Красовским. Отмечая заслуги самых усердных своих сотрудников, Российская Академия в 1800 г. наградила его и Озерецковского золотыми медалями за деятельное участие в составлении «Словаря», а в 1801 г. он был избран в члены комитета по подготовке второго издания — на этом же заседании им был представлен в исправленном и дополненном виде словник на букву «В». 23 ноября 1801 г. Мальгин изъявил желание обработать букву «П», а уже 5 апреля 1802 г. представил подготовленный им словник. 20 сентября 1802 г. он выступил с сообщением о принципах расположения в словаре глаголов совершенного вида на букву «П» с приставками *пере-*, *по-*, *пре-* и *про-*; однако с его поправками собрание не согласилось.¹⁸ За участие в подготовке второго издания «Словаря» Мальгин был награжден в 1802 г. второй золотой медалью.

Несмотря на свои более чем скудные средства, Мальгин собрал небольшую коллекцию монет и манускриптов. Одну из рукописей, описывающую дипломатический церемониал времен Алексея Михайловича, он опубликовал в извлечениях,¹⁹ посвятив свой труд императрице. Впрочем, отсутствие сведений об оригинале рукописи не дает возможности дать оценку этой публикации, а сам характер ее пересказа и акцентирование величия и значения Русского государства заставляют вспомнить о ряде подделок, выполненных в ту пору из патриотических побуждений — таких, например, как вымышленный указ Алексея Михайловича, компрометирующий поступающих на русскую службу иностранцев,²⁰ или пресловутое сочинение А. И. Сулакадзева «О воздушном лета-

---

¹⁸ Там же, с. 54—60, 63—70; 1810, ч. IV, с. 17—18, 44—47; 1811, ч. V, с. 3, 13, 35—44.

¹⁹ См.: Чиновник российских государей, с разными в Европе и Азии христианскими и махOMETанскими владетельными и прочими высокими лицами, о взаимных чрез грамоты сношениях, издревле по 1672 г., как обоюдны между собой титла употребляли, и знаки дружества, почтения, преимущества и величия изъявляли. Издал коллежский ассессор Тимофей Мальгин. СПб., 1792.

²⁰ См.: Лихачев Н. П. Историко-археографические заметки: IV. Вымышленный указ царя Алексея Михайловича. — В кн.: Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от сослуживцев по имп. Публичной библиотеке. СПб., 1913, с. 85—96; отд. изд.: СПб., 1913.

нии».²¹ Стоит заметить, что Мальгина и Сулакадзева сближало многое: созданные ими коллекции подделок самого фантастического свойства,²² исторические взгляды, непоколебимая вера в собственную правоту; отношение к ним обоим современников было тоже одинаковым — более чем скептическим.²³ Вероятен и факт личного знакомства Мальгина с Сулакадзевым.

В 1803 г. Мальгин издал с посвящением Александру I «Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства и о качестве лиц и дел в оных», в котором на большом фактическом материале им впервые и достаточно полно была рассмотрена приказная система XV—XVII вв. Годом ранее, в мае 1802 г., Мальгин прочитал в Российской Академии свое «Историческое доказательство о древности в Российском государстве монет разного достоинства и медалей»; в доработанном виде повторно прочитанное там же в 1805 г., оно получило рекомендацию сочленов к печати, однако издано было лишь в 1810 г. под заглавием «Опыт исторического исследования и доказательства о древности в Российском государстве монеты разного достоинства и медалей своих собственных»²⁴ и содержало описание 148 монет, якобы имевшихся в собрании Мальгина. Описания монет были крайне фантастичны, например: «На обеих сторонах странные звери с длинными загнутыми вверх хвостами и надписью вокруг: Кн. Бориса Александровича» (№ 2); «Птица о четырех крылах с женским лицом под короною; с надписью вокруг: кн. вел. Василий Иванович; на обороте зверь наподобие коня, с надписью вокруг: Осподарь всея России» (№ 57); «Человек стоящий, держа в руках крестообразно невыразительные знаки, на обороте неясная надпись» (№ 83); «Страннообразный

---

²¹ См.: *Покровская В. Ф.* Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева: (К вопросу о поправках в рукописных текстах). — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. XIV, с. 634—636. Об А. И. Сулакадзеве см. также: *Языков Д.* Оригинальный русский антиквар. — Русский вестник, 1898, № 7, с. 237—242; *Макаренко М.* Молитовник великого князя Володимира и Сулакадзев. — В кн.: Статьи по славянской филологии и русской словесности: Сборник статей в честь акад. Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928, с. 484—491; *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века: (Бардин и Сулакадзев). — В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1956, вып. V, с. 44—101; *Берков П. И.* О людях и книгах. М., 1965, с. 35—43; ТОДРЛ, Л., 1979, т. XXXIV, с. 200—219.

²² Коллекция Сулакадзева вызывала изумление всех видевших ее, см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 238—239; *Жигарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955, с. 436—437. Коллекция Мальгина будет охарактеризована ниже, при разборе его трудов по нумизматике.

²³ Митрополит Евгений (Болховитинов) в письме к Г. Н. Городчанову от 15 января 1811 г. писал из Петербурга о «тамошних древностелюбивых проказниках», см.: *Срезневский И. И.* Воспоминания о научной деятельности митрополита Евгения. — В кн.: Чтения 18 декабря 1867 г. в память митрополита киевского Евгения. СПб., 1868, с. 56. (Сб. 2-го отделения Академии наук, т. V, вып. 1).

²⁴ Сочинения и переводы. . . , ч. V, с. 18; ч. VI, с. 77—78; текст «Опыта» см.: ч. IV, с. 140—224; отд. изд.: СПб., 1810.

зверь, на обороте сосуд с поддоном и 4 точками, крестообразно расположенными» (№ 87); «Орел с ветвью в носу; на обороте надпись: пуло Тверское» (№ 103); «Всадник на коне с надписью в круге: кн. вел. Иван; на обороте посредине латинская надпись: „Aristotelis“» (№ 109), и т. д. Как показал И. Г. Спасский,²⁵ объектом описания Мальгина явились не столько материалы его собрания, сколько таблицы одной из копий «рисовальной книжки» минцкабинета А. И. Остермана.

Труд Мальгина был направлен против ряда скептических положений о древнерусской денежной системе, содержащихся в «Истории Российской» М. М. Щербатова, причем приводимые Мальгиным доводы сводились исключительно к рьяному порицанию скептицизма «иностранцев» (как собирательно Мальгин называл скептиков). Толкования основывались как на существовавшей литературе, так и на собственных произвольных домыслах «Древние наши деньги выглядят мелкими от обрезывания в ходу своем корыстолюбивыми людьми» и т. д.). Однако к общепризнанным авторитетам Мальгин относился с предубеждением. Так, он упрекал И. Г. Бакмейстера в неумении определить ряд монет: «Бакмейстер не хотел или не мог, яко иностранец, вникнуть. Сие примечается в нем и по прочим статьям, где говорится или с некоторым неуважением, или с холодностью и презрением к нашим древностям, называя грубым и безобразным тиснением, забыв, что время и ржа повредили оное; а если бы и подлинно было таково, то бы пощадил древность для того, что в самой Германии и Англии монеты тех времен искусством дела не лучше были российских». Мальгин критиковал также труды Академии наук по классификации арабских монет; не доверяя выводам академика Г. И. Кера, он рекомендовал для разборки монет «искусных в грамоте и любоохотных татар, коих изыскать нетрудно». Следует отметить, впрочем, что сочинение Мальгина наряду с трудами М. Д. Чулкова и М. М. Щербатова сыграло решающую роль в становлении нумизматики как самостоятельной науки в начале XIX в. в России.

В 1802 г. Мальгин представил на рассмотрение в Российскую Академию две басни прозой и «Начертание любопытнейших достопримечаний о чрезвычайном духе Петра Великого»;²⁶ собрание рекомендовало их к печати, но автор опубликовал свой труд лишь в 1811 г. под заглавием «Историческое изображение трех главных достопримечательнейших свойств или добродетелей всероссийского императора Петра Великого» (с посвящением великим князьям Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу). По мнению Мальгина, такими свойствами были твердость веры, мужество и человеколюбие. «Историческое изображение» изобилует множест-

²⁵ Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики. — В кн.: Нумизматический сборник. М., 1955, ч. I, с. 198—200.

²⁶ Сочинения и переводы. . . , ч. V, с. 45—46.

вом стилистических архаизмов типа «буесловно», «бесноверно», что заставляет вспомнить о выборке Мальгиным слов из сочинений Дмитрия Ростовского. Трудом Мальгина пользовался А. С. Пушкин при работе над «Историей Петра Великого».²⁷

В заседании 1805 г. Мальгин сообщил сочленам свои письменные замечания на слово «князь», считая его происходящим от глагола «гнести», но это этимологическое открытие не встретило их поддержки. В 1806 г. он произнес две пространные речи — одна осуждала памерение некоторых членов Российской Академии прекратить упоминать имена составителей «Словаря» на вновь выходящих томах, другая была посвящена освящению архиепископом Ростовским и Ярославским Павлом (Пономаревым) дома, пожалованного Российской Академии Павлом I взамен отобранного.²⁸ В 1808 г. Мальгин выступил с докладом, в котором, желая «вычислать язык от вкрадшихся злоупотреблений», предложил разлагать на составные части букву «щ», вопрос о замене которой в XVIII в. был предметом острой полемики:²⁹ если ранее В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков предлагали передавать «щ» как «шч», то Мальгин впервые (до него это уже использовал в своих сочинениях, но без теоретического обоснования, В. Н. Татищев) предложил передавать «щ» как «сч»;³⁰ в дальнейшем это предложение было выдвинуто также В. С. Подшиваловым,³¹ а позднее неоднократно служило предметом дискуссий, вплоть до 1964 г.³² Как и ряд других замыслов Мальгина, предложенная им реформа орфографии не встретила сочувствия.

Мальгину принадлежит также ряд отзывов на труды, присланные для соискания академических наград. Так, он высоко оценил похвальные слова Минину и Пожарскому, царю Иоанну Васильевичу и Петру Великому; критика его касалась исключительно языка и стиля сочинений. Мальгин рекомендовал исправить «некоторые слова, в некоторых местах сочинения несколько или излишне, или неточно по здравому и строгому смыслу употребленные», и наградить «за лучшее из присланных сочинений золотую, а по крайней мере серебряною медалью». В дальнейшем

---

²⁷ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938, т. X, с. 472.

²⁸ Сочинения и переводы. . . , ч. IV, с. 23—24; ч. VI, с. 76—80.

²⁹ См.: Лотман Ю. М., Толстой Н. И., Успенский Б. А. Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII в. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1981, т. 40, № 4, с. 316.

³⁰ См.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии, вып. 5, с. 38—40.

³¹ Подшивалов В. С. Чтение и письмо. — Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете, 1816, ч. 5, с. 89—92.

³² См.: Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965, с. 76—86. Отметим, что в данном труде приоритет отдан Подшивалову, а имя Мальгина даже не упомянуто.

Мальгин уже не был столь снисходителен и в 1808 г. выступил с резкой критикой другого похвального слова царю Иоанну Васильевичу, считая, что «надутый сочинителя слог непристойными высокопарностями, помраченный невместными существительными и прилагательными именами и противный употребительному в сем роде сочинений правилу причиняет не только в понятии помрачение и темноту, но и в самом даже чтении от многословия трудность и отягощение», а посему оно «не заслуживает не только обещанной награды, но и посредственного одобрения». Рассматривая в 1809 г. совместно с П. И. Соколовым и С. И. Гамалеей рукопись П. Ю. Львова «Памятник князя Голицына», Мальгин рекомендовал исключить из нее как «неуместное злословие» следующие слова: «... особенно же того повинования, которое малодушные царедворцы нередко спешат стремглав оказать в угодность страстям государей своих, дабы чрез то обрести щедроты их».³³

В речи «О состоянии в России древняго и новейшаго народного просвещения»,³⁴ произнесенной им в собрании 8 декабря 1808 г., Мальгин стремился показать, что уже в древности в России был очень высок уровень образованности, что письменность была известна русским задолго до Кирилла и Мефодия, что Нестор и Иоаким не были первыми русскими летописцами, а заимствовали сведения из летописей гораздо более древних, что «Слово о полку Игореве» является примером необычайно высокого поэтического мастерства Древней Руси. Показателем культуры Русского государства он считал «пять Капюпианских карт, сохраняющихся в Ватиканском книгохранилище», будто бы писанных «русскими живописцами Андреем Ильиным, Николаем Ивановым и Сергеем Васильевым» в XIII в. За пять лет до появления труда В. С. Сопикова³⁵ Мальгин уже утверждал, что первопечатником в России явился «датчанин Ганс Бухбиндер», напечатавший в 1562 г. на Московском печатном дворе «Апостол» (мнение о Гансе Мейсенгейме Богбиндере как о русском первопечатнике было опровергнуто лишь в советское время³⁶). Подытожив свои выводы, Мальгин писал: «Пусть непроницаемая завеса самой отдаленной древности и язычество первобытных наших предков скрывают от нас лучи тогдашняго в России свойственного тем векам просвещения. Пусть счастливейшие мнимыми ускорением в оном, но кичливые сим счастьем, некоторые народы

---

³³ Цит. по: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии, ч. 5, с. 42—44, 48.

³⁴ Сочинения и переводы. . . , ч. IV, с. 225—286.

³⁵ *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1813, ч. I, с. XXXII.

³⁶ См.: *Немировский Е. Л.* 1) Историкографические заметки к вопросу о начале книгопечатания на Руси. — В кн.: Книга. М., 1962, сб. 7, с. 243—251; 2) Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964, с. 65—69.

через своих писателей порицают россиян варварством и крайшим невежеством. Пусть, по движению зависти, злобы, презорства или, паче, по незнанию своему осыпают невинных прародителей наших всякою лякою, клеветами и нелепостями. Пусть, по надменности своей, уничижают древнюю важность, силу и славу отечества нашего. Но время, беспристрастие и благорассудливость, истинные свидетели и судьи всего, открывая в самой вещи совсем тому противное, неправду как прах ветром развевают, истину же, яко небесно светло, земному мраку непричастное, в чистом образе являют».

Речь Мальгина «О необходимом союзе разума и природных дарований с науками», разосланная в 1812 г. для предварительного отзыва П. И. Соколову, И. А. Крылову, В. М. Севергину, И. И. Мартынову, И. С. Захарову, А. С. Никольскому и А. Ф. Севастьянову, вызвала немало критических замечаний из-за отсутствия четкости в ее композиции и из-за тяжеловесности и напыщенности слога; критике подверглась склонность Мальгина к изобретению новых слов (*рудоведыцы, горорытцы,*³⁷ *превозносливость*) и выражений (*огнезрачные вихри, недоуменная превьсимость человека над самим собою, парительный дух ума, скольский разум, благопопечительные отцы народов, плоды обильно гобзовали* и т. д.) и к употреблению архаизмов; в вину ему ставилась также несоблюдение орфографических правил и многословность; замысел «Речи» также остался непонятным критикам. Они не сочли возможным рекомендовать ее ни к произнесению в торжественном собрании, ни к печати, но тем не менее Мальгин напечатал ее за свой счет в 1813 г. отдельным изданием (с посвящением великим князьям Михаилу Павловичу и Николаю Павловичу). В печатном тексте из речи был изъят ряд изысканнейших похвал Мальгина своим сочленам; все же выражения, вызвавшие их неудовольствие, Мальгин не только оставил в неприкосновенности, но и щедро добавил их. А. С. Шишков, чрезвычайно расположенный к Мальгину, исполнил его просьбу о подношении «Речи» Александру I.³⁸

Столь же единодушную критику вызвали переводы Мальгина 250 избранных «краткоречений» из греко-латинского словаря А. Шревелия, которым было посвящено пять заседаний Академии в конце 1812—начале 1813 г. Несмотря на ранившие его насмешки сочленов, Мальгин по-прежнему ревностно посещал Российскую Академию и бескорыстно принимал деятельное участие в трудах ее хозяйственного и домостроительного комитетов. 13 и

---

³⁷ Отметим, что приписывание критиками Мальгину изобретения слова «горорытцы» было ошибочным — так, еще до него, Г. Р. Державин писал: «Как острой статью горорытство Металлов шлет в недре гор...» (*Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1808, ч. I, с. 183).

³⁸ См. письмо А. С. Шинкова к П. И. Соколову от 30 мая 1813 г.: *Державин Г. Р.* Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1871, ч. VI, с. 264—265.

20 октября 1817 г. он произнес речь «О неопределенном дарѣ слова человеческого и о последственной от оного пользе постепеннаго усовершенна словесности для народнаго просвещения и славы государей — любителей онаго», а 30 марта 1818 г. выступил с сообщением о варяго-руссах. Не удивляясь тому, что «иностранцы производят их от свеев, от финнов, от чухон, от латышей и почти от самайедов», Мальгин изумлялся лишь тому, что «сами русские, как бы стыдясь русскаго своего происхожденія, покоряются иностранцам в развратных их мечтах». Основываясь на мнении «презираемаго многими, но нам всегда любезнаго летописателя преподобнаго Нестора» и сожалея о том, что «самый новейший и многообещавший писатель российской истории уклонился от очищенных стезей и самонадеятельно упустил многія истины о славянах, наших неотрицаемых предках, оставивших и у нас, и у прочих окрестных народов неизгладимыя следы языка своего и славных деяній, почитаемых некоторыми за басни и вымыслы несодеянныя и невероятныя», отчего «у нас чужія бредни в чести и уваженніи», Мальгин мечтал о том, чтобы «время, истину открывающее, когда-нибудь вразумило, наставило, исправило погрешности, недоумения и киченія».³⁹

Отношение к Мальгину его сочленов по Российской Академии было различным. Многие из них (в основном избранные в члены Академии еще в екатерининское время, такие как И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковскій, П. И. Соколов, Д. И. Хвостов, И. И. Красовскій и др.) глубоко уважали его за необыкновенное трудолюбие, скромность, любознательность, бескорыстие, а главное, за исключительную преданность Российской Академии; другие же (А. Ф. Воейков, В. А. Жуковскій, А. Х. Востоков), напротив, видели в нем лишь образец посредственности и живое воплощение науки давно минувших времен. С. П. Жихарев возмущался тем, что Российская Академия объединяет лиц «либо вовсе неизвестных в литературе, либо, что еще хуже, известных своею бездарностью»; к последним он причислял П. И. Соколова, Д. И. Хвостова, Н. Я. Озерецковскаго и Мальгина.⁴⁰

Всю свою жизнь Мальгин, не занимая какой-либо оплачиваемой должности и существуя только литературным трудом (причем отнимавшие у него основное время занятія в Российской Академии доходов ему не приносили), сильно нуждался; немалую роль в этом сыграло и то, что все свои сочинения и переводы он печатал на свой счет (как правило, в типографии Академии наук). Российская Академия, желая помочь ему, за пять дней до его смерти решила купить часть его библиотеки.⁴¹ Скон-

³⁹ Цит. по: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии, вып. 5, с. 40—42.

⁴⁰ *Жихарев С. П.* Записки современника, с. 428 (запись от 8 марта 1807 г.).

⁴¹ Список книг см.: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии, вып. 5, с. 59.

чался Мальгин 25 августа 1819 г. в крайней бедности, жившая при нем его незамужняя дочь Мария не имела средств на его похороны, и лишь 6 сентября Российская Академия по ходатайству А. С. Шишкова выделила 500 рублей ассигнациями на погребение самого ревностного своего члена.

У Мальгина были сыновья Иван, который по окончании Академической гимназии в 1802 г. служил в Горном корпусе, и Глеб, секретарь Герольдмейстерской конторы, плодовитый переводчик и автор написанной в духе запоздалого подражания Э. Юнгу книги «Мои посещения кладбища» (СПб., 1810), а также две дочери — Дарья и Мария, обе не чуждые литературным занятиям.

В 1823 г. помертно был издан выполненный Мальгиным перевод с немецкого «Записок исторических, гражданских и военных о России с 1727 по 1744 год» К. Г. Манштейна; кроме того, в издание был включен перевод «Жизни Манштейна» Ф. Грубера и составлен указатель. Точка зрения о принадлежности перевода не Мальгину, а его дочерям и Е. Подлесновской⁴² неосновательна: язык перевода говорит сам за себя. В рецензии на него Ф. В. Булгарин писал: «Весьма жаль, что сей новый перевод не соответствует достоинству подлинника и важности предмета. Слог чрезвычайно тяжел, язык неправилен и встречаются выражения темные <...> Невзирая на успехи языка и словесности, мы с соболезнованием видим новья книги, писанныя языком времен Сумарокова и слогом Федора Эмина».⁴³

Через два года был напечатан и другой труд Мальгина — «Российский ратник, или Общая военная повесть о государственных войнах, неприятельских нашествиях, уронах, бедствиях, победах и приобретениях от древности до наших времен по 1805 год по достоверным российским бытописаниям». О цели своего труда Мальгин писал: «В сем сочинении тщился я с возможною точностию изобразить известные лица, время, обстоятельства, качество вооружения и места ратных происшествий с зависевшими от того последствиями пользы или ущерба государственного, не касаясь, однако ж, внутренних военных злоключений, до настоящего моего предмета отнюдь не принадлежащих». По мнению критики, это «намерение оказалось более похвальным, нежели исполненным». Так, Н. А. Полевой писал, что Мальгин «без всяких изысканий, без всяких доказательств выбрал из русских летописей все те места, где говорится о сражениях и о битвах, потом выбрал что было ему нужно и из Деяний Петра Великого, изд. г. Голиковым, и, наконец, сделал выбор из реляций и газет до 1805 г.». Удивление критика вызвало то, что «везде, где русские проигрывали, сочинитель молчит или с жаром порицает неприятелей вероломством, изменой, коварством и проч.». Полевой пришел к выводу, что «сочинитель старается выражаться каким-то странным

⁴² См.: *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писателей, с. 161, 199.

⁴³ Литературные листки, 1824, № 13—14, с. 41—43.

языком летописей, ошибается в подробностях новейших происшествий, — и мы не понимаем, для чего было издавать в 1825 г. книгу, для которой время прошло уже лет пятьдесят назад, с Эмиными, Щербатовыми и другими старыми историками».⁴⁴

Больше о Мальгине не вспоминали.

2

Наибольшую популярность Мальгину принесли исторические труды, среди которых в первую очередь следует упомянуть выдержавшее три издания «Зерцало российских государей с 862 по 1789 год, изображающее их родословие, союзы, потомство, время рождения, царствования, кончины и вкратце деяния с достопамятными происшествиями». Оно носит компилятивный характер — в основу его были положены изданные к тому времени исторические сочинения и источники на русском языке. Творческая манера Мальгина проявилась в том, что, сделав краткую выписку без каких-либо ссылок из многотомных сочинений В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и Ф. А. Эмина (и явно отдавая предпочтение последнему, в трудах которого достоверность исторических событий приносилась в жертву красочным подробностям), он добавил от себя ряд ярких деталей и характеристик и ввел в книгу в качестве общеизвестных, якобы знакомых читателям фактов множество собственных домыслов и предположений, нигде не указывая источник заимствования и лишь в спорных случаях ссылаясь на какой-либо авторитет (Феофан Прокопович, Вольтер, Платон Левшин, В. К. Тредиаковский), чтобы доказать свою правоту.

Вся российская история хронологически разделена в «Зерцале» на отдельные княжения или царствования, причем каждому из правителей дано особенное прозвище в соответствии с чертами его характера и поступками: Рюрик — Родообновитель, Игорь Рюрикович — Дерзосердный, Ярополк — Братопенавистливый, Юрий III Данилович — Упругий, Алексей Михайлович — Остроумный, Федор Алексеевич — Чухотный, Петр II — Добрая Надежда, Анна Иоанновна — Строгая или Грозная, Елизавета Петровна — Кроткая, Петр III — Полководный и т. п. В каждой главе рассказывалось о происхождении, родственных связях, жизни ее героя и попутно излагались события отечественной истории в период его правления. Автор посвятил «Зерцало» двум великим князьям и четырем великим князьям; при переизданиях в посвящение пунктуально добавлялись последующие дети цесаревича Павла Петровича по мере их рождения. Первое издание «Зерцала» вышло в 1789 г. и быстро разошлось; уже в 1792 г. оно было переиздано в существенно дополненном виде (объем возрос почти вдвое) тиражом 1012 экземпляров. «Зерцало» попра-

⁴⁴ Московский телеграф, 1826, № 12, с. 304 - 310.

вилось Екатерине II, которая 25 апреля 1792 г. наградила автора золотой табакеркой с бриллиантами (награда была передана Е. Р. Дашковой для торжественного вручения автору, но по непонятным причинам Дашкова на следующий день отправила ее с письмом ему на дом). Успех второго издания заставил Мальгина подготовить, значительно переработав и почти втрое увеличив его объем, третье издание, вышедшее в 1794 г. таким же тиражом.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома в составе собрания Г. В. Юдипа хранится экземпляр третьего издания «Зерцала» с многочисленными авторскими дополнениями на полях, свидетельствующими о том, что это **наборная рукопись** подготовленного к печати четвертого издания «Зерцала» (листы соединены следующей цензурской скрепой: «Книгу под заглавием Зерцало российских государей, четвертое издание, Тимофеем Мальгиным, членом императорской Российской Академии, читал и не нашел в пей противнаго уставу о цензуре книг»).⁴⁵ Из помет Мальгина видно, что, учитывая вновь резко увеличившийся объем (пометы увеличили бы объем книги еще в полтора раза), он предполагал разделить «Зерцало» на два тома, хронологически окончив первый царствованием Василия Шуйского и начав второй с воцарения Михаила Романова. Наборная рукопись четвертого издания представляет собой сшитые вместе необрезанные (ширина полей до 85 мм, длина печатной строки 88 мм) листы без переплета; отсутствуют шесть страниц с посвящением, не входящие в общую пагинацию, а также страницы 1—2, 591—592, 626—632. Первый и последний листы изрядно загрязнены, края их обтрепались и местами повреждены грызунами. Текст напечатан на бумаге гораздо более плотной, чем употреблявшаяся для основного тиража третьего издания «Зерцала».

Датировка дополнений не представляет особых затруднений. Так, на с. 168 ведется полемика со статьей иезуита Д. Ришардета, помещенной в № 74 и 89 «Северной почты» за 1818 г., вышедших соответственно 14 сентября и 16 ноября 1818 г.; вместе с тем на с. 456 подробно говорится об изготовлении в Петербурге памятника Минину и Пожарскому работы И. П. Мартоса и о предстоящей установке его в Москве, хотя, как известно, он был открыт уже 20 февраля 1818 г.⁴⁶ Все это свидетельствует о том, что подготовка к печати четвертого издания «Зерцала» проводилась в несколько этапов — зимой и осенью 1818 г. О неоднократном внесении исправлений и последующих дополнений в текст уже подготовленных вставок свидетельствует различный цвет железогалловых чернил; также дополнения к добавлениям, свидетельствующие о позднейшей авторской правке, имеются на с. 117, 533 и ряде других.

---

⁴⁵ ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, ед. хр. 178. Далее при ссылках на данную рукопись страницы указываются в тексте.

⁴⁶ Московские ведомости, 1818, № 16, с. 2.

Не ставя себе целью подробное исследование исторических взглядов Мальгина, а тем более сопоставление их со взглядами современных ему историков, что должно явиться предметом большого самостоятельного труда, рассмотрим лишь важнейшие и наиболее интересные из сделанных им дополнений (далее при цитировании «Зерцала» все дополнения, внесенные Мальгиным к основному тексту, передаются курсивом, места, изъятые им из текста третьего издания, заключены в квадратные скобки).

Основной пафос сделанных Мальгиным дополнений — это борьба с усилившимся в 1810-е годы так называемым скептическим направлением в русской историографии, а также с рядом положений «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Полемиические выпады Мальгина, как правило, не содержали развернутой научной аргументации, она подменялась многословными обвинениями скептиков в отсутствии должного патриотизма и в непростительном доверии к мнениям западных авторитетов. Фактическая сторона дополнений не была значительной и сводилась к некоторой конкретизации рассматриваемых явлений. Признавая свои доводы истинными, Мальгин не считал пужным указывать источники сообщаемых им сведений.

Во вступлении Мальгин заостряет внимание на своем намерении неукоснительно следовать достоверным историческим фактам: «Всякому народу, не кичась мрачным произведением своего поколения, можно бы брать хотя позднейшее, но яснейшее начало своего родобытия; ибо какая польза помрачить бытописание заимствованнем непронщяемой уже древности и хвалиться, как многие из любочестия делают, о почти баснословном или поистине таковом повествовании о преимуществе народа своего и деяний онаго? Многие народы древни почти как мир, дело презвестное, но кто точно их родоначальники, кроме известных по священному писанию, весьма сомнительно; а одно гадание без яснаго доказательства истины и достоверности не составляет, и оттого-то сколько вкралось в бытописание басен. По счастью, наша история сям мало запутана, а темные места объясняются и подтверждаются, [так сказать,] точными именами лиц, живыми урочищами мест; [и] достоверными знаками неизгладимых следов самой истины *знаменитых подвигов; потребны только внимательность и благорассуждение тонкое в связи событий и надлежащем отношении их к своему времени, к истинным лицам и действительным обстоятельствам, в которые соотечественные писатели погрешали и погрешают, но постепенно в том исправляет и просвещает их время и опытность, наилучшие учителя. Так и некоторые из иностранных, не токмо глубины исторических истин, но и посредственного знания древняго и новейшаго языка не имеющие, пишут о деяниях России столь уверительно, что мечтают о себе быть как бы современными и очевидцами оных, многие слепо тому верят и за истину почитают*» (с. 3—4).

Особое значение Мальгин придавал первородству славян по отношению к другим европейским народам: «*Славяне в Европе*

также гораздо древнее существования Римлян; но и сии едва ли не от оных происходят? Пбо с начала христианского лет<осчисления> Римская империя продолжалась уже 800 лет, а история Славян, или Енетов, под именем Енея именуемых и существовавших гораздо более 400 лет до Рима или Римлян, не была еще начата писанием по причине самой римской истории. Пбо Славяне более помышляли о произведении славных деяний, нежели о писании оных, оставляя сию должность другим» (с. 14).

Несмотря на то что в русской историографии 1810-х годов мнение о происхождении славян от мифического «князя Славена» уже подверглось резкой критике, Мальгин не внес каких-либо изменений в текст «Зерцала»: «... по разделении сынов и внуков Афетовых один из князей их рода Славен с братом Скифом, многия имев войны на Востоке, обратился к Западу, и, тут многия земли по Черному морю и по реке Дунаю себе покорив, народ прозвали по своим именам Славенами или Скифами» (с. 3—4). Далее, сообщая об основании Славеном города Славенска, «которым почитать подобно ныне Старое городище, близ нынешняго Новгорода Великаго у озера Ильменя находящееся» (с. 4), Мальгин подчеркивал, что «города Старая Руса и самый Новгород Великий за несколько веков не токмо до прибытия в Россию кн. Рюрика существовали, но [едва ли не равняются] более четырех столетий превосходят древностию своею и самый древний Рим» (с. 14). Если сомнения в древности Старой Русы и возникли у Мальгина: «Старая Руса была основана Русом, братом Славена, от сотворения мира в 3113 г., за 2391 лет» до Рождества Христова, а по ныне [4188] 4280 лет» исполнилось. *Истины толь глубокой древности не утверждаю и не отрицаю, а вероятность возможна*» (с. 15), то древность Кнева была для него бесспорной: «Сей град действительно до пришествия еще Спасителя существовал, но, может быть, не в такой великости, знатности и пространстве» (с. 14).

Мальгину ничего не было известно о сыновьях Славена, «коих род чрез 14 колен около [350] 384 лет продолжался». По его мнению, «последним же из того поколения был князь Вандал», который, «будучи возмущен предательством подвластных ему свойственников Гордорика и Гушгарда, все завоеванные им земли, от моря до моря покорив себе, разделил сыновьям своим Избору, Владимиру и Столпосвяту». Мальгин считал этих сыновей основателями современных городов — Изборска, Владимирца и Осташкова, который он принимал за город Столпосвятов (с. 5—6). Этимологические дискуссии 1810-х годов поколебали уверенность Мальгина, и рядом с именами Гордорика и Гушгарда он приписал в скобках: «Собственные или царцательные имена — утверждать не дерзая».

Из потомков Вандала внимание Мальгина привлек лишь «князь Буривой, от Владимира нисходящей степенно поколения девятого», обладавший «всею Гярмиею, т. е. Кореллею до реки Кюмени, в тогдашнее время между Россиею и Швециею грани-

чившей); столицей этого края, по его мнению, был «крепкий город Корела, или Бярмы, нынешний Кексгольм» (с. 6—7). Следует отметить, что в русской историографии XVIII в. мнения о местонахождении легендарной Биармии разделились. Так, М. Д. Чулков располагал ее в верховьях Северной Двины, считал ее столицей Холмогоры и писал об оживленной торговле биармийцев «еще до времен Рюрика» «с датчанами и другими нормандами», а также с прибывавшими в «центр европейской и азиатской торговли» Чердынск индийскими и персидскими купцами, стремившимися завоевать шведские и норвежские рынки сбыта.⁴⁷ Иной точки зрения придерживался Н. П. Рычков, который помещал Биармию в Соликамскую провинцию и считал ее легендарной столицей Чердынск.⁴⁸ Мнение же Мальгина было совершенно новым; никак не разделенное и не оспоренное, оно осталось незамеченным и не было даже учтено в капитальном своде сведений о Биармии.⁴⁹

Следуя давно уже отвергнутым авторитетам, излагал Мальгин столь занимавший воображение его современников и их потомков вопрос о призвании варягов на Русь: по смерти Буриvoja «Варяги, или Свеи, воспользовавшись счастьем и победою, на Полнощных Славян, Русь и Чудь тяжкую наложили дань, что и понудило их просить о избавлении своем Гостомысла, Буривоева сына и Рюрикава деда, конечно в особом уделе княжествовавшего <...> Он не токмо по варяжское с Руссов сверг, но и, возвратив многия прежняя российския, отторженные оружием, неприятельския области, приобрел еще новыя в [Финляндии] Финнии места и построил там город Выбор, нынешний Выборг, названный им по имени старшаго его сына кн. Выбора, имевшаго свой удел во Псковской области и оставившаго там в одном селении, которое было городом и пригородом, свое именованье, поныне неизменно продолжающееся и служащее живым доказательством самой истины дела и неизгладимой древности в существенном живом урочище» (с. 7). В свою очередь «Гостомысл, быв [во] в глубокой уже старости и предвидев скорый конец жизни своей, созвал всех старейшии (удельных князей или областеправителей) земли своей от Славян, Чудии, Веси, Мери, Кревичь и Др[я]говичь или Друговитов [и совставя] для советов с ними о избрании на Славено-Российское княжение, [по] или, лучше сказать, великокняжество, внука своего, средней его дочери Умилы, Финской или Упсальской королевы, старшаго сына князя Рюрика, послал или послать определил избраннейших мужей [(вельможей)]

⁴⁷ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. СПб., 1781, т. I, кн. 1, с. 95—97.

⁴⁸ См.: Продолжение Журнала, или Дневных записок, путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб., 1772, с. 105—114.

⁴⁹ См.: Кузнецов С. К. К вопросу о Биармии. — Этнографическое обозрение, 1905, № 2—3, с. 65—69.

[в] к Варяг[и] о-Р[о]усс[ы]ам [или Финны] (*Финнам или Померанам*) просить к себе оного государем с двумя братьями его [который]. *Сей же, по смерти уже Гостомысловой, в 860 г. последовавшей, по просьбе послов новгородских, вещавших по прибытии к сим князьям тако: „Земля наша велика и обильна, а порядка (добраго правительства) в ней нет; придите владети нами“, с братьями, ближними и вельможами своими прибыв в Россию, принял великокняжение вместо деда своего в 862 г.»* К знаменитым словам, якобы произнесенным новгородцами, Мальгин сделал добавление: *«Сии слова весьма важны и великаго требуют примечания: Земля наша, чья же? конечно, Славено-российского государства, а не Готвского или Скандинавского и Свейского; велика и обильна, народ ея отнюдь и никогда не имел нужды при естественном обилии, при трудолюбии и умеренной жизни в промысле морского разбойничества и насильствах к соседям своим, как вообще бедные варяги. О пределах и богатстве ея, о разуме и великодушии свободного народа говорить здесь надобности не имею, оставляя на рассуждение самому читателю, из общего повествования для особенного внимания истины о варяго-руссах советую прочитать ученое рассуждение покойнаго профессора Академии наук Василья Кирилловича Третьяковского,⁵⁰ ясно доказавшаго всю несбыточность означеннаго мнения гг. скандинавских учителей»* (с. 9).

Отнюдь не считая, что Русь до образования государства в чем-либо уступала Европе периода феодальной раздробленности, Мальгин, перечисляя населявшие Русь народы, подчеркивал: *«Все сие составило единственное и сильное государство Российское, хотя и под удельным правлением, так как и в Немецкой земле, или Германии, то же самое было весьма долговременно с большим, может быть, внутренним и внешним неустройством. У всякаго народа есть собственное зеркало, в которое смотреться можно, не заглядывая в чужие; кажется, и справедливость того требует и разум научает. Но у ближнего усматривают сучок в глазу, а у себя и бревна не чувят. Так и иностранцы с русскими, да и во многом, а к сожалению некоторыя русския воспитаннья, подражая во всем своим учителям, не то повествуют, пренебрегая собственную отечественную истину или правоту»* (с. 8). Не разделяя он и мнения современных ему ученых о низком уровне развития России до княжения Рюрика: *«Впрочем, да не мнит кто-либо из чужеземных или из соотчичей наших, [или древней*

---

⁵⁰ Ср.: «Именовавшиеся Варяги, и те Руссы, а следовательно великие князи, самодержавствовавшие в России и пришедшии в Новгородскую державу с начала от Варяг, имели название сие Славенское, род их был Славенский, и вещали они языком всеконечно Славенским» (*Тредиаковский В. К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: I. О первенстве словенскаго языка пред тевтоническим; II. О первоначалии россов; III. О варягах руссах. Славенскаго звания, рода и языка. СПб., 1773; с. 202—203).

Российской истории не сведущих, или только своевольным неосновательным прекословием истину помрачающих] в древнюю российскую повесть не углублявшихся, будто бы подлинно правление Российского государства, порядок и верховная государей наших власть начало свое восприяли только от Рюрика <...> *Сие поверхностное мнение, и честь ему по всем нашим бытописаниям единственно уступается за темнотою древнейшей, хотя вероятной [истории] повести и родословия прежних до него бывших князей, а наипаче по тому, что с его времени порядочное уже и достоверное счисление начинается*» (с. 9); «Рюрик, <...> восприяв в России великокняжеский престол и титул, нашел в ней многие уже укрепленные города, непременные законы и по оным основательное и твердое правление, внутренним только несогласием расстроенное, а затем все к выгодам жизни, к благоустройству и могуществу государства принадлежавшее, приобрел готовым и искони существовавшим. В сей истине всяк благоразумный удостовериться и утверждаться может и должен тем, что не токмо какое-либо государство, кольми паче толь всегда пространная и многонародная Россия, но и малое семейство одного дома или обитаемый самыми дикими людьми шалаш, с места на место переносимый, не могут быть и состоять без начальства, главы или хозяина, всем управляющего, и некотораго постоянно внутри и вне установленного порядка, осторожности, а в выгодах и пользах своих, досужества» (с. 10). Свои выводы Мальгин подытожил резкой отповедью скептикам: «Итак, скандинавское столпотворение о происхождении Российского народа от бедной Свеонии или Финнии собственно своею тщетою рушится. Сиятся привить столетний пенъ к годовалой леторосли — конечно, суетно и ложно, но вставим труд их в собственное мечтательное удовольствие. Наш Атлант — Россия не превратится оттого в кучу муравейную и не унижится нелепыми умствованиями, которыя развеет ветер благоразумия и истины» (с. 12).

Упрочению славянского государства, согласно Мальгину, способствовала миссионерская деятельность апостола Андрея Первозванного, который «проповедовал и крестил между прочими народами и Славян, под общим названием Скифов, [издревле] Греками неправильно почитаемых». Как источники были привлечены «наши поистине [беспристрастные] всякаго вероятия, прочим предпочтения и достовернаго приятия достойные летописатели древностей: Иоаким епископ Новгородский, муж иноплеменный и ко пристрастию никакой причины не имевший,⁵¹ а также и пре-

---

⁵¹ Мальгин отослался с полным доверием к Иоакимовской летописи, вопрос о достоверности которой среди его современников был предметом горячих споров. Если в XVIII в. за единичным исключением (см.: *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, с. 125) сомнений в ее подлинности не возникало, то уже в начале XIX в. были высказаны противоположные мнения (*Брусилов Н.* Историческое рассуждение о начале Русского государства. — Вестник Европы, 1811, № 4,

подобный Нестор, в словесности, в благочестии и добродетельной жизни известный, оба мужи любомудрые, конечно зная внутренняя и внешняя деяния народов и имея у себя древняя бытописания или предания общия и частныя, в истине их сами уверенные» (с. 12). Несмотря на эти их качества, Мальгин позволил себе не согласиться с летописцами по вопросу о водружении апостолом Андреем креста в Киеве и порицал того, «кто, держась одних слов, а не разума преподобного» Нестора, возражать стал, что св. апостол Андрей не проповедовал веры и не крестил людей в Киеве, а токмо на горах, как бы мимоходом, крест водрузил» (с. 12). Согласно Мальгину, «водружение креста по прямому разуму славенскаго языка означает действительную проповедь и крещение людям, тамо обитавшим, а не пустым и бессловесным вещественным горам, лесу и камению, отнюдь того не требовавшим», а посему «достойно почитать и держаться надлежит и должно, что св. апостол Андрей точно во граде Киеве или Горах,⁵² а не на простых вещественных горах и не вещественный, но подразумеваемый крест, т. е. веру Христову проповедню, учением и крещением народа поставил или водрузил, т. е. посадил или посеял» (с. 13).

С уверенностью рассказывал Мальгин и о том, где был водружен вещественный крест: «Близъ же Новгорода расстоянием от онаго шестидесяти верст в веси или селени Друзино, а ныне с переменою токмо буквы Д. на Г. — село Грузино, водрузил, т. е. воткнул в землю, жезл свой или посох, преобразовав тем и в сих местах как просвещение святою» верою, так и самодержавный в России жезл государственнаго правления и кормило благочестия. В незабвенную же того [по преданию или плачу как] память вскоре по крещении Новгорода построена на том самом месте, где Андреев жезл был водружен, во имя и честь его церковь, *пояныне под сим званием существующая и по знаменитости древняго случая и настоящего селения соборною учиненная.*

с. 295—306; *Евгений*, митрополит [*Волховитинов Е. А.*]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1818, ч. 1, с. 220—225). В 1830-х годах полемика усилилась, мнение о подлинности летописи (*Сеньковский О. П.* Собр. соч. СПб., 1858, т. 5, с. 456—510) подверглось ожесточенной критике (*Руссов С.* О сагах в отношении к русской истории или вообще о Древней Руси. СПб., 1834, с. 83—89; *Скромненко С.* [*Стров С. М.*]. Критический взгляд на статью под заглавием Скандинавские саги, помещенную в первом томе Библиотеки для чтения. М., 1834). В дальнейшем этот вопрос неоднократно служил предметом научной полемики, см.: *Gorlin M.* La chronique de Joachim. — *Revue des études slaves*, Paris, 1939, t. XIX, fasc. 1—2, p. 40—51; *Моргайло В. М.* Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи. — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963, с. 260—268.

⁵² Одна из любительских этимологий Мальгина: «Название Киева происходит от слова Киеви, означающего на Сарматском языке горы, что и с самым сего города местоположением совершенно согласует; то Киев или Горы одно и то же самое знаменуют» (с. 12).

Село Грузино принадлежит ныне добродетельному вельможе, двух императоров ревностному служителю графу Алексею Андреевичу Аракчееву, который многие опыты оказал любви своей к отечеству, верности к престолу и благочестия к святыне господней. Коль редки истинные сыны отечества, друзья человечества, ревнители добрых и полезных к обществу дел! Да процветают таковые во всяком благополучии и долговременно и приснопамятно. Се единственная здесь добродетели награда, достойное воздаяние, справедливая почесть» (с. 14).

В обоснование истинности приводимых им фактов Мальгин ссылается на древнейший летописный свод, на Пролог и на Чети-Минеи. Однако в Прологе про посещение Андреем Руси упомянуто весьма общо: «Многия обиде грады, Неокесарию, Самосаты, Аланусы, Авагусы, Зикхусы, Боспорию, Херсониины <...> И прочия веси прошед, и в Пелопонес дошел».⁵³ Несколько более подробно об этом рассказано в Четиих-Минеях: «Смотрением же божиим доиде и до реки Днепра в Российстей стране, и к горам Киевским пристав, обнощева. Заутра же от сна восстав, рече к сущим с ним оучеником: видете ли сия горы; веру имеют ми, яко на сих благодать божия воссияет, и имать град велик зде быти, и церкви многи хощет бог воздвигнути ту, и просвети святым крещением всю землю Российскую. Возшед же на горы, благослови я и крест водрузи, провозвещая суверение рода того от своего апостольского дрека в Византии основанного. Прошед же и вышния грады российскийя, идеже ныне Новгород великий еще же быв и в Риме».⁵⁴ Этот отрывок восходит к «Повести временных лет»,⁵⁵ но и там ничего не говорится о водружении креста в Грузине. В основе рассказа о посещении апостолом Андреем Руси лежит фольклорное предание.⁵⁶ Местная легенда с древних времен относилась это водружение к 6 июля, когда отмечалась его очередная годовщина; наиболее раннее известие об этом отно-

⁵³ Пролог, сентябрь—ноябрь. М., 1774, с. 363.

⁵⁴ Минеи-Чети, сентябрь—ноябрь. М., 1782, с. 440—442.

⁵⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 12.

⁵⁶ Там же, ч. 2, с. 218. Укажем лишь важнейшие работы, посвященные греческому апокрифическому сказанию о посещении апостолом Андреем Скифии и бытованию этого сказания на Руси: *Малышевский И. И.* Сказание о посещении русской страны св. апостолом Андреем. — В кн.: Владимирский сборник: В память девяностолетия крещения России. Киев, 1888, с. 1—51; *Васильевский В. Г.* Хождение апостола Андрея в стране мпромадония. В кн.: *Васильевский В. Г.* Труды. СПб., 1909, т. II, вып. 1, с. 213—295; *Седельников А. Д.* Древняя киевская легенда об апостоле Андрее. — *Slavia*, Praha, 1924—1925, год. III, себ. 2—3, с. 316—335; *Погодин А. Л.* Повесть о хождении св. апостола Андрея в Русь. — *Buzantinoslavica*, Praha, 1937—1938, VII, с. 128—148; *Dvornik F.* The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew. Cambridge, Mass., 1958; *Кузьмин А. Г.* Сказание об апостоле Андрее и его место в Начальной летописи. — В кн.: Летописи и хроники. 1973. М., 1974, с. 37—47; *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород. — Там же, с. 48—63. Свод древневизантийских источников о путешествиях апостола Андрея см.: *Acta Andreae Apostolicum laudatione contexta*, hrsg. von Max Bonnet. — *Analecta Bollandiana*, Bruxelles, 1894, Bd XIII.

сится к 1691 г. и находится в сочинении игумена Деревяницкого монастыря Маркелла, посвященном истории Грузинской церкви св. Андрея Первозванного, в которой по преданию до середины XVIII в. даже хранился чудом обретенный его жезл.⁵⁷ В начале XIX в. крестьянами села Грузино был выловлен в Волхове большой деревянный крест, и народная молва сразу же соотнесла его с водруженным апостолом Андреем, но при тщательном рассмотрении он оказался поставленным 6 июля 1693 г. тем же игуменом Маркеллом на предполагаемом месте первоначального водружения.⁵⁸ Сомнений в достоверности водружения апостолом Андреем креста в Грузине ни у кого из побывавших там в начале XIX в. лиц не возникало, настолько в те годы там был распространен культ Андрея Первозванного.⁵⁹

Значение сообщения Мальгина о водружении апостолом Андреем креста в Грузине состоит в том, что в исторической литературе этот факт был впервые упомянут именно им (без ссылки на фольклорное происхождение, но подкрепленный более чем сомнительными топонимическими изысканиями автора). Очевидно, помещая этот рассказ в третьем издании «Зеркала» (1793), Мальгин не преследовал каких-либо корыстных целей: в то время Грузино было экономическим селом и лишь после восшествия на престол Павла I было пожаловано им А. А. Аракчееву. Вероятно, Мальгин плохо следил за современной ему литературой: едва ли бы он отказался от включения в «Зерцало» сообщения о хранящемся в ковчеге в Грузинском соборе знамени великого князя киевского Владимира, подаренном Аракчееву Ф. П. Ключаревым (знамя было в превосходной сохранности и изображало «шествие Владимира по земле Русской для распространения христианской веры»; на заднем плане находились юные Борис и Глеб, а также коварный Святополк; по словам Ключарева, знамя было приобретено по случаю его покойным сыном в 1813 г. в Польше).⁶⁰ Следует отметить, что в псевдоисторических разысканиях той поры было и другое мнение о месте водружения креста апостолом Андреем. Так, Сулакадзе в своей рукописи «Опыт древней и новой летописи Валаамского монастыря» утверждал, что каменный крест был им воздвигнут на месте будущей обители,⁶¹ современные Сулакадзе историки к заявлению известного выдумщика отнеслись скептически.⁶²

⁵⁷ Историческое описание села Грузино, собранное из достоверных повествователей и собственных наблюдений по 1816 год Грузинского собора протоиереем Феодором Малиновским. М., 1816, с. 63—65.

⁵⁸ См.: [Свиный П. П.]. Поездка в Грузино. — *Сын отечества*, 1818, № XL, с. 51.

⁵⁹ См.: Писарев А. Собор св. апостола Андрея Первозванного: (В селе Грузине). — *Сын отечества*, 1816, № XI, с. 161.

⁶⁰ См.: [Свиный П. П.]. Поездка в Грузино, с. 53—56.

⁶¹ Шляпкин И. А. Рукописи Валаамского монастыря. — Библиограф: Вестник литературы, науки и искусства, 1889, № 10—11, с. 198—200.

⁶² См.: Переписка А. Х. Востокова с объяснительными примечаниями И. И. Срезневского. СПб., 1873, с. 390.

Незначительное расхождение в частности не свидетельствует о каких-либо серьезных различиях в научных воззрениях Мальгина и Сулакадзева; напротив, их сближала и глубокая уверенность в том, что письменность у славян возникла задолго до деятельности Константина и Мефодия, «так называемых философов» (с. 17), по ссли «древностеллюбивый проказник» (как называет Сулакадзева митрополит Евгений) сам щедрой рукой изготовлял все необходимые в его исторических построениях памятники, будь то «костыль железный Добрыни, дяди Владимира» или молитвенник племянника Добрыни,⁶³ то Мальгин ограничился следующим замечанием: «Славяне не токмо свои письмена имели, но в полном действии грамоту, т. е. книжное учение, употребляли гораздо прежде того и многих народов в том предварили. А что по мнению некоторых будто бы оными греческими философами составлены для славян буквы письменныя, то сего несбыточным, ниже вероятным не почитаю, разве только в коренной славенской азбуке прибавлены ими не столько для нужды в языке и слоге, сколько ради счисления некоторыя греческия буквы, чего составлением азбуки и паче букв славенских отнюдь принимать не можно» (с. 17—18). Выводы Мальгина и Сулакадзева не встретили поддержки; напротив, имея в виду последнего, Евгений (Болховитинов) писал о сознательном распространении в 1810-х годах мистификаторами легенд о якобы имеющихся в их распоряжении памятниках, предшествовавших по времени всему корпусу славянского рукописного наследия.⁶⁴

Доказав во «Введении» повгородское происхождение Рюрика и самостоятельность образования Русского государства, в дополнениях к первой главе Мальгин вновь возвратился к этому вопросу и с жаром порицал тех ученых, которые, утратив чувство национального достоинства, *«легкомысленно делают Россию только незаконною падчицею Швеции и Финнии, не присвоая ей родных отца и матери, что было бы весьма жестоко, обидно и безрассудно от своих и чуждых умствователей по одним догадкам и производством некоторых однозвучных иноплеменных слов и речений. Ибо самая вероятность или суть разума и сущей правды еще не составляют, кроме бесплодных споров, тщетнаго разногласия и большаго повода к нерешительности»*. Мнения же иностранных ученых а priori никаким уважением у Мальгина не пользовались: *«Всяк знает пословицу: не все то золото, что блестит, а блестит и кошачье золото, но самую вещь дресва или обманка, непристального зренья и лежковерия всегда преткновеннаго для себя и других. Русским же бытописателям знать и пре-*

⁶³ См.: Пыпин А. П. Подделка рукописей и народных песен. СПб., 1898, с. 8—10. (ПДНН, т. СХХV11); Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись: (К вопросу о методе определения подделок). — Вопросы языкознания, 1960, № 2, с. 142—144.

⁶⁴ Евгений, митрополит [Болховитинов Е. А.]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827, ч. II, с. 58—59.

льщаться чужими бреднями, презирая собственные очевидныя истины, безумно и грешно. Пора, пора почувствоваться от удушливаго чужеземнаго чада» (с. 49).

Говоря о межплеменной розни по воцарении Рюрика, Мальгин доказывает, что основной ее причиной явилось введение в качестве официального языка непонятного массам языка пришельцев, а также «простирравшаяся над Россией мгла язычества»: *«Образ Рюрикова правления в России — был смешанный из скандинавскаго и славенскаго, а язык придворный и судебный употребляем фино-свейский или варяжский, что великое делало затруднение славянам и прочим подвластным народам. И сие между прочим, кажется, также было немалою или и важною причиною внутренних неудовольствий, беспокойств, а ныне неудобнаго понятии к разумению некоторых отрывков тогдашней письменности. Но по божию провидению сия суровая смятенность была недолговременна. Народ, язык, законы, обряды, обычаи и нравы восторжествовали паки славено-русские. И кто же все сие применил? Великая Ольга и св. крещение»* (с. 56).

Рассматривая язычество как источник всех бедствий великих князей киевских, правивших до официального принятия христианства на Русь, Мальгин особенно подробно показывал это на примере Святослава Игоревича, который «не только сам отвращался от принятия христианства по убеждению матери, но жестокий был гонитель и мучитель христиан <...>, но за таковую его жестокость праведная судьба отстлила жестокою и над самим им». Побезжденный печенегами, он «взят был сам живою в плен со многими везенными им из Греции сокровищами, и тогда победитель печенежский князь Курес, а по иным Редиря, велел отсечь ему голову и из черепа оной сделать себе питьеую чашу, обложив золотом с надписью таковою: ищай чуждаго свое погубляет». Вывод Мальгина был категоричен: *«Война права и полезна только бывает ради наивящаго утверждения мира и благоденствия государства, а не для тщеславия государей, крайне тем вредоносных и достоинненавистных как человечеством, так и самим богом мира, мстителем за пролитие неповинной крови, за страдание народное, за причинение различных бедствий и зол. Жестокий жестокий и конец бывает, как всегда видим в зеркале правосудия божия — сей ответ и истину со бытными. Благополучен внимающий, разумевающий и творящий благое от полезнаго поучения истории, безмездной наставницы во всякое время и при всяком случае»* (с. 76).

Замысел крещения Руси Мальгин приписывает Ярополку Святославовичу, который «к христианам же милостив и сам к принятию сего закона и веры удобь преклонен был; но, с одной стороны, по малодушию опасался народа, в язычестве закостенелаго и по оном твердо борствоваващаго, а с другой — по печальной перемене счастья, благосостояния своего и безвременной кончине учинить того не мог и не успел» (с. 79). Логическим завершением деятельности Ярополка и стало принятие христианства Вла-

димиром Святославовичем: «О сем его желании Владимир зная, сожалел и раскаявшись после о бедственной его смерти, как бы в удовлетворение по крещении своем и России кости его и Ольговы вынув из гробов, их крестил и по христианскому обряду погребение им учинил в Десятинной церкве. Таковое действие по пным бытописателям приписывается Ярославу Владимировичу, в 1044 г. учиненное, по тем или другим однако справедливое и вероятное по тогдашней к вере горячности. Впрочем, о существенной сего действия пользе решить человеческому разуму кажется и неудобно и невозможно» (с. 80). Несмотря на проявленное в последнем предложении вольномыслие, Мальгин показал, что принятие христианства было единственным путем, извлекавшим Владимира из «бездны языческого нечестия и разврата». По словам Мальгина, крещение Руси тот предпринял, «омерзив уже самому естеству и разуму толь ограниченным сладострастием языческим» (с. 89).

Особую значимость Мальгин придавал венчанию на царство Владимира Мономаха, считая это событие не менее важным для России, чем принятие христианства. *«Сие царственное венчание, — добавлял он, подготавливая четвертое издание, — кажется, было предвестительным знамением о преложении титла, достоинства, чести и венца Греческой империи на Всероссийскую <...> Греция, не ощущая сама, передавала собственными руками державу и права свои России. Иоанн III Кюпитель и Великий по союзу супружества своего с греческою княжною прикрепили России греко-римский герб двуглавого орла, объявив себя торжественно повелителем (императором) всероссийским; а Петр Великий по дару глубокого разума и проницательности сие высокое отличное и громкое титло утвердил за собою и преемниками своими на вечныя времена»* (с. 146).

Высоко была оценена Мальгиным «Русская правда», в то время как этот памятник не рассматривался даже в таких трудах, как «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова и «Российская история» В. Н. Татищева. Повествуя о «Русской правде», Мальгин сделал вставку о необходимости возникновения законов («Свои или заимствованы откуда были»): *«Без них никакого правление и власть существовать не могли; а без сомнения утрачены и до новейших веков не дошли. Утрата великаго сожаления достойная, не лишает вероятия, что подлинно были заимствованы или сходствовали с греческими, ибо соседство и торговля непременно того требовали. Общежитие и гражданство всегда имели во внутренности какой-либо порядок, учреждение или уставы, естественные и нравственные, коренные и случайные»* (с. 111).

Несмотря на сохранившийся до середины XIX в. непрекращаемый авторитет предпринятого И. П. Болтыным издания «Русской правды» 1792 г.,⁶⁵ Мальгин уже в 1793 г. считал, что памятник

⁶⁵ Валк С. Н. 1) Русская правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX века. — В кн.: Археографический ежегодник за 1958 год. М.,

дошел до нас исключительно в отрывках, и выражал надежду на открытие в ближайшем времени других списков, хранящихся у не желающих их публиковать коллекционеров. Последних Мальгин, почти сразу же вводивший в научный оборот материалы своих коллекций, рьяно порицал: «Надобно паверное думать, что прочие онаго части или тленшем во все уже утратилися, или еще не отысканы, или находятся в руках, паче же в сундуках и поставцах неусердных к пользе и славе отечества любопытников, владеющих сими сокровищами завистливым оком и несытым сердцем, но без всякаго употребления, кроме одного самохвальства, что у него и то и то есть *редкое*, а другим ни за что и к самой пыли того прикасаться не даст. Что в таком охотнике? Все мертво, и я ничего другаго, к крайнему сожаленню, не предвижу, кроме внезапнаго и невозвратнаго несчастным случаем потеряния всего собраннаго и бесполезно хранимаго таковым завистником. *И подлинно, какой конец весьма жалкий? У любителя скупаго все почти собранное сокровище, кроме самой малой части, на время другим сообщенной, в 1812 г. при нашествии галлов в Москве в прах и пепел обратилось*,⁶⁶ а у другаго любителя, т. е. г. Татищева, еще прежде вскоре по смерти его таким же образом истребилось. Ничтожные плоды суетности и хладности к отечеству! Да научатся от сих злополучных при-

---

1960, с. 125—149; 2) Еще о Болтинском издании Правды русской. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. XXX, с. 324—331.

⁶⁶ Следует отметить, что этическая сторона способов пополнения А. И. Мусиным-Пушкиным (на которого намекал Мальгин) собственной коллекции за счет изъятия рукописей из церковных и государственных хранилищ встречала неодобрение современников, в частности Румянцевского кружка (см.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981, с. 83—84), однако среди его членов в данном вопросе не было полного единства — П. М. Строев, например, даже превзошел Мусина-Пушкина в подобных методах приобретения памятников (см.: *Уо Д. К.* К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. XXX, с. 184—203; Л., 1977, т. XXXII, с. 133—164). О гибели собрания Мусина-Пушкина Мальгин мог знать из его автобиографии, опубликованной К. Ф. Калайдовичем (Записки для биографии его сиятельства графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — Вестник Европы, 1813, ч. XXV, с. 76—91); напечатанная анонимно, она вряд ли могла пробудить симпатии Мальгина к способам коллекционирования Мусина-Пушкина. Последний сам признавался в письме к Д. Н. Бантыш-Каменскому от 1 ноября 1813 г.: «... в оном есть такие обстоятельства, кои кроме меня никому не известны <...> а то б всякому неблагопадежному было чем запереть рот, того способа я злодеем (т. е. Калайдовичем, — М. Л.) лишен: вот что для меня весьма неприятно» (Русская старина, 1904, № 9, с. 646). Историю пропикновения в печать сведений о собирательской деятельности Мусина-Пушкина см.: *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский древограф и «Слово о полку Игореве»: К истории сборника А. П. Мусина-Пушкина со «Словом». Л., 1976, с. 5—18. Вопрос о правомерности обладания частным лицом ранее принадлежавшими церкви или государству рукописями в конце XVIII—начале XIX в. носил довольно щекотливый характер, что прекрасно осознавал и сам Мусин-Пушкин, см.: *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980, с. 26—31.

жёрвов прочие самѡлюбивыѣ охотники не присвоять себе единственныхъ приобретенныхъ редкостей и древностей российских, но жертвовать ими отечеству! Сколь много, к несчастью, такихъ случаевъ и примеровъ уже сбилось, а российская повесть чрезъ то лишилась навеки единственныхъ и самыхъ редкихъ подпоръ своихъ, силу и важность в себѣ заключающихъ. Вотъ одна изъ первыхъ причинъ, что мы или в самой истинѣ событий сомневаемся, или доказать оной ни чемъ не можемъ» (с. 112).

Отметим, что надежды Мальгина на открытие новых, более исправныхъ списковъ «Русской правды» почти сразу же сбылись: в первомъ десятилетии XIX в. рядъ ихъ былъ открытъ Н. М. Карамзинымъ, сразу же сообщившимъ о нихъ в «Истории государства Российскаго», и К. Ф. Калайдовичемъ, опубликовавшимъ ихъ вместе с вариантами к изданию Болтина.⁶⁷ В 1810-х годахъ проблема поисковъ списковъ «Русской правды» и составления своднаго комментированнаго изданія занимала умы многихъ исследователей. Такъ, митрополитъ Евгений (Болховитиновъ) 23 сентября 1813 г. писалъ В. Г. Анастасевичу: «... списки Русской правды повоотыскиваемые умножаются, а мы о сию пору не имеемъ еще полнаго изданія ее».⁶⁸ Прозорливость Мальгина опередила события почти на два десятилетия.

Готовя четвертое изданіе «Зерцала», Мальгин внес пространное дополненіе о повонайденномъ в 1792 г. такъ называемомъ Тмутараканскомъ камне князя Глеба Святославовича: «Сей князь достопамятенъ измереніемъ Босфорскаго, или Таврическаго, пролива, какъ найденный в 1793 г. на острове Тамань в развалинахъ древней Фанагоріи белый мраморный камень с такою надписью доказываетъ: в лето 6575 (1068) VI индикта сѣв». Глебъ мѣрил по льду моря путь отъ Тмутараканя до Керчева 8054 сажени. И кто бы поверилъ сей истинѣ онаго памятника? Такъ многие отечественной нашей повести истинны имѣютъ истребленія, или еще от неоткрытія подобныхъ сему памятниковъ кажутся быть сумнительными наипаче такимъ людямъ, которые ни в глубину бытописаній, ни в суть событий, ни в уваженіе древнихъ деяній не вникали, а судятъ по своимъ только понятіямъ, нимаю не основательнымъ, а здравый рассудокъ какъ бы тяжкимъ бременемъ для себя почитаютъ. Они хотя и почти того, чтобъ для верогія ихъ самыя небеса наклонялись, а не они на нихъ взирая рассуждали о существѣ предметовъ. Такие не могутъ быть ни повествователями, ни читателями. Сему пороку особенно подвержены иностранцы или питомцы и подражатели ихъ некоторые русскіе, русскаго не любящие, но сие гордость ли или невежество ихъ означаетъ, да судитъ благоразумный читатель самъ?» (с. 117).

⁶⁷ См.: Русскіе достопамятности, издаваемые Обществомъ исторіи и древностей российскихъ. М., 1815, ч. 1, с. 26—27; Козловъ В. П. Колумбы российскихъ древностей, с. 113—116.

⁶⁸ Русскій архивъ, 1889, № 4, с. 72.

Основываясь на самом первом прочтении надписи А. И. Мусиным-Пушкиным,⁶⁹ где из-за палеографической ошибки число саженей было подсчитано неверно (последующие неправильное⁷⁰ и правильное⁷¹ ее прочтения Мальгин игнорировал), он не оставил без внимания и обличения все домыслы скептиков, возникшие сразу же после находки Тмутараканского камня.⁷² Отсутствие сведений о найденном в 1792 г. Тмутараканском камне в третьем издании «Зеркала», неверная датировка находки в подготавливаемом четвертом издании позволяют предположить, что известие о ней Мальгин получил не от первооткрывателя, бывшего его сочленом по Российской Академии, а из напечатанного в 1794 г. его труда. В то же время в своих добавлениях Мальгин ни слова не сказал о другом драгоценном памятнике отечественной истории, введенном в научный оборот тем же Мусиным-Пушкиным, — о «Слове о полку Игореве». Как было показано выше, причиной этого, по-видимому, являлась неприязнь Мальгина к высокопоставленному коллекционеру, а не сомнения в подлинности «Слова», которое он считал образцом необычайно высокого поэтического мастерства Древней Руси.⁷³

Сколько различными были размеры и состав коллекций Мусина-Пушкина и Мальгина, столь различным был и их вклад в отечественную археологию. Если заслугой сановного коллекционера явилось открытие знаменитого Тмутараканского камня, то на счету более скромного собирателя — обнаружение менее древнего Роговолодова камня (иначе — Борисоглебского, Оршанского).

Около 1814—1815 гг. Н. П. Румяшцев в третьем издании «Зеркала» на с. 168 прочел о найденной на камне близ Орши надписи о том, что внук Владимира Мономаха Василий Святославович

---

⁶⁹ Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении Российского Тмутараканского княжества. СПб., 1794, с. 58.

⁷⁰ См.: Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die Südle: Statthafthen des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801, Bd II, S. 293—297.

⁷¹ См.: Оленин А. П. Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину: О камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792-м году. СПб., 1806, с. 5.

⁷² Подозрения возникли сразу же после находки и существовали в виде домыслов и слухов; в печати эти подозрения были высказаны лишь после смерти Мальгина (см.: Свиньин П. П. Обзорение путешествия издателя Отечественных записок по России, в 1825 году, относительно археологии. — Отечественные записки, 1826, ч. XXV, с. 446—452; Аруцбадзе Н. О Тмутаракани. — Труды Общества истории и древностей российских, 1828, ч. IV, кн. I, с. 80—101); скептический взгляд на подлинность надписи сохранился в трудах некоторых отечественных (Монгайт А. Л. Надпись на камне. М., 1969) и зарубежных ученых (Mazon A. et Laran M. Quelques données historiques sur Slovo d'Igor et Tmutorokan par M. I. Usrenski (1866—1942). Paris, 1965; Mazon A. Le Slovo d'Igor. Paris, 1970, p. 76—77). Подлинность надписи в настоящее время доказана, см.: Санынов Б. В. О Тмутараканском камне 1068 г. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. 1975. М., 1976, с. 457—471; Медушцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979.

⁷³ Сочинения и переводы. . . , ч. IV, с. 254—255.

скончался 6 мая 1171 г.⁷⁴ «Граф Николай Петрович неоднократно обращался о сей надписи с вопросами ко всем антиквариям и историографам, к книжникам и учителям, живущим в столицах и вне оных, и писал об оном и в Оршу. От многих получил он в ответ учтливое обещание стараться об отыскании помянутого надгробного камня; от некоторых же уверения, что к отысканию сего камня никакой нет возможности; а от славящихся паче прочих ученостию историков и знатоков древностей решительный отзыв, что таковой надписи никогда и не бывало. Но граф в искании своем не ослабевал»,⁷⁵ и надпись в скором времени была вновь найдена вице-ректором Оршанской иезуитской коллегии — неким «Десидерием Ришардетом». Роговолодов камень привлек внимание митрополита Евгения (Болховитинова). В помещенной в «Северной почте» заметке сообщалось: «Г. государственный канцлер получил по последней почте от одного весьма ученаго и в древностях российских сведущаго преосвященнаго архиерея письмо, в коем между прочим сказано: „Искреннейше благодарю вашему сиятельству за сообщение мне и надписи и описания Оршанскаго камня. Сия паходка памятника XII века одна только по сие время у нас после камня Тмутараканскаго. Я подобно господину К. . . думал, что надгробные надписи в древней России не были в употреблении“». ⁷⁶ Заметка эта «подала повод к дальнейшим разысканиям о сем предмете», в результате чего «более 12 любителей отечественных древностей не преминули посетить упомянутый камень, и вот следствие посещения их и внимательнаго обозрения и разыскания». Далее анонимный автор статьи (П. М. Строве?) доказывал, что данный памятник является не надгробной плитой, а обычным пограничным знаком и что надпись на нем относится не к Владимиру Святославовичу, а к полоцкому князю Василию Борисовичу.⁷⁷ Весьма убедительные доводы критика вызвали раздражение Мальгина: *«О действительном сравнении и точности надписи оставляю особливо*

⁷⁴ Сведения о данной надписи в исторической литературе XVIII в. отсутствуют; очевидно, она была открыта самим Мальгиным во время его участия в академической экспедиции 1773 г. в Белоруссию. Заслуга Мальгина не была отмечена современными ему учеными (см.: *Карамзин Н. М. История государства Российскаго*. СПб., 1818, т. II, с. 226); на приоритет Мальгина указывал лишь П. Кепшен (*Кепшен П.* О Роговолодовом камне и двинских надписях: (Перевод статьи из «*Mélanges Russes*»). — Ученые записки имп. Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1855, т. III, вып. 1, с. 50—70). Свод литературы о Роговолодовом камне см.: *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928, вып. 1, с. 123—124; *Таранович В. П.* К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР. — Советская археология, 1946, вып. VIII, с. 249—252; *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952, с. 26—28, № 17; *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, с. 33, № 29. Непонятны причины, побудившие Мальгина отпестить находку памятника к 1792 г.

⁷⁵ Северная почта, 1818, 14 сентября, № 74, с. 1.

⁷⁶ Там же, с. 2.

⁷⁷ Там же, 6 ноября, № 89, с. 1.

удостовериться и судить любителю и знатоку русскому, а не иезуитскому отцу Ришардету. Но честь и слава графу Н. П. Румянцеву за ревностное к отечественному бытописанию усердие. О превратности же толкования и порче российских исторических истин иноплемениками видим и здесь Ришардетов образчик снятия списка с надгробной надписи кн. Василию Полоцкому. Как же можно верить и полагаться на оных, да судит сам благоразумный и беспристрастный?» (с. 165—166).

Следует упомянуть об одном любопытном историческом предположении Мальгина, бывшем, однако, всецело плодом его привычки выдавать желаемое за действительное. Как известно, в отечественной историографии XVIII в. (В. П. Татищев, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, А. Л. Шлёцер) на основании летописей и «Русской правды» сложилась так называемая «меховая» версия денег, в наиболее законченном виде сформулированная Н. М. Карамзиным: «Славяне российские ценили сперва вещи не монетами, а шкурками зверей — куниц и белок: слово куны означало деньги». Однако, по его же мнению, меха пушных зверей играли на Руси роль денег лишь в самый начальный период: «Скоро неудобность носить с собой целые шкуры для купли подала мысль заменить оные мордками и другими лоскутками, кунными и бельими. Надобно думать, что правительство клеймило их и что граждане сначала обменивали в казне сии лоскутки на целые кожи».⁷⁸ Разделяя это мнение, Мальгин критически отнесся к точке зрения Г. П. Успенского, допускавшего существование в Древней Руси металлической монеты отечественной чеканки с изображенными на ней «подлинными лапками и мордками или самими зверьками в малом виде».⁷⁹ Версия кожаных ассигнационных денег безраздельно господствовала в отечественной историографии до середины XIX в., когда она была язвительно высмеяна М. Т. Каченовским: «Баспя о кожаных деньгах, якобы государственной монете, с давних времен владела умами писателей, чужих и наших, и мы вслед за ними, как бы околдованные каким-нибудь безжалостным чародеем, толковали о кожаных лоскутках, о белых лобках, о кунных мордках. К счастью, некому было шутить над нами <...> Допустить существование кожаных лоскутков в разных областях древней России, лоскутков клейменных, обращавшихся вместо монеты, значит то же, что и верить существованию государственного кредита — в такое время и при таких обстоятельствах, когда, по всем соображениям ума человеческого, не мог еще, не говоря о созреть, но даже прозябнуть сей плод усовершенствованного общежития и гражданского устройства. Смело говорю так и утверждаю, вопреки остроумным объяснениям историков, которым кожаные лоскутки, мнимые

⁷⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816, т. I, с. 246.

⁷⁹ Успенский Г. П. Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1818, с. 655.

куйбы мордки и белыя лобки представлялись государственными ассигнациями, будто бы отчасу понижавшимися в курсе против металлической гривны». ⁸⁰ Но и в дальнейшей версия кожаных денег разделялась многими видными историками, в том числе С. М. Соловьевым. ⁸¹

Не допускавший и в мыслях свойственного Каченовскому скептицизма, Мальгин без какого бы то ни было сомнения писал о якобы не только виденных им кожаных деньгах Киевской Руси, но и об имевшихся в его собрании монетах, выпущенных княгиней Ольгой. Так, повествуя о сребреннике князя Ярослава, найденном в конце XVIII в. среди привесок на иконе в Киеве и бывшем в собрании Мусина-Пушкина, Мальгин сделал добавление, что эта монета не была древнейшей из известных по тем временам: *«И не только сия одна Ярославова, но и блаженной Ольги обще с сыном Святославом при обоюдном их изображении, каковая медная была и у меня собственно и которой сделал я описание, доказывают, что в России от самой глубокой древности порядочная монета разнаго вида и достоинства существовала <...> Сию любопытную и редкую монету по верноподданническому усердию 1796 г. марта 17 числа > чрез управлявшего тогда Императорским Кабинетом, ныне же г. действительнаго тайнаго советника и кавалера Василья Степановича Попова, имел я счастье поднести изящнейшей любительнице российской истории и древностей всеавгустейшей императрице, в божие почивающей Екатерине Великой. По верному посредству уповаю, что сия поднесенная мною редкая монета конечно хранится и теперь в императорском собрании редкостей и древностей российских, счастливейшим себя почитая, что лента моя удостоена толь высокаго хранилища. Здесь пристойным так же почитаю кратко упомянуть о бывших в старину кожаных деньгах. Оне не были существенно монетою, но знаками оной в разном достоинстве, для удобства в обращении, а может быть и предосторожности от вывоза серебряной чужеземцами. Образец их был круглый, разной величины, из черной кожи с вытиснением звания, т. е. мордки, векоши, куны, полугривны и гривны и проч. Таковых кожаных денег во Пскове хранилось много в некоторых пустых церквах в кремле или дегинце поблизости княжескаго дома, где после находилась духовная консистория. Сего очевидец был я сам во время малолетства моего до кончины императрицы Елисаветы Петровны. На конец все то истлело и истребилось, а воспользовался ли кто образцами кожаных ассигнаций, не знаю. Но я то невежеству ни любопытства, ни понятия о важности сих старинных вещей не имел, почитая их игрушкою, о чем теперь весьма сожалею, но невозвратно <...> Ибо часто теряем мы важ-*

⁸⁰ Каченовский М. П. Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской правде. М., 1848, с. 8.

⁸¹ См.: Лучинский М. Ф. Деньги на Руси IX—XII вв.: Против одного ошибочного представления. Казань, 1958, с. 5—46.

ное и полезное от безрассудности, в разуме раскошелываемся тщетно, ищем и не обретаем уже другого случая, а потеря их есть улетевшая из клетки птица» (с. 368, вклейка).

Уверовав в древнейшие кожаные ассигнации, Мальгин соотнес их с так называемыми «кожаными жеребьями» — клейменными кусочками кожи, в большом количестве выпускаемыми в обращение в конце XVII—начале XVIII в. в ряде городов (в том числе в Александрове, Воронеже, Пскове, Серпухове и др.) в связи с отсутствием мелкой разменной монеты и почти полным выходом из обращения серебра.⁸² В своих заблуждениях, однако, Мальгин не был одинок: в начале XIX в. среди коллекционеров носились слухи о найденных в крепостной стене Серпухова кожаных деньгах Киевской Руси.⁸³

Основу исторической концепции Мальгина составляла идея о божественном предопределении и исключительности исторического пути России: «Россия, величайший в царствах Колосс, от глубочайшей древности и по блистательным в благополучии и по мрачным в злосудии обстоятельствам, была удивительным позорищем (т. е. зрелищем, — М. Л.) во вселенной».⁸⁴ Неустанно подчеркивая, что всеми своими достижениями Россия обязана исключительно самой себе, и отрицая значение «помощи» со стороны западноевропейских государств, он наглядно показывал в каждом конкретном случае, что «помощь» эта была продиктована исключительно корыстной заинтересованностью этих стран: «Пройди все времена и рассмотри все случаи в Российской истории, когда только соседняя держава России и государям ее подавали в нужде руку помощи войском; то увидят, что всегда более вред, нежели пользы оным причиняли, обращав помощное оружие свое противу злополучных для собственной корысти и приобретения, а ежели не то, так коликих сокровищ и малая их помощь стоила? Таковые виды могут ли назваться истинным союзом, дружбою, обязательством и защищенем? Россия же всегда инако поступала и поистине пред всеми хвалиться тем имеет право; но и сколь много жертвовала и жертвует своему добродушию, знают только бог и врожденная россиянам честность?» (с. 119—120).

Отличительной чертой России Мальгин считал ее способность претерпеть и преодолеть любое испытание (причины которых, по его мнению, исключительно внешние), включая и наиболее тяжкие, как монголо-татарское иго и Смутное время. О стойкости России в единоборстве с Золотой Ордой он писал: «Но возможно ли в подробности всю великость сих и других высокородных зол изобразить <...> довлело бы [только] только сказать: нет

---

⁸² См.: Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1970, с. 140; Дьячков А. Н., Узденников В. Б. Монеты России и СССР: Определитель. М., 1978, с. 53.

⁸³ См.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей, с. 85.

⁸⁴ Сочинения и переводы... ч. IV, с. 227.

уже России, вся злобою, мечом и огнем истреблена, память ее с шумом погибла, и как бы оставалось только с Вергилием, о Трое и Троянах сказавшем: *Fuimus Troes*, напоминать подобное о России и Россиянах: *Fuimus Rossi*, были Россия и Россияне. Однако Россия, всегда Россия — образ *чрезвычайнаго исполина носящая*, в самом падении своем, в сильном поражении под тяжким игом, в странных единому токмо воображению, колыми паче притерпению, злключениях и, казалось, и самим делом еще не была великою, непоколебимою и как бы ничем побежденною быть не могшая. *Она как феникс из пепла своего возрождалась, во мгновении юнела в красоте, возрастала в доблестях, укреплялась в благодати — паче и паче силою могуществом, толико ныне блаженственными и страшными врагам, полезными же и благоприятными друзьями и союзникам верным. Сея преимущества ея никто помрачить и отнять не может*» (с. 23).

Источник побед России Мальгин видел исключительно в духовном превосходстве русского человека над противниками. Имея в виду плененного врагами патриарха Филарета Никитича, отказавшегося от освобождения ценою уступки ряда русских городов, автор писал: *«Кто паче Россиянина [оное] такое свойство имеет и такое дело учинить может? Не помрачена ли тем римскаго регула и ему подобных слава истинными российскими ироями? Конечно, древний Рим и Греция ничем вящим против России похвалиться не могут*» (с. 472). С другой стороны, все поражения русских войск, как уже отмечалось, Мальгин либо обходил молчанием, либо порицал неприятелей за вероломство, коварство и измену. Наиболее наглядно это проявилось в описании победы шведских войск в битве при Нарве (*«Есть ли можно так назвать победою»*), одержанной, по его мнению, лишь *«через измену главнаго российского военачальника Огильвия и прочих иностранцев»* (с. 531). Зато полтавская победа доставила Мальгину подлинное торжество: *«И так ученики над учителями, презираемые над презира [вшими] телями, мнимые пленники и рабы над самоменными победителями и Российскаго царства мысленными завоевателями и стяжателями всего взяли толь знаменитый верх; славное же их многочисленное оружие в корысть и оруженосцев в плен себе получили. Вот чем кончилось свейское о завладении России, о назначении преждевременно чиновников своих к управлению областей и о приобретении себе великаго богатства предварительное самохвальство. О пагубное самохвальство, ты прельстило, ослепило, в ту же сеть ввергло и пылких галлов, обладать Россиею чаявших, но не владычество, а непогребенный гроб и огненные костры трупам своим в ней нашедших! Свеям 1709, а галлам 1812 год вовеки будут памятен, окаянны, страшны. Буйные франки вступили в Россию в полумиллионе или более пешаго и коннаго войска и почти с полутора тысячею пушек; но бедственно убегли едва ли около 100 000, а пушек обратно вывезли с небольшим сотню. Вся сила в прах и корысть, а слава их в срамоту и поношение вечно обратились.*

Таковы всегда плоды неправды, гордости и самонадеяния! Разумейте языки — с россиянами бог, а в России святыня его» (с. 634).

Сторонник идеи просвещенного абсолютизма («Государския и государственныя добродетели суть единственное основание непоколебимой твердости, божиего благословения и благоденствия народов вовеки» — с. 209), Мальгин рьяно порицал многоначалие, выражалось ли оно в виде удельного правления или ограниченной монархии, и подчеркивал непригодность подобного пути для России: «Поистине древние и новейшие примеры доказывают, что многоначалие столь же вредно, разорительно, пагубно и опасно падению государства, сколь и безначалие; но оба суть *дебелый и скорорастигельный* корень беспорядка, неустройства и слабости, весьма горькие плоды рождающих» (с. 227). Он писал: «*Коль подлинно великое и самое высочайшее в государе достоинство — ревность в благочестии и благочестие в разуме духовной мудрости и мудрость во славу божию, во спасение человеческое, в утверждение царства и святыни господней. Пример истиннаго просвещения, достойный и новейших времен и просвещеннейших особ и отличнейших царей! Сия то слава есть истинная и вовеки пребывает, про ее все по призванию Соломона суета сует»* (с. 364). Образцом достоинств самодержца Мальгин избрал «без запальчивости человеколюбивого» Ивана Грозного: «*Великий государь, для [России] народа же правосудием припомятанный. Впрочем, таковая его запальчивость, свойство более несчастное и сожаления достойное, нежели предосудительное, весьма скоро проходила и погасала в нем; после же [бывав в себе самом] прихода в себя самого всегда крайнее имел о чрезмерной крутости своей и о злодеянном [и чрезмерном] сокрушении, раскаяние и всевозможное делал удовлетворение, что ясно означает доброе его сердце, но несчастливое сложение и воспитание»* (с. 409—410).

Если в екатерининское царствование Мальгин слеял образ сильного монарха и оправдывал даже жестокость Ивана Грозного, возводя ее в некую ипостась «царской мудрости», то последующие события, в частности правление Павла I, заставили Мальгина ввести в повествование об Иване IV существенные оговорки: «*Некоторые примечают, что царевич и митрополит имели намерение к низложению царя за его жестокости; но точная истина в сумнении и ничем не доказана, кроме смерти обоих, от сего предлога последовавшей. Коль часто высокая святая добродетель — правосудие обращается в жестокость и порок государем от неискускаго и крутаго употребления оной ими самими, или от скользкаго понятия, от угодительнаго ласкательства, от пристрастия и безрассудливости исполнителей, иногда слепо, иногда злонамеренно власть и справедливую меру правосудия употребляющих! И так истина, благоразумие и осторожность должны быть руководителями правосудия. И сия то есть царская мудрость первая обязанность»* (с. 409). Подлинную же

государственную мудрость Мальгин видел в деятельности монархов-законодателей — Ярослава Владимировича, Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины II и Александра I. Последовательно проводя мысль о том, что истоки государственного строения современной ему России восходят к царствованию Алексея Михайловича, Мальгин считал вершиной его деятельности и образцом для последующих государей «Уложение»: *«Коренной сей закон писан ясным, кратким и точным слогом, который по примерной выразительности прямого смысла и силы содержащихся вещей может быть сразумителен ученому и неученому, грамотному и безграмотному, без всякаго недоумения, толкования и подборчивости криводушных людей. И по всей справедливости и очевидной пользе долженствует служить примерным образцом в подобных сочинениях, требующих естественной простоты, сущности дела и истины, а не витийства и тонкостей в словах и разуме»* (с. 435).

Одним из главных достоинств самодержца, по мнению Мальгина, должно являться человеколюбие, которым он щедро оделяет как Петра I, так и Анну Иоанновну. Повествуя про смерть Петра I от простуды, Мальгин подчеркивал: *«Оную получил при самоличном спасении нескольких утопавших в бурю служивых, ходив в самые морозы по груди в воде для помощи погибавшим. Вот сколь велика была любовь Петра Великого к человечеству, и где подобный пример сыскать можно?»* (с. 523). Весьма идиллически рисует Мальгин и царствование Анны Иоанновны, «как бы жезлом железным и палицею медною Россию, собственное свое отечество, управлявшей», с помощью «изрядного мучителя» Бирона: *«Тогда как ржею железо сердца сокрушались, [здесь радость на челах блистает] а ныне свобода невинная, искренность незлобивая и обращение незазорное, откровенное, благопристойное на устах и челах процветают. Все радуются и веселятся в такое благовремение искренно о царе своем»* (с. 573). С большой теплотой Мальгин показывает деятельность Петра III, в частности упразднение им «ужасной и пагубной Тайной канцелярии». Умению автора обходить острые моменты не столь отдаленного от него исторического времени сказалось в том, что в конце пересказа манифеста об отречении Петра III осторожный в своих выводах историк написал по поводу его кончины: *«Здесь да умолкнет всякий глас и благоговеет всякий ум человеческий»* (с. 585). В позднейших дополнениях с сочувствием говорилось о предпринятом Павлом I перезахоронении Петра III; отметим, что замысел Павла, оставшийся непонятным для большинства его современников,⁸⁵ Мальгиным был передан относительно верно (с. 583).

---

⁸⁵ См.: Кумпан К. А., Паперно И. А. К дешифровке позиции мемуариста: (Павел I в записках Н. А. Саблукова). — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1975, вып. VII, с. 115.

Участь отстраненного от престола Иоанна Антоновича, который «обременен был многими душевными и телесными недостатками и всякой способности [был] к общежитию лишен», по Мальгину явилась совершенно естественным следствием его неспособности к государственной деятельности («по невразумительному косноязычию, по совершенной тупости в общем понятии, по крайней помраченности ума и сущей дурачности не имел он и самого малаго смысла и разума человеческого»). Выводы Мальгина почти дословно пересказывали официальный манифест о его смерти: «Истины того свидетель очевидный был император Петр III, который по восшествии своем на престол не преминул посетить сего несчастнаго князя в его заключении под скрытым лицем и, тронутый плачевною его судьбою, оставил его с намерением только по возможности облегчить оную. О сем сам император тогда же многим знатным особам объявил, а от них и прочим известно стало с удостоверением точной сущности дела. Претязостное подлинно состояние и самой смерти несноснее, когда человек на человека не походил!» (с. 508). Вполне в духе официальной версии обрисован Мальгиным самыми черными красками и заговор Мировича, рассказ о котором он закончил следующим правоучительным выводом: «Вот как оканчиваются коварныя, промысла и помощи божией чуждыя предприятия и начинания! когда начало зло, тогда и последствия бедственны и конец погибелен». Причину заговора Мальгин видел в «злобе» Мировича: «Оная состояла в том: 1) что незадолго перед тем отказано было ему в прошении о возвращении предковых имений, за измену их отписанных; 2) что по чину своему не впускаем был в императорские чертоги и 3) сколь осмелительно в мечтаниях честолюбие, на все дерзающее, всяк знает сам» (с. 507—508). Вообще лица, пытавшиеся изменить predetermined им жизненный путь, будь то Мирович или Отрепьев, не пользовались симпатиями Мальгина, с удовлетворением писавшего о кончине расстриги-самозванца: «Достойный обману и беззаконию конец, всегда и везде сбывавшийся таким или подобным образом» (с. 437). Идеалами Мальгина были смирение и покорность собственной участи как сильных мира сего («Земное смирение царей и пастырей церкви производят небесное возношение и сугубую главу во всей временности и вечности. Благочестие их всегда благоприятно, назидательно, священо, достоблажимо. Они суть светила духовной вселенной, вожди по просвещению ко спасению, по блаженству в благодати божией, все совершающей» — с. 329), так и всех прочих: «Всякое гражданское состояние должно иметь свои пределы и пребывать непременно в том звании, в которое кто свыше призван и поставлен для общественной связи разумного мира. О тогда бы сие во всякое время исполнялось в точности! И коликое было бы на Земле блаженство, произвольно теряемое!» (с. 132). Поэтому попытки переменить свое состояние за счет «случая» решительно порицались Мальгиным. Так, например, описывая постигшую в 1730 г. Долгоруких опалу,

он заметил: *«Здесь непреложна и очевидна истина Спасительных слов: внюже меру мерите, отмерится и вам. Для разумнаго до-вольню и поучения и примеров, как честолюбие, зависть и несогласие низвергаются, а гордым прогивится бог и сильных сокрушает в надмении. О, коль смиренность всегда благонадежна, спасительна, благословенна во всем и во всех!»* (с. 567). Ранее (с. 562) почти такие же выводы были сделаны о падении Меншикова.

Долгом государя, по мнению Мальгина, является служение благу народа, и он последовательно проводил мысль о необычайном способствовании трех последних царствований (Екатерины II, Павла I и Александра I) народному развитию. Зачастую в дополнениях подчеркивалась прямая связь между правлением Екатерины II и Александра I: *«Величие и дух ея вселился и обитает ныне в возлюбленном ея и благословенном внуке, высоком ученике мудрости ея, ревностном подражателе и производителе преславных дел, смиennemудром нашем самодержце»* (с. 48). Однако с течением времени конкретная установка «Зерцала» изменилась: при подготовке четвертого издания в ряде мест «великая Екатерина» была заменена на *«смиennemудрого Александра»* (с. 35, 41, 47, 48 и др.); в других случаях были опущены неумеренные похвалы Екатерине II (с. 556 и др.) и пышное ее титулование, занимавшее более двух страниц (с. 587—589).

Лишь государь, ясно осознающий всю значимость стоящей перед ним задачи, может, по мнению Мальгина, преодолеть порочность человеческой натуры; этим обуславливалась и необходимость достоверного и правдивого описания душевных свойств и деяний монарха: *«Коль часто и вредно неиспытанная благоразумием наужность обманывает нерассудительных и скорых к заключению по оной в сущей истине! Наипаче бытописателям должно быть в том весьма осторожными, дабы и самим не обмануться и потомства не обмануть, но, к общему несчастью, нередко неумышленно и неизбежно и то и другое вкрадывается, ложно утверждается и неискусным преткновению подвергается в вероятии о справедливости»* (с. 560).

Характерно, что «Зерцало» проникнуто полным неприятием католичества за его петерпимость к другим вероисповеданиям: *«Ревность католиков в истреблении противных себе исповеданий, о распространении же и утверждении повсюду своего, везде видна под топким покрывалом хитрости и ловительства. Называясь самым истинными христианами, повсюду гонят, вредят и истребляют, где только могут, для собственного владычества, любочестия и корысти несогласных себе исповедников; и то ли есть прямая любовь христианская и долг к подобному себе человечеству, чтобы ненавидеть брата и ближняго своего, хотя и язычника, и таким ли подобает истинному христианину быть, хвалиться и славиться? О таких славнейших из языческих любомудрцев справедливо сказал: „Ничего пет славнее христиан, когда говорят; по ничего беднее, когда делают“»* (с. 410).

Весьма сожалел о том, что *«время стирает и самую истину того или другого события»* (с. 287), Мальгин придавал большое значение открытию новых памятников: *«Отечество наше паче прочих удивительным множеством доднесь сохранных древних бытописаний и редкостей всякаго рода действительно хвалиться и преимуществовать пред другими может <...> Ибо много еще и теперь скрывается оных под спудом или невежества, или недоброхотства, или любостязательнаго самолюбия»* (с. 270). Что же касается привлекаемой Мальгиным литературы, то наиболее часто и с особенной любовью он ссылается на «Записки касательно российской истории» Екатерины II, которые, по его мнению, *«суть изящное и приснопамятное творение <...> предпринятое и почернутое из самых чистых и достоверных источников в пользу державнаго ныне внука ея Александра I, а потому всякой веры, чести и основания достойное»* (с. 226). Кроме того, он ссылался также на «Краткую церковную историю» Платона (Левшина), на «Историю российскую» М. М. Щербатова, на «Записку» Б. П. Шереметева, на «Историю Петра I» Вольтера и на собственные свои сочинения (с. 9, 368, 584). Рассказывая о судьбе М. А. Меншиковой и Ф. В. Долгорукова, Мальгин отсылал читателя к книге *«Князь Д... и Княжна М... или верная любовь по смерти. Соч. Авг. Лафонтена. Москв. 1804 г., достойна любопытства и внимания о превратности счастья и постоянности любви»* (с. 562).

В отдельных случаях Мальгин пытался отнестись критически к сообщаемым им фактам. Так, например, он писал о кончине князя Олега, *«последовавшей якобы от угрызении змии в ногу из головного черепа любимого его коня. Он будто бы нарочно пригнал на то место, где остов того коня лежал, или по любопытству или пристрастию, а наипаче ради посмеяния над возвещенным ему прежде от языческих гадателей предсказанием о приключении смерти от своего коня. Достойно ли сие вероятия, да судит всякий сам, а дело возможное, хотя и на басню похожее»* (с. 57). Пересказывая далее рассказ летописи о явлении «светозарного столпа (конечно, особого вида радуга)» при погребении Игоря Олеговича, Мальгин скептически добавил: *«О вероятности сего сказания читатель да судит сам по естественному событию и по случайному всколебанию умов, а может быть и по раскаянию мечтательному»* (с. 175).

Подчас отсутствие аргументации заменялось апелляцией к рас судку самого читателя (*«... чему весьма много есть примеров, но приводить оных не имеем пужды, которые могут весьма скоро встретиться в мыслях самого читателя»* — с. 12), причем в некоторых случаях последнему предстояло весьма нелегкое испытание: *«Какой удивительный оборот брачнаго союза, всякий удобно сам расчислит»* (с. 353). Предлагаемые же им ассоциативные связи порой способны были поставить в тупик самый проницательный ум; так, сообщая о падении Константинополя 29 мая 1453 г., он писал: *«Достойно примечания, что сие случилось»*

в то же самое число, когда греки взяли пресловутую Трою. Имей разум, да разсудит о сем сам, коль праведны весы божия правосудия» (с. 365).

Многие добавления носили конкретный характер, однако Мальгин никогда не указывал их источник. Так, например, он уточнял сумму вклада: «Святослав Ярославич на созидание Киево-Печерской церкви знатную дал сумму, т. е. 100 гривен золотом» (с. 123). Смерть Изяслава Давыдовича была описана благодаря новым подробностям с совершенно иных позиций: «... уязвлен был [копием и саблею киевского полководца Волбора от брата, погребен в Киеве Копырева конца в монастыре св. Симеона] саблею в голову и копием в ногу, скончался, погребен в Чернигове при церкви Бориса и Глеба» (с. 191). Описание кончины Александра Невского (митрополит хотел вложить в руку его «обыкновенную прощальную грамоту усопшим», но рука сама взяла грамоту: «Неверующий же да не верит, и сквернящийся да сквернится» — с. 279) непосредственно восходит к «Житию Александра Невского». ⁸⁶ К «поразительному удару тростию» Иваном Грозным своего сына Ивана Мальгина сделал следующее примечание: «... во гневе, а не от злости уразил тростию из своей руки, от чего вскоре оный и скончался с великим раскаянием, сожалением и слезами огорченного отца» (с. 409).

Конкретизация была призвана подкрепить отдельные выводы Мальгина. Например, повествуя о событиях Смутного времени, он вновь вернулся к вопросу о корыстной заинтересованности западных держав, предлагавших свою помощь России, и уточнил размеры понесенных ею издержек: «Достойно любопытства и примечания знать, сколько Россия сим союзникам (т. е. Швеции, — М. Л.) за оное войско платила жалованья в каждый месяц, а именно: рядовым каждому конному 25 ефимков, пехотному по 12, военачальникам, двум подчиненным каждому по 4000, главному по 5000, прочим же чиновникам вообще всем по 5000, итого по 100 000 ефимков со дня вступления в границы Российския до обратного выступления; в Москве же против того вдвое. Дача сия производима была главному их военачальнику впредь за каждый месяц; сколько же составит в год, читатель, сам помножив, заключит как о тогдашней необходимости для России в такой помощи, также и о великости награды, вовсе не уваженной, а еще к большей поманке насилем повод подавшей. Сверх того подводы и кормы даваны казенные или обывательские, так да судит сам читатель о справедливости свейских требований за военные убытки» (с. 452).

В своих добавлениях Мальгин учитывал и изменения, происшедшие со времени выхода в свет третьего издания «Зерцала»; так, он счел нужным исправить, повествуя про количество по-

---

⁸⁶ См.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века: «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965, с. 179.

томков Ивана Сусанина (по его написанию — Сусапова): «Обитают пыне [до 146] более 150 душ Плесского уезда в деревне Коробове в 35 верстах» от Костромы *обельными, т. е. от всяких податей и повинностей свободными*» (с. 469). Иногда приципа исправлений, сделанных Мальгиным, неясна. Так, если согласно третьему изданию «Зеркала», количество судов, участвовавших в походе на Царьград, равнялось 200, то в четвертом издании оно составляло уже 2000 (с. 52). В необходимых случаях время действия переводилось из будущего в настоящее: «Христианство, поныне процветающее и плоды свои [некогда показать] долженствующее» по учению Спасителя приносящее» (с. 93).

В большинстве случаев Мальгин заканчивал повествование нравоучительными сентенциями типа: «*Коль часто разум побеждается страстями и коликих требуется подвигов соделать его государственным над оными*» (с. 311), «*Коль глубоко вкореняется злоба и месть у злобных и жестоких людей от природы*» (с. 313) и др. Большинство лиц получило окказиональные определения: Владимир Мономах — «*благоразумием [отличный] отличнейший*» (с. 13); склонный к католицизму киевский митрополит Исидор — «*притворный агнец благочестия и сущий волк разврата духовного*» (с. 364); Григорий Отрепьев — «*известный царственный лицедей, толико всех и себя самага помрачивший, был явный, несумнительный и наглый обманщик и отважный изверг*» (с. 435); Марина Мнишек — «*любострастница, лжецарица и прелюбодешца*» (с. 437); Ломоносов — «*Российский приснопамятный Цицерон и Вергилий*» (с. 283); российское войско — «*всегда почти победоносное*» (с. 355); представители орды — «*злобные, мстительные и хищные*» (с. 400).

Подготавливаемое Мальгиным четвертое издание «Зеркала» несло в себе отзвуки всех важнейших дискуссий отечественной историографии своего времени. Не был обойден автором и вопрос о происхождении слов «Русь» и «Славяне». В это время уже был издан переведенный по высочайшему повелению Д. И. Языковым труд А. Л. Шлёцера, где «некоторые историки русской словесности» подвергались едкой критике: «Пусть отстанут они от словопроизводства, как они еще и по сию пору почти все без исключения пристращены к оному: оно слишком презрительно для наших исторических дней! Пусть не потеют более над тем, что значит Славенин, Русь, взятое за имя нарицательное, а того менее пусть отыскивают при русских именах равнозвучные слова в венгерском, персидском, арабском и пр. языках и выводят из них следствия, от которых можно испугаться».⁸⁷ Однако доводы «завистливого чужеземца» не смогли поколебать убеждений Мальгина, и он упорно отстаивал отвергнутую уже в конце XVIII в. версию о происхождении слов «Русь» и «Славяне» от имен мифиче-

---

⁸⁷ Шлёцер А. Л. Нестор, русские летописи на древнеславянском языке. СПб., 1809, т. I, с. 428—429.

ских князей Руса и Славена: «Россия так названа, конечно, не от Варяго-Руссов именно, но от князя Русса или от Русы-города (с. 15). Подобное мнение в 1810-е годы вновь явилось объектом полемики. Г. П. Успенский, например, писал о крайней пелепости мнения о происхождении слов «Славяне» от «слово» или «князя Славена», однако высказанные им самим догадки мало чем отличались от тех положений, с которыми он боролся;⁸⁸ напротив, В. Н. Каразин вновь сделал попытку вывести происхождение «Славян» от «слово».⁸⁹

Мальгин рьяно отстаивал свое мнение о происхождении ряда личных имен, этнонимов и топонимов от греческого или восточных языков, но никак не от скандинавских, называя последнее мнение «бреднями, прельщающими только детей и ветреников» (с. 50). Так, по поводу имен Осколд и Дир («Дийляр „Бог гневный или ярый“») он пояснил: «Имена сии, конечно, не скандинавские, и северные любословы за них не вступятся. Итак корня их искать должно в греко-славянском материке, что оставляю другим или времени» (с. 51). Следует признать осторожность выводов Мальгина. Гораздо более категоричности содержалось, например, в письме С. В. Руссова в редакцию «Сына отечества» по поводу доклада В. В. Капниста «Изыскание о гипербореанах и о коренном русском стихотворении»: «... греческий язык есть не иное что, как испорченный древний славянский <...> слова поэзия, поэт, поэма очевидно происходят от славянского глагола *петь, пою, поет*; эпопея — от сложного глагола *попеть*, а *ода* — от восклицания восхищенных слушателей: *о да!*; *Омир* — от *о мир*, а *Пиндар* — от горы *Пинд* + суффикс *ар* в словах *гончар, столяр, бо-чар*». Отсюда следовали вывод о том, что «Омир <...> получил воспитание в нынешней Малороссии», и ряд других, которые редакция нашла «сильными и основательными».⁹⁰ Этноним «Сарматы» (или «Сирмиды») Мальгин объяснял как «составленный из слов Сир и Мид Сирских мидян восточного племени пришельцев» (с. 28—29); о Волжских Булгарах он писал, что «к сему народу причисляются особия онаго поколения, а именно Арип-Вотяки, Керсеси и Мердасы-Мордава, Моксели-Мокшапе, Хвалиссы-Астраханцы, от коих Каспийское море Хвалынским прежде именовалось и ныне слывет, и прочие некоторые не весьма знатные, или ныне уже и неизвестные». К слову «Хвалиссы» Мальгин дал следующее примечание: «Потомки первых насельников сего края, выходцев из Сиро-Мидии Халибов или Халибсов, одного или сродного племени со Славянами. Итак, с достоверностию утверждать можно, что народ Хвалиссы и море Хвалыское, или Хвалынское, с переменою некоторых букв по народному упо-

⁸⁸ Успенский Г. П. Опыт повествования о древностях русских, с. 765—766.

⁸⁹ Каразин В. Н. О имени славян. — Труды Московского общества любителей российской словесности, 1818, ч. XII, с. 79—86.

⁹⁰ Сын отечества, 1814, № 51, с. 229—232.

треблению от имени Халибсов происходят. Вот как время изменяет и собственные и нарицательные имена народов и мест, звуки произношения, силу и значение слов и самих языков, почему весьма трудно доходить до истинных или главных корней, а и нашед оныя, переменить употребление» (с. 34).

Для подтверждения своих выводов Мальгин пользовался вспомогательными историческими дисциплинами. Пытаясь укрепить свое утверждение о независимости происхождения Русского государства от «скандинавских пришельцев», он так объяснял топоним «Ижория»: «Ижория <...> получила сие наименование от реки Ижоры, донныне так называемой, а прежде состояла под Новгородским общенародным правлением, а не Варяго-Русским, т. е. Финским или Свейским. Почему вопрошаю г. г. Скандинавских любословов, к какому государству она принадлежала? Ежели скажут к Российскому, т. е. Новгородскому; по названию Руси или России от Варягов-Руссов никак не происходит, но достовернее сами оное от России получили или присвоили себе по соседству и доброй воле, так как Поруссия, Боруссия или Пруссия служат живым тому примером и доказательством. И кто бы основательно ныне отважился производить Россию от Пруссии, как производят от Варягов-Руссов? Такие не есть любители отечества и истины» (с. 50).

В ряде случаев обнаруживалось пристрастие Мальгина к самым фантастическим этимологическим изысканиям, унаследованное им от отечественной науки XVIII в.⁹¹ Так, о происхождении названия Выдубицкого монастыря он писал, что «при крещении идола были повержены в Днепр, а жители кричали: „Выдыбай, выдыбай, наш государю боже!“, т. е. выплывай, выплывай, наш господи боже!» (с. 131). Следует отметить, впрочем, что по сравнению с открытиями его современников этимологические изыскания Мальгина производят все же более благоприятное впечатление. Достаточно вспомнить пресловутый труд С. В. Руссова⁹² или исследования первого профессора кафедры российской словесности Санкт-Петербургского университета Я. В. Толмачева, который возводил «республику» к «режь публшку», а «кабинет» — к «как бы нет», поясняя при этом, что первое вполне сообразуется с образом республиканского правления, а второе отражает возможность обозрения человека, удалившегося в кабинет, людьми, оставшимися снаружи, — «его как бы нет».⁹³ На этом фоне особенно примечателен отказ Мальгина от этимологизации

⁹¹ Об этимологических исследованиях в России той поры см.: Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, т. I (XIII век—1825 г.), с. 1077—1110.

⁹² Руссов С. В. Опыт о идолах, Владимиром в Киеве поставленных во время язычества. СПб., 1824.

⁹³ См.: Фортунатов Ф. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830—1833 годы. — Русский архив, 1869, № 2, стб. 329—330; Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870, с. 73.

незнакомых ему слов; так, про «Китай» он написал: «Да и что самое сие слово значит, вразумить не могу» (с. 345).

Еще несколько десятилетий спустя славянофилы при помощи весьма сомнительных этимологических построений пытались доказать первородство славян, а также показать, что язык славянский является наиболее совершенным выразителем слова живого. Так, бывший в курсе всех достижений современного ему европейского языкознания Л. С. Хомяков, «усвоив себе все данные западной науки, сознал их односторонность»⁹⁴ и, мечтая об единении православной и англиканской церквей, пытался признать англичан за славян, для чего сближал этимологии «англичане» и «угличане».

Язык четвертого издания «Зеркала» не претерпел существенных изменений: в нем по-прежнему встречались изобретенные Мальгиным сложные слова типа «исконовечный» (с. 485), «достойноненавистный» (с. 76), «чиноповиновение» (с. 483), «областеначальство» (с. 579), «мудроправление» (с. 95), «священнолепный» (с. 349), «градооборонитель» (с. 349) и т. п. Многие лексические новшества Мальгина ранее встречались в его других трудах: «прерватель» (с. 532), «прилепленец» (с. 502), «бытоведы» (с. 546). Изобиловало «Зерцало» и архаизмами типа «урядство» (с. 483), «мерзить» (с. 429), «злокозство» (с. 483), относящимися к петровской эпохе. В новое издание «Зеркала» вошли и вызвавшие насмешки сочленов Мальгина по Российской Академии такие выражения, как «песытое сердце», «откровенный объяснитель», и ряд других, в том числе и удивлявшее критиков «гобзует и плоды приносит» (с. 564). Стилистическая правка состояла в замене «яко» на «как», «любопытник» на «любопытный», в слитном написании «попыше» против бывшего ранее раздельного, замене «Ингергерды» на «Ингряду» (с. 101) и замене «Святослава» на «Свѣтослава» (с. 197, 118 и др.); к последнему примеру добавим, что в имени «Святополк» изменений сделано не было. Пышность и многоречивость слога остались прежними. Так, одно предложение, содержащее рассказ о трагической участи Иоанна Антоновича и о злодейском умысле В. Я. Мировича с размышлениями автора, занимает чуть более двух страниц (с. 506—508)!

Четвертое издание «Зеркала» было ориентировано на иной возрастной читательский слой, о чем свидетельствует выпущенная фраза: «Сей же малый для малых детей предпринятый и предлагаемый труд прими, благосклонный читатель» (с. 48). Юношество составляло значительную часть читателей «Зеркала» — из просмотренных нами 34 экземпляров первых трех изданий 5 имеют надпись о получении данной книги в награду кадетами Морского (4) и Сухопутного кадетских корпусов.

---

⁹⁴ *Завитневич В. З.* Алексей Степанович Хомяков. Киев, 1902, т. 1, кн. 1, с. 367.

По всей вероятности, на новое издание «Зерцала» проживающий в то время в крайней бедности Мальгин намеревался получить субсидию из сумм Кабинета его имп. величества — об этом свидетельствует вставка об Александре I как о «щедротном вновнике и сего издания Зерцала российских государей». Очевидно, ходатайство его увенчалось успехом: «О коль счастливым себя почитаю, — писал он, — что труд мой удостоен высочайшего внимания и благоволения великих Екатерины II, Павла I и Александра I, многими народами благославляемого» (с. 48).

Трудно сказать, в чьи руки после кончины Мальгина попала рукопись, на которой имеется лишь помета о том, что «читал сию книгу Константин Филипов Баранцов, 1857 году ноября месяца 24 дня» (с. 217); сведения о Баранцове обнаружить не удалось. Вероятно, к нему рукопись попала уже без начала и конца — отсутствие титульного листа побудило его уточнить название читаемого им труда: «Зерцало российских государей, содержащее в себе всех потомственных государей и князей великих российских» (с. 225). К Г. В. Юдину рукопись «Зерцала» попала, по-видимому, в 1870—1900-е годы, когда его коллекция стремительно впитывала самый разнообразный рукописный материал, стекавшийся в нее со всех концов России в эпоху пореформенного оскудения;⁹⁵ можно предположить, что она попала к нему среди фамильных бумаг неких Малгиных⁹⁶ — вероятно, потомков писателя. Юдинское собрание рукописей, за единичными исключениями, не разделило участи его книжного собрания, поступившего в 1907 г. в Славянский отдел Библиотеки Конгресса США, и оставалось с владельцем вплоть до его кончины в 1912 г. В 1920 г. оно поступило в центральное книгохранилище при Красноярском городском музее Приенисейского края, откуда в 1927 г. часть собрания (в том числе и четвертое издание «Зерцала») были переданы в дар Пушкинскому Дому.

Заканчивая краткое сообщение о последнем неосуществленном замысле Т. С. Мальгина, укажем на один ранее не отмеченный факт: почтенный историк имел ученика и подражателя — им был плодовитый плагиатор начала XIX в. Ефрем Филиповский, который, составляя пояснительный текст к гравюрам знаменитого «Пантеона российских государей» П. П. Бекетова,⁹⁷ почти

---

⁹⁵ Из весьма обширной литературы о собрании Юдина укажем лишь две заслуживающие внимания обстоятельные статьи: Преображенский А. А. 1) Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края: (Краткий обзор). — В кн.: Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, с. 267—292; 2) Из истории библиотеки Г. В. Юдина в Красноярске. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 221—232.

⁹⁶ См.: Симоны П. К. Краткий указатель архивам разных лиц и учреждений, собранным с 1894 по 1906 г. Г. В. Юдиным. СПб., 1907, с. 109, № 3044—3048.

⁹⁷ Полное название: «Краткое историческое и хронологическое описание жизни и деяний великих князей российских, царей, императоров

полностью переписал третье издание «Зерцала» Мальгина (доложно пересказав даже рассказ о водружении Андреем Первозванным креста в Грузию!), некритически отнесясь при этом ко всем домыслам и построениям автора и ничем не сдерживая собственной фантазии, превзошедшей все «мудрорассуждения» своего учителя. Издание П. П. Бекетова было позднее повторено в сокращенном виде А. Семенов («Отечественный пантеон, или Жизнь великих князей, царей и императоров, с 64 картинками», ч. 1—3. М., 1850). Так, плагиаторством Филиповского был закреплен успех «Зерцала» в читательской среде, а успех этот был значителен — в круг чтения русской провинции «Зерцало» входило до конца XIX в.⁹⁸

и их пресветлейших супруг и детей; их правления, силы и славы, различных войн и междуусобных раздоров до введения монархического самодержавия, бунтов и проч. от Р. X. с 862 года до ныне благополучно царствующего великого государя императора Александра I, самодержца всероссийского, с достопамятными примечаниями о высоком их родословии, союзах, потомствах и времени жизни, царствования, кончины и места погребения. С изображением гравированных их портретов. Изданием и трудами, из разных достоверных бытописателей и манускриптов собранное и в свет изданное для пользы российского благородного юношества кол. сов. Еф. Филиповским», ч. 1—3 (М.: В тип. Платона Бекетова, 1805—1810). Описание данного крайне редкого и ценного издания см.: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии... / Редакция, примечания, дополнения и указатели В. Н. Рогожина. СПб., 1905, ч. IV, с. 81, № 8075; *Верещагин В. А.* Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720—1870): Библиографический опыт. СПб., 1898, с. 258—259, № 916; *Верещагин В. А., Синягин Н. К., Тевляшов Е. Н.* Материалы для библиографии русских иллюстрированных изданий. СПб., 1910, вып. 4, с. 51—52, № 824 (описано издание А. Семенова).

⁹⁸ *Дрובה Н. П.* Каталог русских книг гражданской печати XVIII века Череповецкого краеведческого музея. Череповец, 1980, с. 50.

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПИСЬМО к Н. И. ГРЕЧУ

Публикация К. Н. Григорьяна и Ф. Я. Приимы

Дуэли и смерти Пушкина посвящено немало специальных работ. Но исследовательская мысль еще не раз будет возвращаться к изучению последних дней жизни поэта.

Каждый новый документ, содержащий какие-то новые подробности, характеризующие атмосферу этих скорбных дней, представляет несомненный интерес.

Письмо Жуковского к Гречу написано 28 января 1837 г., на следующий день после дуэли, когда Пушкин лежал в своей квартире на Мойке со смертельной раной, окруженный близкими и друзьями.

25 января 1837 г. умер сын Н. И. Греча. Письмо Жуковского является ответом на просьбу Греча быть на похоронах сына.

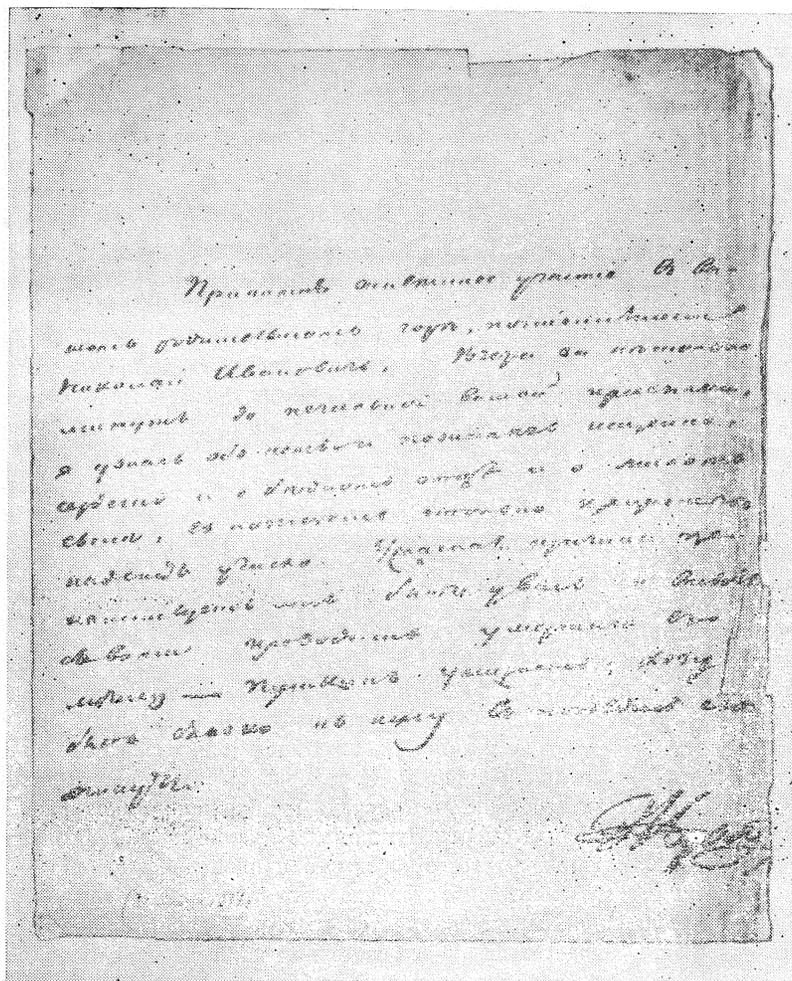
Младший сын Н. И. Греча — Николай умер рано, будучи студентом последнего курса 1-го отделения философского факультета Петербургского университета. По свидетельству товарищей, Николай Греч был в числе «выдающихся юношей», подавал большие надежды. Один из его близких друзей писал о нем как о всеобщем любимце, завоевавшем симпатию окружающих «благодаря уму, находчивости и непритворному веселью». Он умел «оживлять» дружеские беседы «своими рассказами, прибаутками и остроумными словцами, вследствие чего ему легко прощали, что он все-таки более искал круга аристократов и <...> подмазывался под знать...».

Популярности сына Греча в студенческой среде способствовала и его осведомленность о всех новостях литературной жизни. Он много знал от отца (одного из редакторов «Северной пчелы»).¹

---

¹ См.: М. Воспоминание из далеких лет. — Русская старина, 1881, май, с. 156—157. См. примечание редактора «Русской старины»: «Эти два отрывка из записок г. М.—на весьма обязательно сообщены его другом — достоуважаемым Я. М. Неверовым, которому и приносим нашу благодарность. *Ред.*».

Николай Греч был разносторонне одарен — увлекался музыкой, театром, умел рисовать. Он участвовал в домашних спектаклях. В то время в доме его отца на Мойке (там помещалась и редакция «Северной пчелы») по

Письмо В. А. Жуковского Н. И. Гречу. 28 января 1837 г.

четвергам собиралось много интересных людей: писатели, художники, артисты, заезжие знаменитости, весь литературно-художественный Петербург. В один из «четвергов» В. П. Бурнашев видел у Греча и Пушкина. Поэт, хотя и открыто боролся с официальным направлением «Северной пчелы», но в то же время не порывал с ее редактором личных отношений.²

² См.: Яцвич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935, с. 329—330.

Пушкин был знаком и с семейством Греча. 4 декабря 1836 г. он был на семейном празднике в доме Греча, на именинах его жены Варвары Даниловны и дне рождения его дочери Софьи.³

Н. И. Иваницкий, однокурсник Николая Греча по университету, писал в своих воспоминаниях: «25 января умер один из лучших наших товарищей — Греч, сын Н. И. Греча; 28 числа все мы собрались на Аннинскую кирху на его погребение...».⁴

В тот же день А. И. Тургенев писал к А. И. Нефедовой: «Вчера встретил журналиста Греча; он объявил мне о кончине своего сына, прекрасного юноши, подававшего прекрасные надежды, любимого и уважаемого своими товарищами-студентами. Хотя я давно разорвал все связи знакомства с Гречем, но убедительная просьба его прийти сегодня на похороны сына будет исполнена с моей стороны и я спешу туда».⁵

Запись в «Дневнике» А. И. Тургенева (от «28 января»): «Был на похоронах у сына Греча; опять к Пушкину, простился с ним...».⁶

О смерти сына Греча было известно и умирающему Пушкину. И. Т. Спасский, домашний врач Пушкиных, писал: «Послали за отцом Петром, что в Конопенной. Больной вспомнил о Грече. — Если увидите Греча, — молвил он, — кланяйтесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере».⁷

Жуковский, касаясь этого эпизода, отмечает его как свидетельство о «черте, чрезвычайно трогательной», когда Пушкин в невыносимых болях, «посреди всех страданий», вспоминает о сыне Греча, о горе отца и просит передать ему свое сочувствие, «душевное участие».⁸

Не приходится говорить об исключительной ценности записей Жуковского о последних днях жизни Пушкина. Письмо к Н. И. Гречу является дополнением к ним.

Жуковский с первых шагов поэтической деятельности Пушкина восхвалял его «чудесным талантом». Он был учителем и старшим другом Пушкина, сердечно и нежно любил его, заботился о нем, в самые трудные дни его жизни всегда был рядом. И теперь, когда умирал Пушкин, Жуковский, быть может, больше, чем другие из ближайшего окружения поэта, понимал, что значила смерть Пушкина. В письме к С. Л. Пушкину он писал: «Россия лишилась своего любимого национального поэта <...> У кого из русских с его смертью не оторвалось что-то родное от сердца...».⁹

Смерть Пушкина он переживал не только как общенациональное, но и как личное горе. Свидетельством его состояния и является публикуемое письмо. Как много говорят эти несколько небрежно, наспех написанные строки.

---

³ См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 112. См. там же о встречах Пушкина с Гречем.

⁴ Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. XIII, с. 31.

⁵ Там же. СПб., 1908, вып. VI, с. 47—48.

⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. II, с. 176.

⁷ *Щеголов П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М.; Л., 1928, с. 202.

⁸ Там же, с. 182.

⁹ Там же, с. 175.

<28 января 1837>.

Примите живейшее участие в вашем родительском горе, почтеннейший Николай Иванович. Вчера за несколько минут до печальной вашей присылки я узнал об нем и пожалел искренно, сердечно и о бедном отце и о милом сыне, в котором столько прекрасных надежд угасло. Ужасная причина препятствует мне быть у вас и вместе с вами проводить умершего в могилу — Пушкин умирает, хочу быть близко к нему в последние его минуты.

Жуковский.

ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ В. А. ЖУКОВСКОГО С РУССКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ 1810—1820-х ГОДОВ

Публикация Р. В. Незуговой

В настоящей работе продолжена начатая в предыдущем выпуске «Ежегодника Рукописного отдела»¹ публикация материалов хранящейся в Пушкинском Доме неизданной переписки Жуковского, характеризующей участие поэта в литературной жизни его времени. Участие это было интенсивным, разнообразным по своим формам и весьма плодотворным по результатам. Жуковского связывали постоянные и длительные контакты не только с выдающимися писателями, поэтами и деятелями культуры, но и со множеством второстепенных, незначительных литераторов, бывших, однако, характерными для эпохи участниками различных литературных группировок и лагерей. Взаимоотношения со многими из них представляют собой совершенно неизученные или малоизвестные эпизоды творческой биографии великого русского поэта, помогающие значительно конкретнее и глубже понять и оценить его литературную позицию. Хронологические рамки нашей публикации — время вхождения Жуковского в гущу русской культурной жизни, приходившееся как раз на 1810—1820-е годы.

В основу публикации положены эпистолярные материалы из Онегинского фонда, дополненные письмами Жуковского и его корреспондентов из других фондов Рукописного отдела ИРЛИ. Мы не ставили своей задачей введение в научный оборот материалов и документов, относящихся исключительно к деятельности известных русских литераторов, а стремились наряду с ними представить имена и явления второго, а подчас и третьего ряда, позволяющие более емко и детально воссоздать реальную картину литературной жизни начала XIX в.

Письма даются нами в основном в хронологическом порядке, однако их характер и содержание позволяют сгруппировать публикуемый материал в три небольших раздела: переписка Жуковского с карамзинистами

---

¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981, с. 80—112.

старшего и младшего поколений (И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский и др.), переписка с А. Ф. Воейковым (занимающая центральное место в нашей публикации) и письма к Жуковскому ряда второстепенных литераторов 1820-х годов, среди которых наибольший интерес, с нашей точки зре-

В. А. Жуковский. Рисунок А. А. Воейковой.
Карандаш. 1820-е годы.

ния, представляют письма А. А. Шаховского, в прошлом литературного противника Жуковского.

Открывает публикацию письмо Жуковского к И. И. Дмитриеву, относящееся к концу сентября—началу октября 1810 г. Оно содержит весьма высокую оценку «драгоценных» творений маститого поэта, которого Жуковский неоднократно называл «своим учителем» в поэзии.² Представляя собою благодарственный отклик на присланную в подарок книгу сочинений Дмитриева (см. подробнее в комментариях), письмо Жуковского — след

---

² Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4-х т. М.; Л., 1960, т. 4, с. 576.

не только постоянных литературных контактов его с Дмитриевым, но и дружеской «приятности», сохранявшейся на всем протяжении жизни поэтов.

Два других письма этой группы характеризуют теснейшие взаимоотношения Жуковского и Батюшкова. Небольшая записка Жуковского к последнему относится к маю 1810 г., когда приехавший из Муратова (орловского имения Е. А. Протасовой) в Москву Жуковский на короткое время замещал своего соредактора по «Вестнику Европы» М. Т. Каченовского, находившегося в этот момент в служебной поездке. Обращение к Батюшкову связано было скорее всего с заказом ему перевода для журнала. Записка передает ту атмосферу дружеской непринужденности, которая царила в среде молодых поэтов, группировавшихся в Москве вокруг Карамзина. С этой точки зрения особенно показательна шутивно-фривольная приписка Вяземского к деловой по своему характеру записке Жуковского.

Следующее из этих писем, более позднее, «петербургское», принадлежит Батюшкову, обратившемуся к Жуковскому в начале апреля 1816 г., накануне его отъезда в Дерпт из Петербурга, где поэт находился в связи с изданием второй части своих «Стихотворений». Письмо содержит несколько небезынтересных штрихов для характеристики одного из моментов в истории «Арзамаса», деятельность которого была оживлена приездом весной 1816 г. в Петербург Карамзина и Вяземского. Отражая издательские и литературные начинания арзамасцев, письмо вместе с тем в какой-то мере характеризует душевное состояние Жуковского, переживавшего в это время сердечную драму — разочарования в связи с невозможностью соединения с М. А. Протасовой. Поведение Е. А. Протасовой, сводной сестры Жуковского и матери Маши, настойчиво отвергавшей самую мысль о подобном браке и вместе с тем удерживавшей поэта вблизи семьи, создавало двойственное, неустойчивое и мучительное для Жуковского положение в Дерпте, куда после женитьбы А. Ф. Воейкова на младшей из сестер Протасовых, Александре Андреевне, пересекло семейство в полном составе.

Интимная по своему характеру переписка Жуковского с А. Ф. Воейковым, составляющая центральный раздел нашей публикации, известная в печати лишь в незначительном объеме, воссоздает самые драматические и острые моменты переживаемой поэтом коллизии: его борьбу за право на брак с любимой девушкой, осложненную предательством бывшего друга, поспежившего воспользоваться своим новым положением «главы семейства» для окончательного вытеснения из него Жуковского и полного подчинения своему деспотическому произволу Маши Протасовой. Публикуемые письма в какой-то степени обнажают те интриги, в которые погрузил Воейков всю семью, поработив безвольную и неустойчивую в своих настроениях Е. А. Протасову, отдавшую в его руки судьбы дочерей. Документ потрясающей силы, письмо Жуковского к Воейкову от 19—22 августа 1815 г., написанное накануне отъезда поэта из Дерпта в Петербург (видимо, так и не отосланное адресату), свидетельствует о душевной драме Жуковского, его борьбе не только с А. Ф. Воейковым и Е. А. Протасовой, но и с самим собою, показывает его самоотверженное стремление отказаться от своей любви ради спокойствия Маши и нелегко дававшуюся ему попытку изменить характер своего чувства к ней, стать ей братом и опорой в жизни.

Публикуемые письма Жуковского и Воейкова не являются при этом документами узкобиографического значения: исповедальные по тону, содержащие резкие и откровенные суждения, они проникнуты культом дружбы в том ее понимании, которое было в особенности свойственно «поддевическому» братству, как именовалось в тургеневском кружке «Дружеское литературное общество». Показательно, что к этим далеким юношеским воспоминаниям, находя в них для себя опору, обращается каждый из пишущих: Воейков в своем стремлении оправдать себя (см. первое из публикуемых писем, написанных Воейковым вскоре после инсперированного им же отъезда Жуковского из Муратова в сентябре 1814 г.), Жуковский — чтобы обвинить и обличить Воейкова и вместе с тем пробудить в нем гуманные и справедливые чувства. Далеко не случайно, что письмо Жуковского от 19—22 августа местами текстуально совпадает с апрельскими записями 1815 г. в его «Дерптском дневнике»,³ которому поэт придал форму писем к Маше Протасовой.

Последняя группа писем, относящихся к 1819—1839 гг., отражает богатство и многообразие литературных связей Жуковского. К сожалению, среди этих материалов мало писем самого поэта (по-видимому, не сохранились), но зато широко представлена литературная периферия 1820-х годов, показывающая стабилизацию и упрочение позиций Жуковского в литературном мире этого времени. Короткая полуофициальная переписка Жуковского с В. Олиным, поэтом и переводчиком, отмечена вниманием известного поэта к судьбе своего начинающего собрата по перу, ищущего поддержки у признанного мастера. Письма старших карамзинистов — П. И. Шаликова и Ю. А. Нелединского-Мелецкого — содержат любопытные, хотя и мелкие, биографические подробности, позволяющие уточнить время и обстоятельства знакомства Шаликова с Жуковским (посредником в котором неожиданно оказались не Карамзин или Дмитриев, а В. И. Креевский), а также разъясняют поводы к созданию некоторых произведений Жуковского и вносят коррективы в их даты («Прощальная песнь, читая воспитанницами Общества благородных девиц» и др.).

1820-е годы характеризуются окончательным затуханием полемики карамзинистов и шишковистов: утихли и отошли в прошлое ожесточенные бои и острые критические споры, преданы забвению старые литературные распри. Возникли, однако, новые центры полемики и образовались новые литературные группировки. В этих новых условиях прежние враги нередко оказывались союзниками или — во всяком случае — более терпимыми по отношению друг к другу. Ярким примером такой неожиданной метаморфозы являются взаимоотношения Жуковского с бывшими «беседчиками» — М. Е. Лобановым и А. А. Шаховским.

В публикацию включены три незначительные по содержанию записки Жуковского к М. Е. Лобанову, свидетельствующие о дружелюбном характере их отношений в 1823—1826 г. Последняя из записок касается педагогической деятельности Жуковского — наставника наследника, перед отъездом за границу (в мае 1826 г.) передавшего свои «учительские» обязанности именно М. Е. Лобанову.

³ См.: *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Париж, 1926, с. 134—141.

Особый интерес представляют письма Шаховского, в свое время ядовито высмеявшего Жуковского в комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815). Арзамасцы (не исключая и самого Жуковского) ответили целым рядом эпиграмм, пародий, насмешливых стихов. Но уже к 1823 г. отношения прежних антагонистов постепенно стали налаживаться; подробности этого сближения становятся известными из публикуемого нами письма Шаховского к Жуковскому 1829 г. Как и следовало ожидать, почвой подобного сближения стал театр, общепризнанным деятелем и знатоком которого был Шаховской. Думая о постановке «Орлеанской девы» (1823) на петербургской сцене, Жуковский советовался с таким опытным автором и режиссером, как Шаховской. В свою очередь последний, задумав эпическую поэму о 1812 г. «Москва и Париж в 1812 и 1814 гг. Воспоминание в разностопных стихах», не мог не вспомнить о знаменитом русском Тиртее, авторе «Певца во стане русских воинов», «Певца в Кремле» и послания «Императору Александру», бывшем, как и Шаховской, участником Отечественной войны. И здесь недавний советчик и «консультант» Жуковского превращается в его послушного ученика и добивается его одобрения.

Таков общий смысл публикуемых ниже писем Жуковского и его современников.

1

В. А. ЖУКОВСКИЙ — И. И. ДМИТРИЕВУ

«Не ранее 30 сентября—не позднее
3 октября 1810. Муратово.»

Милостивый государь Иван Иванович!

Приношу вашему превосходительству чувствительную благодарность за драгоценный подарок, мною от вас полученный. Читая и перечитывая ваши сочинения, буду питать, усовершенствовать и оживлять в себе чувство всего прекрасного, а воображив, что автор их расположен ко мне дружески, буду и в самых печальных обстоятельствах жизни почитать себя счастливым! Уверяя ваше превосходительство в неизменнейшем почтении и преданности.

Вашего превосходительства...

ИРЛИ, Онегинский архив, № 27740, л. 2 об.

Черновик ответного письма Жуковского И. И. Дмитриеву, написанный на обороте письма Жуковского к М. Т. Каченовскому, приблизительно датированного не ранее 30 сентября—не позднее 3 октября 1810 г. (обоснование датировки дано в нашей публикации «Из неизданной переписки В. А. Жуковского» в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981, с. 7). Книга, за которую Жуковский благодарит Дмитриева, либо «Басни И. И. Дмитриева. Изд. 3-е» (СПб., 1810; сохранилась в библиотеке поэта, см.: Библиотека Жуковского: (Описание). Томск,

1981, № 2511; в оглавлении книги имеются пометы Жуковского), либо изданные в трех частях «Сочинения Дмитриева» (что значительно вероятнее, так как книга, видимо, имела дарственную надпись и, может быть, именно поэтому не сохранилась). О последнем издании писал Жуковский еще в марте 1810 г. И. И. Дмитриеву, который поручил ему корректуру своих сочинений: «Я теперь вдвое благодарю вас за то, что вы поручили мне быть корректором ваших сочинений <...> Первый том стихотворений ваших совсем отпечатан. Я слова взял его перечитывать и заметил уже ошибок с пять; заставляю читать и своего сожителя Соковина; Платон Петрович Бекетов также читает и обещал со мною снестись. Одним словом, мы ведем с большою деятельностью наступательную и оборонительную войну с наборщиками и опечатками» (Русский архив, 1900, кн. III, с. 8). При этом Жуковский не ограничился исправлением опечаток, а в ряде случаев предложил свои стилистические варианты отдельных выражений и слов, принятые Дмитриевым (см.: *Дмитриев И. И. Соч.* 3-е изд. М., 1810, ч. I, с. 45). К каждой из частей был приложен список опечаток, свидетельствующий о тщательности корректорской работы Жуковского. Публикуемое письмо интересно отзывом Жуковского о «бесценных» творениях Дмитриева.

2

В. А. ЖУКОВСКИЙ — К. П. БАТЮШКОВУ

«7 мая 1810. Москва».

Приезжай ко мне часу во втором, я достал пилигриммов¹ — выберем, что нужно. Потом, если хочешь, поедем обедать к Карамзину,² а от него вместе в собрание.³ Пожалуйста, приезжай.

Ж<уковский>.

Майя 1810.

«Приписка П. А. Вяземского»:

Князь Вяземский 7-го числа <---> в гостиной.

ИРЛИ, ф. 19, № 33.

Датируется согласно приписке к комментируемой записке — 7 мая 1810 г.

¹ Возможно, имеется в виду одно из следующих сочинений, отрывки из которых в переводе Батюшкова Жуковский намеревался поместить в «Вестнике Европы»: «Abbé J.-B. Lasansse Les Pèlerins ou Voyage allégorique à Jérusalem» (1807) или «Les Pèlerins am fom Genu de notre Seigneur» (1761).

² Жуковский познакомился с Батюшковым в Москве у Карамзина зимой 1810 г., т. е. незадолго до написания публикуемой записки (подробнее об их знакомстве см.: *Афанасьев В.* «Родного неба милый свет...»: В. А. Жуковский в Туле, Орле и Москве. М., 1980, с. 178).

³ Возможно, речь идет о заседании Общества истории и древностей российских при Московском университете, которое, пережив период упадка, как раз в мае 1810 г. начало постепенно разворачивать свою работу. Интерес Жуковского к работе этого общества мог быть вызван его работой над поэмой «Владимир», в которой поэт обращался к эпохе Киевской Руси, в связи с чем подробно ознакомился с русскими летописями и

историческими сочинениями (см. подробнее: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 60—61; см. также: *Канунова Ф. З.* Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского. — В кн.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, с. 400—465).

3

К. Н. БАТЮШКОВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

〈Начало апреля 1816. Петербург〉.

Ты едешь, а я по милости князя Вяземского с тобой не увижусь. Скажи мне, куда прислать тебе твои стихи, которые я верно на сих днях получу от Севериной?¹ Что ты будешь делать с сочинениями М. Н.?² Будешь ли их печатать? — Я должен об этом известить *Катерину Федоровну*;³ я удивляюсь, как ты (впрочем, человек весьма рассудительный) уезжаешь, не повидавшись с нею!!! Дай мне по крайней мере ответ. И бог с тобой! — уезжай и будь счастлив, я этого желаю от всей души, потому что люблю тебя, несмотря на твои чудеса.

К. Б.

ИРЛИ, ф. 19, № 18, л. 1.

Письмо написано накануне отъезда Жуковского в Дерпт, где поэт провёл в общей сложности около двух лет (1815—1817) и откуда постоянно ездил в Петербург. Судя по содержанию публикуемого письма, в нем идет речь о поездке Жуковского в Дерпт весной 1816 г., так как в нем упоминается Вяземский, приехавший вместе с Карамзиным в Петербург в феврале 1816 г. для хлопот, связанных с изданием «Истории государства Российского». Они остановились в доме Е. Ф. Муравьевой (пыпе: Фонтапка, дом 25), о которой также упоминает в своем письме Батюшков. II, наконец, в нем идет речь о работе Жуковского над изданием сочинений М. Н. Муравьева, начало которой относится к последним месяцам 1815 г. (подробнее см.: *Жулякова Э. М.* В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев. — В кн.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, с. 71—104). Жуковский выехал в Дерпт к родным в первых числах апреля 1816 г.; таким образом, и публикуемую нами записку Батюшкова можно датировать этим временем.

¹ Северина Елена Скарлатовна — жена Д. П. Северина (арзамасца, впоследствии видного дипломата), сестра известного в литературных кругах религиозного публициста А. С. Стурдзы. Подробнее о ней см.: *Барюшков К. Н.* Соч. / Под ред. Л. Н. Майкова. СПб., 1886, т. III, с. 690—692). В 1818 г. Северина умерла (см.: Русский архив, 1868, № 4—5, с. 590, 596). Стихи Жуковского — возможно, готовящиеся к изданию произведения, вошедшие во вторую часть «Стихотворений Василия Жуковского» (СПб., 1816). 19 февраля 1816 г. Жуковский писал родным в Тульскую губернию: «Кончив издание моих стихов, которого на беду никому постороннему поручить не могу, тотчас отправляюсь в Дерпт» (Русская старина, 1883, № 8—10, с. 144).

² М. Н. — Михаил Никитич Муравьев (1757—1807), сочинения которого широко пропагандировались в литературных кругах, близких Карамзину. Издавшему сочинения писателя в двух томах в 1810 г. (см.: *Муравьев М. И.* Опыты истории, словесности и правоучения. М., 1810, т. I—II). В 1815 г.

сам Батюшков издал в одном томе «Обитателя предместия» и «Эмилиевы письма» Муравьева (СПб., 1815). Из публикуемой записки следует, что именно Батюшков содействовал работе Жуковского над новым изданием сочинений Муравьева (издание вышло в 1819—1820 гг. в Петербурге, в трех томах).

³ Екатерина Федоровна Муравьева (1771—1848) — вдова писателя М. Н. Муравьева, принимала большое участие в Батюшкове, заменив ему рано скончавшуюся мать.

4

В. А. ЖУКОВСКИЙ — К. Н. БАТЮШКОВУ

〈Начало апреля 1816. Петербург〉.

Посылаю тебе назад Тибулла;¹ это на память обо мне. Сочинения М. Н. печатать надобно начать. Я говорил в типографии. Корректуру будут присылать в деревню. Князь Вяземский взял у меня оригинал. От него обо всем узнаешь.

ИРЛИ, ф. 19, № 18, л. 1 об.

Ответная записка Жуковского, написанная в тот же день на обороте письма К. Н. Батюшкова.

¹ Тибулл (ок. 50—I до н. э.) — римский поэт-элегик, которого перевел Батюшков, шуточно называвший себя «маленьким Тибуллом» (*Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1886, т. III, с. 260*). В данном случае речь, возможно, идет о популярном в начале XIX в. издании: *Catullus, Tibullus, Propertius. Ad optimorum librorum fidem accurate editi. Lipsiae. Sumtibus et typis Caroli Tauchnitzii. 1812.*

5

В. А. ЖУКОВСКИЙ — А. Ф. ВОЕЙКОВУ

〈19 июля 1814. Муратово〉.

Для чего все это пишу? Какую может это иметь пользу? Если ты искренно хочешь счастья с Сашею — простого, чистого, единственного, которое с нею возможно, то ты его найдешь. Но если это счастье состоит для тебя в одном только исполнении буйного желания — не страсти, ибо и страсти в тебе к ней не замечаю, — то оно исчезнет в несколько мигнов! И для тебя останется одно только бедственное уверение, что ты уничтожил прекрасную жизнь прекраснейшего творения. Ее счастье неразлучно с ее матерью и сестрою. Если будешь желать его *искренно*, то решишься твердо, несмотря ни на что, счастливить их *вместе*. Что ты ни думай о характере Екатерины Афанасьевны, но ты обязан ей таким благом, какого немногие в жизни добиваются; без всякого с твоей стороны права на ее уважение, ты получил от нее все то,

что только годами привязанности приобрести было бы возможно; благодарность должна закрыть глаза на недостатки, а недостатки матери ничто, когда такая дочь и жена, как Саша, помогает их сносить и в этом согласном терпении заключает свое счастье. Вообразив себя на твоём месте — что бы для меня было трудно

В. А. Жуковский. Рисунок неизвестного. Карандаш.
1830-е годы.

иметь своим товарищем Машу? Тебя же называет Екатерина» Афанасьевна своим спасителем и спасителем от меня — надобно удостоиться такого названия. В твоей власти вести прекраснейшую жизнь. Нельзя же почитать тебе себя таким любимцем промысла, чтобы уже и некоторые неприятности в жизни найти слишком тяжкими. Промысел выбрал для тебя жребий прекрасный. Неприятности для тебя *будут*. Но счастье ты иметь *должен*, и оно от тебя зависит. Только помни, что оно между вами нераз-

дельно. Разделись, оно исчезнет, и ты только докажешь, что был его недостойн.

«*Приписка В. А. Жуковского*»:

Воейков вздумал уверять Машу, что я не люблю Екате^р(ины) Афанасьевны. Воейков, который обязан ей всем своим счастьем, который накануне свадьбы сказал мне, что ее презирает, который наружными знаками, а не искренним сердечным чувством доказывал ей любовь. Моя привязанность к ней была воспитана со мною. Если я теперь показывал на нее досаду и к ней холодность, то это потому, что был жестоко оскорблен ее ко мне равнодушием и несправедливостью. Если бы я их сильно не чувствовал, то это значило бы, что я к ней никогда привязан не был. Я уверен, что через несколько времени (а может быть, уже и теперь) Воейков, который более нежели кто-нибудь одобрял и поддерживал мою привязанность к Маше, который и прежде и недавно советовал мне ее увезти, сам начнет уверять, что я и злодей и развратник. Как прикажут! Что *нужно* сказать, то и свято.

ИРЛИ, Олсгинский архив, № 29399, л. 1—1 об.

Письмо написано вскоре после свадьбы Александры Андреевны Протасовой с А. Ф. Воейковым, состоявшейся 14 июля 1814 г. О сложном характере взаимоотношений Жуковского с приятелем, а затем и родственником см. подробнее: *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915, вып. I, с. 35—36; *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1903, с. 126—170. Накануне свадьбы невеста и ее близкие (М. А. Протасова, В. А. Жуковский) сомневались в способности жениха сделать свою будущую жену счастливой (см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни..., вып. I, с. 42). Эти сомнения в самом характере чувства Воейкова к А. А. Протасовой-Воейковой отражает и публикуемое нами письмо Жуковского к Воейкову. В нем Жуковский в откровенной форме упрекает неделикатного и неискреннего по отношению к нему и Маше Воейкова. Письмо сохранилось в личном архиве Жуковского и, видимо, не было отдано адресату. Об этом же свидетельствует и приписка, содержащая откровенную оценку поведения Воейкова в семье.

6

А. Ф. ВОЕЙКОВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

$\frac{18}{4}$ сентября 1814 г. Муратово.

Надобно писать тебе, надобно послать тебе утешение!¹ Где возьмешь ты его, добрый друг? С чего начать? Что сказать тебе? Не знаю, а писать необходимо, необходимее, нежели когда-нибудь. Покамест в твоей комнате все оставалось по-прежнему, по тех пор нам казалось, мы верили, мы хотели уверить себя, что прежний хозяин ея отлучился ненадолго и скоро возвратится на свое родное пепелище, к людям, которые его любят как брата, как друга, как человека, с которым они с малолетства привыкли

вместе резвиться, расти, думать и чувствовать; как спутника, с которым прошли половину жизни, половину пути, и доброго и худого, гладкого и горестного. Несчастный друг! увозя свою библиотеку, ты отнял одно из прелестнейших наших очарований. Нет, бесценный друг муратовский и верный товарищ поддеви-

А. Ф. Воейков. Рисунок неизвестного
(из альбома Ф. А. Кони). Карандаш.

ческого братства! Твоя зеленая комнатка, где мы сладко мечтали о будущем семейственном счастье общем нашем, едином и неразделимом счастье, останется неприкосновенною до нашего возвращения из Дерпта, до твоего возвращения в твое семейство, кроме тебя у ней никого не будет хозяином. Ждать тебя, готовить для тебя комнату к 20-му августа,² уставлять все на свои места; это доставляет мне несколько самых приятных часов. Я всегда вхожу

туда с мыслию: здесь жил друг мой, друг Сашин, друг Машин; здесь просияла заря моего блаженства; его приязнь завлекла меня в Муратово; его обо мне доброму мнению обязан я Сашею. Здесь будет он жить опять — с дружбою, с музами, с спокойствием и блаженством. Истинная любовь как добродетель сама в себе находит вознаграждение за пожертвования, за лишения. И его любовь, больше нежели чья-нибудь, будет уметь вознаграждать его за обладание. Мне бы хотелось, чтобы твоя комната осталась нашим общим кабинетом, рабочею комнатою, куда бы никто не «смел» войти разрушить наши мечты и помешать нам до известного часа. Сколько бы можно делать полезного, славного!

Так, любезный друг и собрат! Ты будешь здесь вместе с нами. Никакая власть на земле не заставит нас думать, что твое удаление из Муратова вечно. Матушка обещала мне воротить тебя, когда я молил ее отдать тебе ее доверенность, я не смел ей сказать любовь; ибо она любит тебя — и любит много. Погляди мне в глаза! Не сердись ли ты? В твоей воле! Нам не привыкать видеть друг друга бешеными<?>. Я обязан говорить тебе правду и не хочу в этом случае походить на некоторых друзей твоих, кои по бесхарактерности и легкомыслию или даже по ложно понимаемой дружбе хотят тушить пожар соломою и плачут от всей души, видя, что пожар увеличивается, а опасность становится более и более, ближе и ближе.

Не выведи, однако, из этого предисловия, что я желал бы вырвать из твоего сердца любовь твою к Маше. Да будет проклята мысль сия в самую минуту рождения! Любовь твоя есть чувство самое чистое, самое светлое, самое возвышенное! Она твое богатство, гений, слава и добродетель. И страдать от нее есть еще наслаждение, во сто раз прелестнейшее равнодушия и этой пошлой связи, какие мы видим ежедневно, которую люди хотят выдать за любовь, но которая вопреки бесчувственности остается <нрзб.> черного, тяжелого. Знаю многих любовников и супругов, верных и страстных, и сам люблю мою Александрину горячо и нежно, люблю более своей жизни; но, право, стыжусь своей холодности, грубости и подлости, когда стану сравнивать тебя с собою. Тебе провидение на роду написало быть во всем выше обыкновенных людей. Тридцатилетнее целомудрие, талант божественный, смирение и покорность судьбе беспримерной — друг мой! Ты один достоин любви Маши единственной; твое сердце одно достойно быть алтарем этого ангела. И мне вырвать это чувство из твоего сердца! Я бы хотел только найти средство согласить любовь твою с совестью матушки, с совестью общих родных наших. Мне бы казалось, что надобно превратить ее в дружбу, самую живую, самую пламенную, подвязать крылья желанием, усмирить требования и зажать рот ропоту и жалобам. Но полно! Ты станешь подозревать меня в холодном непостоянстве мнений, выдумывать для себя новые муки, потому что подозревать в измене друга, с судьбою кося так тесно связана судьба твоя, — есть

мучение ужаснейшее. Это я замечаю по себе, мне ничего не остается, как вообразить, что мы не верим и не полагаемся один на друга. Тут и радость не в радость; любовь не в наслаждение, как прежде. Тут и в объятиях Александрины возможно быть несчастливым. Несчастье и горести делают тебя несправедливым; послушай языка рассудка, он скажет тебе, что моя дружба не изменилась, мое мнение постоянно; мои желания и молитвы об одном и том же. Но обстоятельства переменились, и оттого наружность говорит против меня; однако я лучше хочу быть на время виноватым перед тобою, нежели перед совестью.

Время объяснить достальное <?>, между тем скажу только одно: как могу я любить тебя меньше, когда час от часу уважаю тебя более и более! На мое уважение, на мое дружество к тебе, на мое дружество, участие, помощь и любовь к Маше можешь ты положиться вернее, нежели на чью-нибудь. Ее счастье, твое счастье, наше счастье — есть одно и то же.

Александр Воейков.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 27966, л. 1—2 об.

¹ «Утешение», в котором нуждался Жуковский, связано с тем, что после свадьбы Воейкова отношения поэта с семьей Протасовых зашли в тупик. Расчетливый и хитрый Воейков очень скоро разобрался в сложной семейной ситуации и принял сторону Е. А. Протасовой, противившейся браку Жуковского и ее дочери — М. А. Протасовой. Публикуемое письмо написано вскоре после вынужденного отъезда Жуковского из семейного гнезда — орловского имения Протасовой Муратова сначала в имение А. А. Плещеева Чернь, а затем — в Долбино, где приют поэту дала А. П. Киреевская, неизменно помогавшая любящим. Жуковский писал по этому поводу: «Воейков вошел в семью, а я из нее вышел» (Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. М., 1904, с. 24—25). В своем письме Воейков пытается оправдаться перед Жуковским и тем самым сохранить его дружбу. Ответное письмо Жуковского из Черни датировано 10 сентября 1814 г. (см.: ИРЛИ, Онегинский архив, № 20399, л. 7—11 об.).

² 20 августа — день рождения А. А. Протасовой-Воейковой (1795—1829).

7

В. А. ЖУКОВСКИЙ — А. Ф. ВОЕЙКОВУ

19—22 августа 1815. <Дерпт>.

В журнале ¹ вашем ты написал обо мне между прочим, что я был с тобою милостив и разговорчив и что ты это замечаешь для приятного воспоминания. Почитав это, я решил написать к тебе как можно яснее. Сначала я этого не хотел делать. Теперь нахожу это нужным, первое, чтобы ты знал образ *моих* мыслей, второе, может быть, и для того, чтобы быть для тебя полезным. Хотя <последнего> и очень мало надеюсь,

Я очень понимаю намерение, с каким эти строки написаны обо мне в журнале. Надобно было *представить* меня человеком свое нравным, угрюмым, капризным, который дуетя бог знает за что и своим нелюдимым характером разрушает спокойствие семейное. Признаюсь в своем пороке: я не могу себя никак принуждать и моя наружность всегда отвечает внутреннему расположению. Молчать я мог потому, что так было должно. Но большего усилия над собою сделать я был не в состоянии; моя холодность к тебе происходила от моего образа мыслей на твой счет и от твоих поступков. Чтобы дать понятие об этом образе мыслей, надобно наперед взглянуть на старое.

Прилагаю здесь три письма, мною писанные к тебе в прежнее время, в разные эпохи нашего несчастного *вместе*.² Я перечитал их с чувством ужаса — все сбылось, что думал тогда. Эти письма дадут тебе понятие о тогдашнем образе мыслей моих. Теперь буду говорить только о том, что было с нами после моего последнего возвращения в Муратово, и еще кое о чем упомяну прежнее.

Помнишь ли наш самый первый разговор об Авдотье Николаевне Воейковой?³ Ты сказал мне тогда, что хочешь на ней жениться, что этою женитьбою хочешь спасти ее от ее несчастных обстоятельств, что для общей вашей безопасности желаешь найти место и для того избрал профессорство или в Дерпте или в Казани — вслед за этим я написал письмо к Тургеневу и он начал хлопотать о профессорстве. По глупейшему простодушию я счел, что одно побуждение самой нежной дружбы к Авдотье Николаевне тебя заставляло желать этого супружества. После ты заметил что тебя *ищут* — мысли переменились. Первая связь забыта. Ты поехал в Петербург, с другими надеждами, но все для своего профессорства, и там уверил Кавелина⁴ и Сиверса⁵ (от которых это я слышал сам), что профессорство и самая женитьба нужны тебе единственно для меня, что мои выгоды этого требуют. Нынче в Петербурге читаю письмо Саши к Кавелину, в котором стоит: «Воейков признался, что связь была разорвана и что и в самом деле так было, потому что он желал места в Дерпте для того только, чтобы быть от нее далеко».⁶ И это написано в каком письме, в том, которое должно было служить вместо *исповеди* перед оскорбленным благородным сердцем Кавелина. Кавелин требовал от тебя раскаяния, а ты, чтобы себя оправдать, *солгал* в ту минуту, в которую всем бы сердцем должен был тронут и обрадован возможностью простым признанием перед *второю твоею совестью* (как ты говоришь сам о Кавелине) обратиться к добру и все мерзкое прошедшее загладить прямым благородным желанием добра. Вот была для тебя минута *перерождения* — вместо того чтобы решиться *быть* прямо добрым, ты с совершенным равнодушием к добру решился только *казаться правым*, и перед кем же? перед честным чистым другом, который подавал тебе руку помощи. В такую святую минуту ты решился быть низким обманщиком и не постыдился заставить ангела жену твою написать то, чего бы не должно была *она* писать. И что же еще? вме-

сто того чтобы иметь какое-нибудь сожаление к той женщине, которая была тобою развращена, ты все сваливаешь на нее. Саша пишет: «Выходя замуж за Воейкова, я ничего не знала о связи его с этою ужасною женщиною, которая ничего не имеет святого и которая завела его удивительным притворством, фальшивою искренностию и романическою страстию. Добрый, умный и простодушный мой Воейков считал себя любимым выше всего и что всем для него жертвовали». — Это пишет чистое перо Саши, пишет от имени своего мужа, который стоит перед своим другом, требующим от него искренности, прямодушия!

Ты так же поступил и со мною! Помнишь ли, когда в Муратове (в то время когда ты еще только начал надеяться войти в семью Еккаторины > Афанасьевны) я сказал тебе о том, что слышал от Мерзлякова⁷ о твоей связи — что ты мне ответил: *Мерзляков клеветник и пьяница!* И я имел несчастье поверить — да для меня казалось естественнее Мерзлякову *ошибиться* и сказать вздор, нежели тебе с таким спокойствием говорить *наедине* тому человеку, которого ты называл другом, *такую бесстыдную* ложь! Все это пишу не для того единственно, чтобы сказать тебе что-нибудь жестокое, — в этом нет ни удовольствия, ни пользы, — мое письмо имеет совсем другую цель. Оно должно оправдать мою к тебе холодность, показать ее причины, а вместе с причинами и то, что тебе для собственного твоего счастья и для спокойствия твоей семьи можно и должно поправить. Поверь, что во все это ничто собственно мое не входит; мы теперь навсегда розно; но, по несчастью, все, что мне дорого, зависит единственно от тебя — если у тебя есть сердце, то мой голос до него дойдет, если ж нет, то я исполнил то, что считал должным.

Помнишь ли наше первое расставание в Муратове?⁸ С начала я был в отчаянии — тогда не было для меня еще ничто известно об Авд. Ник. Воейковой, но я уже начинал *подозревать* истину. И из этого предсказывал себе несчастную судьбу Саши и Маши. Но я подумал, что прошедшее еще можно загладить, и решился поговорить с тобою искренно.

Я помню мой разговор с тобою в моем флигеле — я всем сердцем тебе вверился и, напоминая тебе о нашей молодости, требовал, чтоб ты исполнил то, что было положено между нами *тогда*, то есть быть добрыми товарищами в жизни; помню и то, что писал к тебе после моего отъезда в Чернь;⁹ ответ Саши на это письмо у меня перед глазами. Требование мое не в том состояло, чтобы ты исполнил невозможное, — это было бы безумно! Но в том, чтобы ты был утешителем Маши, — спрашиваю, исполнил ли ты эту просьбу? Не притворяйся передо мною и не думай обмануть меня словами — я видел твое обхождение с нею! В нем нет никакого благородства! Тебе приятнее каждую минуту давать ей чувствовать, что ты всемогущий в доме, что ты владеешь и сердцем ее матери, что твоя воля ей закон, нежели быть ей таким товарищем, как должно! Последнее труднее! для этого надобно иметь чувство, входить с нежностью в грустное состояние души — ты вы-

брал лучше удовольствие притеснять и мучить! В самом деле удовольствие, особливо когда перед тобою молчат! Но чтобы иметь такое удовольствие, надобно иметь особенную черствость в душе! В этом случае, конечно, достойнее сожаления ты, нежели она! Страдания могут кончиться! Никто на свете не сделает ничего вопреки провидению, но причинять страдания и иметь в душе пужную для того способность — вот несчастье совершенное! Посмотреть *издалека* на судьбу твою — как ей ни позавидуешь!

Семья, такой другой не найдешь в свете, все лучшие радости жизни под рукою — что бы тут могло быть? настоящее счастье, взаимная доверенность, взаимное уважение, все! по чтобы пользоваться всем этим, не достает только человека! Ты посреди этого добра слеп и нем душою! И я не говорю об одной Маше — я говорю о *всех вообще*, но для Екатерины и Афанасьевны нет и не может быть такой тяжести — кроме иных минут, ты показываешь ей все *наружности* любви, а я знаю, как она легко может довольствоваться *наружностью*! Кому ей *надобно* верить, она тому верит! Только бери на себя труд *казаться*, и *будешь* всем, чем только желаешь, в глазах ее.

Но, спрашиваю, верно ли такое счастье? Что это за согласие семейное, которое все основано на притворстве? И как бы легко было ему быть *истинным*, когда бы только те, которые составляют семью, решились не *казаться*, а *быть* прямо тем, что должно! Ты хочешь дать им чувствовать, что я холоден с тобою от каприза и своеволия! Нет, я холоден с тобою, или, яснее, я разорвал всю с тобою дружбу, за твое притворство, за твою нечувствительность, за твое грубое с ними всеми и в особенности с Машею обхождение. *Притворство* — вот его доказательства! Не говорю уж о первом твоём обмане! Но, спрашиваю, кто жарче тебя принял мою сторону? Не ты ли обо всем разблагоевстил в Петербурге! Не ты ли втрое сильнее моего держался моего мнения? Я здесь напому только о твоих стихах, которые навсегда останутся документом твоего тогдашнего (*нужного для твоих выгод*) образа мыслей? Потом не я ли своими ушами слышал, как ты все, что сам утверждал некогда с таким жаром, опровергал еще с большею ревностью, называл святотатством, противным религии и нравственности? Что могло побудить тебя к тому и другому? Надобно было выбрать одно: или быть согласным или несогласным со мною и крепко выбранного держаться. А ты мыслил *со мною одинаково* только тогда, когда считал меня *нужным* — хоть, право, не знаю, на что я мог быть тебе нужен! Все, что было тебе надобно, сделалось без меня и пособие мое только все бы для тебя испортило. И ты *перестал* соглашаться со мною, как скоро увидел, что я тебе ни на что *не надобен*. Поверь, что мне никогда бы в голову не пришло обвинять тебя за неудачу, — ибо успех не в твоей воле! но за такую переменчивость по нужде и месту можно ли не обвинять! Притворство в дружбе, или, лучше сказать, вид дружбы (потому что самой дружбы никогда не бывало), и есть уже натуральное всего этого следствие.

В Москве твердишь мне о том, что непременно надобно просить императрицу, а Екатер<ине> Афанась<евне> твердишь противное; то вступишься за меня, то опять скажешь ей, что мне слишком много дают надежды; одним словом, играешь ею и мною.

Здесь в Дерпте напомним только о двух случаях: увидев однажды у Маши мои экстракты, которые она должна была пере-

А. А. Воейкова-Протасова. Рисунок неизвестного.
Карандаш.

писывать, я, не говоря ей ни слова, унес свои тетради, и после об этом сказал тебе же; ты побежал к ним и сделал страшную историю: я прихожу к вам — мне ни слова, большая со мною ласка от тебя и большая *холодность* от Е<катерины> Афанась<евны>. К счастью, приходит Маша и требует от меня *при тебе* назад моих тетрадей — это доказало мне, что уже все *сказано было* Екатер<ине> Афанась<евне>, но сказано (как и многое) *не при мне*. Где же прямодушие? И как жить вместе, когда в *одном углу* друг о друге будут говорить противное тому, что скажем в *другом*! Тебе же всегда говорить легко — тебя спрашивают,

тебе верят; я буду только чувствовать следствие разговоров, а что сказано, того знать не буду.

Другая черта: я обещал Е<катерине> А<фанасьевне> переменить совершенно свое чувство к Маше, обещал искренно — верь этому или не верь, в этом нет большой нужды. Но знаешь ли настоящую причину этого обещания? Я думал получить за него полную доверенность, полное право быть Машиним братом, ибо видел, что ей нужна подпора, и *подпора от тебя*, ибо видел, что ты не только не имеешь к ней надлежащей привязанности, но в случае нужды способен ею пожертвовать! Я надеялся получить эту доверенность, и тогда, имевши в нашей семье одинакие права с тобою, я был бы от тебя не зависим и именно тогда могли бы мы быть с тобою дружны. Да дружны, потому что тогда уже я мог бы любить в тебе Сашина мужа и моего родню и иметь полную свободу в семье и искреннюю дружбу сестры, считал бы обязанностью говорить тебе все прямо и тем беречь общее счастье! На несколько минут вообразил, что такая связь между мною и Е<катериной> А<фанасьевной> возможна, и как гора упала с сердца! Все, что на нем было против тебя, тотчас пропало из памяти. Я помню наш разговор с тобою: ты говорил мне вещи жестокие, но у меня тогда было на душе легко и я принял это за искренность и был тебе благодарен. То, что я тебе написал тогда в альбом, было искренним выражением моих мыслей. Я выдрал эту страничку из твоего альбома, там она не на месте; но здесь она кстати. Вот что было там написано: ¹⁰

*Хороший плод хорошего разговора. «Счастлив тот, кому удастся пройти по земле, не споткнувшись, или кто, споткнувшись, воздержался от падения! Но еще не совсем несчастлив тот, кто, упавши, сохранил силу подняться и спешил ею воспользоваться; кто вовремя может себе сказать: нет ничего лучше исполнения должности; кому осталось если не столько жизни (ибо как польститься на жизнь), то по крайней мере столько надежды на жизнь, чтобы это исполнить на деле. Исполним же это на деле и если можно вместе. Что бы ни сулили страсти, но годами своих наслаждений не дадут они того, что дает одна минута добродетели. Какая бы ни была наша судьба — она зависит от провидения! Но то, что от нас зависит, есть: быть ее достойными, когда она счастлива, и быть лучше ее, когда она несчастна. Все в жизни к великому средство».*¹¹

Эти мысли были точно плод нашего разговора, но они пришли не в первый раз мне в голову. Дело уже было решено. Я уже прежде написал письмо к Е<катерине> А<фанасьевне>, в котором обещал быть ее братом. Я думал, что это было дело возможное, и мне легко было от всего сердца помириться с тобою. Я готов был на товарищество с тобою, и то, что ты мне говорил, очень тяжелое, но отчасти справедливое, хотя было оно сказано с обыкновенною твоею грубостию и все увеличено, тронуло меня, потому что я видел тут что-то искреннее и считал это задатком того, что я сам в свою очередь хотел для тебя делать. Ты говорил мне, что

я обманул Ек^катерину» Аф^ан^ас^ьевну», что мне должно *заслужить* прежде ее доверенность, что некоторые мои поступки были точно *дурны и неприличны*, что я сам у себя отнял право на доверенность. И я со всем этим согласился. — Теперь много бы дал я здесь тебе объяснений на все это, но на что мне! — Это меня поразило тем более, что я был искренно готов всем пожертвовать, и уверяю тебя, что тогда было совершенно забыто, что ты своими дурными поступками заставил меня решиться на такое пожертвование, на которое я и не считал себя способным — одним словом, я видел перед собою новую жизнь, семейный покой, общее согласие, общую взаимную доверенность, прекрасное *вместе*, посвященное добру и счастью! Дурацкое заблуждение! Через несколько дней, читая твои стихи в мой альбом, я изорвал их, но оставил для тебя список. Вот они:

У гениев, как у царей,
Премножество льстецов под именем друзей,
Но я уверен в том по чести,
Что человек с умом
Найдет различие меж другом и льстецом:
Льстец гладит по шерсти, друг гладит против шерсти! ¹²

Это было прочтено с торжеством, в общем собрании. Но такого ли ответа можно было мне ожидать! Эти стихи должны были заставить думать, что все мною сделано по твоему совету, и ты этим вздумал хвастать! Ты подавал мне спасительные советы?! Но когда же? Не тогда ли, когда в Петербурге всех уверял, что Дерпт и женитьба тебе нужны только для меня, не тогда ли, когда вместе со мною просил И^вана^а Влад^ими^ровича^а ¹³ написать письмо к Ек^катерине» Аф^ан^ас^ьевне», над которым после смеялся? Не тогда ли, как вместе с Плещеевым созидал план насчет императрицы и потом в Москве перед отъездом в Дерпт советовал мне этот план исполнить, говоря между тем все противное Ек^катерине» Аф^ан^ас^ьевне»? Наконец, не тогда ли, как мне советовал увезти Машу? и пр. и пр.

Чтобы узнать твое намерение, я спросил у тебя при Ек^катерине» Аф^ан^ас^ьевне»: «Когда же случилось, чтобы ты гладил меня *против шерсти*?!» И я угадал твой ответ прежде. Ты именно указал на *последний наш разговор*! Но кто же и тут заставил тебя говорить, как не я! И не *правда*, сказанная тобою, мне понравилась (она пришла поздно, потому что все было прежде мною самим себе сказано), — но *откровенность*, с какою была она, по видимому, сказана! вот что меня тронуло! Но ты постарался все разрушить! Ты вздумал похвастать своим прямодушием и себя *выставить*!

Ты почувствовал, что мое искреннее пожертвование (которым я хотел получить полное право отца Машина, которое должно было сделать и меня ее подпорюю) давало мне равенство с тобою и полную от тебя независимость, что ты переставал быть для меня *подателем всех благ и надежд*, а для Ек^катерины» Аф^ан^ас^ьевны

евны) *спасителем от всех бед*, и поспешил уверить ее, что и в этом случае она тебе же всем обязана. Нет! На лучшую минуту жизни моей ты не имел того влияния, какое хотел показать им! Если я решился переменить все свои чувства к Маше, то это не по твоему совету, а только потому, что видел, каков ты с нею и как ей [нужен человек], которому бы ее счастье было *свято*! Но ты напрасно беспокоился. Те условия, на коих мне возможно было бы исполнить свое обещание, и без тебя уничтожились! Это было одно заблуждение! Доверенности не дано, и дано не будет! А без нее, на что бы я ни решился, все пустое! Не достанет ни терпения, ни сил! И без тебя я ничего бы не был в состоянии исполнить! Но благодаря твоему пособию, твоей скрытности и притворству все вдвое невозможнее.

Я скоро увидел, что мое обещание брошено на ветер, что оно произвело только на два дня какую-то перемену, а на сердце и не подействовало; что я, все обещавши, буду один только связан моим обещанием; что в положение мое никто не войдет и никто войти не способен; что вы, имея *все свое*, и не воображаете, чтобы кому-нибудь был *в чем* недостаток! Это решило меня уехать, все оставя на волю божию — против этой воли никто ничего не сделает! Я поехал от вас из Дерпта с твердым намерением возвратиться только *для крестин* и потом уехать навсегда. И это теперь исполняю. Чтобы с вами жить, надобно *сдержат* данное слово, но это совершенная невозможность! Никакая твердость не устоит в этой бездне притворства и принуждения! От меня хотят *ангельских связей, искренней дружбы*, а для этого сами не делают шагу. Ты прежде вместо друга был только сообщником; такую роль весьма легко переменить на роль *шпиона*, так и сделалось; я должен жить по-старому в самом тяжелом отдалении от Маши; видеть твои грубые поступки с нею и молчать! Молчать, потому что говорить нет пользы — ты никогда ни в чем не признавался и имеешь прекрасную способность от всего смело отпереться.

Ты показываешь мне паружную ласку — это легко! *Твое* от меня не зависит; при этом же я с своею холодною должен натурально казаться и капризным, и угрюмым, и несправедливым, потому что на *ласку* отвечаю *суровостью*. Я знаю настоящую цену этой ласки. В их глазах она *все*, она тебя оправдывает. Для вас пужна только паружность. Кто молчит, тот спокоен и счастлив. Кто подпишет свое имя (волею или неволею) на той книге, где ты написал: *мы счастливы совершенно*, тому чего желать остается. Разрывай у Маши сердце и грубостью и нечувствительностью — потом напиши ей в альбом стихи о своей дружбе! все заглажено! А если еще после всего этого раз пять скажешь свое: *Маша!* — то ты же еще и милость сделаешь! Я радовался твоею нежною благодарностию к Екатер<ине> Аф<анасьевне> за то удовольствие, которое она тебе сделала, отправив Машу к Мантейфел<ям>¹⁴ против ее воли! Как ты был счастлив! как торжествовал! как нежно целовал ее руки! Торжество небесное! И такого

рода сцены возобновляются по несколько раз в месяц А мне между тем ласка! Скажи же, с каким чувством подаешь мне руку? Где участие дружбы? Где раздел огорчению? Где прямотушие? Где помощь сносить тяжелую судьбу? Где желание облегчить ее? Пропади же твоя убийственная логика! Ты был способен целовать руки матери за то, что она тебе в угождение огорчила дочь! И кого же, Машу, у которой и без новых огорчений довольно грусти, которая молчит, терпит со спокойствием ангела, и все прощает! Этой черты одной довольно, чтобы истребить всякую к тебе дружбу! И мне у вас оставаться, мне быть свидетелем, как человек, попавший в рай, делает из него ад; мне быть свидетелем страдания тех людей, которым бы все свое отдал, — и от кого же страдания? От того, кто получил от них без всякой заслуги чистейшие блага! Бедный, несчастный человек, в твоей воле наслаждаться этими благами, а ты их топчешь ногами! Ты можешь быть искренним другом Маши, а ты предпочитаешь этому дьявольское удовольствие рвать ее сердце! Ты мог бы приносить этому прекрасному сердцу отраду, ты был *обязан это сделать*, потому что некогда назывался моим другом, и вместо того что делаешь! Нет! Я не должен у вас оставаться! Я все бы обещанное исполнил, но теперь не могу и *не хочу* ничем быть обязан! За этот ад, который вокруг меня, который вы (беспрестанно обманывая друг друга на словах и на бумаге) называете раем, я должен принести на жертву свою привязанность к Маше. Что ж мне останется! Вы все могли поправить — я был готов на все! Но этой минуты уже не вернуть!

Совершенная уверенность, что ничто невозможно, истребила во мне всякое желание чего-нибудь требовать! Мы теперь расстаемся навсегда! Моего у меня никто теперь не отымет и никто на него права иметь не может! Я столько раз был в отчаянии посреди вас, посреди этого спокойствия, с каким вы сноситесь чужое горе; но теперь нахожу, что это отчаяние есть безумство — кто может что-нибудь против провидения! На что вмешиваться в его порядок! Я с совершенным спокойствием поручаю ему судьбу Маши! Моей связи с нею разорвать нельзя — она будет состоять в хорошей жизни, которая вся будет посвящена ей! на здешнюю жизнь иметь влияние вы можете; рвите ее, как хотите, — все будете вы поболее несчастны! Но *дурной жизни* из нее сделать вам не удастся. Екатерина Афанасьевна разрушила такое счастье, какое было бы *приятно* богу, и ничем, кроме мертвых слов, которым никогда не соответствовало чувство, не наградила за то, что отняла. Радуйтесь своим богоугодным делом, и теперь остается разрушить еще и все остальное, то есть пожертвовать Машею! А это может быть благодаря тебе сделается необходимо. Может быть, ты своими поступками доведешь до какого-нибудь отчаянного намерения и мать и дочь! Я готов клясться, что и Екатерина Афанасьевна видит, с каким жестоким бесчувствием ты обращаешься с Машею. Но она во все тебе дает волю: тебе стоит только пачать с твоим низким лицемерством к ней ласкаться — и

она готова у тебя же просить прощения в твоих грубостях. Ты так неблагодарен к ней, как и вообразить трудно, — за все то счастье, которым она тебя осыпала, ты только притворными ласками ей платишь. Я ее не могу никак понять: как могла она радоваться твоим предательством на счет того человека, которого ты другом величал с таким бесстыдством. А теперь? На каждом шагу обнаруживается или обман, или низость. Сурианино¹⁵ продано, и половина его идет на уплату твоих долгов. Сходно ли то с тем, что ты мне рассказывал? Не ты ли уверял, что на тебе не осталось ни копейки долгу? И не стыдно ли тебе пользоваться Машиним добром? Половина этих денег принадлежит ей — свои деньги плати из своего имени, а их имя должно быть для тебя свято! Но, может быть, у тебя так же *есть* имя, как и *не было* долгов! Стыдись! Они *могут* тебе жертвовать всем своим, но тебе, если в тебе есть какое-нибудь чувство, не должно принимать такой жертвы! Ты должен быть хранителем, а не разрушителем их спокойствия! Они не понимают, как важно иметь независимость; но ты это должен понимать за них! Ты должен это беречь, как святыню!

Все это говорю тебе для того, чтобы уверился ты, наконец, что я холоден к тебе не из каприза, не от врожденной угрюмости; нет, я разорвал с тобою всякую связь за то, что ты со мною поступил как предатель, за то, что ты лицемер и обманщик, за то, что ты, вместо того чтобы быть счастливым, имея на то все способы, только все делаешь для разрушения счастья, и чьего же счастья: таких людей, которым всем обязан! Опять повторяю, что я здесь никакой своей выгоды не имею — мои с тобою расчеты кончились. Но мне рвет душу видеть, кому досталось все то блаженство, каким я бы легко наслаждался. От них ты не услышишь такой жестокой правды. Екатерина Афанасьевна все находит прекрасным; я уверен, что и ответ к Кавелину, образец лицемерства, кажется ей восхитительным. Посреди их ты и пужным не найдешь себя поправить — и дурное и хорошее равно удастся. Стоит только *казаться*, а ты это искусство имеешь. Говори: я *добр* — тебе будут верить. Тверди о религии — будут считать тебя святым, хотя бы все в поступках твоих противоречило религии. И так от них не жди побуждения быть лучшим. Но я говорю тебе правду и, может быть, еще вовремя; может быть, еще осталось в душе твоей сколько-нибудь привязанности к хорошему — не уничтожай этого остатка! Если теперь не воспользуешься возможностью быть человеком, то ты погиб навсегда и всех с собою погубишь. Все способы быть счастливым в твоих руках, не отталкивай их с слепотою, достойною сожаления. Перестань обманывать самого себя на свой счет и решишь *быть* всем тем, чем ты с таким усилием хочешь только *казаться*.

Ты беспрестанно твердишь о своей *вспыльчивости* — ты себя обманываешь; ты не только вспыльчив, но ты *скрытен* и *притворен*. Но скажи мне, нужно ли тебе притворяться? Если можно, *поверь мне* и брось эту маску! Будь искренен в твоей привязан-

ности к ним — Екатерина Афанасьевна имеет на нее право! Перестань думать, что ты всего достоин, а лучше прекрасною жизнью загладь прошедшее! Это в твоей власти! Тяжело *тому* быть добрым, который должен бороться с судьбою и всего лишен! А ты все лучшее в жизни имеешь! Вообрази, как ужасно быть собственным своим убийцею, а ты умерщвляешь и себя и тех, кто теперь скованы с тобою, умерщвляешь не для одной здешней жизни — скажи мне, с чем придешь к той жизни, которой ты должен верить, хотя из поступков твоих это и не видно! Неужели, пося целый век маску и будучи мучителем добрых, которых судьбы от тебя зависят, ты можешь надеяться на какое-нибудь счастье здесь и там? Все истинные твои выгоды требуют, чтобы ты переменялся и очистил свое сердце! Без этого, как ни обманывай других, ни ты, ни твоя семья не будете иметь счастья! Как вы ни притворяетесь друг перед другом, все в глубине души будет яд! И ты, причина несчастья, будешь всех несчастнее! Ты называешься другом Кавелина, — так он тебе друг и он стоит этого имени. Но тебе еще *надобно* этого сделаться достойным! Теперь на это название ты не имеешь права — я говорю здесь твоей совести! Что тебе выгоды, если другие по твоим словам будут воображать, что ты и он друзья! Сердце будет тебе говорить, что этого нет — а это главное! Чтобы быть другом Кавелина, тебе надобно быть добрым, делать счастье твоей семьи, иметь в этом случае не письменные на полях книг документы или записки в журнале (где нет ни строки справедливой), а свидетельство совести — получи же это свидетельство! Я утверждаю, что тебе еще это можно и что время не пропало. Мне же нельзя быть твоим другом — все мое от тебя зависит, а ты поминутно разрываешь мне сердце. Но не потеряй и того человека, который тебе остался. Он с благородным сердцем тебе подает руку — будь этого достоин. Самая твоя *поззия* требует, чтобы ты не одними рифмами, но и душою своею занимался! Не жди доброго стиха без доброго сердца — будь благороден, прямодушен и чист, тогда и за хорошие стихи ручаюсь! Или решишь, чтобы и стихи твои носили на себе такое проклятие, какое будешь носить всю твою жизнь, если твое сердце останется таким всегда, каково оно теперь.

Ты можешь сердиться за письмо мое, как хочешь; можешь продолжать жить, как живешь; можешь отравлять жизнь всех, кто тебя окружает, — итог под этим все будет *твое несчастье*. Торжествовать ты можешь, но на минуту — провидение есть, и я ему верю с тех пор гораздо более, как видел страдание и бессилие Маши перед тобою! Горе тебе, если ты способен радоваться таким могуществом! Бедный, погибший человек, если ты радуешься возможностью быть мучителем доброго! Ты окружен добрыми! Тебе стоит только решиться быть их товарищем! А ты добровольно гонишь себя из этого круга! Ради бога, одумайся! На это один способ: *искреннее желание быть добрым*. Сбрось все маски! Помни Кавелина! Я бы тебе напомнил и о прошлом времени, в которое был ты товарищем Тургенева и других,¹⁶ из ко-

торых все почти остались на прямой дороге, — не покидай же из доброй воли этих товарищей! Тебе это будет непростительным, потому что ни один из них не имеет такой прекрасной судьбы, как ты. Но что же твоя судьба, когда не будешь уметь ею насладиться.

22 августа.

На это письмо ты можешь отвечать грубостями — этим ты ничего не докажешь! Мне твои грубости не будут оскорбительны — все будешь несчастлив *истинно* ты и твоя семья! докажи опытом, что я несправедлив: то есть *их счастьем*, тогда твое оправдание будет в лучшем месте, *у тебя в душе*. Если слово друг было на языке твоём не пустое слово, то тебе должно быть нужно возратить потерянного друга — на это один способ! Если ж ты к этому равнодушен, продолжай жить по-старому и наживай несчастье.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 29399, л. 2—6 об.

¹ Имеются в виду дневниковые записи, которые семейство Воейковых и Протасовых делало обычно на полях книг или в особых альбомах.

² Цитата из «Эоловой арфы» («Минутная сладость веселого *вместе* Помедли, стой!»), которой поэт обычно пользовался для обозначения своего будущего союза с Машей Протасовой и жизнью в кругу ее семейства. В данном случае Жуковский намекает на тот глубокий внутренний разлад, который внес в эту семью Воейков. Три своих письма к нему, связанные с личной драмой, поэт объединяет в своего рода лирический дневник. В него входят помещенное выше письмо от 19 июля 1814 г., ответное письмо Воейкову из Черни от 10 сентября 1814 г. и данное письмо.

³ Авдотья Николаевна Воейкова — по-видимому, женщина, с которой у Воейкова была внебрачная связь и о которой стало известно семейству Протасовых незадолго до свадьбы Александры Андреевны. Сведения об этой женщине противоречивы: с одной стороны, ее путают с Авдотьей Николаевной Арбеновой, родственницей Жуковского по отцу (дочерью Н. А. Вельяминовой, родной сестры Е. А. Протасовой); с другой стороны, не совсем понятно, почему она носит фамилию Воейкова. Как известно, до женитьбы на А. А. Протасовой Воейков был холост. Вместе с тем Жуковский несколько раз называет эту женщину Воейковой. Надо полагать, она была однофамилицей, а возможно и родственницей А. Ф. Воейкова. Сведения об их совместной жизни в марте—декабре 1813 г. см. в дневниковых записях Воейкова на полях книги «Сочинения Ив. Дмитриева» (ч. 1—3. М., 1803) (см.: ИРЛИ, р. I, оп. 25, ед. хр. 95, л. 140). В публикуемом нами письме ее имя впервые раскрывается полностью (ср.: «Дерптский дневник» В. А. Жуковского. — В кн.: *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Париж, 1926, с. 127; следует исправить неверную отсылку М. Л. Гофмана, будто в дневнике речь идет об А. Н. Арбеновой). Необходимо отметить, что публикуемое письмо имеет множество текстуральных совпадений с «Дерптским дневником» (вплоть до переклички дат: например, одна из дневниковых записей помечена 19—22 апреля, а публикуемое выше письмо к А. Ф. Воейкову — 19—22 августа того же 1814 г.). Обращаясь к нему, Жуковский использовал свои дневниковые записи.

⁴ Кавелин Дмитрий Александрович (1778—1851) — друг Воейкова и Жуковского, участник «Арзамаса», директор Медицинского департамента, впоследствии директор Петербургского педагогического института, в феврале 1819 г. преобразованного в Университет. Подробнее о его взаимоотношениях с Жуковским и Воейковым см.: *Иезуитова Р. В.* Из неизданной переписки В. А. Жуковского. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела на 1979 год. Л., 1981, с. 88—89.

⁵ Возможно, имеется в виду сослуживец А. И. Тургенева по Департаменту духовных дел иностранных вероисповеданий Егор Петрович Сиверс (см.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 157), однако не исключено, что речь идет о Егоре Карловиче Сиверсе (1779—1827), одним из основателей ланкастерских военных школ, известном деятеле военных учебных заведений.

⁶ Письмо А. А. Воейковой к Д. А. Кавелину, о котором пишет Жуковский, целиком в печати неизвестно, отрывки из него см. в «Дерптском дневнике» Жуковского (*Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже, с. 134).

⁷ Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, переводчик, критик, профессор Московского университета, в молодости друживший с Жуковским и Воейковым. В доме последнего на Девичьем поле в Москве Мерзляков в самом начале 1800-х годов снимал комнаты (см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915, вып. I, с. 36).

⁸ Воейков уехал из Муратова, куда был приглашен в конце 1813 г. Жуковским, в самом конце января 1814 г. (см.: *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1903, с. 13).

⁹ Жуковский имеет в виду свое письмо к Воейкову от 14 сентября 1814 г.

¹⁰ Свою запись в альбоме Воейкова Жуковский перенес также в «Дерптский дневник» (см.: *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина, с. 135).

¹¹ Цитата из стихотворения «Теон и Эсхин», написанного в Долбине осенью 1814 г. и отражающего стремление Жуковского обрести жизненное равновесие в момент полного крушения его надежд на брак с М. А. Протасовой. Пытаясь найти выход из своего тяжелого душевного кризиса, поэт философски осмысливает цель и назначение человеческого бытия. Он приходит к утверждению законообразности как его светлых, так и тeneвых сторон.

¹² Альбомный экспромт Воейкова см. также в «Дерптском дневнике» Жуковского (*Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина, с. 136).

¹³ Лопухин Иван Владимирович (1756—1816) — деятель культуры и просвещения, масон, близкий Н. И. Новикову и И. П. Тургеневу, участник Дружеского ученого общества, впоследствии сенатор, автор известных «Записок». Лопухин был одним из учителей и наставников юного Жуковского, неизменно сохранявшего глубокий пиетет перед ним. Добиваясь согласия Е. А. Протасовой на свой брак с Машей, Жуковский обращался за содействием к Лопухину, надеясь с его помощью убедить ее в законности этого брака. С этой целью он в феврале 1814 г. ездил к нему и получил его одобрение (подробности этой поездки поэт изложил в письме к А. П. Киреевской, см.: *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия Жуковского. СПб., 1883, с. 57—58).

¹⁴ Мантейфели — дерптские знакомые Воейковых.

¹⁵ Сурианино — маленькое имение Протасовых в Орловской губернии, вблизи Муратова, в котором должны были поселиться Жуковский и Маша Протасова, если бы им удалось добиться согласия Екатерины Афанасьевны на брак.

¹⁶ Жуковский имеет в виду товарищей по Дружескому литературному обществу (1801), в которое входил и Воейков. Общество это собиралось обычно в доме последнего на Девичьем поле.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — М. Е. ЛОБАНОВУ

〈1823—1826. Петербург〉.

8

С сожалением должен отказаться от ваших блинов, любезнейший Михаил Астафьевич. Должен ехать в Смольный монастырь, где пробуду до половины четвертого часа. Попросите Крылова съесть за меня мою порцию и выпить за ваше здоровье.

Вам преданный
Жуковский.

9

Буду непременно к любезному имениннику. Желал бы только знать, в котором часу, в три или четыре? И еще условие: позвольте мне уйти тотчас после обеда, ибо никак нельзя будет остаться, к сожалению.

Вам преданный
Жуковский

10

Я говорил с графом Моденом о ваших условиях, почтеннейший Михаил Астафьевич. Не угодно ли вам будет самому к нему пожаловать — он живет в Аничковом дворце. Или не зайдете ли *завтра* часов в 10-ть поутру ко мне — мы бы пошли вместе. Уведомьте

вам преданного
Жуковского.

ИРЛИ, ф. 93, оп. 4, № 45, л. 1—2; ф. 416, № 10, л. 1—2 об.

Три недатированные записки Жуковского к М. Е. Лобанову (1787—1846), драматургу-переводчику, близкому к «Беседе любителей русского слова», сослуживцу Крылова и Гнедича по Публичной библиотеке, будущему члену Российской академии (1845), на основании их содержания могут быть отнесены к 1823—1826 гг. Основания для такой датировки следующие. Хотя знакомство адресатов относится к началу мая 1815 г. (см. об этом свидетельство Вигеля, подробно описавшего всех присутствующих на встрече с Жуковским, приехавшим 4 мая 1815 г. из Дерпта в Петербург: *Вигель Ф. Ф. Записки*. М., 1892, ч. IV, с. 135), оно не переросло ни в обоюдную симпатию, ни в тесное личное общение. Во всяком случае, сведений о посещении Жуковским Лобанова ни в дневниках, ни в переписке поэта 1815—1822 гг. не имеется. Иначе сложилась литературная ситуация 1823—1826 гг. когда приехавший в 1822 г. из-за границы Жуковский получил повсеместное признание и широкую литературную

известность. Близость Жуковского к придворным кругам, налагавшая на него ряд дополнительных официальных обязанностей (в частности, связанных с участием, начиная с 1823 г., в выпускных экзаменах Екатерининского института благородных девиц, Патриотического института и т. п.), способствовала его общению и с М. Е. Лобановым. Важность внешне мало-значительных по содержанию записочек Жуковского к Лобанову определяется, во-первых, шутливым и дружеским по тону упоминанием о Крылове, дружившем с Лобановым и постоянно бывавшем в его доме, и, во-вторых, содержащимся в последней из публикуемых записок (написанной скорее всего незадолго до второго отъезда Жуковского за границу в мае 1826 г.) указанием и на деловые отношения, связавшие адресатов. В ней идет речь о каких-то «условиях» Лобанова с графом Г. К. Моденом, гофмейстером императрицы Александры Федоровны.

Смысл этих переговоров разъясняется из письма А. А. Воейковой к Жуковскому от 17 ноября 1826 г., в котором сообщается о том, что в отсутствие Жуковского его обязанности учителя русского языка Александры Федоровны выполнял М. Е. Лобанов (см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915, вып. II, с. 17).

11

В. Н. ОЛИН — В. А. ЖУКОВСКОМУ

18 декабря 1819 г. С.-Петербург.

Милостивый государь Василий Андреевич!

Давно желал я иметь честь лично познакомиться с вами: лично, говорю я, милостивый государь, ибо по сочинениям вашим я уже давно знаком с вами. Николай Иванович Гнедич¹ обещал удовлетворить моему желанию; однако по сие время ни ему не удалось исполнить обещания, ни мне воспользоваться обещанным. И так я решился, милостивый государь, письменно просить у вас согласия, позволить мне посетить вас — вас, которого гений был всегда предметом и моего восхищения и — моего отчаяния. Смее надеяться, что вы не откажете исполнить мою просьбу. Препровождаю к вам журнал мой² и прошу вас принять оный благосклонно. Пусть сие письмо будет хоть слабым свидетельством того глубочайшего высокопочитания, с каковым честь имею быть, милостивый государь, ваш всенижайший и всепокорнейший слуга

Валериан Олин.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 28183, л. 1.

¹ Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — поэт, переводчик, критик, пользовался широкой известностью в литературных кругах Петербурга.

² Имеется в виду «Журнал древней и новой словесности» (1818—1819), издаваемый Олиным, который, видимо, надеялся привлечь к участию в нем Жуковского. Начав свою литературную деятельность в кругу «Беседы любителей русского слова» (отсюда, возможно, берет и свое начало знакомство Олина с Н. И. Гнедичем), Олин к началу 1820-х годов постепенно переходит в лагерь романтиков; сочувствием к романтизму отмечена уже литературная платформа издаваемой им газеты «Рецензент» (1821), см.:

Степанов В. П. В. Н. Олин. — В кн.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972, т. I, с. 116—118. (Б-ка поэта. Большая серия). Комплиментарный отзыв о Жуковском свидетельствует о тяготении Олина к течению русского романтизма, возглавляемому Жуковским.

12

В. А. ЖУКОВСКИЙ — В. Н. ОЛИНУ

〈Около 19 декабря 1819. Петербург〉.

Искренно благодарю вас за ваш приятный подарок именно для меня. Я не премину скоро прочесть журнал <?>. Жаль, я не <нрзб.>, чтобы <нрзб.> мне чести вашего отношения, сердечно рад буду его приобрести. Я бы желал на следующей неделе или во вторник или в четверг поутру иметь честь вас видеть у себя: вернее же будет в четверг. В отличном уважении, в моем совершенном почтении. . .

ИРЛИ, Онегинский архив, № 28183, л. 1 об.

Малоразборчивый черновик ответного письма Жуковского В. Н. Олину написан сразу же или вскоре после получения письма последнего (см. письмо № 11). Жуковский благодарит Олина за подаренный ему журнал. Учитывая, что основное содержание публикуемых в нем произведений было связано с античностью, знатком и ценителем которой был Жуковский, можно утверждать, что засвидетельствованное в письме внимание и уважение к начинающему литератору было со стороны Жуковского вполне искренним.

13

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

30 мая 1823 г. Петербург.

Василия Андреевича, которому язык богов есть язык природный, весь Екат<ерининский> институт¹ на коленях просит — к завтраму в ночь стихов десяток² для поднесения высокой основательнице оного, в день 25-тилетнего юбилея, в пятницу — то есть послезавтра — быть имеющего. . . Вы обяжете благодарности весь институт; причем нахожу излишним припоминать об особой благодарности пребывающего с истинным почтением и преданностью

покорнейшего слуги

Юр. Нелединского-Мелецкого.

Коли не будет другой оказии прислать просимые стихи, то просите г. Фридрици,³ чтоб он послал с нарочным.

¹ Екатерининский институт благородных девиц был основан императрицей Марией Федоровной (женой Павла I) в 1798 г.

² Стихи в честь основательницы Екатерининского института — скорее всего «Прощальная песнь, петая воспитанницами общества благородных девиц, при выпуске 1824 г.», в которой есть следующие строки, обращенные к Марии Федоровне:

О, наша милая, родная,
Твою обитель покидая,
Уносим в сердце образ твой!

(Жуковский В. А. Полн. собр. соч. СПб., 1902, т. III, с. 67).

³ Фридрици Ермолай Карлович (1779—1869) — комендант г. Павловска.

14

А. А. ШАХОВСКОЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

Москва, 30 мая 1829 г.

В течение трех лет, в которые не имел чести с вами видеться, почтеннейший и любезнейший Василий Андреевич, я начинал несколько драматических сочинений, но не мог сделать ничего, кроме бенефисных скороспелок; мысль о неприятностях, предстоящих при представлении моих пьес, отбила у меня охоту к драматургии; но никакие огорчения не могли меня вовсе отводить от метромании и талии. Я ухватился за лиру, не бывши, однако ж, уверен, успею ли в сем, почти новом и, может быть, уже позднем предприятии.

При чтении моего Аристофана¹ вы, кажется, были довольны разностопностию некоторых стихов, и я тогда сообщил вам желание мое — воспользоваться выгодами нашего риторического языка и написать драматическую поэму, в которой разные стопосложения будут уже приноровлены не к карикатурам действующих лиц, а к страстям и к рассказу; вы это одобрили. Причиной — годá в деревне; не видав долго нашего театра, я начал было романтическую трагедию, различными стихами, но, возвратясь в Москву, никак не мог ее продолжить; однако ж не хотел отстать от моего намерения обогатить наше стихотворство изменением стопосложения звуков, которыми пленяло аттические уши. Некоторые нововведения, удачно принятые на сцене, внушили мне смелую настойчивость, и я непременно хотел испытать не вовсе одряхлевшие силы мои в том, что не совсем удалось ослабшей старости безмеренного Державина, и по словесце попытка не пытка, а спрос не беда, я принялся во все искусство <?> за равномерные стихи, и решился спросить вас, удались ли они мне? — Сближение великих событий 1812—1814 годов мне казалось всегда самым высоким предметом поэзии.

Торжество веры, правды, благочестия и явной воли всевышнего в противоположности с безверием, гордыней и силой ума человеческого должны произвести священный ужас, сострадание и убеждение, которые были во все времена высочайшей целью поэтов: с тем я, терзаемый стихобесием, решился вылить из сердца моего, всестопными стихами, воспоминания о взятии Москвы и Парижа.² Я сделал, что мог, и заклинаю вас сказать мне откровенно, то ли я сделал, что можно и должно было? Вы это должны знать лучше всех наших современников и соотечественников. Вам он уже помог воспеть первую часть описанного мною (что, признаюсь, мне не очень приятно), я не мог избежать встречи с вашими идеями и чувствами, увлеченный одним предметом и одним впечатлением.

Я принужден был сделаться несколько отголоском вашим, и прошу вас простить мне невольное мое похищение, которое (как вы сами должны были увидеть), если и будет вредно, то, конечно, не вам; напротив, критика может обвинять меня там, в чем я всегда старался быть правым. Но теперь по необходимости грех моего попутал, а явный грех, как говорит писание, малу вину творит.

Вы некогда, читая перевод ваш, Иоанны д'Арк, требовали от меня, как от искушенного в драматическом деле, искренности, то позвольте мне в свою очередь просить у вас такой же откровенности, и по той же причине, в справедливом суждении о моем лирическом опыте. Яков Григорьевич Брянский³ прочтет вам мои воспоминания, если вам это будет угодно.

Признаюсь в слабости авторского самолюбия; я очень того желаю. Он живее и полнее выразит мысли, чувства и рифмозвучия стихов моих, чем я сам, и вы, может быть, услышите их с большим удовольствием.

Если вы, точно, найдете мое новое сочинение достойным своего предмета, то сделайте милость, присоветуйте, как бы лучше его издать в свет, — разумеется, с сохранением выгод сочинителя, который теперь в тесных обстоятельствах и очень обрадуется, когда мир хотя несколько заплатит ему за долговременные и бескорыстные труды его для театра, где он должен сам платить же, когда видит, как их иногда безобразят, но не хотя паскучить вам панифидой <sic!> моим разноманерным пиесам и полагаясь на доброту души вашей и ваше чистосердечие, беру смелость вверить вам судьбу последнего и потому любезнейшего дитяти

Вашего вечно и душевно преданнейшего слуги
князя Александра Шаховского.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 28326, л. 1—2 об.

¹ Комедия Шаховского «Аристофан, или Всадники» была поставлена на петербургской сцене в ноябре 1825 г. Жуковский, как показывает публикуемое письмо, познакомился с новой комедией Шаховского до ее постановки.

² Речь идет о сочинении Шаховского «Москва и Париж в 1812 и 1814 гг. Воспоминания в разностопных стихах», вышедшем из печати в Петербурге в 1830 г. Подобно Жуковскому Шаховской был не просто свидетелем великой битвы народов и блестящей победы России над наполеоновской Францией, но и непосредственным участником военных действий против армии Наполеона. Эти воспоминания и легли в основу эпической поэмы Шаховского, которую ее автор представил на суд Жуковского, прославленного автора произведений о 1812 и 1814 гг. («Певец во стане русских воинов», послание «Императору Александру»). Книга Шаховского в переплете-папке сохранилась в библиотеке Жуковского (см.: Библиотека В. А. Жуковского: (Описание) / Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981, с. 70 (№ 444)).

³ Брянский Яков Григорьевич (1790—1853) — известный русский актер.

15

А. А. ШАХОВСКОЙ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

7 февраля 1830 г. Москва.

Препровождая к вашему любезнейшему превосходительству экземпляры напечатанных воспоминаний моих,¹ покорнейше прошу, ежели вы найдете приличным, поднести один из них его императорскому высочеству государю великому князю наследнику,² как сочинение, внушенное верноподданному бессмертной славой его великого дяди и отечества.³ Болезнь, удерживая меня дома, препятствует с вами видиться, но надеюсь, что ничего не воспрепятствует вам быть уверенным в душевной преданности вашего превосходительства

Покорнейшего слуги

Князя Александра Шаховского.

Вы увидите некоторые погрешности в печати, как, например, два раза читаем «торжество» вместо «празднество» (и тому подобное), они произошли от торопливости и плохости корректора.

ИРЛИ, Онегинский архив, № 28326, л. 3.

¹ См. примеч. 2 к предыдущему письму.

² Речь идет об Александре Николаевиче, будущем императоре Александре II (1818—1881), наставником которого был Жуковский.

³ Речь идет об Александре I, которого в официальных кругах именовали «спасителем отечества» в войне 1812 г.

П. И. ШАЛИКОВ — В. А. ЖУКОВСКОМУ

17 июля 1839. Москва.

Милостивый государь, Василий Андреевич!

Примите, ваше превосходительство, радостнейшее поздравления с новою монаршею милостию, столь достойно заслуженною, с интереснейшим в свете путешествием и с благополучным возвращением;¹ ибо как один из наших любезных и незабвенных поэтов сказал другому: «А родина... все нам мила».² Поздравляю! Поздравляю!

Я готов, наконец, поздравить самого себя с счастливою мыслию — прибегнуть к вашему превосходительству с отцовскою просьбою, в полном уповании на давнишнее знакомство с вами, от первых свиданий наших у Василия Ивановича Киреевского³ до последнего посещения, которым вы утешили все мое семейство в теперешнем моем жилище при станках типографских.⁴

Из осми человек детей у меня осталось четверо: два сына, один уже служит адъютантом в Егерском полку, другой еще в кадетском корпусе; дочь совершенных лет,⁵ которую вы искренне приласкали за любовь ее к русской литературе и которая прочитала бы вам наизусть какие угодно из ваших стихов, обыкновенно называемых ею музыкальными; ибо она старается любить и музыку, играя довольно хорошо на фортепьяно; а при издании Дамского журнала помогала мне переводами — на язык ваш, а не нынешних литературных неопитов <?> наших. Я истощил все свои средства на ее воспитание. Другая дочь по осмому году; об ней-то я решился, священным для нас именем Карамзина, просить великодушного ходатайства вашего у его императорского высочества, наследника или у ея императорского высочества Марии Николаевны о помещении этой дочери моей, Софьи, в Моск<овский> Екатерининский институт на всемилостивейшее пождивение.

Вы обязали бы вечною благодарностию целое семейство, которое присоединилось бы ко многим с пламенною мольбою о наилучшем из людей.

Может быть, что в Москве я выразил бы слезами отцовские чувствования свои, равно как и глубочайшее почтение и неограниченную преданность, с которыми за счастье поставляю это пребыть на всю жизнь, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшим случаю.

К<н>. Петр Шаликов.

ИРЛИ, Онегский архив, № 28323, л. 1—2.

¹ Имеется в виду путешествие по европейским странам, совершенное Жуковским в составе свиты наследника в 1838—1839 гг. Этим путеше-

ствием закончился официальный курс обучения великого князя, и Жуковский сложил свои полномочия как его наставника. 1 июля 1839 г. Жуковскому был пожалован орден св. Владимира II степени (см.: Формулярный список В. А. Жуковского. — Русский архив, 1902, т. 40, кн. 5, с. 87).

² По-видимому, цитата из стихотворения И. И. Дмитриева.

³ Киреевский Василий Иванович (ум. 1812) — образованный тульский помещик, женившийся в 1806 г. на одной из племянниц Жуковского — Авдотье Петровне Юшковой, отец известных деятелей русской культуры И. В. и П. В. Киреевских.

⁴ П. И. Шаликов имеет в виду казенную квартиру, так как он был многолетним бессменным редактором газеты «Московские ведомости» (1813—1836) и издателем «Дамского журнала» (1823—1833).

⁵ Старшая дочь Шаликова — Наталья Петровна Шаликова (1815—1878), впоследствии известная писательница (псевдоним — Е. Нарская), автор ряда повестей и рассказов, печатавшихся в «Современнике», «Беседе», «Русском вестнике» и других журналах второй половины XIX в. Творчество Шаликовой встретило положительную оценку со стороны Некрасова и Добролюбова. Н. П. Шаликова была, по-видимому, знакома и с Пушкиным, подарившим ей одну из глав «Евгения Онегина» (см. об этом: *Черейский Л. А.* Новый автограф Пушкина. — Нева, 1979, № 6, с. 218).

П. А. ПЛЕТНЕВ

ПИСЬМА к В. А. ЖУКОВСКОМУ

Публикация Е. П. Горбенко

П. А. Плетнев (1792—1865) появился в литературных кругах Петербурга в конце 10-х годов XIX в. Уже первые статьи бывшего семинариста, недавнего выпускника Педагогического института¹ обратили на себя внимание литераторов пушкинского круга. Трезвый практический ум, уравновешенность и доброжелательное отношение к товарищам по перу снискали ему симпатии и дружбу Кюхельбекера, Дельвига, Жуковского, Пушкина, Баратынского, Гнедича.

Пик творчества Плетнева-критика приходится на годы формирования и расцвета романтизма и романтической критики. По выходе из Педагогического института (1814 г.) Плетнев завязывает знакомства в литературной среде, однако определить свое место в кругу представителей и горячих сторонников нового романтического направления ему удалось далеко не сразу. Хотя Плетнев и не принимал прямого участия в полемике 1810—1820-х годов между «классиками» и «романтиками», его литературно-эстетические симпатии склонялись на сторону последних.

Тесно связанный со многими прогрессивными деятелями русской литературы, декабристского движения, Плетнев разделял концепцию гражданственности литературы Гнедича, Глинки, Кюхельбекера, Пушкина. И это нашло отражение в его выступлениях 1820-х годов. Статьи Плетнева о сочинениях Жуковского, Батюшкова, Пушкина оказались созвучными настроениям передовых читателей его эпохи. Примикая по своим

---

¹ В 1800—1810 гг. Плетнев учился в Тверской духовной семинарии (см.: Ведомости о учителях и учениках Тверской семинарии за 1806 г. — ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 88, № 159, л. 45 об.). В 1814 г. он окончил Педагогический институт в Петербурге (ГИАЛО, ф. 13, оп. 1, № 1455, л. 7). Первые статьи Плетнева — «Известие об Иване Георгиевском, авторе романа „Евгения“» (в кн.: Евгения, или Письма к другу, собранные Иваном Георгиевским. СПб., 1818) и «Стихотворения Милонова» (Соревнователь просвещения и благотворения, 1822, ч. 17).

дружеским и литературным связям к прогрессивным кругам русского общества, Плетнев и в годы нарастания декабристского движения, и в период тяжелой атмосферы слезки и репрессий, последовавших за поражением восстания, не отошел в ряды пассивно сочувствующих. Видимо, причинами негласного надзора полиции над учителем истории и российской словесности, надворным советником Плетневым были его связи с политически неблагонадежными лицами, в том числе и с Пушкиным, а также участие в «Соревнователе просвещения и благотворения» (с 1819 г.), печатном органе Вольного общества любителей российской словесности, и в «Северных цветах».

К романтизму Плетнев шел как воспитанник карамзинской школы. Основные идеи литературно-эстетической концепции Карамзина, его вера в нравственное улучшение человека, в силу разума и прогресс литературы были глубоко прочувствованы Плетневым и в известной степени определили систему его критических воззрений. Но статьям Плетнева 1820-х годов можно проследить движение творческого сознания критика от сентименталистских формул к жанровым формам романтического метода. Выступив в период ожесточенной идейной борьбы старого с новым, в период формирования русской критики как самостоятельного звена художественного творчества, Плетнев в собственной литературной практике выразил сильные и слабые стороны поры становления романтизма.

В начале 1820-х годов Плетнев замышляет обширное обозрение путей развития русской литературы XVIII—начала XIX в. под названием «Общая характеристика русских поэтов» (или «Краткое обозрение русских писателей»). Критик стремился определить место и роль каждого писателя в общем культурном ряду, оценить его творчество как этапный момент в поступательном движении литературы. На образцах поэзии своих современников Плетнев рассматривал идеи «высокой» гражданственности, народности. Уровень развития науки того времени не позволил ему раскрыть демократическую сущность народности, однако в разборе идиллии Гнедича «Рыбаки»² Плетнев прослеживал простоту, естественность и верность художника природе. «... народная поэзия <...> предпочтительнее неопределенной или всеобщей поэзии», — писал Плетнев.³ Статья о Гнедиче свидетельствовала, как отмечал В. Г. Базанов, об участии Плетнева в дискуссии «об использовании фольклорного материала в целях демократизации литературного языка».⁴ В критике Плетнева заметно стремление к утверждению индивидуализации авторского слога, намеченное впервые в статье 1819 г. «О средствах усовершенствования русской словесности как науки». Отсюда такие определения, как «милоновский» дух сатир и «державинские» оды.

Оригинальность критических суждений Плетнева была отмечена уже одним из первых его биографов: «Главная заслуга его заключается в том, что уже в начале 20-х годов, за 14 лет раньше Белинского, <...> он первый ввел характеристики поэтов по существу, по внутреннему характеру

² Соревнователь просвещения и благотворения, 1822, ч. 18.

³ Сочинения и переписка П. А. Плетнева: В 3-х т. СПб., 1855, т. 1, с. 31.

⁴ Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964, с. 256.

их поэзии».⁵ В наибольшей степени это подтверждалось отрывком «О сочинениях Жуковского и Батюшкова» из задуманного им «Краткого обозрения русских писателей». Доказательством серьезности этой работы служит тот факт, что Н. И. Греч, умевший, по свидетельству И. Н. Лобойко,⁶ находить таких рецензентов, приговоры которых «обыкновенно покоряли общественное мнение»,⁷ включил ее в «Опыт краткой истории русской литературы».⁸

Критические суждения Плетнева пользовались авторитетом у современников, он обнаруживал, по определению Вяземского, «изящный и верный вкус, с которым любили справляться и советоваться Баратынский и сам Пушкин».⁹

В историю русской литературы Плетнев вошел как поэт, талантливый критик, автор мемуарно-биографического цикла очерков о Пушкине, Крылове, Баратынском, Жуковском, высоко оцененных Белинским и Чернышевским.¹⁰

«Заслуги, оказанные им отечественной литературе, не кидаются в глаза с первого раза. Но они отыщутся и по достоинству оценятся при позднейшей разработке и приведении в порядок и ясность действий и явлений современной ему эпохи»,¹¹ — так писал о Плетневе Вяземский.

Тема «Жуковский и Плетнев» занимает особое место в историко-литературных исследованиях. На протяжении более чем тридцати лет их связывали тесные дружеские отношения. Разночинцы по происхождению, материальным достоинством обязанные службе, литературные единомышленники, бескорыстно приветствующие всякий нарождающийся талант, Плетнев и Жуковский до кончины последнего не прерывали доверительной переписки. Подробности их знакомства неизвестны. Однако, располагая письмом Плетнева к Жуковскому от 25 декабря 1845 г., можно с уверенностью сказать, что первая встреча их состоялась в конце 1820 г. «Ровно <...> двадцать пять <лет>, как я представился вам»,¹² — писал Плетнев. Письмо датировано сентябрем, это сужает возможное время встречи Жуковского и Плетнева: сентябрь—декабрь. Именно в этот период — в течение четырех месяцев 1820 г. — Жуковский, большую часть времени проводивший в Дерпте в семье Воейковых—Протасовых, жил в Петербурге.

Переписка Жуковского с Плетневым разнообразна и многопланова. Охватывая значительный промежуток времени — с 1823 по 1852 г., без малого три десятилетия, — она затрагивала широкий круг вопросов от фи-

---

⁵ Скабичевский А. М. П. А. Плетнев: Биографический очерк. — Вестник Европы, 1885, кн. 11, т. VI, с. 70.

⁶ И. Н. Лобойко (1786—1861) — профессор Виленского университета с 1821 г., историк, член Вольного общества любителей российской словесности.

⁷ Лобойко И. Н. Характеристики по личным воспоминаниям. — ИРЛИ, ф. 154, № 55, л. 67 об.

⁸ Греч Н. И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822.

⁹ Вяземский П. А. Памяти П. А. Плетнева. — В кн.: Утро. М., 1866, с. 154.

¹⁰ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1953, т. 2, с. 403, 497; т. 6, с. 408, 410; Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 366.

¹¹ Вяземский П. А. Памяти П. А. Плетнева, с. 155.

¹² Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 565—566.

философско-эстетического, историко-литературного до повседневного-житейского характера.

Первоначально письма Плетнева к Жуковскому (в отрывках) были опубликованы в «Русском архиве».¹³ В полном виде их опубликовал Я. К. Грот в собрании сочинений Плетнева, присоединив к ним доступные ему ответы Жуковского.¹⁴ Отдельные письма печатались в сборниках и периодических изданиях по мере их обнаружения.¹⁵

В архиве Плетнева в ИРЛИ (ф. 234) среди известных уже писем его к Жуковскому находятся четыре не публиковавшихся ранее письма: от 4 апреля 1823 г., 29 ноября 1838 г., 2 июня 1841 г., 4 октября 1843 г.¹⁶ Письма выдержаны в свойственном Плетневу стиле деловой конкретности. Вместе с тем они позволяют судить о растущей с годами близости писателей: раскованнее становится слог Плетнева, подробнее и доверительнее рассказы об общих знакомых. Однако всегда оставался верен Плетнев тону почтительности и глубокого уважения к старшему товарищу. В конце 1840-х—начале 1850-х годов — в последние годы жизни Жуковского — Плетнев был в числе немногих преданных и аккуратных его корреспондентов, связывающих старого поэта с Россией. «А вы держитесь постоянно вашего благого намерения писать ко мне каждое 1-е и 15-е число месяца», — просил Жуковский Плетнева 24 октября 1851 г.¹⁷ И незадолго до смерти, 23 января 1852 г.: «Я начинаю думать, что я всех моих друзей и приятелей обидел, подарив им по экземпляру моих сочинений: почти ни один мне не откликнулся... Но вас прошу продолжать писать ко мне».¹⁸

Обратимся к содержанию публикуемых писем. 19 марта 1823 г. настигло Жуковского печальное известие о кончине 17 марта Марии Андреевны Мойер, предмета давней и глубокой его привязанности. 19 марта Жуковский едет в Дерпт и остается там до 17 мая. Между тем в Петербурге уже начато было очередное, третье издание его стихотворений. Отъезд приостановил дело, а «горестное положение», в каком оказался Жуковский, могло отложить его на неопределенный срок. Последнее обстоятельство побудило Плетнева обратиться к поэту не только со словами утешения и сочувствия, но и с предложением практической помощи. К этому времени Плетнев приобрел достаточный опыт как издатель и редактор.¹⁹ Он не колебался, добровольно возлагая на себя труды по заведомо хлопотному предприятю. Жизнь подтвердила его исключительную порядочность в отношении дел знаменитых друзей. Письмо 1823 г. свидетельствует, что любовь Плетнева к Жуковскому с самого начала была деятельной.

¹³ Русский архив, 1870, № 7, с. 1366—1374.

¹⁴ Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 518—740.

¹⁵ См.: Русский архив, 1875, т. 2, № 8, с. 466—469; Русская старина, 1903, т. 115, № 7, с. 130—134; Грот К. Я. Из переписки А. П. Зонтаг с В. А. Жуковским. СПб., 1909, с. 14—16.

¹⁶ ИРЛИ, ф. 234, оп. 1, № 116.

¹⁷ Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 139.

¹⁸ Там же, с. 144.

¹⁹ В 1818 г. совместно с Кюхельбекером Плетнев издал роман И. Георгиевского «Евгения, или Письма к другу». В 1821—1823 гг. он ведал изданием «Трудов» Общества соревнователей.

К. Н. Батюшков, имя которого упоминается в письме, не питал к Плетневу дружеских чувств. В литературе широко известна история с опубликованием в «Сыне отечества» анонимного стихотворения «Батюшков из Рима»,²⁰ выдержанного в стилистической манере поэта. Биограф поэта Л. Н. Майков считал, что Плетнев — а автором был именно он — не имел цели оскорбить Батюшкова: «Стихотворение явилось в печати без подписи Плетнева, против его желания, по уловке Воейкова, который не прочь был ввести читателей в заблуждение и дать им повод думать, что пиеса действительно написана Батюшковым».²¹ Новость дошла до Батюшкова, который жил в это время в Теплице, и болезненно действовала на его расстроенную психику. «Какое недоброжелательство от человека, вам лично незнакомого? Не знаю, но оно явно и гласно <...> Нет, не нахожу выражений для моего негодования: оно умрет в моем сердце, когда я умру. Но удар нанесен. Вот следствие: я отныне писать ничего не буду»,²² — писал он Гнедичу. Гнедич, близкий друг поэта, пытался заочно ликвидировать конфликт, объяснив и оправдав поступок Плетнева: «Я не защищаю издателей „Сына отечества“, которые без твоего согласия употребили твое имя; не одобряю, что стихи Плетнева Воейков напечатал, противу желания автора, без его пмени». Но «Плетнев молодой человек с дарованием и, без сомнения, с прекрасною душою; ибо он страстно любит твои произведения, знает их наизусть, Плетнев, твой обожатель, написал стихи, в которых заставляет говорить лице твое (хорошими или дурными стихами — отвечает его лице), но с намерением невинным, с побуждением достойным уважения, от любви именно к лицу твоему, простирающейся в нем до энтузиазма; однако ж и в этом тебе представился или представлен какой-то недобрый, черный умысел».²³

Ко времени написания второго письма — 29 ноября 1838 г. — в жизни Плетнева произошли значительные изменения. С 1832 г. он числился профессором Петербургского университета и Главного педагогического института. Одним из первых он разработал оригинальный систематический курс по истории русской литературы. С 1826 г. по рекомендации Жуковского Плетнев начинал преподавать русский язык и словесность великим княжнам Марии и Ольге, а с 1828 г. — наследнику (будущему Александру II). Жуковский занимал должность учителя великой княгини Александры Федоровны с 1817 г.; в 1826 г. ему были поручены занятия русским языком и словесностью с наследником. Однако надеждам, которые возлагал поэт на образование будущего государя, не суждено было сбыться. По справедливым замечаниям М. И. Гиллельсона²⁴ и Р. В. Иезуитовой,²⁵ в 1830-е годы

²⁰ *Сын отечества*, 1821, ч. 68, с. 35—36.

²¹ *Батюшков К. Н.* Соч.: В 3-х т. СПб., 1887, т. 1, с. 290—291.

²² Там же, с. 571.

²³ См. письмо Н. И. Гнедича к К. Н. Батюшкову от 20 ноября 1821 г.: *Тиханов П. Н.* Н. И. Гнедич: Несколько данных для его биографии по неизданным источникам. 1784—1884. — В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1884, т. 33, с. 92.

²⁴ *Гиллельсон М. И.* О друзьях Пушкина. — *Звезда*, 1975, № 2, с. 212—213.

²⁵ *Иезуитова Р. В.* Пушкин и «Дневник» Жуковского 1834 г. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978, т. VIII, с. 223.

он понял иллюзорность и бесперспективность своих намерений воспитать в наследнике просвещенного монарха. Осознав непреодолимые расхождения во взглядах с царственным учеником («Мое влияние на него ничтожно... Я для него только представитель скуки»²⁶), Жуковский как никто другой мог понять сетования Плетнева на душевную черствость великой княжны Марии Николаевны (см. письмо).

С начала 1838 г. Плетнев становится официальным редактором и издателем «Современника».²⁷ Предпринятое Опекой посмертное издание сочинений Пушкина — первые восемь томов — было выпущено в 1838 г., о чем уведомлял Плетнев Жуковского. Однако он ни словом не обмолвился о том, каких трудов это стоило ему самому. Безвозмездно работая по изданию, Плетнев был, по существу, единственным его редактором и корректором. «Опека эксплуатировала Плетнева, относилась к нему свысока, предьявляя к нему часто необоснованные претензии»,²⁸ — комментировал П. С. Попов, редактор «Архива Опеки Пушкина». Между тем отдельные упреки, на которые не скупилась Опека в лице Н. И. Отрешкова и М. Ю. Виельгорского, относились и к Жуковскому, что следует из замечания Б. Л. Модзалевского: «...нельзя не пожалеть Плетнева, читая те объяснения этого добросовестного и действительно „без лести преданного“ Пушкину друга, которые он давал Опеке, отстаивая свое нравственное право печатать в „Современнике“ некоторые неизданные произведения поэта и ссылаясь при этом на Жуковского,²⁹ который, однако, забыл свои слова и не поддержал Плетнева перед Опекой».³⁰

С начала 1830-х годов по просьбе Жуковского Плетнев выступает в качестве посредника А. П. Зонтаг в ее отношениях с книгопродавцами. Положительная оценка Плетневым творчества писательницы этого периода весьма показательна: «В настоящее время первое место между литераторами, по моему мнению, занимает Анна Петровна Зонтаг. Она издала новое собрание „Повестей и сказок для детей“».³¹ «Смирдин отправил ей за каждую книжку по условию», — сообщал Плетнев Жуковскому 8 декабря 1832 г.³² Зная и цenia деловые качества Плетнева, Жуковский в письме

²⁶ *Иезутова Р. В.* Пушкин и «Дневник» Жуковского 1834 г., с. 230.

²⁷ Пушкин в 1836 г. просил разрешения на издание четырех томов журнала. На 1837 г. он не возобновил просьбы. После его смерти комиссия в составе Жуковского, Вяземского, Одоевского, Плетнева и Красевского просила об издании еще четырех томов в пользу семьи поэта. В 1838 г. по просьбе вел. кн. Марии Николаевны Николай I принял решение допустить выпуск «Современника» как постоянного журнала, «предоставив его редактору (т. е. Плетневу, — *Е. Г.*) в собственность» (Пушкин: Документы дела о «Современнике». — В кн.: Литературный музей. Пб., 1922, т. 1, с. 11).

²⁸ Архив Опеки Пушкина. М., 1939, кн. 5, с. 177.

²⁹ В письме к Н. И. Отрешкову от 17 июля 1838 г. Плетнев ссылаясь на бумагу, выданную ему в январе через Жуковского, по которой ему разрешалась публикация неизвестных стихотворений Пушкина. Документ этот не сохранился (Архив Опеки Пушкина, с. 135, 216).

³⁰ *Модзалевский Б. Л.* Архив Опеки над детьми и владением Пушкина в музее А. А. Бахрушина. — В кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. XIII, с. 109.

³¹ Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 520.

³² Там же, с. 521.

от 27 апреля 1838 г. настоятельно рекомендовал Зонтаг: «Я вам советую войти в литературное сношение с Плетневым, он хлопотал об издании ваших библейских повестей и теперь взялся хлопотать, чтобы они вошли в конкурс Демидовских премий на будущий год».³³ 21 октября 1840 г. Жуковский переслал Плетневу из Одессы письменное условие, заключенное им со Смирдиным относительно издания «Библиотеки сказок», и просил по случаю своего отъезда за границу «войти в сношение с теми лицами, кои <...> будут заниматься переводом вышесказанной книги».³⁴ Отношения Плетнева со Смирдиным к этому времени уже были натянутыми. 24 ноября 1837 г. он писал о нем В. Г. Теплякову: «Знаете ли вы, что с будущего 1838 года весь торг мысли и чувства подпал под монополию одного полуграмотного торгаша, который называется Смирдин?».³⁵ Однако щепетильность Плетнева в исполнении поручений не позволяла ему пренебрегать интересами доверившихся ему лиц. Он требовал от Смирдина выполнения условий договора. Еще 29 ноября Жуковский уведомлял Зонтаг: «Смирдин желает купить у вас 2-е издание библейских ваших повестей, 2500 экземпляров, и предлагает вам за них 2500 рублей».³⁶ Однако книгопродавец не спешил с выплатой. Дело дошло до коммерческого суда, и справедливость была восстановлена. «В письме от 3 июня Анна Петровна уведомила меня, что получила 2500 р. асс. за 2-е издание „Священной истории“, деньги, вытребованные мною от Смирдина через коммерческий суд», — сообщил Плетнев Жуковскому 26 ноября 1840 г.³⁷ Однако о дальнейшем посредничестве Плетнева с книгоиздателем не могло быть и речи, о чем он и уведомил Жуковского в том же письме: «...со мной он уже не может вести никаких переговоров».³⁸

Письма 1841 и 1843 гг. связаны тематикой: в 1841 г. Плетнев собирался вместе с Я. Гротом посетить Остзейские провинции, что и было осуществлено летом 1843 г. Воспоминания молодости, всплывшие в связи с этим, близкие и Жуковскому, составляют содержание последнего письма.

Письмо 1841 г. интересно еще и тем, что его сопровождают три приписки А. И. Тургенева³⁹ — к Жуковскому и Теплякову. Таким образом, письмо Плетнева, адресованное Жуковскому, сделало длинный крюк, прежде чем попасть к адресату: в Париж к Тургеневу, а от него через Теплякова в Дюссельдорф к Жуковскому.

1

«4 апреля 1823. Петербург».

Я никак не подумал бы беспокоить вас, почтеннейший Василий Андреевич, письмом своим в теперешнем вашем положе-

³³ Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. — В кн.: Уткинский сборник. М., 1904, с. 114.

³⁴ Грот К. Я. Из переписки А. П. Зонтаг с В. А. Жуковским, с. 11.

³⁵ Шидловский А. Ф. Из бумаг В. Г. Теплякова. — Русская старина, 1890, т. 86, апрель, с. 202.

³⁶ Уткинский сборник, с. 115.

³⁷ Грот К. Я. Из переписки А. П. Зонтаг с В. А. Жуковским, с. 16.

³⁸ Там же, с. 14.

³⁹ Установлением принадлежности почерка А. И. Тургеневу мы обязаны М. И. Гиллельсону.

нии, если бы не услышал в доме у вас, что вы, может быть, не скоро к нам возвратитесь.

При отъезде своем¹ вы приказали чрез Н. И. Гнедича² остановить печатание ваших сочинений.³ Я говорил об этом с Д. Н. Блудовым,⁴ и он полагает, что можно бы и без вас продолжать начатую в типографии работу, тем более что Иоанна⁵ уже напечатана, а следуют такие стихотворения, которые два раз были печатаны.

Если вы совсем расположили порядок, в котором должны следовать стихотворения, и объявили о том фактору;⁶ если назначили, чем надобно кончить первую часть; если не намерены делать при просмотривании корректурных листов новых поправок в прежних стихотворениях, то, мне кажется, что можно вам позволить, чтоб работа продолжалась и без вас. Что касается до верности издания против прежнего,⁷ то я смею поручиться вам, что ошибок в нем последовать не может, разве где, по божиему попущению, просмотрится буква: но этот грех случится и при вас. Между тем, принимая на себя такое ответственное дело, я без вас буду гораздо еще осмотрительнее, нежели при вас.

Впрочем, я не с тем это пишу, чтобы поколебать вашу решимость: по усердию своему к скорейшему окончанию полезного и приятного для всех дела я хотел только обратить внимание ваше на такой предмет, о котором, без сомнения, в горестном положении своем вы совсем не думаете.

Излишним считаю уверять вас, сколько принимают участия в печальной потере вашей все те, которые вас знают, а следовательно и любят. Счастливым почту себя, если вы не захотите исключить из числа их совершенно вам преданного и душевно почитающего вас

покорного слугу

П. Плетнева.

4-го апреля 1823.

С.-Петербург.

Р. С. Когда я был в последний раз у Д. Н. Блудова (т. е. вчера), то нашел его нездоровым, а Н. И. Гнедича очень расстроенным от какого-то неприятного известия о Батюшкове.⁸

Если вы будете иметь надобность что-нибудь мне писать, то извольте адресовать в Екатерининский институт.⁹

¹ По получении известия о смерти М. А. Мойер 19 марта 1823 г. Жуковский выехал в Дерпт.

² В 1808 г., приняв на себя редактирование «Вестника Европы», Жуковский поселился в Москве, где и познакомился с Гнедичем, ставшим в короткий срок его близким приятелем.

³ В 1803 г. Жуковский приступил к третьему изданию своих стихотворений в трех томах. Цензурное разрешение всех трех томов было подписано 6 декабря 1822 г. Ко времени написания данного письма большая часть первого тома была отпечатана. Полностью собрание было закончено и издано в 1824 г., см.: Жуковский В. А. Стихотворения: В 3-х т. 3-е изд., исправл. и умноженное. СПб., 1824.

⁴ Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864) — государственный деятель, один из учредителей «Арзамаса»; приятель Жуковского.

⁵ Имеется в виду перевод Жуковского трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская дева». Завершение работы над переводом приходится на апрель 1821 г. Впервые отрывки из «Орлеанской девы» печатались в сборнике «Для немногих» (М., 1818, № VI), в «Полярной звезде» на 1823 и 1824 г. Из цензурных соображений Жуковский заменил подзаголовок Шиллера «романтическая трагедия» более нейтральным — «драматическая поэма», что отвечало, как справедливо заметил Р. Ю. Данилевский, и его личному восприятию (см.: *Данилевский Р. Ю.* Шиллер и становление русского романтизма. — В кн.: *Ранние романтические вейяния*. Л., 1972, с. 91). «Это лирическая поэма, а не драма», — записал поэт в дневнике в 1840 г. (см.: *Дневники В. А. Жуковского*. СПб., 1903, с. 523). Белый пятистопный ямб подлинника был сохранен. Театральная цензура запретила к постановке перевод трагедии. По-видимому, цензурными соображениями объясняются некоторые пропуски в переводе и отклонения от основного текста. Большая часть купюр вызвана стремлением смягчить образ королевы-матери.

⁶ Фактор (от франц. *facteur*) — посредник, комиссионер.

⁷ Речь идет о втором издании стихотворений Жуковского, изданном в 1818 г., см.: *Жуковский В. А.* Стихотворения. СПб., 1818, ч. 1—4.

⁸ В 1821 г. появились первые признаки тяжелого душевного расстройства Батюшкова. Это могло быть связано с наследственностью (мать поэта умерла от психического расстройства). Современники находили и другое объяснение: «Это следствие полученных им по последнему месту неприятностей от начальства. Его упрекали в том, что он писал стихи, и потому считали неспособным к дипломатической службе» (см. письмо А. Е. Измайлова И. И. Дмитриеву от 6 апреля 1822 г.: Русский архив, 1892, № 3, с. 240). С 1818 г. Батюшков находился на дипломатической службе: исполнял обязанности секретаря русской дипломатической миссии в Неаполе. Весной 1822 г. Батюшков вернулся в Петербург, а с августа 1822 г. жил в Крыму, в Симферополе. «М. Ф. Орлов, часто выдавший здесь нашего поэта, убедился в свойстве его недуга еще в конце 1822 года и подтвердил Пушкину печальное известие», — писал биограф Батюшкова Л. Н. Майков (*Батюшков К. Н.* Соч.: В 3-х т. СПб., 1887, т. 3, с. 320). Весной 1823 г. Батюшков был привезен в Петербург. Свидание его с Жуковским могло состояться не раньше второй половины мая 1823 г. (до 17 мая Жуковский был в Дерпте).

⁹ С 1814 г. Плетнев преподавал русскую словесность в С.-Петербургском училище ордена св. Екатерины.

2

29 ноября 1838 г. Санкт-Петербург.¹

Венеция теперь для меня приятнейший город в Италии. Оттуда вдруг получил я три письма. Особенно благодарю вас, Василий Андреевич, зная, что каждое письмо для вас подвиг.² Не желая подвергать вас тяжести этой работы, я долго думал, как бы устроить, чтобы письма от вас приходили-таки, а вам бы это ничего не стоило. Не можете ли вы, возлежа на диване, кому-нибудь рассказывать, о чем надобно писать?

Манускрипт Гроту³ я доставил. Он в восхищении от вашего одобрения — и выпросил у меня позволение переписать для себя ваше письмо ко мне. Нынешним летом он жил в Гельсингфорсе, где еще более изучил и язык шведский и его литературу. Он перевел много прелестнейших стихотворений, особенно из Руне-

берга ⁴ (Финляндского Дельвига), с которым познакомился и по-
дружился в Борго.⁵

Мне любопытно знать, как попала к вам книжка «Современника».⁶ Я не посылаю своего журнала за границу ни к кому, во-первых, потому, что не уверен, дойдет ли он по адресу; во-вторых, всякий журнал считаю лишнею вещью там, где на каждом шагу в лицах видишь историю и поэзию. Один А. И. Тургенев⁷ приказал мне через Прянишникова⁸ доставлять ему «Современник», что я и делаю. Первая книжка еще была отправлена через кн. Вяземского⁹ к Тютчеву¹⁰ и Гоголю.¹¹ Охотно выслал бы им и остальные три книжки, если бы они уведомили меня, как это сделать и что им действительно хочется взглянуть на журнал.

Одоевский¹² благодарит вас за память. Он с Краевским¹³ и еще кем-то¹⁴ купил у Свинына¹⁵ право издавать журнал «Отечественные записки».¹⁶ План и прочее походить будет на «Библиотеку» для чтенья».¹⁷ Издание Пушкина совершенно кончилось.¹⁸ Ваша статья: «Последние минуты Пушкина» припечатана вместо обещанной биографии его. То, что я по вашему поручению написал,¹⁹ вышло не совсем удачно, и Опека²⁰ хорошо сделала, что не погналась за формальною биографиею. Вы сами согласитесь, что еще рано и очень трудно сказать теперь о Пушкине что-нибудь достойное его.

Не жалуйтесь на великую княжну.²¹ У нее не было времени отвечать вам. Сперва, получив письмо ваше,²² отправилась она в Берлин, а потом приехал сюда жених.²³ Но ваше описание Швеции в такое привело ее восхищение, что она поручила мне сделать для нее удобочтимую копию, над которой я с увеличительным стеклом принужден был просидеть напролет четыре ночи. То, что великая княжна позволила напечатать в «Современнике», не должно вас тревожить,²⁴ потому что из отрывков этих выпущено все, что могло бы показать следы партикулярной переписки, а еще менее имена или отношения переписывающихся.

При свидании с Гоголем скажите ему, чтобы он не сердился на меня. Я ни разу не писал к нему, потому что он постоянно нигде не живет, а напрасно писать не хочется. Не пришлет ли он чего-нибудь мне для «Современника».

А. П. Зонтаг²⁵ пишет ко мне часто. Она сперва жила в Белеве,²⁶ а теперь переехала к Катерине Афанасьевне.²⁷ Книга ее, «Священная история»,²⁸ передана мною Фуссу.²⁹ А. Муравьев³⁰ долго со мною воевал. Наконец митрополит Филарет³¹ примирил нас, сказавши, что Муравьев уже слишком привязчив. Статью о Милькееве³² я напечатал.

Прилагаю письма, которые в разное время ко мне были при-
сылаемы для доставления вам.

Истинно почитающий и совершенно преданный вам

П. Плетнев.

¹ В 1901 г. в «Известиях Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук» (т. VI, кн. 2, с. 19) К. Я. Грот опубликовал письмо Жуковского к Плетневу от 4/16 ноября 1838 г. из Венеции. Ответ Плетнева он считал утерянным, основываясь на помете рукой Плетнева в верхнем углу письма Жуковского: «Ответ. 22 нояб. 1838». Грот ошибся. Видимо, Плетнев предполагал написать ответ 22-го, но ввиду неизвестных нам обстоятельств написал только 29 ноября. Письмо его от 29 ноября 1838 г. по всем пунктам представляет ответ на письмо Жуковского от 4/16 ноября 1838 г.

² Несвоевременные ответы друзьям Жуковский откровенно объяснял ленью. См.: Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 667.

³ Яков Карлович Грот (1812—1893), филолог, историк литературы, друг Плетнева, работал над переводом поэмы известного шведского поэта Э. Тегнера (1782—1846) «Фритиоф». Плетнев познакомил с рукописью Жуковского, который, уезжая с наследником за границу, забрал ее с собой. В письме к Плетневу от 4/16 ноября 1838 г. из Венеции Жуковский просил его «передать приложенный манускрипт нашему молодому поэту», которого он побуждал «убедительно продолжать прекрасный труд сей и не выпускать его из рук, пока его поэтическая совесть не будет совершенно в ладу сама с собой» (Известия Отд-ния русского языка и словесности имп. Академии наук, СПб., 1901, т. VI, кн. 2, с. 19).

⁴ Рунеберг Йохан Людвиг (1804—1877) — известный финско-шведский поэт. Грот познакомился с ним летом 1838 г. в Борго и печатал переводы из него в «Современнике» Плетнева с 1839 г. Так, в XIII томе журнала за 1839 г. вышла статья Грота «Знакомство с Рунебергом. (Из путешествия по Финляндии в 1838 г.)», куда были включены следующие переводы из Рунеберга: «Жалобы девы», «Времена года в сердце девушки», «Дивоптица», «Пленники» (с. 5—57).

⁵ Старинный приморский город в Финляндии, недалеко от Гельсингфорса (Хельсинки).

⁶ Имеется в виду том XI, № 3 «Современника» за 1838 г., где Плетнев опубликовал отрывок из письма Жуковского к вел. княжне Марии Николаевне от 24 июня 1838 г. в виде путевых заметок — «Очерки Швеции» (с. 20—32). Это можно установить по письму Жуковского к Плетневу от 4/16 ноября 1838 г.: «...я только по вашему „Современнику“ мог догадаться, что письмо мое дошло до своего назначения» (Известия Отд-ния русского языка и словесности имп. Академии наук, СПб., 1901, т. VI, кн. 2, с. 20).

⁷ В 1838 г. А. И. Тургенев жил в Париже.

⁸ Прянишников Федор Иванович (1784(?)—1867) — государственный деятель, вице-президент Общества поощрения художников, с 1841 г. директор почтового департамента. Приятель А. И. Тургенева, Жуковского. См.: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899, т. IV, с. 121, 131; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896, т. 1, с. 1. В письме к Вяземскому от 28 декабря 1838/9 января 1839 г. Плетнев писал о Прянишникове: «С тех пор как Ф. И. Прянишников вызвался пересылать мои книжки в Париж, я их отправляю туда аккуратно» (Сочинения и переписка П. А. Плетнева, т. 3, с. 390).

⁹ В 1838—1839 гг., получив служебный отпуск для лечения глаз, Вяземский выехал в Германию. В августе 1838 г. он посетил Францию, в сентябре — Англию, в конце 1838—начале 1839 г. был в Италии. См.: Нечаева В. С. Вяземский в Париже в 1838—1839 гг. — В кн.: Литературное наследство. М., 1937, т. 31—32, с. 108—119; *Kauchtschischwili Nina. L'Italia n'ella vita e nell'opera di P. A. Vjazemsskij.* Milano, 1964, с. 109.

¹⁰ В 1838 г. Ф. И. Тютчев (1803—1873) состоял при русской дипломатической миссии в Турине. В 1838 г. Плетнев еще не был знаком с Тютчевым лично. См. письмо его к Вяземскому от 28 декабря 1838 г.: Сочинения и переписка Плетнева, т. 3, с. 390.

¹¹ С июля до второй половины октября 1838 г. Гоголь путешествовал по Италии. Со второй половины октября 1838 г. до конца марта 1839 г. он безвыездно жил в Риме.

¹² В. Ф. Одоевский вместе с Плетневым, Краевским и Вяземским участвовал в издании пушкинского «Современника» на 1837 г. в пользу вдовы и детей поэта.

¹³ А. А. Краевский (1810—1889) стал издателем «Отечественных записок» с 1839 г. В 1840-е годы Плетнев крайне отрицательно отзывался о «торгашеском» отношении Краевского к литературе и не поддерживал с ним дружеских отношений.

¹⁴ Как установил А. П. Могилянский, третьим редактором «Отечественных записок» был А. П. Заблоцкий-Десятовский. См.: *Могилянский А. П. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели «Отечественных записок»*. — Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1949, т. VI, № 3, с. 225.

¹⁵ П. П. Свиязин (1787—1838) — писатель, художник, историк, основатель журнала «Отечественные записки» (1818—1830).

¹⁶ 27 сентября 1838 г. утвержденная царем программа журнала была подписана к печати. См.: *Кулешов В. И.* «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1958, с. 17. 22 октября 1838 г. в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» (№ 43) Краевский поместил «Объявление об издании „Отечественных записок“ в 1839 году» (с. 856—860). Основное содержание журнала было представлено так: «„Отечественные записки“ должны сделаться и сделаются журналом энциклопедическим в полном значении этого слова, т. е. будут вмещать в себе все заслуживающее особенного внимания русского читателя в области наук, словесности, искусств и промышленности» (с. 857).

¹⁷ Плетнев верно подметил сходство внешней организации нового журнала с «Библиотекой для чтения» — журналом, издаваемым А. Ф. Смирлиным под редакцией писателя и журналиста О. И. Сенковского (1800—1858). Отмечая этот факт и современные исследователи, см.: *Гинзбург Л. Я.* «Библиотека для чтения» в 1830-х годах. О. И. Сенковский. — В кн.: *Очерки по истории русской журналистики и критики*. Л., 1950, т. 1, с. 325.

¹⁸ Посмертное собрание сочинений Пушкина издавалось комиссией, в состав которой входили Жуковский, Вяземский, Плетнев. Первые 8 томов вышли в 1838 г., три последних — в 1841 г. К 10 марта 1837 г. был подготовлен проспект издания. В нем говорилось, что полное собрание сочинений Пушкина выйдет в 6 томах. В процессе подготовки материалов издание разрослось до 8 томов. Благодаря хлопотам Жуковского удалось избежать нового цензурного просмотра произведений Пушкина. Комиссия решила печатать уже известные сочинения поэта. Не опубликованные при жизни Пушкина произведения предполагалось печатать в «Современнике», а затем собрать в трех дополнительных томах, которые издавались бы уже не Опекой, а частными издателями. См.: *Архив Опеки Пушкина*, с. 243.

¹⁹ Предполагалось, что собрание сочинений Пушкина будет завершать биография поэта, которая и была написана Плетневым «по поручению» (выражение Плетнева) Жуковского. Однако Опека отклонила статью как не соответствующую жанру биографии. П. С. Попов, редактор и автор комментариев «Архива Опеки Пушкина», связывал это с давлением на Опеку со стороны Бенкендорфа или самого Николая I (Архив Опеки Пушкина, с. 220), отсюда предложение Н. И. Отрешкова Плетневу от 1 ноября 1838 г. переделать биографию «с отстранением возможности панегирического и критического разбора» (там же). Плетнев не пытался протестовать: «Как сочинитель, я на это ничего не смею отвечать вам. Впрочем, в моем отношении в Опеку сказано, что я согласен на все перемены, даже на самое уничтожение статьи» (там же, с. 216). Тем не менее менять в написанной им биографии что-либо сам он отказался. Отвергнутую статью Плетнев поместил без подписи во втором номере «Современника» за 1838 г. в разделе «Материалы биографии русских писателей». Достоинства статьи «Александр Сергеевич Пушкин» были замечены Белинским: она «содержит в себе несколько драгоценных фактов о жизни и характере великого нашего поэта и отличается многими светлыми взглядами на его произведения» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 497). Тогда же Белинский коснулся и особенностей жанра статьи Плетнева; «Статью эту можно на-

звать взглядом на жизнь нашего поэта» (там же). Впоследствии сочинения в таком роде были написаны Плетневым о Крылове и Жуковском.

²⁰ В состав опекунского совета входили Г. А. Строгапов, М. Ю. Виельгорский, Н. И. Отрешков, В. А. Жуковский. См. об этом: Архив Опеки Пушкина, с. 154, 156, и др.

²¹ Речь идет о дочери Николая I Марии Николаевне (1819—1876).

²² Имеется в виду письмо Жуковского от 24 июня 1838 г., опубликованное в «Русском архиве» (1885, № 3, с. 331—346). Отрывок из него под названием «Очерки Швеции» Плетнев поместил в «Современнике» (1838, т. II, № 3, с. 20—32).

²³ Герцог Максимилиан Лейхтенбергский (1817—1852), в брак с которым Мария Николаевна вступила в 1839 г.

²⁴ Жуковский просил Плетнева не публиковать его писем к княжне: «... печать во всяком случае требует поправки, да и мне будет все казаться, что я пишу для публики; а я не желаю иметь на себе этих цепей. После можно будет иное и напечатать, если найдется что годное в печать» (Известия Отд-ния русского языка и словесности имп. Академии наук, 1901, т. VI, кн. 2, с. 20). Таким образом, просьба Жуковского не была безоговорочной.

²⁵ Зонтаг Анна Петровна (1786—1864) — племянница Жуковского, дочь Варвары Афанасьевны Юшковой (урожд. Буниной), детская писательница. Жуковский поощрял и поддерживал творческие начинания Зонтаг.

²⁶ Небольшой уездный город Тульской губернии.

²⁷ Екатерина Афанасьевна Протасова (1770—1848) — младшая дочь А. И. Бунина, сводная сестра Жуковского.

²⁸ Имеется в виду сочинение А. П. Зонтаг «Священная история для детей, выбранная из Ветхого и Нового завета» (СПб., 1837, ч. 1—2). Книга выдержала девять изданий.

²⁹ Фусс Павел Николаевич (1798—1855) — математик, с 1826 г. постоянный секретарь Академии наук. Жуковский через Плетнева сносился с ним по поводу издания сочинений Зонтаг. См. письмо Жуковского к Плетневу от 27 апреля 1837 г.: Уткинский сборник. М., 1904, с. 114.

³⁰ Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874) — поэт, писатель, автор сочинений духовного содержания. Известен как публикатор непзданных ранее житий святых. Характер конфликта с ним Плетнева неизвестен.

³¹ Речь идет о московском и коломенском митрополите Филарете (Василий Михайлович Дроздов, 1783—1867). Известен его стихотворный ответ на стансы Пушкина «Дар напрасный, дар случайный», озаглавленный «Пушкин, от мечтанья перешедший к размышлению» и начинающийся так: «Не напрасно, не случайно Жизнь от бога мне дана». В 1848 г. стихи эти были включены в статью Сергея Николаевского «Несколько слов о Лермонтове и Кольцове», опубликованную в журнале близкого друга семьи Плетнева А. О. Ишимовой «Звездочка» (№ 10, с. 16).

³² Милькеев Евгений Лукич (1815—ок. 1845) — сибирский поэт-самочка. Пользовался поддержкой Жуковского и Плетнева. С 1839 г. печатался в «Современнике». Статья о нем помещена в «Современнике» 1838 г. (т. XII, с. 10—22) и включала автобиографию Милькеева. Подробно об участии, которое принимали Жуковский и Плетнев в начинающем поэте, см. в нашей статье «К биографии Е. Л. Милькеева» (Русская литература, 1983, № 4, с. 197).

3

2 июня 1841 г. Санкт-Петербург.

Никого не видя из ваших друзей, Василий Андреевич, я не знаю, благополучно ли доехали вы из Дюссельдорфа, как нашли там ваших милых и совершилась ли свадьба ваша?¹ Теперь у нас

та пора, когда все разъезжаются по дачам. Город опустел. Весна здесь была такая, какой никто не запомнит. Май простоял теплый, и не только без эпизодов снега, но и без холодных дождей и ветру. Только Смирновы,² кажется, не переехали в Царское. У мужа болят глаза. Вы, конечно, не перемените благоразумной привычки вашей и не будете по-пустому терять времени на письма. Но я желал бы от кого-нибудь услышать об вас хоть словечко. Не можете ли вы обязать того, к кому раз как-нибудь напишете, чтобы он поведал любящих и почитающих вас — каково поживаете вы? Это избавит вас от лишней переписки, а нас от скучной неизвестности.

Я сожалею, что не спросил у вас, надобно ли присылать вам «Современник» в Дюссельдорф. На всякий случай препровождаю теперь его № 2. Но думаю, что истинное доставил вам удовольствие присылкою Фритиофа,³ что мне поручил Грот. Я на днях собираюсь навестить его в Гельсингфорсе. Мы даже располагаемся с ним объездить всю Финляндию.

Недавно приехала в Петергоф <вел. кн.> Мария Николаевна. Завтра и я надеюсь представиться ей. Нынешний год Двор рано переехал в Петергоф. Великого <князя>, наследника,⁴ еще не видал я, и не знаю, успел ли он возвратиться из Москвы.

Прощайте, Василий Андреевич. Повергните мою совершенную преданность Елизавете (кажется) Ивановне.

Неизменно преданный вам

П. Плетнев.

Приписки А. И. Тургенева.

1. В. А. Жуковскому — на лицевой стороне листа карандашом.

Отправив к тебе, милый Жуковский, сегодня письмо, я получил кучу писем и журналов из Петербурга и Москвы: вот их тебе.⁵ От Плетнева⁶ и две книги: 2-й № Современника и какого-то северного поэта.⁷ Я не успел и прочесть писем, ибо спешил в Академию, где старик Roger⁸ перещеголял и Sent-Olera⁹ в классических любезностях и в любопытных анекдотах о Пасторе¹⁰ и пр. Мюллер¹¹ сказывал мне, что великая княгиня Мария Николаевна приехала в Петербург и государь выехал ей навстречу в Кронштадт. Я пишу на железной дороге, и посылаю письмо и книги к Теплякову,¹² а сам лечу в розовое наше поле, где наша роза блекнет. Меня чуть не упрятали в Сенат, но спасибо, что государь и министр меня не жалуют.¹³ — (Прошу читателю Теплякова не сообщать о сем в Петербурге).

2. В. Г. Теплякову — на оборотной стороне листа карандашом. Академия, 4 часа 8 июля.

Отправив к Жуковскому письмо, я получил кучу писем и книг из СПб. Это письмо для него с Современником № 2 и с поэзией Финляндской — возьмите две книжки в моем кабинете и отвезите их к Жуковскому и отошлите это письмо.

3. В. Г. Теплякову — на оборотной стороне листа (ниже) чернилами.

Если возьмете 2-й № Современника и поэзии Севера, то доставьте вернее (?) Жуковскому с башмаками; и из французских журналов можете отправить это письмо и по почте на его имя а' Dusseldorff или вместе с посылками.

¹ 21 апреля 1841 г. в Дюссельдорфе состоялась свадьба Жуковского с Елизаветой Алексеевной Рейтерн (1820—1856).

² Смирнова Александра Осиповна (1809—1882), урожд. Россет — образованная женщина своего времени. Пробудившимся интересом к русской литературе Смирнова обязана Плетневу, который преподавал русский язык и словесность в Екатеринбургском институте, где она училась (см.: *Смирнова-Россет А. О.* Автобиография. М., 1931, с. 79 и др.). По выходе Смирновой из института они поддерживали дружеские отношения, хлопотали перед Николаем I о материальном обеспечении Гоголя в период его жизни за границей. Сохранились письма Смирновой к Плетневу (см.: ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 604). Ее муж, Н. М. Смирнов (1808—1870), с 1839 г. служил в Министерстве внутренних дел. Лето 1841 г. Смирновы проводили в Петербурге в новом собственном доме на Мойке.

³ См. примечание 3 к письму № 2.

⁴ Т. е. Александра Николаевича (1818—1881), сына Николая I, будущего императора Александра II.

⁵ День 8 июля 1841 г., когда Тургенев получил письма и книги, подробно описан им в «Хронике русского из Парижа». См.: *Тургенев А. И.* Хроника русского: Дневники (1825—1826). М.; Л., 1964, с. 218—222.

⁶ Имеется в виду письмо Плетнева к Жуковскому от 2 июня 1841 г.

⁷ Речь идет о поэме «Фритиоф» Тегнера в переводе Грота. Поэма была отправлена Тургеневу Плетневым. См.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 4, с. 371.

⁸ Роже Жан Франсуа (1776—1842) — французский литератор.

⁹ Сент-Олер Луи Клер де Бопуаль (1778—1854), граф — французский дипломат, историк.

¹⁰ Пасторе Клод Эммануэль Жозеф Пьер (1756—1840), граф — французский политический деятель.

¹¹ Мюллер Фридрих, фон (1779—1849) — канцлер в Веймаре. Сведений о знакомстве его с Жуковским нет.

¹² Тепляков Виктор Григорьевич (1804—1842) — поэт, археолог. В 1830-е годы, служа в Министерстве иностранных дел, сближается с известными русскими литераторами, особенно с Жуковским. Сохранилась его переписка с Жуковским и Плетневым от 1837 г. См.: Русская старина, 1896, т. 86, апрель, с. 200—203. С 1839 по 1842 г., выйдя в отставку, путешествовал по Западной Европе. Умер в Париже.

¹³ После восстания 1825 г. и осуждения брата Николая А. И. Тургенев, еще при Александре I отрешенный от государственных должностей, становится в оппозицию к правительству Николая I и порывает с некоторыми бывшими друзьями, в частности с Д. Н. Блудовым, делопроизводителем Верховной следственной комиссии по делу декабристов, занимавшим в 1832—1838 гг. пост министра внутренних дел, а с 1839 г. министра юстиции. По-видимому, говоря о не жалующем его министре, Тургенев имел в виду Блудова.

4 октября 1843 г. СПб.

Все нынешнее лето, Василий Андреевич, провел я в Остзейских наших провинциях. Мне хотелось хорошенько ознакомиться с этим замечательным краем. Товарищем путешествия моего был известный вам Грот, по предстательству вашему и покойного графа Ребиндера¹ утвердившийся профессором в Александровском университете.² Еще в начале июня он приехал за мною в Петербург, и мы вместе отправились сухим путем на короткое время к нему в Гельсингфорс. Оттуда, взяв на пароход и экипаж свой, мы перебрались в Ревель. Не определяя для себя наперед времени, где сколько пробыть, мы свободно предавались впечатлениям и интересу встречаемых предметов и людей. Из Ревеля через Пернау³ и Вольмар⁴ пробрались мы до Риги и наконец до Митавы,⁵ где живет брат Грота. За Митавою мы были только на некоторых мызах у курляндских⁶ помещиков.

Возвратный путь взят был нами через Дерпт. Но чтобы вполне узнать красоты края, мы заезжали в Ливонскую Швейцарию близ Вендена и видели Кремон, Зегевольд и Трейден.⁷ В Дерпте ожидал я много для себя и любопытного и приятного, что вполне оправдалось. Во время моего там пребывания я в подробности осмотрел университет⁸ и все его принадлежности. Особенно приятно мне было знакомство с старыми его профессорами, которые живо сохраняют память о времени Марьи и Александры Андреевны,⁹ когда и вы так часто туда приезжали. Я расспрашивал их обо всем, касающемся до особ, так занимавших воображение моей молодости, и с каким-то чувством, похожим на благоговение, осматривал места их жительства. Старик Моргенштерн¹⁰ просиживал со мною целые дни, замечая, как мне дороги разные его рассказы. Он, бедный, не может исцелиться от своей глухоты и собирается ехать за границу искать лучших пособий. Жена его, утратившая прелесть молодости, еще сохраняет в себе много интересного.

Таким образом, в Петербург прибыл я, полный вами, мыслями о судьбе всей вашей жизни и памятью о тех, про которых вы сказали:

«Не говори с тоской: их нет —
А с благодарностию: были!».¹¹

Но каково же было удивление и огорчение мое, когда я прочитал ваше ко мне письмо из Швальбаха от 21 июля/4 августа.¹² И вы могли усомниться в чистой, неизменной преданности моей ко всем, кто только дорог вашему сердцу! И вы могли представить, что я, говоря о книге: Библиотека для воспитания,¹³ в то же время думал об Анне Петровне¹⁴ и ее сестрице!¹⁵ Этого уже я не понимаю. Вот в чем дело: мне принесли книгу в массе с другими, вновь вышедшими. Прочитав, что сказано в ее запутанном за-

главии, увидев, что издает ее книгопродавец, и заметив, что в детскую книгу без малейшего подготовительного объяснения внесено столько мифологического и аллегорического, я почувствовал досаду на книгопродавческую спекуляцию и точно с негодованием говорил о книге, желая повредить успеху корыстолюбивого невежды. Я был уверен, как теперь у нас водится, что он выкапачил у некоторых литераторов по пьесе (в том числе у Анны Петровны; имени сестры ее нигде не выставил издатель) — и этим сбором надеется зашибить себе копейку. Я еще прощаю подобные проделки книгопродавцев в альманахах, Русских беседах¹⁶ и т. п.; но мог ли я снести это равнодушно в книге для воспитания детей? Что ни Анна Петровна, ни ее сестрица не сообщили мне ни слова о своем предприятии, это я признаю изменою в дружбе. Прежде я всегда был их литературным фактором. Из этой полной и ясной истории рецензии моей и особенно *ее тона* вы должны убедиться, что несправедливо напали на меня, не угадав подлинного побуждения моего и ни о чем не спросив меня.

Подобно вам, и я заключу мирным словом. Сердечно благодарю вас за присланную пьесу,¹⁷ и только тогда убежден буду, что вы на меня не сердитесь, когда получите другую, обещанную вами.

Поручение ваше касательно печатания «Наля и Дамайнти»¹⁸ я исполнил в точности.

Вероятно, вы увидите нашего милого Баратынского,¹⁹ который с семейством отправился за границу. В моем положении никакой перемены не произошло. От души поздравляю вас с именем отца.²⁰ Дай бог, чтобы дочь ваша выросла и столько же принесла вам радостей, сколько я теперь уже чувствую от своей.²¹

Душевно преданный вам

П. Плетнев

¹ Р. И. Ребиндер (1777—1841), барон — статс-секретарь великого княжества Финляндского.

² Имеется в виду Гельсингфорский университет (Александровский).

³ Эстонский город Пярну.

⁴ Город в Латвии, бывший уездный город Лифляндской губернии.

⁵ Ныне г. Елгава Латвийской ССР.

⁶ Курляндия — территория современной Литовской ССР.

⁷ Живописные места на территории бывшей Лифляндской губернии, известные старинными, частично разрушенными замками. Венден — современный Цесис.

⁸ Дерптский университет основан в 1802 г. С 1815 г., после замужества Александры Андреевны Протасовой (Воейковой), Жуковский часто и подолгу жил в Дерпте, посещал многие университетские лекции, общался с профессорами. По свидетельству К. К. Зейдлица, друга и биографа поэта, «научные сношения имел он с профессорами физики Парротом, археологии и эстетики Моргенштерном, истории Эверсом-младшим, философии Этем, с библиотекарем К. Петерсоном, с основателем училища по системе Песталоцци Асмусом и с литератором фон-дер-Боргом, который переводил лучшие русские стихотворения на немецкий язык» (*Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783—1852. СПб., 1883, с. 80*).

⁹ С 10 февраля 1815 по 1819 г. Воейковы и Протасовы (Маша и Екатерина Афанасьевна) жили в Дерпте, куда А. А. Воейков был назначен профессором русской словесности в университет. 14 января 1817 г. Маша вышла замуж за И. Ф. Мойера и осталась там навсегда.

¹⁰ Моргенштерн Карл Симои (1770—1852) — филолог, профессор Дерптского университета. С 1802 г. читал курс русской словесности. Жуковский познакомился с ним в период своей жизни в Дерпте в 1815 г. См.: *Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского*, с. 80 («Профессор Моргенштерн охотно беседовал с Жуковским о немецкой словесности, думая руководить русского стихотворца в понимании ее красот, и был ему весьма полезен в отношении немецкой библиографии»).

¹¹ Цитата из стихотворения Жуковского «Воспоминание» (*Жуковский В. А. Собр. соч.*: В 4-х т. М.; Л., 1959, т. 1, с. 362).

¹² Письмо не обнаружено.

¹³ «Библиотека для воспитания» — периодическое издание, выходившее в типографии А. Семена в 1843—1846 гг. В числе сотрудников его была А. П. Зонтаг. Плетнев говорит о 2-й книге журнала на 1843 г., представленной двумя разделами: 1 — «Сказка в виде альманаха» Зонтаг (собрание отдельных повестей); 2 — «История греческих героев, рассказанная Нибуром своему сыну» (также отдельные повести). В XXX томе «Современника» на 1843 г. Плетнев поместил рецензию на издание: «Это книгопродавческая спекуляция — следственно, издание не литературное» (с. 104). Недование его было вызвано некомпетентностью издателей в вопросах воспитания и специфики собственно детской литературы, отсутствием необходимых комментариев. Отрицательно отозвался Плетнев и о сочинении Зонтаг: «...пьеса аллегорическая, из которой детям ничего не понять; да если бы и растолковать им, то для их возраста нет тут никакого приобретения» (с. 104). Оправдываясь перед Жуковским, Плетнев не кривил душой: его критика действительно была нацелена на издание, не соответствующее своей цели.

¹⁴ Об Анне Петровне Зонтаг см. примечание 25 к письму № 2.

¹⁵ Имеется в виду племянница Жуковского Авдотья Петровна Елагина (1789—1877), по первому мужу Киреевская, которая выступала с переводами детской литературы.

¹⁶ Речь идет о сборнике «Русская беседа. Собрание сочинений русских литераторов, изданных в пользу А. Ф. Смирдина» (СПб., 1841—1842, т. 1—3). В рецензии на 1-й том сборника Плетнев, оценив доброе намерение издателей, отрицательно отозвался о самом издании, полагая, что «издания вроде Беседы <...> не могут быть признаваемы книгами в собственном смысле» (*Современник*, 1842, т. 25, с. 25).

¹⁷ Речь идет о переводе Жуковским повести П. Мерме «Маттео Фальконе» по немецкому переложению А. Шамиссо. Плетнев опубликовал ее в «Современнике» (1843, т. 32, с. 218—226) с подзаголовком «Корсиканская повесть. (Из Шамиссо)».

¹⁸ В 1844 г. сочинение было издано отдельной книгой в типографии Фишера.

¹⁹ Осенью 1843 г. Е. А. Баратынский (1800—1844) с женой и старшими детьми отправился за границу. Сначала он посетил Берлин, Франкфурт и Дрезден, а зиму 1843/44 г. провел в Париже.

²⁰ В 1842 г. у Жуковского родилась дочь Александра (в замужестве баронесса Верман) (1842—1899).

²¹ От первого брака со Степанидой Александровной Раевской (1795—1839) Плетнев имел дочь Ольгу (1830—1852).

К. Н. БАТЮШКОВ

ПИСЬМА к Е. Н. и П. А. ШИПИЛОВЫМ и к П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Публикация В. А. Кошелева

В третьем томе собрания сочинений К. Н. Батюшкова, вышедшем под редакцией и с примечаниями Л. Н. Майкова и В. И. Сапгова (СПб., 1886), собрано 306 писем поэта. Еще более 40 писем было опубликовано в разное время на страницах периодических изданий. Вместе с тем значительная часть эпистолярного наследия Батюшкова до сих пор остается еще не опубликованной, не вошедшей в научный обиход. Соответственно этому оказываются неизученными значительные моменты его творчества, биографии, личных связей и отношений, которые представляют несомненный интерес для характеристики русского общественного и культурного быта первых десятилетий XIX в.

1. ПИСЬМА к Е. Н. и П. А. ШИПИЛОВЫМ

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится 23 неопубликованных письма Батюшкова к его старшей сестре Елизавете Николаевне Шипиловой и ее мужу Павлу Алексеевичу Шипилову (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 19 и 20).

Елизавета Николаевна (ок. 1775—1849) была лет на 10—12 старше Батюшкова: в одном из писем он называет ее «старшей всем». Кроме нее у поэта было еще три сестры: Анна (ум. 1808), Александра (1785—1829) и Варвара (1791—после 1877).¹ Около 1801 г. Елизавета вышла замуж

---

¹ Даты рождения сестер Батюшкова установлены на основании судебного документа о разделе имения (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 55). В биографии поэта эти даты указаны точно. Так, Л. П. Майков, исходя из того, что сестра Батюшкова Александра Николаевна «была старше его на десять лет» (а не на два года, как было в действительности), называет ее первой «наставницей» поэта (см.: *Майков Л.* Батюшков, его жизнь и сочинения. 2-е изд. СПб., 1896, с. 8).

за П. А. Шишилова, который упоминается в письме юноши Батюшкова к отцу от 11 ноября 1801 г.² Шишиловы жили в Вологде (вероятно, в доме, принадлежавшем покойной матери поэта³); там Павел Алексеевич служил по учебной части. В 1824—1829 гг. он был директором училищ Вологодской губернии,⁴ после чего был переведен в Петербург на должность директора 2-й Санкт-Петербургской гимназии, а позже — директора Гатчинского института (III, 598 — примеч. Майкова). В 1847 г. он вновь пересел в Вологду и поселился в селе Маклаково около города,⁵ где и умер в 1856 г.

В опубликованной переписке Батюшкова П. А. Шишилов упоминается часто и с самыми лестными о нем отзывами. Так, в письме к сестре Александре от 1 ноября 1808 г. Батюшков замечает о Шишилове: «... он один — и это говорю точно, по истинному убеждению — заслуживает нашей доверенности» (III, 20). В следующем письме (от 8 декабря) эта мысль выражается еще более отчетливо: «... ему поручаю вас, а на прочих, право, надеяться нечего в Петербурге» (III, 23). Эти упоминания связаны с тяжелой для поэта историей раздела имения покойной матери, происходившего весной и летом 1808 г. (подробнее см. в письме № 1), при котором Шишилов помог Батюшковым.

Отношения поэта и его шурина были очень теплыми. Батюшков неоднократно хлопотал (в 1810—1817 гг.) о выгодном месте службы для Шишилова (III, 97—98, 174—176, 415). В свою очередь Шишилов добровольно взял на себя управление вологодскими деревнями Батюшкова,⁶ и упоминается он в письмах поэта прежде всего в связи с делами хозяйственными: «Павлу Алексеевичу писал о его деле и о продаже пустоши; попроси его еще от себя; желательнее мне иметь 1500 р., если нельзя более» (из письма к сестре Александре от 4 мая 1810 г.: III, 92); «Павел Алексеевич должен весьма ускорить присылкою верующего письма на имение...» (к ней же от 14 июля 1813 г.: III, 233) и т. д.

---

² Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1886, т. III, с. 4. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

³ Местонахождение дома не установлено.

⁴ См.: Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 год. Вологда, 1860, с. 81.

⁵ См. письма П. А. Шишилова к П. А. Вяземскому 1848—1855 гг.: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3055; черновики писем см.: ИРЛИ, ф. 49, ед. хр. 76. Письма П. А. Вяземского к Шишилову см.: ИРЛИ, ф. 49, ед. хр. 67. См. также неопубликованные заметки А. С. Власова: ЦГАЛИ, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 17.

⁶ Согласно описи 1825 г., Батюшкову принадлежало сельцо Межки Вологодского уезда с деревнями Авдотьино, Михалка, Чернухно; сельцо Воздвиженское Вологодского уезда Угольской волости с деревнями Павлиново, Строкнино, Глуповское, Михайловская, Рыково, Ракач, Соболево, Гороховская, Макарьино, Ковшово, Васильевская, Низки и Рылово. В них числилось 325 душ мужского и 308 душ женского пола (см.: ИРЛИ, ф. 49, ед. хр. 57, л. 27—58). В деревне Авдотьино под Вологдой была небольшая усадьба; после 1833 г., когда больного Батюшкова поселили в Вологде у племянника Г. А. Гревенса, его вывозили на летние месяцы в эту усадьбу (см.: Государственный архив Вологодской области, ф. 32, оп. 1, ед. хр. 56).

Когда в ноябре 1822 г. из Симферополя, где в то время лечился Батюшков, дошли вести о его тяжелом состоянии и о том, что душевная болезнь поэта прогрессировала, друзья его поручили «Шишилову, женатому на его сестре, человеку и благоразумному, и доброму, съездить за ним».⁷ Е. Ф. Муравьева, родственница поэта (вдова известного писателя М. Н. Муравьева, приходившегося Батюшкову двоюродным дядей), дала на эту поездку две тысячи рублей.⁸ Шишилов выехал в Симферополь, пробыл там с 14 по 26 февраля 1823 г., но уговорить Батюшкова уехать не смог.⁹ С сентября 1825 г. до февраля 1833 г. Шишилов исполнял обязанности опекуна над вологодскими именьями поэта.¹⁰ И позже, в 1847—1855 гг., он заботился о больном зяте, периодически сообщая друзьям о состоянии его здоровья. После смерти Батюшкова у Шишилова оказался большой архив поэта (составивший основу фонда Батюшкова в ИРЛИ), а также его библиотека, в дальнейшем утраченная.¹¹

В настоящую подборку включены 11 наиболее интересных писем Батюшкова к Е. Н. и П. А. Шишиловым, относящихся к 1808—1817 гг.

1

12 июня <1808>.

Я к тебе пишу из Вологды, любезный брат Павел Алексеевич. Сколько я тебе благодарен за твою дружбу, которую испытываю не словами, а твоими благородными поступками. Горестно было снести смерть сестры.¹ Лизавета, слава богу, здорова и покойна. Я вышлю 500 рубл<ей> на будущей почте. Приезжайте, бога ради. В Питере, я вижу, и с тобой прокатят, а обо мне уже и говорить нечего.² Будь осторожнее, удивимся письмам, что я получаю. Посоветуй, что делать, и спроси у Александры, я из сил выбился. Ложь и клевета со всех сторон, болтают, как собаки. Мы много одолжены Аркад<ием> Апол<лоновичем>,³ благодари его. Попроси Алекс<андру>, чтоб меня уведомляла, я ее люблю душевно; скажи ей, и более беспокоит меня, <что> она думает: дела не сделают, и все покинут ее. В том свидетель была и Лизавета. Мне так надоели сплетни и пиявицы, что боже от них сохрани.⁴

Пиши ко мне, любезн<ый> друг. Не вверяйся всем. Прощай, обнимаю тебя заочно

Констант<ин> Батюшков.

⁷ См. письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 7 ноября 1811 г.: Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899, т. II, с. 277—278.

⁸ См. письмо Н. М. Муравьева к П. А. Шишилову от 26 декабря 1822 г.: ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 70; письмо П. А. Вяземского к Шишилову от 4 января 1823 г.: ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 332.

⁹ См. письма П. А. Шишилова к А. Н. Батюшковой от 19 февраля и 28 марта 1823 г.: ГПБ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 38.

¹⁰ Материалы Вологодской Дворянской опеки над именьями Батюшкова см.: ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 56 и 57.

¹¹ Сведения о библиотеке Батюшкова см.: Власов А. С. Подробные сведения о последних днях К. Н. Батюшкова. — ЦГАЛИ, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 17, л. 12.

12 июня.

Волков⁵ дал еще денег.

Просись в удельную экспедицию в Вологду. Аленин,⁶ может быть, тебе услужит < . . . >^a твой того желает.

Письмо является одним из доказательств факта пребывания Батюшкова в Вологде весной и летом 1808 г., не отмеченного в существующих биографиях поэта. Батюшков приехал в Вологду во второй половине апреля и находился там до конца августа, что подтверждается целым рядом архивных документов: письмом московских купцов Алексея и Ивана Дмитриевых к Батюшкову в Вологду от 14 апреля 1808 г. (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 31), письмом Н. Л. Батюшкова к сыну в Вологду от 24 июня (там же, ед. хр. 24), письмом А. Н. Гревенса к П. А. Шипилову в Вологду от 6 июля, в котором он просит «клаяться» «Елизавете Николаевне и Константину Николаевичу» (там же, ед. хр. 68), и т. п. Соответственно, необходимо уточнить и место отправления писем Батюшкова к Н. И. Гнедичу от 1 июля и 7 августа 1808 г. (III, 17—19): не «на походе в Финляндию», как указывает Л. Н. Майков, а Вологда.

¹ Анна Николаевна, старшая сестра поэта, бывшая замужем за статским советником Абрамом Ильичем Гревенсом, умерла весной 1808 г. в Петербурге.

² Во время написания письма П. А. Шипилов и Александра Николаевна Батюшкова находились в Петербурге по делу о разделе имущества матери. Раздел имущества состоялся 12 июня, в день отправления письма (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 55).

³ Соколов Аркадий Аполлонович — вологодский дворянин, впоследствии муж младшей сестры поэта Варвары; служил по учебной части (Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 год, с. 81).

⁴ «Сплетни и пиявицы» связаны с вторичной женитьбой отца поэта Николая Львовича Батюшкова (1755—1817) на устюженской дворянке Авдотье Никитичне Теглевой (ум. 1814), что привело к разрыву его с детьми, к разделу имущества и к судебным процессам.

⁵ Волков Семен — вологодский купец (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 53).

⁶ Оленин Алексей Николаевич (1763—1843) — писатель, археолог, художник, основатель известного салона. В январе—феврале 1807 г. Батюшков служил под его началом в канцелярии милиционного войска, откуда ушел на войну с Пруссией.

2

17 марта <1810>.

Благодарю тебя, милый друг Лизавета, за твое письмо, которое я получил назад тому неделю. Серьги твои отдал я Катерине <Федоровне>.¹ Она заказала оправить их весьма искусному мастеру, и я их пришлю тебе к святой. Они будут очень некрупные, но фасон, кажется мне, довольно криклив, якорь и цепь так, как теперь носят.

---

^a Край письма оторван.

Д. О. Баранов² жепился на княжне Несвицкой, il ne faut pas enbrüiter cela.¹ Певеста педура собой. Я с ней у него обедал в день его рождения. Это и для меня сюрприз, что же для вас??? Приехать, увидеться и жепиться! Не верю теперь ни чувствительности, ни высоким чувствам... или свет и счастье очень переменяют людей.

Будь счастлива, мой друг, и спокойна, споси огорчения как можно равнодушнее, люби и не забывай меня — вот желание и совет предашного тебе по гроб

Константина.

Здоров ли ты, любезный брат Павел Алексеевич? — что ты поделывасшь? — а я тебе купил кнастеру самого лучшего и теперь ищу okazji отослать его. Не радуйся! — это один только картуз, затем что денег на попку немного. Кстати об деньгах, не можешь ли ты мне сделать одолжение — продать Ваньку? — Это б очень было хорошо для меня. Мне теперь надобно иметь тысячи две, затем что я *намереваюсь в Петербург*. Помогни мне, любезный друг, в этом случае, ты сам знаешь мои обстоятельства. Оленин говорил Баранову, что есть для меня место очень выгодное, что я могу ездить на лето в отпуск, одним словом, что я сам буду виноват, если упущу случай поправить дела мои. Но без денег как пуститься? По крайней мере уведоми меня, есть ли надежда это устроить. Мне не к кому, кроме тебя прибегнуть, да естли бы и был кто, то я бы просил все-таки тебя, затем что тебя люблю от всего сердца.

Здесь говорят, что сахар и сукно дешевет, вот и все новости. Государь в Твери. Москва все так, как и была. Я недавно говорил и затем не скажу тебе, чтоб не солгать, разумется, — что здесь скучно. Пиши ко мне.

Весь твой Константин.

17 марта.

Вариньку, лешивую девочку, целую самым ленивым манером.

Волоцкой³ был у меня. Он служит у Кутузова⁴ и очень жалеет о Вологде. Я к нему заеду на днях.

¹ Батюшков остановился в Москве у Екатерины Федоровны Муравьевой (1774—1848) и с этого времени очень сблизился с нею и с ее сыновьями Никитой и Александром, будущими декабристами, приходившимися поэту двоюродными племянниками.

² Баранов Дмитрий Осипович (1773—1834) — родственник Батюшковых, писатель, впоследствии сенатор. См. о нем в примечании Л. Н. Майкова: III, 619—620.

³ Волоцкой Дмитрий Николаевич — знакомый П. А. Шипилова, служивший вместе с ним в Вологде в 1803—1809 гг. (см.: Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 год, с. 81).

⁴ Голенщев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829) — стихотворец и сенатор, крайний реакционер; в 1810 г. был назначен попечителем Московского университета.

а не нужно это предавать огласке (*франц.*).

7 сентября <1812>.

Я из Москвы отправился с Катериной Федоровной в Нижний¹ и теперь пишу из Володимира. Она очень нездорова. Я надеялся возвратиться в Петербург, а теперь — и за то благодарю бога! — еду в Нижний. К батюшке писать не успел из Москвы, а почта на Петербург еще не учреждена здесь. Бога ради, успокойте его, мои друзья, и скажите ему, что я буду в деревню из Нижнего; мне хочется с вами увидеться.²

Сколько слез! Два моих благотворителя, Оленин и Татищев, лишились вдруг детей своих.³ Оленина старший сын убит одним ядром вместе с Татищевым. Меньшой Оленин так ранен, что мы отчаиваемся до сих пор!⁴ Бедные родители!

Пришли мне оброк в Нижний Новгород, я буду иметь крайнюю нужду в деньгах. Приготовьте его, а из Нижнего я писать буду. Будьте здоровы, покойны и неразлучны. Бог с вами со всеми! — Рука не поднимается описывать вам то, что я видел и слышал. Простите.

Сегодня еду в Нижний из Володимира.

7 сентября.

¹ Батюшков высчал из Москвы вместе с семьей Е. Ф. Муравьевой 4 сентября 1812 г. (ИРЛИ, р. I, оп. 5, ед. хр. 56).

² Батюшков присезжал в Вологду для свидания с родными в начале декабря 1812 г.

³ 26 августа 1812 г. во время Бородинского сражения были убиты одним ядром Николай Алексеевич Оленин и Григорий Петрович Татищев. См.: Русский архив, 1885, ч. III, № 10, с. 261; 1886, ч. I, № 2, с. 226.

⁴ Петр Алексеевич Оленин был контужен в том же сражении.

<3 июня 1815>.

Благодарю тебя, любезный брат и друг, за приглашение приехать к вам. Дело невозможное. Вчера я получил письмо от Бахметева,¹ весьма учтивое; по этому письму мог бы помедлить еще несколько дней, но так как бречка уже в Рыбной, то ехать не на чем, и при том время теряется. Крайне сожалею, что с тобою не мог увидеться: обо многом переговорить надобно. Но что делать! Покоряться непреклонной судьбе и против желания скакать бог знает куда. По крайней мере письменно благодарю тебя за попечение твое о делах моих. Бога ради, не оставляй их. Знаю, что это работа не веселая, по чувствую, что я на твоём месте скрепя сердце то же бы делал. Продай Василья за тысячу рублей и менее, если более не дадут. Что мне в этом негодяе?² а деньги, право, пужны. Из сего числа дай сто рублей Третья-

кову³ за его труды; остальные немедленно отправь к Гнедичу; остальных, я полагаю, 900, да 100 еще прибавь из оброку с Межков, если хочешь; итого составит 1000. Всю сию сумму через Гнедича для уплаты к князю Гагарину.⁴ Так ему и напиши; он знает, как передать, и тебе пришлет свою расписку, если хочешь. Копчи, бога ради, это дело или поручи его Третьякову. Лучше дешевле продай, да поскорее. К какой стати мне держать Василья в деревне?

Я говорил с Аркадьем Аполлоновичем о Сирякове. Нельзя ли через третьи руки это дело кончить? Я согласен дать Сирякову вексель хотя в двух тысячах на два года или на три.⁵ Ты дай за меня, по моему верующему письму, или я пришлю, если хочешь. Только бы кончить это проклятое дело, которое у меня лежит на сердце. Аркадий Аполлонович взял на себя труд объяснить тебе по этому делу. Еще просьба. Дай купчую сестре Александре Николаевне на все семейство Осипа Шитова. Не смотри на то, если она отговариваться будет; все-таки дай. Я у нее взял двух девок в деревне; надобно чем-нибудь вознаграждать. Что мне в Осипе? А ей эта почтенная семья необходимо нужна, по дарованию прелестной Марьи и ее братца. Дай отпускные по моим запискам двум старостам. Надобно наградить углицкого, если ты им будешь доволен. Он довольно усерден и расторопен. Вот, кажется мне, и все. Остальное на твою волю. Радуюсь душевно, что ты кончил благополучно свои дела и путешествия, вещи неприятные, как я думаю. Прости, обнимаю тебя и не забывай твоего преданного брата и друга

Константина Б.

Мое почтение батюшке Алексею Никитичу⁶ прошу засвидетельствовать.

Четверг.

Письмо датировано на основании даты выезда Батюшкова из Халтонова: 8 июня 1815 г. (III, 316). Это был вторник, следовательно, письмо написано в предыдущий четверг (3 июня).

¹ Батюшков служил в военной службе в качестве адъютанта генерала А. Н. Бахметева с 29 марта 1813 по 20 января 1816 г. (ГПБ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 4); с конца июня по 26 декабря 1815 г. он находился при Бахметеве в Каменце Подольском (III, 365).

² Захаров Василий — крепостной крестьянин Батюшкова из села Халтоново Череповецкого уезда Новгородской губернии; по определению Батюшкова, «закоренелый плут» (III, 91). Имя Василия Захарова часто упоминается в переписке поэта с весьма пестрыми характеристиками (III, 352, 364 и др.; см. также письма № 5, 8 настоящей публикации).

³ Третьяков Константин — чиновник Вологодской удельной конторы (III, 363, 366).

⁴ В 1810 г. Батюшков занял у кн. И. А. Гагарина тысячу рублей (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 52).

⁵ В 1815 г. имущественное положение Батюшкова значительно ухудшилось. 1 апреля он занял в Московском опекунском совете 3490 руб.

(ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 54), а 15 июня — еще 3430 руб. (там же, ед. хр. 52, л. 3), заложив свои вологодские имения. Подробности «проклятого дела» с неким Сиряковым до нас не дошли.

⁶ Алексей Никитич — отец П. А. Шипилова.

5

Благодарю тебя за письмо твое, любезный брат и друг. Я нимало не сержусь за молчание; знаю, что в наших горестных и хлопотливых обстоятельствах иногда и письмо бывает — бремя. Но еще раз прибегаю к просьбою о Захарове. Избавь меня от него и от долга, который лежит у меня на совести. Продай его с повытчиком, а землю пазад, как водится. Что же касается до осторожности со мною, то она излишняя. Ты по опыту знаешь, что я не могу сделать тебе неудовольствия за твои услуги; я, кажется, с тех пор как владею имением, а ты им управляешь, заслужил твою доверенность. Притом же, если бы я и сделал глупость, то принужден был бы жаловаться на себя. Кто слишком осторожен, тот не осторожен. Заметь, что закладывать имение мне нельзя. Надобно будет перезаложить часть одного для заплаты снова в ломбард и об этом подумать. Не знаю, как сладим, и что ты расположишь и придумаешь? Что сделать мне, дабы избежать твоих огорчений, которые имели ныне с закладыванием, ибо взялся слишком поздно; к кому адресоваться в Петербурге? Гнедич формально отказался, да и сам не хочу его беспокоить. Не лучше ли заложить в приказ Вологодской на сумму 3000, которую мне платить надобно будет в ломбард в мае 1816 года.¹ Скажи что-нибудь решительно. Распоряди сам решительно. В таком отдалении переписка не верна и медленна, а тут дело идет не шуточное. Прости мне мою просьбу докучную. Ты мне ближайший родственник, и опытность доказала, милый друг, что я могу на тебя считать; в школе злополучий и огорчений, которые мы делили почти пополам, которые знаем одни только в семействе нашем, мы видим и чувствуем, что никто не может судить о наших обстоятельствах с малейшею справедливостию; но зато мы не изменим и дружбе. Я счастливым себя назову, если могу когда-либо оказать тебе маленькую услугу, а пока чувствую вполне твою дружбу.

В проезд мой через Москву я виделся с Дружининым,² который тебя очень хвалил за то, что ты не взял подарка от Инов.⟨?⟩, ибо он не такой человек, у которого бы можно было взять. Притом же с такими людьми, каков Этот, надобно обходиться как можно осторожнее: его нельзя уважать. Он по себе обо всех судит, и вот единственно почему оскорбиться нельзя его попусту.

При сем прилагаю приказ старосте о высылке мне денег. Бога ради, чтобы не замедлил и недоимок не было. Такой же послал к сестре, адресуя в Череповец, не знаю, который дойдет прежде. Прошу поцеловать за меня милую сестрицу Лизавету Нико-

лаевну, благодарю за письмо и отвечать буду на одной из будущих почт. Радуюсь душевно, что Вареньке легче; дай бог, чтобы она поправилась.³ Обнимаю милых твоих деточек и прошу их не заучить. *Est modus in rebus.*^{a, 4} Прости, будь здоров и помни твоего преданного брата и друга.

Конст<антин>.

Каменец.

12 октября 1815.

О себе ничего сказать не могу, и не делай мне вопросов на мой счет. *Que sais-je?*^{b, 5} — вот и все! Но здесь очень не весело; я предвидел это издали. Вышли деньги, у меня ни гроша нет.

¹ О «ломбардном деле» Батюшкова см. в его письмах к Н. И. Гнедичу, А. Н. Батюшковой, Е. Ф. Муравьевой от декабря 1815—апреля 1816 г. (III, 362—363, 366, 377, 378—379, 384).

² Дружинин Петр Михайлович (1764—1827) в 1815 г. был профессором Московского университета, директором Московской губернской гимназии.

³ О болезни В. Н. Батюшковой см. в письмах Батюшкова к сестре Александре (III, 347, 349).

⁴ Крылатое выражение из 1-й сатиры Горация.

⁵ Выражение из книги М. Моптяна «Опыты», символизирующее несовершенство человеческих знаний.

6

Ты, любезный брат, и сестра Лизавета Николаевна, требуете у меня советов и пособий насчет гувернера для Алешеньки.¹ Долгом поставляю говорить с вами откровенно, без предубеждений и лести, *о деле столь нежном*. Первое, по справкам моим оказалось, что здесь иностранцев, достойных уважения, мало, особенно французов, что хороший (или то, что называли хорошим, а по моему, скотина-скотиной) не поедет вдаль ни за какую сумму. Немцев не знаю, да вы, конечно, до них и не охотники, это мне также не очень нравится. Беспокойство ваше насчет сына кажется мне излишне; он по-французски болтает резво: этого довольно. Язык у него изломан, на первый случай более и не надо. Он пишет, читает хорошо, понятлив; чего ж вы хотите более? Вижу по всему, что не человека из него хотите сделать, а редкого ребенка. Суетное желание! Пагубное! Послушайте моего совета. Учите его болтать по-французски сами (в разговоре более научится этому ремеслу, нежели в книгах), продержите лето в деревне, на воздухе, два часа в день за книгами, за русскою грамматкою, а с осени, если рассудите, или зимою, отдайте мне, или я с братом вместе отправлюсь в Москву и здесь вручим его Антонскому,² директ<ору> Благ<ородного> панси<она>

^a Есть мера в вещах! (*лат.*).

^b Что знаю я? (*франц.*).

при Университете. Тем смелее предлагаю это, что Алексей Никитич дал тысячу рублей, чего достаточно будет на все воспитание в пансионе. Там оставьте его не на год, а лет шесть сряду, и я ручаюсь (зная его способности, и воспитание, и образ учения здешнего), что из него выйдет человек, годный на службу царскую, человек грамотный и светский. Вот мой совет. Если вы отбросите и суетность, и предубеждения деревенские, то увидите ясно, что говорю истину. Достать вам иностранца, посадить в кибитку и отправить мне нетрудно, но какая польза из того? Никакой. Иван Матвеевич³ имеет шестьдесят тысяч доходу и сына своего Ипполита при себе; он может иметь аббата в парике, ибо не жалеет денег, но не имеет, ибо знает, как аббаты пагубны. Этого мало. Сын его говорит по-французски, но учителя не имеет, а имеет учителей немецких, русских, латинских и пр., и пр., и пр.

По зиме Алеше будет около десяти или одиннадцати лет. Пора с ним расстаться. Он не девочка; его надобно окунуть в Стикс, а общественное воспитание для небогатых дворян необходимо и есть лучшее. Здесь у меня много приятелей при Университете, они присмотрят за сыном. Дружинин первый не откажет. Рано или поздно надо будет с сыном расстаться. Лучше расстаться ранее, нежели взять в дом урода морального, каковы по большей части все выходцы из земли Вольтеровой, или невежду, ибо они — я право не лгу — едва ли и читать умеют: так переродилась вся нация!⁴ Я сказал мое мнение, сказал мой совет. Верьте, что не одно сердце, но и рассудок участвует в оном. Если вы недовольны вашим иностранцем, то откажите ему; Алешу продержите у себя до зимы. Пусть летом дышит свободою, а зимой сюда. Здесь, право, хорошо учат. Не сужу по заведению, но по людям, которые в нем образовались. Если захотите отдать в Петербургский Лицей, что в Царском Селе, то и тут могу быть полезен: я знаю Уварова,⁵ попечителя петербургского, знаю Мартынова,⁶ знаю многих профессоров и могу их просить — но на что брать свысока? Лучше держаться середины. Притом же легче, дешевле и выгоднее вам для свиданий ездить в Москву, нежели в Петербург. Вот мое мнение. *Сказал.* Теперь делайте, что хотите, но не сердитесь на меня за правду: вперед говорить не буду ни за какие сокровища, ибо ваше дружество драгоценно моему сердцу. Сестра Лизавета Николаевна при последнем прощании доказала, как горячо меня любит, и чем могу лучше наградить ее за любовь и привязанность, как говоря от сердца, когда дело идет о сыне ее? Что я добра ей и ему желаю, в том вы не сомневаетесь: дай бог, чтоб вы не усумнились в правоте моих слов и советов. Здесь в столице я лучше вашего вижу многие вещи; это натурально: они у меня перед глазами, а вы их угадываете. По совести, я ни одного не знаю француза, которому бы поручил моего сына, а с радостью отдал бы моих детей в Университетский пансион, который образовал лучших наших генералов, писателей, государственных людей, и до сих пор не

переродился. Если и после этого вы будете упрямиться, то я сыщу француза и привезу, если хотите, с собою, но за ответственность и ученость его не поручусь. Не хотите ли лучше, чтобы я за тысячу рублей нашел русского, знающего свой язык и по латыни, или немца? Скажите мне. Сделаю все, что могу, для вас, друзья мои. А не лучше ли *по-моему* повременить до осени или зимы и отправить его сюда с Павлом Алексеевичем и со мною? Как думаете?

Заметьте, что в Благородном пансионе те, которые выдержат курс, получают студентский аттестат, право на чин офицерский; это важно для дворянина; что их учат танцевать и петь, и музыке; это важно для сестры, которой я не могу истолковать до сих пор, *как важен язык латинский, а не французский*. Латинский язык есть ключ ко всем языкам и ко всем сведениям. Еще раз повторяю: и дома говорить по-французски научится, а книги и чтение дополняют. Предварительного домашнего воспитания довольно для Университетского пансиона, я справлялся об этом и еще на днях съезжу к Антонскому и переговорю с ним о цене, о пище и о прочем. Будьте же покойны насчет сына вашего и молитесь providence, которое печется о детях и о добрых родителях.

Комиссия твоя, любезная сестрица, не исполнил, потому что у меня денег немного и потому, и это главное, что все товары будут дешевле. Если надобно, то еще отпиши, а я здесь дам комиссию знакомым дамам торговать ситец.

О ломбарде скажу только, что я писал в Петербург неоднократно и не могу ничего решительного добиться. Чем это кончится, не знаю. Отставки не имею еще и, по-видимому, долго прожду; отсюда выехать не могу и не имею права. Здесь жить дорого, а как Иван Матвеевич уедет (ибо он скоро едет в деревню) — еще дороже. Если бы вышла отставка, то я немедленно бы поехал в деревню для исправления кошелька и здоровья. Простите, до свидания. Любите и помните вашего друга и брата

Константина Б.

24 марта 1816.

Сию минуту получил деньги 1000, буду писать к тебе с первою почтою.

29 марта.

Часы, если найду, куплю.

¹ У Шишловых было трое детей: Леонид (Алена), Александр и Прасковья (III, 198). Летом 1818 г. Батюшков устроивал Алену Шишлова вместе со своим сводным братом Помпеем (сыном Н. Д. Батюшкова от второй жены) в Благородный пансион при Московском университете и, уже будучи за границей, интересовался судьбой брата и племянника (III, 506—508, 563). Впоследствии Леонид Павлович Шишлов остался служить в военной службе: в 1856 г. он был гвардии поручик (ИРЛН, ф. 19, ед. хр. 57, л. 1293—1293 об.).

² Прокопович-Антонский Антон Антонович (1771—1846) — профессор энциклопедии, естественной истории и сельского хозяйства, впоследствии ректор Московского университета; один из активных участников и создателей Общества любителей российской словесности.

³ Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1765—1851) — государственный деятель, писатель, отец трех декабристов; являлся троюродным дядей Батюшкова.

⁴ Это невысокое мнение о французах утвердилось у поэта после заграничного похода 1813—1814 гг.

⁵ Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — с 1818 г. президент Академии наук, с 1833 г. министр народного просвещения.

⁶ Мартынов Иван Иванович (1771—1833) — государственный деятель, журналист, писатель; с 1803 по 1817 г. был директором Департамента народного просвещения.

7

<15 апреля 1816>.

В субботу на святой.

Спешу отвечать тебе, любезный брат, на письмо твое от 3 марта с 500 <рублями>, которые получил вчерашнего дня, и поздравить с протекшим праздником, который вы провели, конечно, не худо, ибо провели его в недрах семейства. Ты знаешь (из газет), что я получил отставку невыгодную;¹ но я к этому привык. Неудачи — мне знакомое дело. Славу богу, что имею отставку; она мне была нужнее всего на свете. Здесь останусь до окончания ломбардного дела; но когда оно кончится, не знаю, ибо ни от тебя, ни от сестры, ни от Гнедича решительного ответа не имею и, какие меры мы возьмем, не ведаю.

Что касается до *учителя*, милый друг, то я настояю на том, что писал к тебе недавно (получил ли мое письмо?), тем более настояю, что я переговаривал еще с Дружининскими. Нет учителей, и не сыщешь в скором времени их. Надобно на это по крайней мере год, чтобы напасть счастливо. Притом же, клянусь моей честью (какая мне нужда вас обманывать?), что Алеша может учиться и дома: тише едешь, дальше будешь. Болтать по-французски он умеет и может еще более научиться дома, писать по-русски, по-немецки, по-французски, немного географии, истории, арифметики первые правила: вот что нужно, необходимо. Если бы вы взяли *на часы* учителя латинского из семинарии, в грубом хитоне, что пужды! — то это увенчало бы совершенно его домашнее воспитание. Что касается до француза, то редкий может учить сим наукам. За тысячу будет пирожник, за две — отставной капрал, за три — школьный учитель из провинции, за пять, за шесть — аббат. А я за них за всех на выбор гроша не дам для Алешы, и знаю, что говорю. Но вот что советует Дружинин (а он этого дела мастер): отдать его в пансион (он берется за это сам и, будучи Главным директором училищ, конечно, может), в пансион частный, к знакомому ему немцу или французу; потом через год в Университетский пансион, когда ему бу-

дет лет одиннадцать или болес. Если вы согласны на это, то по зиме я постараюсь его отдать; если вы похотите сами, то дам вам письма к Антонск^{ому}, Дружинину и проч. До зимы, бога ради, ничего не делайте: верьте мне, что летний деревенск^{ий} воздух, общество родителей, благие примеры и счастье полезнее француз, фанцузского языка и модных слов. Последнее даром или легко дается, а первое редко, очень редко, даже и детям.

Обнимаю Лизавету Николаевну, милую Вареньку. Часы постараюсь привезти с собою, если поеду.

¹ В начале апреля Батюшков был отставлен от военной службы в чине коллежского асессора.

8

«6 октября 1816».

Благодарю тебя, милый брат и друг, за присылку денег, а еще более за письмо твое, которое меня истинно обрадовало. Благодарю тебя за приглашение на *север*. Давно бы я был у вас, и вы, конечно, милые и добрые друзья, в этом не сомневаетесь, но болезнь, и болезнь мучительная, меня удерживает в Москве против воли моей. Теперь легче, но не совсем здоров. И предпринимать путешествия не в силах. Надобно дождаться первого пути и белого снега. Теперь прошу тебя снабдить меня путевыми способами и выслать к 10-му ноябрю 1050 оброчных, вдруг — все. Остальные 100 до января можно отсрочить. Здесь я так прожился на аптеке и лекарствах, так задолжал всем художникам от чебогаря до Гиппократовых чад, что не смею и подумать оставаться долее. Расплачусь и выеду. Беда — одна! Здоровье? Но! так и быть: большой поеду. Шутки в сторону, прошу тебя в будущем месяце *снабдить* тем элементом, который всех превосходней: не водою, но Фалесу-мудрецу, но деньгами.

Благодарю милую сестру за приписание и уведомление о детях, которых я люблю всем сердцем. Везу Алеше Риторику, а Саше иглу с ниткою, а вам — себя. Сожалею крайне о Вареньке и желаю ей выйти замуж скорее, как можно скорее. Пора. Право пора, между нами будь молвлено. Аркадию Аполлонычу мой усердный поклон: скажи ему, как бы его хозяйство и деревни хороши ни были, но я найду его покритиковать и, если угодно ему, приеду с топором прочищать виды: он знает, как я ему часть усовершенствовал. Простите, милые друзья мои, обнимаю вас от всего сердца и всей души.

Октября 6.

Изжарь Василья Захарова. Что он делает и что мне с ним делать? Не хочет ли он внести за себя тысячу рублей: я дам ему свободу жить где хочет.

〈Март, 1817〉.

Вот третья неделя, любезная Лизавета Николаевна, что я очень не здоров. У меня так разболелась голова, что я третьего дня поставил себе шпанскую мушку; она очень много действовала и, может быть, облегчит боль несносную. Сестра у батюшки; ожидаю ее с часу на час. Желая, чтоб все ваши были здоровы, брату и сестре мой усердный поклон. Прошу брата засвидетельствовать отпускные; это мой насущный хлеб. Я никак не могу быть у вас, и очень благодарен за приглашение: первое — не здоров, а другое дело — занят.¹ Будьте здоровы, веселы и счастливы и не забывайте

Конст<антина>.

Понедельник.

Попроси у отца Гавриила сочинение последнее Филарета,² *Толкование на пастее*, если не ошибаюсь, и доставь мне. И все, что есть Филарета — прошу ему обо мне напомнить и удостоить меня пастырск<им> благословением.

¹ Батюшков, живя в Хантонове, готовил к печати второй (стихотворный) том «Опытов в стихах и прозе».

² Филарет (Дроздов, 1783—1867) — церковный публицист и писатель; впоследствии митрополит московский.

10

〈4 августа 1817〉.

Обстоятельства батюшки требуют моего присутствия у него; крайне сожалею, что я не мог тебя дождаться в деревне, любезный брат, и прошу покорнейше, если есть возможность, приезжай в Даниловское: дела батюшкины надобно кончить на месте, в глазах его.¹ Еще прошу о продаже. Чем более дадут денег — тем лучше, разумеется, но я согласен буду отдать и по триста рублей душу, а если бы за все дали тридцать тысяч, то и очень бы был благодарен. Деньги может быть, нужны будут в скором времени: у батюшки имение описано давно и к продаже назначено. Теперь и дни дороги. Очень благодарен за мое свидетельство, но это дело не столь нужное и, как я говорил, поспеет к Петербургу. Кончить продажу и осмотреться в Даниловском — вот что нужно теперь. Итак, я подожду тебя до 10 августа у батюшки. Более ни дня ожидать не стану, а если приедешь ранее, то сочту за истинное одолжение, ибо пребывание мое там вредно вообще делам, особливо продолжительное. Обнимаю от всего сердца Лизавету Николаевну и желаю ей здоровья и счастья

вместе с милыми малютками, которых прошу поцеловать. Пишите ко мне в Петербург и не забывайте брата, который вас искренно любит.

Константи́н Б.

Суббота.

Посылаю тебе книгу и рекомендую сочинителя.²

Не забудь при продаже имения выключить трех девок, которым я уже дал отпускные.

В 1817 г. значительно ухудшилось материальное положение как самого Батюшкова, так и его отца. 17 июля 1817 г. Батюшков писал Гнедичу: «...я нынешний год потеряю половину моего имения (прошу это оставить между нами), то есть тысяч на тридцать; и что будет вперед — не знаю» (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1895 г. СПб., 1898, с. 28). Продажа Даниловского, родового имения Н. Л. Батюшкова, также была уже назначена (III, 478—479). Характерно, что в этих условиях, как свидетельствует приведенное письмо, поэт предпочел продать свои владения, для того чтобы «осмотреться в Даниловском».

¹ Н. Л. Батюшков в это время находился при смерти (ум. 25 ноября 1817 г.).

² Батюшков послал Шишилову первую (прозаическую) часть «Опытов в стихах и прозе», полученную им из Петербурга 17 июля 1817 г.

«Сентябрь, 1817».

Прошу никому этого не читать.

Благодарю тебя, милый друг Лизавета Николаевна, за твое воспоминание. Теперь поговорим о деле для нас важном: и будем говорить чистосердечно и в простых словах. Варинька за несколько часов до отъезда моего прибежала ко мне со слезами: она желает, чтобы участь ее чем-нибудь решилась, и желание ее справедливо!¹ Более года она томится по-пустому. Ничего у нас не делается, а целому миру все известно. Батюшка меня этим встретил. Я молчал. Но каково мне было? Если Варинька не согласна, то, бога ради, откажите Аркадию Аполлоновичу). Если он не хочет, то скажите это просто Вариньке. Но решите чем-нибудь. Еще повторю: решите! И не выдумывайте предлогов для проволоочки. Стыдно и говорить об имении и тому подобных пустяках. Имение ее известно. Ты, милый друг, старшая всем. Варинька провела у тебя лучшие годы жизни своей, тебе не должно покидать ее. Ты сделала для нее все, что могла, я знаю это; но теперь кончи же начатое или откажи Аркадию Аполлоновичу) начисто.

Варинька невеста. Ей время дорого, ты сама это должна знать лучше моего. Она имеет столько хороших качеств, что, может быть, за женихами еще дело не станет. А в течение года могли бы, кажется, что-нибудь сделать: мы Францию завоевали в шесть

месяцев. Спрашиваю вас, не обидна ли эта нерешимость, с чьей бы стороны она ни была? Со стороны Вариньки — обидна жениху, со стороны его — обидна ей; этого мало: обидна, предосудительна всему семейству нашему, и если вы не примете мер, то это, право, нехорошо будет! Смех посторонним, стыд себе. Итак, прошу вас, решите что-нибудь. Кончите. Я видел, как бедная Варинька мучится: мне и за нее очень больно. Ее участь нам должна быть всего драгоценнее в мире: ибо мы старше ей и провидением назначены быть ей путеводителями и избавлять от огорчений, а не вводить в несчастье. Замужем или незамужем, она мне будет сестра. Кончите, бога ради. Не навлекайте себе огорчений пустым деликатством, которое в делах никуда не годится. Дела делаются просто. Да, или нет — вот и вся песня у благоразумных людей. А полтора года... Но я лучше замолчу, в надежде, что ты это все решишь, и к лучшему для сестры. Уверен также, что простишь мне мои слова и мое простодушие. Я иначе быть не умею с людьми, которых люблю, особенно с родными. Ни слова бы не говорил, ибо не охотник до хлопот, если бы сердце мое, заодно с рассудком, не говорило: надобно этому сделать конец, а у вас еще и начала нет. Все знают, а батюшке не объявлено. У архиерея не была и ничего не готово в полтора года?

Но прости мне, милый друг, целую руку твою и прошу ее не лениться писать ко мне. Обнимаю детей твоих. Еще раз будь здорова и люби меня: я, право, того стою за то, что вам очень предан.

¹ О замужестве младшей сестры Батюшкова хлопотал начиная с 1814 г. Эта тема нашла отражение в письмах к А. Н. Батюшковой от 19 ноября 1815 г. и 29 сентября 1817 г. (III, 353—354, 471).

2. ПИСЬМО К П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

П. А. Вяземский был одним из самых активных корреспондентов К. Н. Батюшкова. В переписке поэтов наиболее ярко воплотились основные черты жанра дружеского письма начала XIX в.: «его ориентация на устную речь, пародийное использование поэтических и традиционно „высоких“ стилистических штампов, мозаичность конструкции, вбирающей в себя разнообразные тематические и стилистические пласты, чередование прозы и стихов, и т. п.»¹

Однако переписка Батюшкова и Вяземского опубликована, к сожалению, далеко не в полном объеме. В третий том «Сочинений К. Н. Батюшкова» включено лишь 21 письмо его к Вяземскому. Несколько писем были опубликованы Н. В. Фридманом в периодических изданиях.² Но еще не

¹ Степанов П. Поэты и прозаики. М., 1966, с. 73.

² См.: Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка, 1955, т. XIV, вып. 4, с. 370—371; Огонек, 1957, № 16, с. 27; Русская литература, 1970,

менее 15 писем и записок Батюшкова к Вяземскому, хранящиеся в ЦГАЛИ,³ остаются неопубликованными, так же как и ответные письма Вяземского.⁴

Публикуемое письмо хранится в ИРЛИ (ф. 19, ед. хр. 21). Единица хранения озаглавлена: «К. Н. Батюшков. Письма к неизвестным». Как нам удалось установить, в письме разбирается стихотворное послание П. А. Вяземского «К Жуковскому», не включенное Вяземским в собрание сочинений и опубликованное лишь в 1935 г. В. С. Нечаевой.⁵ Об этом разборе Батюшков упоминает в письме к Вяземскому от 10 июня 1813 г.: «... я писал к тебе в Ярославль и послал даже замечания на твое послание; получил ли ты мое письмо — не знаю» (III, 226).

Письмо Батюшкова интересно во многих отношениях. Прежде всего, оно позволяет более точно датировать послание Вяземского «К Жуковскому», которое В. С. Нечаева отнесла к 1813—1815 гг. на том основании, что именно в это время «Вяземский остро переживал сомнения в своем поэтическом призвании».⁶ Беловой автограф послания значительно отличается от той редакции его, которая была передана для замечаний Батюшкову, вероятно, в феврале 1813 г., когда последний был у Вяземского в Ярославле, проездом в Петербург.⁷

Кроме того, это письмо открывает нам важную черту творческого облика Батюшкова: он был признанным в кругу друзей редактором и критиком чужих произведений. Гнедич, Жуковский, Вяземский довольно часто присылали ему только что написанные вещи «для замечаний», для того чтобы он указал на «безделки, но важные для уха» (выражение Батюшкова: III, 162), исправил слог и «ошибки против языка». Батюшков сам многократно возвращался к своим произведениям, сетовал на свою страсть к исправлениям и в то же время, например, иронически писал о Жуковском: «Он не из тех людей, которые *переправляют*» (III, 390, 299). В этом отношении интересен сам характер замечаний на послание Вяземского и то, как Вяземский использовал эти замечания при дальнейшей перделке стихотворения.

Прости мне мое молчание. Все эти дни я был занят пли, лучше сказать, не жил дома: вот почему и не успел сделать замечания на твое прекрасное послание.¹ Теперь на досуге при-

---

№ 1, с. 185—188; Прометей: Историко-биографический альманах серии „Жизнь замечательных людей“. М., 1967, т. 2, с. 146—149.

³ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1416.

⁴ Часть писем Вяземского к Батюшкову см.: ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 28. Н. В. Фридман отмечал, что им совместно с Н. В. Измайловым подготовлена к печати неопубликованная переписка Батюшкова и Вяземского, которая, однако, напечатана не была. См.: Русская литература, 1970, № 1, с. 183, примеч. 2.

⁵ В кн.: *Вяземский П. А.* Избр. стихотворения / Ред., статья и комм. В. С. Нечаевой. М.; Л., 1935, с. 104—107.

⁶ Там же, с. 482.

⁷ В сентябре 1812 г. Вяземский вместе с беременной женой уехал из Москвы в Вологду, откуда в начале февраля 1813 г. переехал в Ярославль, где находился до мая 1813 г.

ступаю к делу. Вообще весь тон стихов благороден и выдержан — за это тебе поклон, — но мне кажется, что:

Прозаик милый мой...

Прозаик — не хорошо, и еще *милый!* — притом Жуковский, если он прозаик и поэт, то, конечно, и музам друг: следственно, здесь плеоназм. Все четыре стиха растянуты; надобно было вдруг изъяснить, чего ты требуешь.²

Я от тебя хочу...

Я от тебя хочу... Против ударения. — Эти стихи легко поправить.

Все следующие прекрасны, а этот очень счастлив:

В сотрудников число на упокой попасть!³

Но что значит:

В храм славы пропуска для будущей субботы? —

Этой субботы я не понимаю и никто не понял.⁴

Клянү...

Бумаги выдумку, и перья, и себя...

Немного холодно! скажи как-нибудь повеселее — ты на это мастер.⁵

Зритель *неучастной* — нельзя; лучше, кажется, непричастный. Но и в таком случае сказать необходимо, в чем? — ибо того требует наше словосочинение.

Благодарю за похвалу (я этого не стою! помилуйте! пощадите!), но *бездумный* — слишком смело; по крайней мере мне так кажется.⁶ Потом все стихи прекрасны, кроме растянутых:

Жуковский, просвети ты мрак *недоумений*
И на беду мою воюющих *сомнений*
Ты *прекрати* во мне *всечасную борьбу*.

Холодно, потому что одна мысль в разных словах; я желал бы и здесь поболее комических стихов.⁷ Далее все хорошо, прекрасно — а этот стих очень счастлив:

Обидит ли кого он одою своею?

Но...

И музами тройным венком *почтительный* он —

нельзя сказать никак!⁸

Пусть одой ближнего Хлыстов не обижает,
Но я и здравый смысл обидеть не хочу!

Прекрасно, прекрасно! Я доволен остальными, а особенно:

На то и дураки, чтобы дурачить их.⁹

Всего счастливее! Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs.⁹ ¹⁰
Зачем ты кончишь Волтером? — тут никакой связи нет ни в мыс-
лях, ни в словах. А этот стих очень дурен и холоден, и не-
приятен для слуха:

Сей запросто себе стих в Эпиграфы взял...¹¹

Бога ради, поправь его или, лучше, переделай вовсе.

Вот что я заметил важнейшего. Приделай другой конец, дай более жизни иным стихам, и твое послание будет достойно и тебя, и Жуковского. Я слишком люблю тебя и дорожу тобою, чтоб тебя обманывать. — Перевод из Волтера не так хорош — и далек от послания.¹² Не поленись, еще раз переправь его и пришли сюда поскорее, только ко мне. Я отдам его в печать, если хочешь. Теперь скажу тебе приятную весть. Жуковский в Белеве. Прислал оттуда к Дмитриеву своего «Певца» с поправками и с посвящением государыне Елизавете Алексеевне, которая написала к Ивану Ивановичу лестный для Жуковского рескрипт и *перстень*.¹³ Это его должно обрадовать. Пиши к нему в Белев. На прошедшей почте я послал к тебе письмо Северина, доставленное мне Дашковым. Получил ли ты его?

Я ожидаю сюда Бахметева и буду проситься в армию.¹⁴ Прости, будь здоров и помни твоего

Батюшкова.

9 мая 1813.

¹ Батюшков приехал в Петербург из Нижнего Новгорода в конце февраля 1813 г., 29 марта был принят на военную службу и назначен адъютантом к генерал-лейтенанту А. Н. Бахметеву (1774—1841), потерявшему в Бородинском сражении ногу. Бахметев лечился в Нижнем Новгороде, и Батюшков ожидал его приезда в Петербург. Ср. в письме В. Л. Пушкина к Батюшкову от 20 мая 1813 г.: «Я вам скажу, что желание ваше исполнится скоро. Почтенный генерал ваш просил меня вас уведомить, что он на днях, а именно послезавтра, отправляется в Петербург и что немедленно по приезде своем туда пошлет вас в армию» (ИРЛИ, ф. 19, ед. хр. 44).

² Начальные «четыре стиха» отсутствуют в беловом варианте послания Вяземского, которое начинается так:

Жуковской, музам друг и сердцу друг любезный,
Я от тебя хочу принять совет полезный.

³ Ср. в беловом автографе:

В ряды сотрудников на упокой попасть!

⁴ В беловом автографе стих оставлен без изменения.

⁵ В беловом автографе эти стихи отсутствуют.

⁶ Ср. в беловом автографе:

Там Батюшков, летя во след звезды надежной
И к верной пристани бег правя осторожной,
Манит меня к себе, — и вопреки всему,
Безумный! я едва не следую ему!

^a Дураки существуют на свете для наших маленьких удовольствий (франц.).

⁷ В беловом автографе изменен первый стих:

Жуковской, будь мне вождь, будь мой хранитель-гений!

⁸ Ср. в беловом автографе:

Когда от Муз тройным венком увенчан он.

⁹ В беловом автографе этот стих отсутствует.

¹⁰ Стих из комедии Ж. Б. Грессе «Злюка» («Le Méchant») (д. II, явл. 1).

¹¹ Ср. в беловом автографе:

Остряк Вольтер сказал собратиям своим:
«Все роды хороши, но скучный нетерпим».
И истина сама иначе б не сказала.
Недавно Шаликов для Желтого Журнала
Сей запросто себе стих в эпиграфы взял;
Но скучный он едва ль для шутки не избрал.

Имеется в виду журнал П. И. Шаликова «Аглая», вышедший в 1812 г. в желтой обложке с указанным эпиграфом из Вольтера.

¹² Упоминаемый перевод Вяземского из Вольтера нам неизвестен.

¹³ Об издании «Певца во стане русских воинов» Жуковского Батюшков писал неоднократно, считая это издание событием, имеющим большое общественное значение (см.: III, 227, 229, 705).

¹⁴ Батюшков отправился в действующую армию лишь 24 июля 1813 г. (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3055, л. 3 об.).

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

ПИСЬМА к А. С. ПУШКИНУ

Публикация Р. Е. Тербениной

Оригиналы четырех публикуемых писем князя В. Ф. Одоевского к Пушкину были выявлены в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в составе архива Одоевского при его окончательной обработке. Нам об этих письмах сообщил Б. Л. Бессонов, подготовивший тексты писем Пушкина к Одоевскому для издания «Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837» (Л., 1969). В мае 1976 г. письма поступили в Пушкинский фонд Института русской литературы.

Переписка Пушкина с Одоевским дошла до нас не полностью. Особенно это касается писем князя. Если писем Пушкина к Одоевскому нам известно 18 (в некоторых изданиях ошибочно указано 20), то писем Одоевского к Пушкину — только 8 (в некоторых изданиях ошибочно указано 6), при этом одно из них на имя Н. Н. Пушкиной (оно по делам «Современника», и Наталья Николаевна сразу же переслала его мужу),¹ и одно написано вместе с А. А. Краевским (т. XVII, с. 74—75).² Из восьми писем только три напечатаны в академическом издании по подписникам, хранящимся в Пушкинском Доме. История их показывает, что они были обнаружены в архиве поэта уже после жандармского разбора.³ Другие

---

¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. XVI, Приложения, № 1. Далее ссылки на «большое» академическое издание сочинений Пушкина даются непосредственно в тексте с указанием тома и страницы (или номера письма).

² Судя по письмам Пушкина к В. Ф. Одоевскому, до нас не дошло по крайней мере 12 писем князя: нет восьми писем, на которые Пушкин ответил (т. XVI, № 1063, 1169, 1304, 1326, 1337, 1338, 1340, 1343), и четырех ответов на письма поэта (т. XV, № 895, 896; т. XVI, № 1152, 1325); ответы эти большей частью, по-видимому, представляли небольшие записки, и они, вероятно, были утрачены еще Пушкиным; нет и первого письма Одоевского на имя Н. Н. Пушкиной, тоже по делам журнала (он упоминает о нем в начале второго письма).

³ Два из этих трех писем (т. XVI, № 1158; т. XVII, с. 74—75 — совместное с Краевским) восходят к архиву П. В. Ашпенкова, при работе над собранием сочинений поэта, как известно, присвоившего много пушкин-

пять писем были просмотрены жандармами и возвращены Одоевскому, как и многим другим корреспондентам поэта.⁴ В 1864 г. вместе с семью письмами Пушкина князь предоставил их для публикации П. И. Барте-неву.⁵ Однако после смерти Одоевского (в 1869 г.) они затерялись. В 1884 г. племянница князя А. С. Перфильева передала его архив в Публичную библиотеку; в составленной тогда же И. А. Бычковым первоначальной описи «Бумаг князя В. Ф. Одоевского» письма его к Пушкину не были показаны.⁶ Четыре поступивших письма были выявлены в архиве Одоевского уже после выхода XV и XVI томов «большого» академического издания сочинений Пушкина, т. е. после 1949 г. В академическом издании они напечатаны по писарским копиям в тетрадке копий переписки Одоевского с Пушкиным, авторизованной князем, с его примечаниями (тетрадь была передана им А. А. Краевскому, а теперь находится в Пушкинском Доме: ф. 244, оп. 7, № 89), с поправками по текстам первой публикации их П. И. Бартевым. Найденные подлинники дополняют тексты трех писем Одоевского к Пушкину адресам, а в давно известные корпуса текстов всех четырех писем вносят много различного рода мелких поправок. Сравнение с оригиналами показывает, что в текстах писем, напечатанных в академическом издании, есть отдельные неточности (в двух случаях их нет ни в копиях, ни в публикации Бартева); нигде не оговорено — какие слова вписаны, нигде не приведены первоначальные зачеркнутые варианты; не сохранены и некоторые особенности оригиналов (например, разбивка по строкам полного названия «Летописца» в письме № 1064).

Несколько замечаний по публикации. В письме от 27 марта 1833 г. Одоевский приглашал Пушкина на чтение В. А. Якимовым своего перевода «Шекспирова Венецианского купца»; на следующей день поэт ответил, что «надеялся быть» у Одоевского, но не сможет из-за «делового свидания» (т. XV, с. 56). В комментариях к письму Л. Б. Модзалевский, приведя обширные сведения о В. А. Якимове и его взаимоотношениях с Пушкиным, писал: «Надо думать, что не „подьяческие разговоры“ помешали

ских бумаг. Первое письмо было обнаружено И. А. Шляпкиным среди бумаг, приобретенных им в 1899 г. у полковника Ф. И. Анненкова (см.: *Шляпки И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903, с. V—VII и 240—241; шифр письма: ф. 244, оп. 2, № 131). Второе письмо П. В. Анненков передал писателю В. Н. Назарьеву, у вдовы и дочери которого вместе с автографами поэта оно и было приобретено в 1931 г. Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина (см.: Литературное наследство. М., 1952, т. 58, с. 289—290; шифр письма теперь: ф. 244, оп. 2, № 132). Письмо на имя Н. Н. Пушкиной было впервые опубликовано И. Л. Полпвановым в журнале «Искусство» в 1923 г. (№ 1, с. 324—325), оно хранилось у потомков поэта (см.: ф. 244, оп. 20, № 64).

⁴ Письма В. Ф. Одоевского Пушкину были «прочтены и разобраны» жандармами 15—17 февраля 1837 г.; по окончании разбора 25 февраля они вместе с письмами к Пушкину других лиц были «вручены» В. А. Жуковскому «для рассылки по принадлежности»; от Жуковского, по-видимому, в ближайшие дни их и получил В. Ф. Одоевский. См.: *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 281, 308—309.

⁵ Русский архив, 1864, стб. 813—819; изд. 2-е — стб. 1004—1010.

⁶ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887, с. 58—59; Приложение 2, с. 1—65. До поступления в библиотеку бумаги князя разбирали вначале С. А. Соболевский, потом А. И. Кошедев.

ому быть на чтении, а Йейслаше тратить своё время на выслушивание перевода Якимова, произведения которого вроде „Дара слова“ Пушкину были хорошо известны с отрицательной стороны и от переводов которого он не ждал ничего положительного».⁷ В словаре Л. А. Черейского об этом сказано мягче: «Пушкин, приглашенный Одоевским на чтение, не смог приехать или намеренно уклонился, ссылаясь на „деловое свидание“».⁸ Нам кажется, что топ пушкинского письма не даст оснований для подобных умозаключений. Ведь не постеснялся же поэт в другом письме к Одоевскому написать: «За кого вы меня принимаете? Я слышал раз дурака в Москве, и больше не буду...» (т. XVI, с. 5). Сомневаться в правдивости Пушкина и приписывать ему позднейшие оценки современников вряд ли справедливо. Переводы из Шекспира были сделаны Якимовым не из меркантильных целей, а к честным усилиям труженников Пушкин был всегданисходителен.

Письмо Пушкина к Одоевскому с упоминанием о «Летописце» (т. XVI, № 1063) и письмо Одоевского к Пушкину с проектом программы «Летописца» (т. XVI, № 1064) в академическом издании датированы «апрелем—маем 1835 г.». Б. Л. Бессонов предположительно датирует их «началом (до 11-го) апреля 1835 г.»; основанием для передатировки послужила связь их содержания с черновым письмом Пушкина к А. Х. Бенкендорфу (т. XVI, № 1065), справедливо приуроченным Бессоповым к этому времени.⁹ Но так ли уж они связаны? Мы обратили внимание, что в черновом письме к Бенкендорфу Пушкин пишет о своем желании быть издателем и газеты, «во всем сходной» с «Северной пчелой», и ежеквартальных томов («по образцу» английских «Review») «статей чисто литературных (как-то: пространных критик, повестей, рассказов, поэм и т. п.), которые не могут найти место в фельетоне». В программе «Летописца», судя по письму Одоевского, политика и литература не разделены. Из письма же Пушкина («Я слышал раз дурака в Москве, и больше не буду. Его надо слушать, однако, чтобы порядком поборнить в [Review] Летописце») видно, что «Летописец» включал в себя и элементы фельетона, т. е. мысли о газете тогда еще не было. Несомненно, что это два разных плана изданий, и, хотя они близки, но различать их во времени надо. Мысль о журнале вызревала у Пушкина постепенно. Напомним, как развивались события. В июле 1831 г. Пушкин обратился к Бенкендорфу с просьбой и через год получил разрешение на издание политической и литературной газеты «Дневник». Но уже 2 декабря 1832 г. он писал П. В. Нащокину: «Мой журнал остановился, потому что долго не приходило разрешение. Нынешний год он издаваться не будет. Я и рад. К будущему успею осмотреться и приготовиться» (т. XV, с. 37). 20 августа 1833 г., отправившись в путешествие по пугачевским местам, Пушкин писал жене из Торжка: «Клянися Вяземскому, когда увидишь, скажи ему, что мне буря помешала с ним: проститься и поговорить об Альманахе, о котором буду хлопотать доро-

⁷ Пушкин. Письма / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1935, т. III (1831—1833), с. 574.

⁸ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 497—498.

⁹ Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 84, 258.

гою» (т. XV, с. 72). И, наконец, письмо из Болдина от 26 сентября 1834 г. к П. М. Языкову: «Я был обрадован в моем удешении приездом Александра Михайловича <...> Разговаривая о различных предметах, мы решили, что весьма не худо было бы мне приняться за альманах или паче за журнал, я и не прочь, <...> шелкоперы нас одолевают. Пора, ей-ей пора дать им порядочный отпор» (т. XV, с. 194—195). Как видим, вместо газеты в конце 1834 г. Пушкин собирался издавать альманах или журнал, и «Летописец» вполне отвечает этим планам.

В копии письма к слову «Летописец» Одоевский сделал примечание: «Здесь идет речь о первой мысли относительно Современника в 1835 году» (указанная тетрадь копий, л. 10). Хронология статей в проекте журнала позволяет уточнить эту дату: Одоевский думает «начать Обзорение Политики, Наук и Литературы с 3-го десятилетия 19-го века, т. е. с 1830-го года», а обзорения «состояния наук и литературы в Европе» и «русских произведений» дать за «последние 4 года». Тут возникает некоторая неясность, ибо Одоевский пишет о 3-м десятилетии «с 1830-го года», но упоминает романа Николая Греча «Черная женщина», вышедшего в свет в конце мая 1834 г.,¹⁰ твердо ограничивает крайнюю дату обзорений этим годом. В планах издания такое ограничение было возможно только в конце 1834—самом начале 1835 г., а в начале апреля 1835 г., говоря о еще ненаписанных обзорениях, Одоевский должен был увеличить их хронологические рамки на один год. Приведенные соображения и примечание корреспондента дают основание датировать письмо Одоевского к Пушкину с проектом «Летописца» и письмо Пушкина с упоминанием о нем самым началом 1835 г., т. е. январем—февралем. Письмо Одоевского: «Согласитесь ли Вы, Александр Сергеевич, напечатать у себя *Предисловие* к книге Сахарова...» (т. XVI, № 1146) и ответ на него Пушкина (т. XVI, № 1147) датированы в академическом издании февралем—началом марта 1836 г. Б. Л. Бессонов «в соответствии со сроками подготовки и издания» книги И. П. Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (из переписки автора с Одоевским выяснилось, что первая часть ее была набрана в ноябре; цензурное разрешение второй части от 29 декабря) отнес их к «концу ноября—началу декабря 1836 г.»¹¹ Письмо Пушкина к Одоевскому: «Вигель мне сказывал...» (т. XVI, № 1302) и ответ на него князя: «Я хотел было послать к Вам статью Виг.еля...» (т. XVI, № 1303) в академическом издании датированы «концом ноября—началом декабря 1836 г.». На основании приведенной в статье Н. И. Фокина «К истории создания „Капитанской дочки“ А. С. Пушкиным» даты (22 декабря) резолюции цензурного комитета о выдаче билета на выход IV тома «Современника», в котором был напечатан роман Пушкина,¹²

¹⁰ Цензурное разрешение всех четырех томов романа «Черная женщина» относится к 24 января 1834 г., но дата под приложенным к первому тому посвящением «Василию Аполлоновичу Ушакову» — «25 мая 1834 г.». В «Телескопе» (т. IV, ч. 1, раздел VI — «Литературная летопись. Новые книги») роман помещен среди книг, вышедших в мае 1834 г.

¹¹ *Пушкин*. Письма последних лет, с. 167, 340.

¹² Ученые записи Уральского пединститута им. А. С. Пушкина, 1957, т. IV, вып. 3, с. 124.

письма передатированы Б. Л. Бессоновым на «последние числа декабря 1836 г.».¹³

Итак, теперь только одно из известных нам писем В. Ф. Одоевского к Пушкину будет печататься по авторизованной копии (т. XV, № 850) — оно с припиской С. А. Соболевского, а поскольку Соболевский первый разбирал бумаги князя после его смерти, то оригинал письма, возможно, следует искать в его архиве.

1

27 марта <1833>. Петербург.

Не угодно ли Вам будет, Александр Сергеевич, выслушать Шекспирова Венецианского Купца, переведенного г. Якимовым, который собирается перевести всего Шекспира? Завтра между 8 и 9 часов после обеда Яким.<ов> будет читать свой перевод у меня, и Вы много и его и меня порадуете, если захотите быть в числе слушателей. Я пригласил и кн. Петра Андреевича.¹

Вас душевно уважающий

кн. Влад. Одоевский.

Понедельник.

27 марта.

ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, № 130, л. 1—2 (т. XV, № 806). Писано рукою В. Ф. Одоевского на л. 1 (листы 1 об.—2 чистые) полного фабричного (двойного) листа малого почтового формата (2 л., 117×186 мм) зеленовато-голубой бумаги с оттиснутым штампом в левом верхнем углу: двуглавый орел, под ним «И: П: Б: Ф:», в овале (бумага № 173 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского); на сгибе проколы от иголки, было сложено втрое и вложено в конверт, который не сохранился; без адреса (он был на конверте).

¹ Фраза вписана.

2

<Январь—февраль 1835>. Петербург.

Чтобы начать с какого-нибудь определенного времени, я думаю, Александр Сергеевич, начать обозрение Политики, Наук и Литературы с 3-го десятилетия 19-го века, т. е. с 1830-го года, и потому поместить¹ в Летописце: 1-е — Хронологическое обозрение сухое, по годам, политических происшествий с 1830-го года; впоследствии мы можем издать <его>² отдельною книжкою, которая бы могла [пр] быть [перепл] приплетена к 1-й части Хронологическое Обозрение³ происшествий с начала мира; я его

¹³ *Пушкин*. Письма последних лет, с. 173, 345.

составлю, а Погодину пошлем на ценсировку. 2-е — Общий взгляд на состояние Наук и Литературы в последние 4 года в Европе ⁴ — 1-е [возьму], т. е. Науки, я могу сделать, 2-е ваше дело. 3-е Общее, но ⁵ подробное обозрение Русских произведений в последние 4 года — это общими силами. Хорошо приложить им и краткий Каталог. ⁶ 4-е Особенности статьи о некоторых более [достои] достопамятных произведениях, каковы н.<а>пр.<имер> Черная женщина. — Далее Стихотворения [и], Повести и все что не войдет в вышеупомянутые разряды. ⁷ Заглавие Летописца может быть такое:

Современный Летописец
Политики, Наук и Литературы

содержащий в себе обозрение ⁸ достопримечательнейши[e]х происшестви[я]й [в области Политики, случившиеся в течении последнего десятилетия] в России и других Государствах Европы, по всем отраслям [умственной] Политической, [у] Ученой и Эстетической деятельности с начала

? 3-го

? последнего ⁹ десятилетия 19-го века

Часть 1-я

Надобно бы приискать и Эпиграф — я без этого жить не могу.

Одоевский. ¹⁰

Адрес: Его Высокоблагородию МГ.
Александру Сергеевичу
Пушкину
От к. Од.

ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, № 130, л. 3—4 (т. XVI, № 1064). Писано рукою В. Ф. Одоевского на л. 1, 1 об. и 2 об. (л. 2 — чистый) полного листа большого почтового формата (2 л., 218×264 мм) белой плотной бумаги с водяным знаком: на каждом листе рамка с геометрическим орнаментом, на левом листе в центре «1833», на правом в двойном круге с орнаментом вензель «Е. К.»; на л. 1 в левом верхнем углу штемпель: в овале двуглавый орел, по овалу геометрический орнамент; на сгибе проколы от вшивки и остатки ниток, на л. 2 об. у корешка остатки клея; было сложено конвертом.

¹ В академическом издании «поместил». ² В авторгафе и в копии нет, есть только в публикации Бартенева. ³ В академическом издании «хронологического обозрения». ⁴ «в Европе» вписано. ⁵ «Общее, но» вписано. ⁶ Фраза вписана. ⁷ В копии «разделы»; было напечатано по публикации Бартенева. ⁸ «обозрение» вписано. ⁹ В академическом издании, в копии и в публикации Бартенева «3-го последнего». ¹⁰ Со слов «Часть 1-я» приписано другим чернилами.

«Конец ноября—начало декабря 1836». Петербург.

Согласитесь ли Вы, Александр Сергеевич, напечатать у себя *Предисловие* к книге Сахарова вместо объявления об оной; если покажется длинно, то возвратите посылаемый¹ при сем Экземпляр, а я Вам напишу простос объявление.

Да возвратите 2-ю часть (рукописную), ибо мы хотим представить ее в Цензуру, чтобы² получить право объявить о подписке, впоследствии я вам ее возвращу и велю выписать, что Вам нужно будет.

Я болен уже две недели и никуда не выезжаю. Если бы Вы заглянули сегодня вечером ко мне.

Одоевский.

Суббота.

Адрес: Его Высокоблагородию МГ.

Александру Сергеевичу

Пушкину

От к. Од.

ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 130, л. 5—6 (т. XVI, № 1146). Писано рукою В. Ф. Одоевского на л. 1 и 2 об. (л. 1 об.—2 чистые) полного листа большого почтового формата (2 л., 204×253 мм) белой бумаги со штемпелем в левом верхнем углу: «Н» под императорской короной в ветвях, внизу по овалу «И: П. Б: Ф:» (бумага № 177 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского); было сложено конвертом и запечатано синей бумажной заклеюйкой с оттиснутой золотом монограммой «ВО» под княжеской короной.

¹ В академическом издании «присылаемый». ² В академическом издании «чтоб».

«Последние числа декабря 1836». Петербург.

Я хотел было послать к Вам статью Виг«еля», но у меня перехватила ее Редакция Л.«итературных» П.«рибавлений», которая взялась завтра Вам ее доставить, между тем ее переписуют и уходят в ход.¹ Статья прекрасна, но Ценсура наверное² уничтожит в ней лучшую половину. Капитанская дочь я читал два раза сряду и буду писать о ней особо в Л.«итературных» Пр.«ибавлениях» — Комплиментов Вам в лице делать не буду — Вы знаете все, что я об Вас думаю и к Вам³ чувствую; но вот критика не в [д] художественном, но в Читательском⁴ отношении: Пугачев *слишком скоро*, после того как о нем в первый раз говорится, «на»падает на крепость — увеличение слухов не довольно растянуто — Читатель не имеет времени побояться⁵ за жителей Белогорской Кр.«епости», когда она⁶ уже и взята. — Семейство Гринева хотелось бы видеть еще раз после всей пере-

дряги [не верится], хочется знать, что скажет Гринев, увидя Машу с Савельичем.⁷ Савельич чудо! это лице самое трагическое, т. е. которого больше всех жаль в Повести. Пугачев чудесен, он нарисован мастерски. Швабрин набросан прекрасно, но только набросан; для зубов Читателя трудно пережевать его переход из Гвардии Офицера в сообщники Пугачева: [пеужели] по выражению Иосифа прекрасного, Швабрина *слишком* умел и тонок, чтобы поверить возможности успеха Пугачева, и недовольно страстен, чтобы из любви к Маше решиться на такое дело. Маша так долго в его власти, а он не пользуется этими минутами. Покаместь Швабрин для меня имсет много нравственно-чудесного; может быть, как прочту в 3-й раз, лучше пойму. О подробностях не говорю, об интересе тоже — я не мог ни на минуту оставить книги, читая ее даже не как Художник, но стараясь быть просто Читателем, добравшимся до Повести.

Одоевский.

Адрес: Его Высокоблагородию
Александру Сергеевичу
Пушкину.

ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, № 130, л. 7—8 (т. XVI, № 1303). Писано рукою В. Ф. Одоевского на л. 1—2 об. полного листа малого почтового формата (2 л., 133×213 мм) голубой бумаги без водяного знака, может быть со штемпелем (?); было сложено втрое и запечатано — на нижнем сгибе след отиска от печати.

¹ «между тем ее переписут и пустят в ход» вписано. ² «навсрное» вписано. ³ «к Вам» вписано позднее другими чернилами (такими же, как в копии, где эти слова тоже вписаны — ф. 244, оп. 7, № 89, л. 6). ⁴ В академическом издании, в копии и в публикации П. И. Бартенева слово подчеркнуто. ⁵ Переделано из «бояться». ⁶ «она» вписано. ⁷ В автографе «с Савеличьем».

А. Н. ПЫПИН

ПИСЬМО к Н. А. НЕКРАСОВУ

Публикация А. В. Дубровского

Публикуемый отрывок (черновик) письма, содержащий просьбу о смягчении участи Н. Г. Чернышевского, принадлежит известному историку литературы, члену редакции журналов «Современник» (1863—1866) и «Вестник Европы» (1867—1904), профессору Петербургского университета (1860—1861), академику (с 1897 г.) Александру Николаевичу Пыпину (1833—1904).

Письмо относится ко времени, когда по истечении срока каторги в Забайкалье Чернышевский в январе 1872 г. был переведен на поселение в Вилюйский острог, где ему предстояло прожить почти 12 лет. Освобождения, которого он ждал с лета 1870 г., так и не последовало. Одно тюремное заточение сменилось другим, еще более страшным и мучительным. Исключительно суровые природные условия, болезнь, одиночество дополнялись жестокими жандармскими репрессиями. Особая инструкция о надзоре за Чернышевским в Вилюйске предписывала «наблюдать, чтобы Чернышевский не выходил из своей квартиры без сопровождения жандармского унтер-офицера, чтобы посторонние лица посещали Чернышевского не иначе, как с разрешения унтер-офицера или исправника, чтобы в ночное время по очереди один из конвойных постоянно наблюдал Чернышевского, не обращая на это его внимания, и чтобы дом в продолжение ночи был заперт».¹ Полицейские власти подолгу задерживали его корреспонденцию, обрывая единственную нить, связывающую его с родными. Распускавшиеся властями слухи о его сумасшествии, а затем и смерти доходили до Петербурга. В иностранной печати появились некрологи.²

В эти необычайно тяжелые для Чернышевского годы родные и близкие, друзья и влиятельные лица пытались облегчить его положение. С ходатайством о переводе его в местность с более благоприятными условиями

¹ Цит. по кн.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1951, т. 2, с. 291.

² См.: Траушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978, с. 40.

обращались в Петербург генерал-губернатор Восточной Сибири Н. П. Синельников (1873 г.) и по постоянно сыновей жена писателя О. С. Чернышевская (1874 г.). «Для вас обоих, — писала она сыновьям, — я сделаю то, что вы хотите. Но знайте, что это будет сделано против моего и наверное против желания вашего отца. Я никогда не ждала ничего для Николая Гавриловича. Я знала, что его сгноят там. Для чего же клаяться? Все это напрасно».³ Относительно царской милости Ольга Сократовна была права. На ходатайство Синельникова Александр II не ответил, а на прошение Чернышевской наложил категорическую резолюцию: «Оставить».⁴ Очередную попытку смягчить участь Чернышевского предпринял в 1875 г. А. Н. Пыпин.

Как известно, Пыпин приходился Чернышевскому двоюродным братом: их матери — Александра Егоровна и Евгения Егоровна — были родными сестрами. Чернышевские и Пыпины жили в Саратове одной большой дружной семьей. «Они (Н. Д. и А. Е. Пыпины, — А. Д.) не отец и не мать мне, это правда; но когда две сестры живут вместе и любят друг друга и мужа их тоже, то дядя и тетка не очень много рознятся от отца и матери в чувствах, с которыми вырастает человек»,⁵ — писал Чернышевский Пыпину из Влудойска. Точно так же Пыпин в своих воспоминаниях объединял «в одно целое две семьи».⁶ С детства «Сашенька» находился под сильным влиянием своего «старшего брата» (их разделяло 5 лет), в непосредственном общении с которым он рос и развивался. «В начале сознательной жизни, — вспоминал Пыпин в своей юбилейной речи в 1903 г., — моим ближайшим руководителем, старшим товарищем был мой двоюродный брат — не родной, но более близкий, чем родной».⁷

В 1846 г., не окончив Саратовской семинарии, Чернышевский поступил на историко-филологическое отделение философского факультета Петербургского университета. Из Петербурга он пишет своему ближайшему родственнику и другу письма, наполненные вниманием и заботой. Их переписка, вначале нерегулярная, с каждым годом становилась серьезнее и нередко затрагивала важные общественные проблемы. В письмах Чернышевский знакомит Пыпина с состоянием крестьянского вопроса в России: «...на латинском языке он тогда уже, во второй половине сороковых годов, давал мне понятие о крестьянском вопросе (*glebae adscripti et terrae firmi*⁸): здесь я в первый раз узнал о существовании этого вопроса».⁹ Чернышевский убедительно настаивал на поступлении брата в Петербургский университет. Однако обстоятельства сложились так, что Пыпин поступал сначала в Казанский (1849) и только на следующий год, бла-

³ Чернышевский в Сибири: Переписка с родными. СПб., 1912, вып. 1, с. 185.

⁴ См.: *Травушкин Н. С.* Чернышевский в годы каторги и ссылки, с. 11—12.

⁵ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1949, с. 592.

⁶ *Пыпин А. Н.* Мои заметки. — В кн.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958, т. I, с. 56.

⁷ Литературный вестник, 1903, кн. 3, с. 340.

⁸ приписанные к земле и прикрепленные к земле (*lat.*).

⁹ *Пыпин А. Н.* Мои заметки, с. 63.

годаря активному вмешательству Чернышевского, перешел в Петербургский университет.

В Петербурге Пыпин постоянно живет вместе с Чернышевским,¹⁰ который в середине 1850-х годов привлекает его к сотрудничеству в журнале «Современник».¹¹

Во время ареста Чернышевского 7 июля 1862 г. Пыпин находился за границей. По возвращении в Петербург он получает разрешение на свидание с близким родственником, узнает от него о ходе следствия и активно выступает в его защиту. Так, 13 января 1863 г. Пыпин вместе с Н. А. Некрасовым заявили протест управляющему III отделением А. Л. Потапову в связи с письмом от студентов Московского университета, разоблачающим лжесвидетеля — московского мещанина П. В. Яковлева.¹² Вот как об этом вспоминал впоследствии сам Пыпин: «Тогдашний редактор „Современника“ Некрасов и я отправились заявить об этом письме и объясняемых в нем обстоятельствах генералу Потапову. Он прочел письмо и — сколько помню — сказал нам только, что с этим письмом делать нечего, так как дело Чернышевского перешло уже из III отделения в Сенат, и что там оно уже не нужно».¹³ 6 марта 1864 г. Пыпин обратился к петербургскому генерал-губернатору князю А. А. Суворову по поводу подложного письма, приписываемого Чернышевскому и представленного на следствии в качестве обвинительного документа. На просьбу Пыпина исправить эту юридическую «ошибку» Суворов ответил вежливым отказом.¹⁴

Во время каторги и ссылки Чернышевского Пыпин сделал чрезвычайно много для него самого и его семьи. Как писал Е. А. Ляцкий, «нужно было знать всю силу любви Пыпина к опальному узнику, чтобы понять его участие, при самой неопределенной надежде на успех, в подаче тех прошений и бумаг, которые имели целью смягчить, хотя бы до некоторой степени, внешние условия быта Чернышевского».¹⁵ Пыпин посылал Чернышевскому книги, газеты, журналы, лекарства. В его доме воспитывались дети Николая Гавриловича. «Воспитанием своим мы с братом всецело обязаны покойному дяде, А. Н. Пыпину, который по мере сил и возможностей помогал также и моей матушке, как непосредственно деньгами, так и заботами об издании некоторых литературных трудов отца»,¹⁶ — вспоминал впоследствии сын писателя М. П. Чернышевский. Пыпин издал без имени автора, запрещенного царской цензурой, «Эстетические отношения искусства к действительности» (1865), перевод книги

---

¹⁰ См.: Пыпин О. А. Чернышевский в Петербурге. Л., 1978, с. 76—77, 88, 99—100, 156.

¹¹ В 1854 г. Пыпин опубликовал в № 10 «Современника» две рецензии, а в № 12 — статью «О романах в старинной русской литературе» и перевод статьи Л. Ломени «Бомарше».

¹² Текст письма см.: Дело Чернышевского: Сборник документов. Саратов, 1968, с. 247—249.

¹³ Стеклов Ю. М. Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского. — Красный архив, 1927, № 3, с. 223.

¹⁴ Там же, с. 225.

¹⁵ Чернышевский в Сибири, вып. 2, с. V.

¹⁶ Там же, вып. 1, с. 180—181.

Д. С. Милля «Основания политической экономии» (1865, 1874) и др.¹⁷ Благодаря Пышину был сохранен и дошел до нас весь архив Чернышевского. В последние годы жизни Пыпин продиктовал своей дочери Вере Александровне (в замужестве Ляцкая) воспоминания о Чернышевском.¹⁸ После смерти Пыпина была найдена рукопись его воспоминаний о поездке с Чернышевским из Саратова в Петербург в 1850 г.¹⁹

Публикуемый документ позволяет уточнить ряд вопросов, связанных с одной из попыток облегчить положение сосланного в Вилуйск Чернышевского.

26 мая 1875 г. Пыпин получил от Чернышевского письмо, в котором Николай Гаврилович, скрывавший до сих пор состояние своего здоровья, признался двоюродному брату в тяжелой болезни («рвматизм по всему телу», ведущий к аневризму, малокровие, растущий зоб) и сетовал на отсутствие в Вилуйске медицинского персонала.²⁰ Обеспокоенный Пыпин решил хлопотать перед шефом жандармов о переводе Чернышевского в местность с умеренным климатом, где он мог бы рассчитывать на правильный уход и медицинское обслуживание. Однако Пыпин прекрасно понимал, что его личного ходатайства для этого явно недостаточно. В правительственных кругах никогда не забывали о его родстве с Чернышевским. Избранный в 1871 г. в члены Академии наук, Пыпин не был утвержден в этом звании из-за резкого противодействия со стороны министра народного просвещения графа Д. А. Толстого и III отделения, обвиняющего Пыпина в тесной связи с кругом лиц, «отличавшихся красным революционным направлением», в том числе «с государственным преступником Чернышевским».²¹ В результате Пыпин был вынужден сам снять свою кандидатуру. Вот почему в деле Чернышевского Пышину был необходим посредник, в качестве которого он предполагал использовать Н. А. Некрасова. В публикуемом письме Пыпин подробно аргументирует свой выбор: «Вам по всем отношениям легче говорить с ним (А. Л. Потаповым, — А. Д.). Вы — знакомый человек, Вы человек посторонний, свидетель, а не актер, Вы и имя, которое есть известный авторитет даже там: Ваше участие в вопросе придаст ему больший вес, чем одна моя бумага. Существовало еще одно обстоятельство, которое, несомненно, учитывал Пыпин при выборе посредника — дружеские отношения, связывавшие Некрасова и Чернышевского. Они познакомились осенью 1853 г. Некрасов, обладавший особым даром угадывать таланты, сразу же про-

¹⁷ Пыпин неоднократно хлопотал об издании сочинений Чернышевского. Так, в 1877 г. он обращался с подобной просьбой к председателю Литературного фонда, сенатору Г. К. Репнинскому, а в 1881 г. к министру внутренних дел графу М. Т. Лорис-Меликову. См.: Чернышевский в Сибири, вып. 2, с. 219—221; *Стеклов Ю. М.* Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского, с. 211—212.

¹⁸ Впервые «Мои заметки» Пыпина полностью были опубликованы в журнале «Вестник Европы» (1905, № 2, с. 469—509; № 3, с. 5—58). Отдельное издание вышло в Москве в 1910 г.

¹⁹ Опубликовано В. А. Пыпиной, см.: Николай Гаврилович Чернышевский: Незданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928, с. 286—291.

²⁰ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. XIV, с. 601—602.

²¹ См.: *Ткаченко И. С.* Новые материалы о А. Н. Пыпине. — Русская литература, 1967, № 4, с. 121; *Лебедев В. С.* Академическое дело 1871 г. — Там же, 1978, № 2, с. 150—155.

никся доверием к молодому критику, привлек его к работе в «Современнике» и вскоре поручил ему отдел литературной критики и библиографии. Осенью 1856 г., уезжая за границу, Некрасов передал Чернышевскому функции редактора «Современника». Арест Чернышевского, заключение его в Петропавловскую крепость, годы каторги и ссылки нарушили непосредственный контакт между ними, но не уничтожили чувства любви и уважения, которое они до конца жизни испытывали друг к другу. Некрасов опубликовал в своем журнале роман «Что делать?», написанный Чернышевским в Петропавловской крепости, вместе с Пыпиным принял участие в разоблачении следственной провокации, неоднократно оказывал поддержку семье Николая Гавриловича. В 1874 г. он посвятил Чернышевскому стихотворение, которое по цензурным соображениям было напечатано под заглавием «Пророк. (Из Барбье)» и без последней строфы в «Отечественных записках» и в «Последних песнях» (1877).²²

Письму Пыпина к Некрасову предшествовала беседа между ними, намек на которую имеется в тексте письма. Пыпин сообщил Некрасову о тяжелой болезни Чернышевского и, по всей видимости, попытался заручиться его поддержкой перед шефом жандармов. Некрасов, очевидно, выразил некоторые сомнения, о чем свидетельствует фраза из письма Пыпина: «Вас стеснила моя просьба о передаче этой бумаги». У нас нет никаких сведений, указывающих на существование белого автографа этого письма. Но независимо от того, читал его Некрасов или нет, обстоятельства, изложенные в нем, были ему хорошо известны. Некрасов знал о страданиях Чернышевского, о том, как беспокоился и хлопотал за него Пыпин, и должен был ответить на его предложение. Думается, что именно этот вопрос он собирался обсудить с Пыпиным накануне своего отъезда в Карабаху. В архиве Пыпина сохранилась записка к нему Некрасова, приглашающая посетить его в один из ближайших дней: «Многоуважаемый Александр Николаевич. Я все собираюсь к Вам захватить, по лучше если Вы сегодня (т. е. в субботу) утром или к обеду приедете ко мне. Если в субботу нельзя, то жду Вас в воскресенье. В понедельник вечером уеду на 2 месяца. Весь Ваш Н. Некрасов. Пятница, вечер».²³ На записке рукой Пыпина проставлена дата: «июль 1875 г.». Н. С. Ашукин датирует отъезд Некрасова в Карабаху маем—началом июня.²⁴ Следовательно, письмо Пыпина к Некрасову было написано в период между 26 мая — датой получения письма Чернышевского и началом июня — датой получения записки Некрасова. Вероятно, при встрече Некрасов предложил повременить с ходатайством (до его возвращения). Он вернулся в Петербург 4 августа, в тот же день известил об этом Пыпина и пригласил его к себе. 6 августа Пыпин передал ему прошение на имя шефа жандармов.²⁵ Некрасов ре-

²² В одном из экземпляров «Последних песен» Некрасов изменил этот заголовок на другой: «Памяти Чернышевского». Затем зачеркнул слово «Памяти» и написал «В воспоминание о Чернышевском» (Литературное наследство. М., 1946, т. 49—50, с. XXV).

²³ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, № 171. См. публикацию этой записки М. Я. Блигачевой: Некрасовский сборник. Л., 1983, т. VIII, с. 153.

²⁴ Ашукин Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.; Л., 1935, с. 461.

²⁵ Прощение А. Н. Пыпина, датированное августом 1875 г., хранится в архиве А. Ф. Копи (ИРЛИ, ф. 134, оп. 4, № 170).

шил использовать свои личные связи с товарищем шефа жандармов Н. В. Мезенцевым и членом Государственного совета А. А. Абазой, о чем свидетельствует приписка Пыпина на обороте записки Некрасова: «Был у Некрасова и передал ему записку о Н. Г. Он хотел говорить с Мезенцевым и Абазой. Последнего теперь нет, если нет и первого, то дело отложится до поры».²⁶

В июле того же года в Вилуйске был арестован И. Мышкин, который под видом жандармского офицера пытался освободить Чернышевского. Ходатайство пришлось отложить на неопределенное время.

27 декабря 1877 г. в Петербурге умирает Некрасов. За несколько месяцев до его кончины Чернышевский, прочитав в «Отечественных записках» «Последние песни», писал Пыпину: «Если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов будет еще продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума».²⁷ Письмо Чернышевского застало Некрасова еще живым. По свидетельству Пыпина, он был тронут и отозвался словами благодарности: «Скажите Н. Г., что я очень благодарю его; я теперь утешен; его слова дороже мне, чем чьи-либо слова».²⁸

Хлопоты по делу Чернышевского возобновились только в начале 80-х годов. Прощения на имя императора подавали через министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова (в октябре 1880 г. — сыновья Николая Гавриловича, 18 февраля 1881 г. — Пыпин), но, как и прежде, безрезультатно. Чернышевский был переведен из Вилуйска в Астрахань лишь после смерти Александра II в августе 1883 г.

Поэт и автор незаконченной монографии о Некрасове (печаталась в газете «Уральская жизнь» в 1902—1903 гг.) Н. А. Панов в письме к писателю и литературному критику А. А. Измайлову свидетельствовал: «Выпресил Николаю» Гавриловичу свободу, по настоянию Некрасова, С. П. Боткин, которому только при Александре III удалось водворить Николая» Гавриловича» в Саратове. Некрасов, посвящая Боткину поэму „Кому на Руси жить хорошо“, слезно умолял его об этом; Александр» III уважил просьбу Боткина в благодарность к нему за лечение. Н. Г. Чернышевский знал об этом, но уж после смерти Некрасова, и не мог о последнем говорить без слез трогательной благодарности».²⁹

Письмо Панова убедительно подтверждает тот факт, что освобождение Чернышевского из ссылки произошло во многом благодаря содействию

---

²⁶ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1952, т. XI, с. 368—369. Н. С. Ашукин ошибочно считает, что Пыпин передал Некрасову записку от Чернышевского (см.: Ашукин Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, с. 463).

²⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XV, с. 88.

²⁸ Чернышевский в Сибири, вып. 2, с. 240.

²⁹ Заборова Р. Б. Из архивных размышлений о Некрасове. — Русская литература, 1973, № 4, с. 133.

Некрасова, который, как и Пыпин, принял самое живое участие в его судьбе.

Публикуемый черновик письма Пыпина к Некрасову хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома в фонде А. Н. Пыпина (ф. 250, оп. 2, № 52) вместе с черновиками двух других его писем к Некрасову.

Николай Алексеевич! Вы найдете при сем бумагу,¹ передать которую Александру Львовичу Потапову² было бы с Вашей стороны добрым делом.

Я хотел бы сказать Вам по этому поводу несколько слов, относительно которых очень бы мне приятно, если б они показались для Вас лишними.

Вас стеснила моя просьба о передаче этой бумаги. Я понимаю, что может быть неприятен визит, какого она потребует; но неужели Вы не согласитесь перенести эту небольшую неприятность — для такого случая? Я, конечно, ни минуты не стеснил бы Вас, если б шло дело о моем только интересе; но согласитесь, что в настоящем случае вопрос должен быть почти не менее близок и к Вам, как и мне. Положение Николая Гавриловича — ужасно, и, кажется, люди, сохранившие себе спокойную жизнь, должны бы вспомнить о таком человеке. Будет постыдно для русского литературного люда, если не будет сделано хоть малейшей попытки чем-нибудь ему помочь.

Вы знаете хорошо, что мое только личное прошение к Потапову было бы по всей вероятности бесполезно, не говоря о том, что для меня. . . Вам по всем отношениям легче говорить с ним. Вы — знакомый человек, Вы — человек посторонний, свидетель, а наконец, Вы и имя, которое есть известный авторитет даже там: Ваше участие в вопросе придаст ему большой вес, чем одна моя бумага. Наконец, это участие Ваше не имело бы для Вас ни малейших неприятных последствий: просьба — вовсе не преступление.

Но если бы дело имело какой-нибудь успех, это была бы для Вас большая честь, и тем больше, конечно, чем значительнее был бы успех. Я думаю, что это стало бы для Вас очень приятным воспоминанием.

Если Вы найдете неудобным < . . >

¹ Речь идет о прошении А. Н. Пыпина на имя шефа жандармов о смягчении участи Чернышевского. Сын писателя М. Н. Чернышевский в комментариях к книге «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными» (СПб., 1912, вып. 1, с. 186—187) ошибочно утверждает, что оно адресовано графу П. А. Шувалову. С середины 1874 г. Шувалов исполнял обязанности посла России в Великобритании, а на его место был назначен А. Л. Потапов. Аналогичная неточность повторяется в других работах. См., например: *Стеклов Ю. М.* Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского. — Красный архив, 1927, № 3, с. 241; *Чернышевская Н. М.* Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 430; *Травушкин Н. С.* Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978, с. 12.

² Потапов Александр Львович (1818—1886) — генерал-адъютант, начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением (1861—1864); шеф жандармов и начальник III отделения (1874—1876).

Н. С. ЛЕСКОВ

ПИСЬМО к Л. Н. ТОЛСТОМУ

Публикация А. А. Горелова

Эпистолярный диалог Лескова и Льва Толстого продолжался с апреля 1887 г. по октябрь 1894 г. Он длился бы, без сомнений, и далее, но 21 февраля 1895 г. Лесков скончался.

После смерти Лескова Толстой вспоминал его как одного из писателей, наиболее близких ему по характеру общественных и философских воззрений, хотя взгляды художников отнюдь не были тождественны, их письма богаты полемикой, сказавшейся на взаимных оценках, а в литературном творчестве тот и другой шли совершенно не схожими путями.

Свидетели высказываний Толстого о Лескове отмечали, что относился Толстой к Лескову «всегда с особой теплотой»,¹ находил у Лескова «по мыслям очень много хорошего»,² подчеркивал глубину его «любви к народу».³ Лесков в свою очередь неоднократно писал и говорил, что встреча с пропозанной демократизмом философией Льва Толстого вывела его из духовного одиночества и заставила «погушить» свою «плошку», пойти за свечечем Толстого. Соллидарность Лескова с Толстым, однако, была отпосительной, что отчетливо сознавалось обоими писателями.

Эти общие обстоятельства определили содержание и интенсивность лесковско-толстовской переписки, которая отмечена большей горячностью эмоций ее инициатора Лескова, вообще более бурного по темпераменту, и несколько сдержанным звучанием голоса Толстого.

Целостная картина эпистолярного обмена между писателями не восстановлена,⁴ но известные данные могут быть суммированы. До нас дошло — вместе с публикуемым ниже — 52 письма Лескова к Толстому и

---

¹ См. отзыв П. А. Сергеевко в кн.: Письма Толстого и к Толстому. М.; Л., 1928, с. 63.

² Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1955, т. 2, с. 224.

³ Там же, с. 242. Последние отзывы датируются 1908 г.

⁴ См. об этом в кн.: *Лесков Андрей*. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., 1954, с. 607.

10 писем Толстого к Лескову. Из сохранившихся дневников, перешлики дополнительно выясняется, что было еще по крайней мере 6 лесковских писем к Толстому и еще 14 писем Толстого к Лескову. В итоге соотношение бесспорно существовавших эпистолярных материалов выглядит как 58:24.

Прямые и косвенные указания позволяют дать следующий сводный список утраченных писем.

Письма Н. С. Лескова.

- 1) 5 февраля 1888 г.⁵
- 2) Конец 1888—начало 1889 г.⁶
- 3) Около 11 ноября 1890 г.⁷
- 4) Между 17 ноября и 3 декабря 1890 г.⁸
- 5) Около 9 августа 1892 г.⁹
- 6) Около 10 декабря 1893 г.¹⁰

Письма Л. Н. Толстого.

- 1) 17 июля 1888 г.¹¹
- 2) 18 мая 1889 г.¹²
- 3) 14 ноября 1890 г.¹³
- 4) 17 ноября 1890 г.¹⁴
- 5) 31 декабря 1890 г.¹⁵
- 6) 7 января 1891 г.¹⁶
- 7) 15 января 1891 г.¹⁷

---

⁵ Сохранилось начало письма Лескова (неизвестно, было ли оно завершено и отправлено), см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1971 год. Л., 1973, с. 64.

⁶ Лесков 30 апреля 1889 г. напоминает Толстому, что писал ему «некогда» о замысле «Фигуры», но, не получив ответа, задуманный «маленький роман» «скомкал <...> в форме рассказа» (*Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями*. М., 1962, с. 516; далее: Переписка). Рассказ был опубликован 1 июля 1889 г. (*Лесков Н. С. Собр. соч.*: В 11-ти т. М., 1958, т. 8, с. 622).

⁷ Толстой упоминает в дневнике 12 ноября 1890 г. получение им «вчера» в Ясной Поляне «неприятно льстивого» письма Лескова (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.* М., 1952, т. 51, с. 104). По всей видимости, именно оно и подразумевается в начале публикуемого письма Лескова от 16 ноября 1890 г.

⁸ Датируется по ответу Толстого от 3 декабря 1890 г. на письмо Лескова, — ответу на отсутствующие в дошедшей переписке лесковские суждения (Переписка, с. 519—520).

⁹ *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.*, т. 52, с. 69, 340.

¹⁰ Лесков сообщает Толстому 14 декабря 1893 г., что писал о статье М. О. Меньшикова «Работа совести», но в письме Толстого от 10 декабря о ней еще ничего не говорится (Переписка, с. 583, 585—586).

¹¹ Ср.: *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.*, т. 64, с. 354; Переписка, с. 514—515.

¹² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 64, с. 355. Вероятно, рамки датировки шире: между 29 апреля и 18 мая 1889 г. (см.: Переписка, с. 516—517).

¹³ *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.*, т. 65, с. 327.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 328. По данным «Переписки» (с. 523—524) — между 25 декабря 1890 г. и 4 января 1891 г.

¹⁶ *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.*, т. 65, с. 328; Переписка, с. 528.

¹⁷ *Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.*, т. 65, с. 328; Переписка, с. 529, 531.

- 8) 18 января 1891 г.¹⁸
- 9) 20 февраля 1891 г.¹⁹
- 10) Между 10 и 12 сентября 1891 г.²⁰
- 11) 15 ноября 1891 г.²¹
- 12) 6 или 7 декабря 1892 г.²²
- 13) 7 или 8 января 1893 г.²³
- 14) 5 или 6 октября 1893 г.²⁴

Кроме того, утрачено начало известного по продолжению письма Толстого к Лескову от 10 июля 1893 г.²⁵

Публикуемое ниже письмо Лескова Толстому от 16 ноября 1890 г.²⁶ — третье в ряду известных ныне писем за 1890 г., и все они обнаружены в течение последнего двадцатипятилетия,²⁷ что вселяет надежду на возможность новых находок.

Письмо относится ко времени завершения Лесковым работы над повестью «Полуночники», пополняет сведения о процессе ее создания, убеждает, что Толстой «благословлял» труд Лескова, поддерживая социально-критическую линию его творчества. Все это весьма важно, так как непосредственных откликов Толстого на публикацию повести не сохранилось, равно как и упоминаний о такого рода откликах в мемуарах лиц из толстовского окружения. Письмо свидетельствует также о заинтересованном участии Лескова в общественной деятельности толстовцев, о постоянстве и широте взаимных контактов писателей и вместе с тем о суверенности взглядов и оценок, неизменно сохранявшихся Лесковым при общении с высокоцитимым им художником-мыслителем.

16. Н<оя>бр<ь> <18>90.

СПб. Ф<у>ршт<атская> 50, <кв.> 4.

Получил от Вас ответ,¹ Лев Николаевич. Сказку,² пожалуйста, прочтите. Она довольно испорчена в конце «страха ради»,³ но иначе ей бы не выйти. Порча, однако, тоже сносная. Николай Ник<олаевич> Ге с нею помирился и меня простил.⁴ Замысел «Полуночников»⁵ меня тешил, и я все написал с радостью,⁶ но не знаю: устрою ли вещь и где устрою?⁷ Прежде хотел назвать «Ажидация», п<отому> ч<то> так это называют предстоящие «ему»⁸ в Кронштадте. Дом называется «Ажидация» и ожидание тоже «ожидация»...⁹ Чем худо? Ник<олаий> Ник<олаевич> взманил меня

¹⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 65, с. 328; Переписка, с. 531.

¹⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 65, с. 329; Переписка, с. 538—539.

²⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 66, с. 458. По данным «Переписки» (с. 551, 553) — между 6 и 14 сентября.

²¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 52, с. 4.

²² Там же, т. 66, с. 463. По данным «Переписки» (с. 555—556) — между 4 и 8 декабря.

²³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 66, с. 463. По данным «Переписки» (с. 560—561) — между 4 и 10 января.

²⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 66, с. 465. По данным «Переписки» (с. 569—571, 573) — между 30 сентября и 8 октября.

²⁵ Переписка, с. 564.

²⁶ РО ИРЛИ, р. I, оп. 28, № 88.

²⁷ Переписка, с. 519.

рассказом о свидании «его» с Х^{ил}ковым¹⁰ и уверял, что Марья Львовна¹¹ пришлет мне копию почитать. Это бы мне очень» дорого, пока моя рукопись еще у меня. Я просил Марью Львовну, но не знаю, как она отнесется к моей просьбе.¹² Помогите, если найдете возможным. В «Полуночниках» есть живые лица христианского духа — прекрасная девушка, купеческого» дома (Морозова)¹³ и «врач безмездный» (Бирштед).¹⁴ Одна называется просто Клавдинька, а другой Ферштед.¹⁵ (Он уже заразился и умер). Пара сюжетов очень» живая. От них тоже приехали «отмаливаться». Пожалуйста, помогите почитать, как там было с Х^{ил}ковым?¹⁶ Я сумею скромно воспользоваться, чем можно.¹⁷

Говорить Вам о Ваших недостатках не могу,¹⁸ потому — что мне стыдно и противно было бы быть Вашим судьей: Вы мне большую пользу сделали, и я Вас именно люблю и не люблю о Вас пересуживать,¹⁹ а как сам Вас понимаю, то мне все приходит хорошо по духу и по мысли.²⁰

Не хочу и не могу относиться к Вам иначе, как к самому полезнейшему другу.²¹ Позвольте мне при этом оставаться, ибо так мне ловко и впору. Впрочем, я могу Вам и погрубить²² за то, что Вы дали поощрение разогнать гнездышко «Посредника» в Петербурге. . .²³ Не могу утешиться — зачем это сделано? О Ругине добыл весть: он пристал по пути к подходящим людям и там работает. Это характер редкой целостности.²⁴ Его обижали совершенно напрасно.

Согрублю и еще раз: о Паскале говорить не пойду. Спросите: почему? А потому, что я *уже говорил*, и больше говорить не о чем. Я говорил сполна, — упоминая и Ваше имя, и проку никакого не вышло, и опять не выйдет, а будет только шум и «молва в людях». . .²⁵ Зачем это делать? Довольно истории с «даровыми объявлениями»,²⁶ от которых я Чертков»ва старался воздержать и не успел в этом, а в результате вышло, что шум и крик и чертыханье были, а объявлений больше нет. Скувори»н мне прямо сказал: «Если на переводе не будет стоять имени Л. Толстого, то и говорить не о чем: есть два перевода, и они не идут». Вот в чем и дело: ставьте Ваше имя, и тогда будет о чем начинать говорить. Я, ведь, там бываю очень» редко (1—2 раза в год), но выдаю людей и кое-что знаю. Там теперь есть неудовольствие за евреев,²⁷ и это не благоприятствует для соглашений.

К Вам собирается на 2—3 дня Гольцев (из Москвы). Мы (вчера) сговорились было поехать с ним вместе. . . Можно ли? Я очень хочу Вас видеть.²⁸

Н. Лесков.

Не откажите мне в удовольствии сказать мой поклон графине Софье Андреевне,²⁹ Татьяне Львовне³⁰ и Марье Львовне.

Приходил известн»ый Вам датчанин³¹ и читал мне свою статью о пребывании в Ясной Поляне.³² По-моему, это довольно скромно и довольно» верно.

¹ Предшествующее из сохранившихся писем Лескова к Л. Н. Толстому датируется 1 октября 1889 г. Публикуемое письмо содержит ответы и отклики на целый ряд пунктов исчезнувшего толстовского письма от 14 ноября 1890 г.

² «Сказка», озаглавленная «Час волн божией», появилась в «Русском обозрении» № 11 за 1890 г. Тема произведения принадлежала Толстому (см.: Лесков Н. С. Собр. соч., т. 9, с. 597—599). О произведении Лескова Толстой отозвался 3 декабря 1890 г. письмом, где, по существу, выразил неприятие изысканно стилизованной манеры произведения Лескова: «Я начал читать, и мне очень понравился тон и необыкновенное мастерство языка, но... после выступил ваш особенный недостаток, <...> который есть само по себе качество, а не недостаток — *exuberance* (избыточность, — А. Г.) образов, красок, характерных выражений, которая вас ослепляет и увлекает. Много лишнего, несоразмерного, но *verve* (восторг, — А. Г.) и тон удивительны. Сказка все-таки очень хороша, но досадно, что она, если бы не излишек таланта, была бы лучше» (Переписка, с. 519—520). Лесков оценил деликатность высказывания своего маститого корреспондента, но, зная за собой способность писать в разном стилистическом ключе, отвечал с некоторым задором: «За высказанное Вами мнение сердечно Вас благодарю. Вы верно замечаете: некоторая „кучерявость“ — в вообще „манерность“ — это мой недостаток. Я его чувствую и стараюсь от него воздерживаться, но не успеваю в этом. Дайте-ка мне еще тему для сказочки! Я еще попробую написать без кудряшек. А мне легко и приятно писать на Ваши темы» (там же, с. 520). Несколькое позже, 8 января 1891 г., Лесков напишет Толстому о желании «написать „Бову-королевича“ и с подделкою в старом, сказочном тоне... Что вы на это скажете, делать или нет?» (там же, с. 527). Написанный «без кудряшек» рассказ Лескова «Под Рождество обидели» (Петербургская газета, 1890, 25 декабря, № 354) вызовет восторженный отклик Толстого в письме В. Г. Черткову: «Какая прелесть! Это лучше всех его рассказов» (Переписка, с. 524). До «Часа волн божией» и «Под Рождество обидели» Толстой читал следующие произведения Лескова: «Сказаше о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовише» (январь 1887 г.), «Совестный Данила» и «Прекрасная Аза» (апрель 1888 г.), «На краю свста» (ноябрь 1888 г.), «Кольванский муж» (декабрь 1888 г.), «Зенон-златокузнец» («Гора») (январь 1889 г.), «Некуда» (март 1890 г.), «Вдохновенные бродяги» (май 1890 г.). См.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание. I. Книги на русском языке. Часть первая. А.—Л. М., 1972, с. 417.

³ Усеченные выражения «Страха ради Лудейска», заимствованное из Евангелия от Иоанна (XIX, 38), где Иосиф Аримафейский из страха перед иудеями скрывал, что он ученик Иисуса Христа.

⁴ Художник Н. Н. Ге (1831—1894) по своим социальным-правительственным воззрениям был в 1880—1890-е годы близок Лескову и Толстому. Отношение Лескова к Ге отличалось особенной сердечностью. С болью откликаясь на смерть художника, Лесков писал Т. Л. Толстой 6 июня 1894 г.: «Мы с ним были необыкновенные ровесники: я и он родились в один и тот же день одного и того же года (на самом деле Лесков родился 4-го, а Ге 15 февраля 1831 г., — А. Г.), на память Николая Студита, которому никто никогда не празднует, а это и был наш патрон, и он был художник» (ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 3, ед. хр. 11, № 11). Но всего более дорожил писатель высотой нравственного авторитета Ге; это видно из публикуемого письма, где Лесков говорит, что Ге его «простил». Недаром 3 июля 1894 г. Лесков писал Т. Л. Толстой, что Ге отличался «от всех художников (кроме Каульбаха и Габриэля Макса)» «правдой»: «... в нем не было ничего „лакейского“, без чего, по замечанию Шопенгауэра и Гейне, художники „не бывают“ («лакей непременно сокрыт во всяком художнике»). В Ге этого не было: он был независим и благороден и не подделывался ни к каким мпдствявкам, как делают все (в России теперь все без изъятия). Я помню его прекрасные разговоры с Серовым, когда Серов писал мой портрет для Третьякова (в конце февраля—начале марта 1894 г., — А. Г.), и его взгляды на тех, которых „не нужна“ погнала продать свободное товар-

щество и идти на службу (в Академию художеств в 1893 г., — А. Г.) под начальство президента и вице-президента, которые указывать смеют, а рисовать не умеют» (там же, № 12).

⁵ Любопытно, что в данном письме отсутствует окончательный стилистический штрих в заглавии, а именно замена буквы «ч» на «щ», что переводило обиходное слово «полуночники» в церковно-славянский разряд — соответственно замыслу произведения.

⁶ 12 октября 1890 г., вместе с упомянутым о написанной «на тему из сборника Лъва» Николаевича» сказки «Час воли божией» Лесков сообщает В. Г. Черткову о том, что им написаны «и еще очерки, под названием „Ажидация“ (будущие «Полуночники», — А. Г.). То и другое в одном и том же духе, который мы все (т. е. близкие Лъву Толстому по убеждениям люди, — А. Г.) принимаем за истину» (ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 3, ед. хр. 16, № 19). Вскоре, 23 октября 1890 г., о «готовой повести <...> „Полуночники“, имеющей «около 8 листов», извещается кн. Д. Н. Цертелев (1852—1911), редактор «Русского обозрения» (Лесков Н. С. Собр. соч., т. XI, с. 466). В публикуемом нами письме Лесков отзывается о «Полуночниках» как о произведении, уже известном Толстому по замыслу. Совершенно очевидно, что речь о нем заходила прежде в недошедшей части двусторонней переписки. По-видимому, Толстой проявил большой интерес к произведению, о чем свидетельствует подробность последующего освещения Лесковым моментов творческой истории и публикации повести.

⁷ 6 декабря 1890 г. Лесков писал Толстому: «...я, может быть, предпочел приехать один (в Ясную Поляну, — А. Г.) и привез бы своих „Полуночников“, которых просил Цертелев, но я думаю, что их никто теперь не возьмет...». 4 января 1891 г. он сообщал: «Повесть моя еще у меня, и я не спешу, — боюсь»; а 8 января: «Повесть свою буду держать в столе. Ее по нынешним временам, верно, никто и печатать не станет» (Переписка, с. 521, 524, 526). Ярко антицерковная повесть «Полуночники» была опубликована в «Вестнике Европы» (1891, № 11, 12) благодаря хлопотам В. С. Соловьева. 20 января 1891 г. Лесков известил Толстого: «Повесть мою вчера взял у меня Владимир Соловьев, который непременно хочет меня „сватать с «Вестником Европы»“ <...> Я, с своей стороны, ничего против этого не имею и отдаю Соловьеву. Повесть эта, однако, по-моему, едва ли *теперь* где-нибудь пригодна» (Переписка, с. 531). Факт первичного посредничества В. С. Соловьева подтверждается его письмом к А. Н. Пышину, одновременным с цитируемым лесковским письмом (Соловьев Вл. Письма. Пг., 1923, с. 173). 23 января 1891 г. Лесков уже знал от Соловьева, что «сватанье» последнего «удалось», что редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич (1826—1911) «нашел повесть удобной и достойною», и Лесков написал Толстому о своем согласии напечатать повесть в «Вестнике Европы» и о прогнозе относительно сроков ее появления: повесть, «по словам Соловьева, должна появиться в апрельской книжке» (Переписка, с. 533—534). Писатель, опасавшийся прежде, что произведение, созданное «по преимуществу в нашем духе», не найдет издателей, убедился теперь в обратном и с надеждой заявил: «Тогда бы можно написать повесть с задачей более широкой» (там же, с. 534). Через месяц, 26 февраля 1891 г., Лесков вновь делился с Толстым сведениями о предстоящей публикации «Полуночников»: «О повести моей из „Вестника Европы“ пока знаю только, что они ее облюбовали и берут, кажется, для апрельской книжки <...> все сватал Владимир Соловьев <...> У меня же за это время, как рукописи нет дома, набралось множество прибавок, очень характерных. От Владимира Соловьева я слышал, что Стасюлевич считает повесть „вполне цензурною“, и таково же мнение Соловьева, но я сам уже чуть потерял для определения, „что лъзя и чего невозможно“ (там же, с. 538).

⁸ «ему» — т. е. Иоанну Кронштадтскому (Ивану Ильичу Сергиеву, 1829—1908), протоиерею, проповеднику-демагогу, вокруг которого официальной и правой печатью поддерживался созданный церковью ореол «святого», «чудотворца» (см.: Моя жизнь во Христе, или Минуты духовного трезвения и созерцания, благовеинного чувства, душевного исправления и покоя в боге. Извлечение из дневника протоиерея Иоанна Ильича Сергиева.

М., 1891—1892, т. I, II; Мысли о церкви и православном богослужении: Из дневника кронштадтского протоиерея Иоанна Ильича Сергиева. СПб., 1894, ч. III (продолжение); *Животов Н. И.* Отец Иоанн Ильич Сергиев, кронштадтский протоиерей Андреевского собора: Очерк (пз газеты «День»). СПб., 1890 и др.). В письмах Лескова ко Льву Толстому И. И. Сергиев именуется: «кронштадтский „Ивап Ильич“», «Пержан» (франц. *Père Jean*, т. е. отец Жан, отец Иоанн) (Переписка, с. 526—527, 585). Лесков с возмущением и сарказмом отзывался об экстазах темных верующих, о мнимости «чудотворений» Иоанна Кронштадтского и его дичином равнодушием к подлинным людским скорбям и горестям. 6 декабря 1890 г., когда «Полунощники» еще находились у автора, Лесков, в частности, писал Толстому: «А слава его и глупость общества все растут, как известного рода столб под отхожим местом двухэтажного трактира в уездном городе. Зимой на морозе это даже блестит, и кто не знает, что это такое, — тот принимает это совсем не за то, что есть. Но мерило одурению — это верное» (Переписка, с. 521).

⁹ Под первым названием «Ажидация» повесть «Полунощники» фигурирует в цитированном выше (см. примеч. 6) письме Лескова к В. Г. Черткову. Но и после состоявшегося «крещения» произведения автора не оставляли мысли о заглавии, что отразила его переписка к письму, отправленному Толстому 4 января 1891 г.: «Не переменить ли заглавия? Не назвать ли (...) „Увертюра“? К чему? К опере „Пуганая ворона“, что ли?» (Переписка, с. 524). Следует также отметить, что в автографе публикуемого письма как народно-этимологический дублет к слову «ожидание» ясно читается в последнем случае «ожидация», однако буквы «о» и «а» в рукописях Лескова иногда тождественны по начертанию, поэтому не исключается возможность прочтения поясняющего заглавие дублета и как «ажидация». В самих «Полунощниках» последовательно употребляется только «ажидация», хотя это могло быть и результатом позднейшего редактирования текста автором. Писатель в специальном примечании к повести обращал внимание читателя на толкование и правописание слов, использующие фонетическую игру: «Слово „Ажидация“ здесь употребляется в двух смыслах: а) как название учреждения, где „ожидают“, и б) как самое действие ожидания. В одном случае оно пишется с прописной буквы, а в другом — со строчной» (*Лесков Н. С.* Собр. соч., т. 9, с. 118). Позднейшие комментаторы справедливо усматривают и намек автора на слово «ажитация» (ажитаж), что оттеняло особенный характер паломничества к кронштадтскому святоше.

¹⁰ 31 июля 1891 г. в с. Николаевке Сумского уезда Харьковской губернии Иоанн Кронштадтский посетил помещицу Калугину. Князь Дмитрий Александрович Хилков (1858—1914), исповедовавший в тот момент близкое толстовцам «свободное христианство», не только наблюдал все фазы идолопоклонничества толпы «чудотворцу»-протоиерею, но и вступил с ним в убийственный для последнего спор. Письмо Д. А. Хилкова Л. Н. Толстому от 1 августа 1890 г. с описанием происходившего было 3 августа получено в Ясной Поляне (см.: *Летописи Государственного Литературного музея*. М., 1938, кн. 2, с. 114—117) и горячо принято Толстым. Письмо Хилкова получило распространение в списках, в чем позднее принял участие и Лесков (Переписка, с. 542 — ссылка С. Розановой на «Новое слово» (1914, № 8, с. 33)). Как видим, Лесков узнал впервые о письме от Н. Н. Ге. Заметка Лескова «Протопоп Иван Сергиев (Кронштадтский) в трех редакциях» (она является, по-видимому, откликом писателя на прочитанное вскоре письмо Д. А. Хилкова) указывала на соответствие анекдотических молебствий, устроенных в 1890 г. редакциями петербургских журналов «Нива», «Игрушечка» и газеты «Новое время», тому, что описано Хилковым о посещении кронштадтским протопопом Иваном Сергиевым с. Николаевки под г. Сумами» (*Лесков Н. С.* Собр. соч., т. 9, с. 604—605). 14 декабря 1893 г. Лесков с негодованием писал Толстому о насильственном крещении детей Хилкова при участии Иоанна Кронштадтского: «... мать Хилкова начала это с „благословения Пержана“, а Пержан что ни споконит, то все „свято“. Вот он когда сквитовался с Хилковым за сцену

в Сумах!» (Переписка, с. 585). Возмущение писателя вылилось также в его письмах М. О. Меньшикову от 25 ноября и 7 декабря 1893 г. (ИРЛИ, 22574.CLVII16.61), С. И. Смирновой от 26 ноября 1893 г. (ИРЛИ, ф. 285/88, № 164, л. 3 об.) и Л. И. Веселитской от 21 декабря того же года (ИРЛИ, ф. 44, № 12). В первом отклике он с надрывом восклицал: «Какое злодейство учинено над Хилковыми! Какой это ужас!». На следующий день в письме к Смирновой извещалось: «...у Хилковых отобрали маленьких детей, которых» те не крестили, и увезли их. Мать гналася до города Сумы в Харьковской губернии», и, говорят, будто там сошла с ума. Л. Толстой писал письмо и в ответ получил „вздор на прекрасной бумаге“. Что делается-то!». 7 декабря писатель сообщал Меньшикову о желании откликнуться на вопиющее событие «рассказом к стати». В. Г. Чертков отозвался на него специальной брошюрой, выпущенной в Лондоне (см.: Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. Вл. Бонч-Бруевича. СПб., 1908, вып. 1, с. 187—189). Веселитской Лесков так описывал свое состояние: «...я страдал от этого дела до слез, моим годам уже не приличным <...> Я давно не переживал истории более возмутительной и *прогианой*. Все охали и охали, когда женщине надо было послать как можно скорее денег... И сколько денег!.. Какис-то гроши! И их *нико* не послал, и она должна была принять милостыню из тех же рук, которые вырвали у нее ее детей... Все дураки поступили бы лучше, чем эти умники, и я ничего больше не хочу знать, и, как говорил когда-то Иннокентий над плащаницю: „Хочу чувствовать это горе и хочу плакать“. Все остальное <...> меня не занимает».

¹¹ О дочери Л. Н. Толстого Марии Львовне Толстой (в замужестве Оболенской) (1871—1906) Лесков писал 26 февраля 1891 г.: «...я иногда (ее) беспокою как Вашего секретаря. Пусть она мне это простит» (Переписка, с. 539). Д. П. Маковицкий записал, что Лесков восхищенно отзывался о ее нравственных качествах: «...в присутствии Марии Львовны хочется сказать: „Отойди от меня, я человек недостойный“» (Литературное наследство. М., 1979, т. 90, кн. 1, с. 101). С восторгом встретил писатель выполненный М. Л. Толстой перевод с французского «Отрывков задушевного дневника» швейцарского моралиста Анри Фредерика Амиеля (Северный вестник, 1894, № 6). См. письмо Лескова к Т. Л. Толстой от 6 июня 1894 г. (ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 3, ед. хр. II, № 11), а также тексты «Из дневника Амиеля» с пометами Н. С. Лескова (вырванные листы из январского и февральского номеров «Северного вестника» за 1894 г.) (Дом-музей Н. С. Лескова в г. Орле, библиотека Н. С. Лескова, № 282).

¹² Какое-либо письменное обращение Н. С. Лескова с просьбой к М. Л. Толстой по этому поводу не известно.

¹³ Морозова Варвара Алексеевна (1850—1917) — миллионерша, благотворительница, меценатка. 5 ноября 1891 г. Лесков писал своему пасынку Борису Михайловичу Бубнову (1860—1904): «Я тебе когда-то писал про девушку Морозову — племянницу Саввы Морозова, красавицу с 5—7 миллионами состояния. Я с нее кое-что зачертил в „Полунощниках“ <...>, но в ней неиссякаемый кладезь для восторгов поэта. Она на днях приезжала сюда просить, чтобы ей позволили раздать *миллион* голодным, но непосредственно — без попов и чиновников. Говорят, будто ей отказали. Она становится легендарною при жизни. Надо смотреть этих ангелов, которые сошли на землю и живут в нашей шкуре, а не тех, которые где-то в тумане фантазии» (Лесков Н. С. Собр. соч., т. 11, с. 503). О попытках прямой помощи Морозовой голодным, минуя посредничество расхищавших пожертвования дельцов из Красного Креста, известно по переписке Чехова (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Письма. М., 1976, т. 4, с. 283, 289, 317, 319—320).

¹⁴ Бириштедт Карл Карлович — как сообщалось в его некрологе, «один из популярнейших врачей Васильевского острова» в Петербурге. Он умер 26 декабря 1889 г. на 67-м году жизни. «Доброта его и бескорыстие были беспримерны. Вопрос о вознаграждении, о собственных удобствах или выгодах, казалось, для него совершенно не существовал. Люди же бедные не только пользовались даром его врачебною помощью <...> Сколько бед-

няков, убогие жилища которых он посещал, находили, после ухода его, на своем столе незаметно оставленные депги. Квартира его скромная всегда была открыта для бедного люда» (Новое время, 1889, 31 декабря, № 4971).

¹⁵ В опубликованных «Полунощниках» имя героя дано в ином написании — «Ферштет» (см.: Лесков Н. С. Собр. соч., т. 9, с. 141, 151, 155, 166).

¹⁶ До публикации «Полунощников» Лесков продолжал собирать и распространять материалы, разоблачавшие Иоанна Кронштадтского, о чем писал 20 июня 1891 г. Льву Толстому в пору надвигавшегося на Европейскую Россию голода: «Ивана Ильича бы, что ли, послали на „закатанные поля“ помолобствовать, или еще „покататься“, как это делают в Орловской губернии. А кстати — для уяснения характера деятельности Ивана Ильича — прилагаю Вам копию с хранящегося у меня подлинного письма некой г-жи Боголеповой к фельетонисту „Нового времени“ г-ну Терпигореву (Атаве). Посылаемая копия с боголеповского письма достойна того, чтобы ее приобрел к известному письму Хилкова. Выясняется и деятель, и его „антураж“» (Переписка, с. 540).

¹⁷ Без выяснения творческой истории «Полунощников» нельзя сказать, воспользовался ли чем-либо Лесков именно из письма Хилкова для характеристик кронштадтских «раденнй».

¹⁸ Это явный ответ на обращение Толстого из недошедшего его письма к Лескову.

¹⁹ 24 января 1887 г. Лесков, убежденный, что Толстого нечего «хвалить <...> как цыганскую лошадь», писал А. С. Суворину: «Чего его хвалить? Его надо *внушать* в том, где он говорит дело, а не расхваливать, как выводного коня» (Лесков Н. С. Собр. соч., т. 11, с. 327).

²⁰ В этом высказывании Лесков делает акцент на объединявшем его с Толстым взгляде на жизнь. Более развернуто о том же поведано в письмах к В. Г. Черткову. Так, 4 ноября 1887 г. Лесков с исповедальной откровенностью писал: «О Лъве» Николасви»че мне все дорого и все несказанно интересно. Я всегда с ним в согласии, и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его. Меня никогда не смущает то, чего я с ним не могу разделять: мне дорого его общее, так сказать, господствующее настроение его души и страшное проникновение его ума» (Лесков Н. С. Собр. соч., т. 11, с. 356). Однако это не отменяло для Лескова необходимости честно взглянуть в глаза практике толстовства. Тому же Черткову 29 декабря 1888 г. он сообщал: «Я замечаю в этом течении опять преобладание теоризма, какой я видел в 60-х годах при господстве другого учения, и от практики вашей не жду никакого прочного успеха в деле переустройства общественного житейского сознания <...> За Лъвом» Николасви»че останется — кроме его великого таланта — благородство его духа и гениальное истолкование христианства, — им оказана людям бессмертная помощь; но в практике его есть огромная ошибка, которая сама лезет в глаза и *вредит делу*» (цит. по: Лесков Андрей. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М., 1954, с. 602). С формульной четкостью заявил Лесков об исходной независимости своих демократических религиозно-философских взглядов от учения Толстого в письме к М. О. Меньшикову от 12 ноября 1893 г.: «Я именно „совпал“ с Толстым», а не „вовлечен“ им, как думает Бсуренин. Я ему не подражал, а я раньше его говорил то же самое, но только не речисто, не уверенно, робко и картаво. Почувяв его огромную силу, я бросил свою плошку и пошел за его фоварем. Я „совпал“» (там же, с. 605).

²¹ Позднее, 4 января 1893 г., Лесков написал Толстому, что в обретенном им понимании христианства его укрепила толстовская мысль: «Вы знаете, какое Вы мне сделали добро: я с ранних лет жизни имел влечение к вопросам веры и начал писать о религиозных людях, когда это почиталось за непристойное и невозможное («Соборяне», «Запечатленный ангел», «Одномуду» и «Мелочи архиерейской жизни» и т. п.), но я все путался и довольствовался тем, что „разгребая сор у святилища“, но я не знал — с чем идти во святилище. Па меня были папоры церковников и *Редстока* <...>, но от этого мне становилось только хуже: я сам подхо-

дил к тому, что увидал у Вас, но сам с собою все боялся, что это ошибка <...>; а когда услышал Ваши разъяснения, логичные и сильные, — я все понял, будто как «припомнив», и мне своего стало не надо» (Переписка, с. 558).

²² Лесков стремился высказывать Толстому и те суждения, в которых оспаривал мнения и практические действия великого современника. 25 октября 1893 г. он так передавал внутренний ход своих мыслей: «Если пужно, чтобы он убавил своей приятни мне — пусть это случится, но сказать ему я должен, чтобы не было никакой темноты от моего умолчания». И добавлял: «... я очень счастлив, что это суждение мое не противно Вашему духу» (Переписка, с. 579—580).

²³ Слух этот оказался непроверенным и неточным.

²⁴ Ругин Иван Дмитриевич (род. 1866) — бывший воспитанник Кронштадтского морского училища, примкнувший к толстовцам в 1888—1890 гг.; работал то в издательстве «Посредник», то в земледельческой колонии на Смоленщине, переписывался с Л. Н. Толстым (см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 64, 65), Н. С. Лесковым. Известно его письмо последнему от 17 марта 1890 г., где рассказано о недельном пребывании Ругина в Ясной Поляне, о беседах с «дедушкой Ге» и Толстым, о быте иезуеловской общины (Лев Николаевич Толстой: Юбилейный сборник. М.—Л., 1928, с. 323—326). Лесков сообщал о письмах Ругина и встречах с ним Толстому 20 января и 26 февраля 1891 г. Позднее Ругин порвал с толстовством.

²⁵ Перевод книги «Мысли Паскаля, со вступительной биографической статьей его сестры г-жи Перье», выполненный под наблюдением Л. Н. Толстого провинциальным актером и литератором А. И. Орловым (1837—ок. 1913), сотрудничавшим в издательстве «Посредник», был предложен для выпуска в свет в августе 1890 г. редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву, а после отклонения им рукописи — А. С. Суворину. По просьбе Толстого Лесков запрашивал Суворина о возможности издания книги (см. его письмо Суворину от 30 октября 1890 г.: ИРЛИ, ф. 268, № 131, л. 184), но получил категорический отказ. 31 октября в письме к А. С. Суворину Лесков упоминал, что он «вчера же», т. е., видимо, сразу по получении ответа, написал Орлову, чтобы тот «сам изъяснил» Суворину «все, что касается Паскаля» (*Лесков Н. С.* Собр. соч., т. 11, с. 467). Возобновлять безнадежные хлопоты, как явствует из публикуемого письма, Лескову не хотелось, но он все-таки нанес еще 16 ноября 1890 г. визит управляющему издательством Суворина, о чем уведомил Толстого на следующий день, 17 ноября (Переписка, с. 519). После новой неудачи ходатая Толстой опять обратился за содействием к В. А. Гольцеву. Составленная А. И. Орловым брошюра вышла в следующем году: Французский мудрец Влас Паскаль: Его жизнь и труды / Составлено А. И. Орловым. В двух частях. Ч. I. Жизнь Паскаля. Ч. II. Мысли Паскаля. М., 1891 (место и дата цензурного разрешения: СПб., 16 сентября 1890 г.).

²⁶ «Даровые объявления» — объявления об изданиях «Посредника», переставшие печататься «Новым временем» в связи с невнесением платы за них.

²⁷ Имеется в виду составленное В. С. Соловьевым коллективное письмо против подготовлявшихся в 1890 г. правительственной администрацией новых правил о статусе российских евреев, под которым первой была поставлена подпись Л. Н. Толстого. В середине ноября того же года министр внутренних дел запретил публикацию коллективного письма (см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 65, с. 45, 192). Познция Толстого вызвала недовольство в редакции «Нового времени».

²⁸ Несмотря на согласие Толстого (Переписка, с. 518), предполагавшаяся поездка не состоялась.

²⁹ Отдельной переписки с С. А. Толстой у Лескова практически не было. Известно письмо к ней Лескова от 2 июля 1892 г., в котором автор просит помочь издательнице «Северного вестника» Л. Я. Гуревич получить аудиенцию у Л. Н. Толстого (см. копию: ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 3, ед. хр. 11; черновик письма процитирован в публикации: *Труниманов В. А.* Письма Н. С. Лескова к Л. Я. Гуревич. — В кн.: Памятники культуры.

Новые открытия: Ежегодник. 1980. Л., 1981, с. 104—105; оригинал беловика хранится в Гос. музее Л. Н. Толстого). 7 июля 1892 г. С. А. Толстая отвечала Лескову согласием (ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 306). Н. К. Гудзий в статье «Толстой и Лесков» упоминал о двух письмах Лескова к С. А. Толстой, хранившихся в «толстовской комнате» Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (Искусство, 1928, № 1—2, с. 99).

³⁰ Толстой (в замужестве Сухотиной) Татьяне Львовне были адресованы 12 сохранившихся писем Лескова 1892—1894 гг. (ЦГАЛИ; см.: *Голиненко О., Лужановский А., Шумова Б.* Неопубликованные письма Н. С. Лескова. — Вопросы литературы, 1964, № 10, с. 253—256). В 1908 г. ею были сняты копии с писем Лескова к Толстому.

³¹ Речь идет о Петре Готфридовиче Ганзене (Hansen Peter Emanuel, 1846—1930), посетившем в апреле 1890 г. Ясную Поляну (см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 65, с. 79).

³² Упоминаемая статья была опубликована в русском переводе под названием «Пять дней в Ясной Поляне. (В апреле 1890 г.)» журналом «Исторический вестник» (1917, № 1, с. 140—161).

А. И. КУПРИН

ПИСЬМА к Ю. Д. БЕЛЯЕВУ

Публикация Л. П. Архиповой

Письма Александра Ивановича Куприна (1870—1938) адресованы Юрию Дмитриевичу Беляеву (1876—1917) — писателю и театральному критику газеты «Новое время». Он был другом всего писательского и театрального Петербурга, «воздух кулис, актеры драмы, оперы, балета и оперетты — была его жизнь». ¹ Ю. Д. Беляев был автором ряда пьес. Одной из самых удачных была «Путаница, или 1840 год», сыгранная в театре «Литературно-художественного общества» (или, как его называли в обиходе, Малом, или Суворинском, театре) 18 декабря 1909 г. Большим успехом в этой пьесе пользовалась О. А. Глебова-Судейкина — «Коломбина десятых годов», по словам А. А. Ахматовой. ²

Обращение А. И. Куприна за помощью к Ю. Д. Беляеву, по-видимому, связано с тем, что последний был близок к А. С. Суворину, владельцу и организатору театра «Литературно-художественного общества».

1

<15 декабря 1907>. ¹

Дорогой Юрий Дмитриевич!

Свирский ² и я выкроили из моего рассказа «На покое» трех-актную пьесу. ³

Судьбинин ⁴ хочет взять ее в бенефис на Малом театре. Будь, драгоценный, ее крестным отцом. Поговори с Главным стариком ⁵ о том, чтобы в смысле аванса и процентов нам оказали условия пошире. Этой пьесой интересуется и Давыдов, ⁶ но Судьбинин моложе и темпераментнее.

¹ Так вспоминал о нем в своей книге «Близкое—далекое» известный драматический актер Н. Н. Ходотов (М.: Л., 1962, с. 155).

² Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. Л., 1976, с. 364 («Поэма без героя»).

Целую тебя в сахарные уста.

Если ты выберешь свободный день, пожалуй ко мне обедать (5—6 часов) или завтракать (12—1), но накануне телеграфни. У меня есть знакомые рыбокрады, которые приносят форель (священную).

Жму твою руку

твой сердечно А. Куприн.

¹ Письмо датировано по времени отправления телеграммы (15 декабря 1907 г.) А. И. Куприша к Ю. Д. Беляеву, хранящейся вместе с публикуемыми двумя письмами в Рукописном отделе ИРЛИ в фонде Ю. Д. Беляева (ф. 24, ед. хр. 60).

² Свирский Алексей Иванович (1865—1942) — писатель, автор произведений из жизни люмпен-пролетариата, изображаемого им с сочувствием и уважением. Широкую известность получила его повесть «Рыжик» (1901). В 1906—1908 гг. Свирский создает ряд пьес: «Тюрьма» (в 1906 г. была поставлена на сцене театра «Литературно-художественного общества»), «Дьявол» и (совместно с Куприным) «На покое». С начала 1900-х годов Свирский утверждает на социал-демократических позициях, а в 1919 г. становится членом Коммунистической партии. После Великой Октябрьской социалистической революции Свирский принял активное участие в культурно-просветительной деятельности Советского государства. С 1928 г. Свирский работал над итоговой автобиографической книгой «История моей жизни», опубликованной после смерти писателя в 1947 г.

³ Рассказ Куприша «На покое», в основу которого легли его личные впечатления, посвящен жизни старых провинциальных актеров. Рассказ был начат в Крыму летом 1902 г. В середине октября 1902 г. Куприн послал письмо А. П. Чехову вместе с корректурным оттиском рассказа «На покое» и с просьбой высказать свое мнение об этом рассказе. В ответном письме от 1 ноября 1902 г. Чехов писал Куприну: «Повесть хорошая, прочел я ее в один раз, как и „В цирке“, и получил истинное удовольствие. Вы хотите, чтобы я говорил только о недостатках, и этим ставите меня в затруднительное положение <...> В этой повести недостатков нет, и если можно не согласиться, то лишь с особенностями ее некоторыми» (Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Письма. М., 1982, т. 11, с. 67). Пьеса «На покое. Сцены в 3-х действиях» была издана в Петербурге в 1908 г. («Маленькая библиотека журнала „Театр и искусство“»).

⁴ Судьбинин Иван Иванович (1866—1919) — актер провинциальных, московских и петербургских театров, в том числе театра «Литературно-художественного общества».

⁵ «Главный старик» — Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912), журналист, издатель, драматург и владелец (сначала самый крупный пайщик) театра «Литературно-художественного общества» (1895—1917). В первые годы существования театр был известен серьезным репертуаром — он открылся 17 сентября 1895 г. пьесой А. Н. Островского «Гроза». В последующие годы были показаны спектакли: «Кукольный дом» Г. Ибсена, «Трудовой хлеб» и «Бедность не порок» А. Н. Островского, «Нахлебник» И. С. Тургенева, «Преступление и наказание» по роману Ф. М. Достоевского, «Власть тьмы» Л. Н. Толстого (первая постановка), «Юлий Цезарь» и «Макбет» Шекспира и многие другие. Значительное место в репертуаре театра занимали пьесы западной классической и современной драматургии. Но вскоре положение стало меняться. В погоне за популярностью театр изменяет репертуар: стали ставить мелодрамы, псевдопроблемные пьесы и развлекательные комедии (И. Н. Потапенко, В. А. Рышков, Ю. Д. Беляев и др.). Широко включались в репертуар театра пьесы А. С. Суворина, отличавшиеся злободневностью, сценичностью, но носившие тот же реакционный характер, что и вся его деятельность. Труппа театра Суворина славилась сильным актерским составом, здесь в разные годы работали такие актеры, как А. Я. Глама-Мещерская, М. М. Глебова, В. П. Далматов,

Е. П. Корчагина-Александровская, П. Н. Орленев, Е. Н. Рощина-Иясарова, Н. Н. Рыбников, П. А. Стрепетова, И. И. Судьбинин, З. В. Холмская, Л. Б. Яворская, К. Н. Яковлев и многие другие.

⁶ Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя и фамилия — Иван Николаевич Горелов) (1849—1925) — актер, народный артист Республики (1922), с 1880 по 1924 г. работал в Александринском театре, с 1924 г. являлся актером Малого театра. Его игру отличали блестящее мастерство и тонкий вкус. Прославился исполнением ролей в классических произведениях Гоголя, Грибоедова, Островского, Чехова. Давыдов был выдающимся театральным педагогом (преподавал в Петербургском театральном училище, среди его учеников В. Ф. Комиссаржевская, Н. Н. Ходотов, Л. С. Вивьен и др.).

2

<Декабрь, 1907>.¹

Дорогой Юрий Дмитриевич.

Очень благодарю тебя за милое, чисто товарищеское отношение к пьесе и ко мне.² Но ты понимаешь: Старик бы совсем стал меня презирать, если бы я согласился. Да и по совести мне вся эта возня с пьесой надоела до смерти.

Знаешь какая мне пришла в голову мысль? У меня теперь есть кое-какие заваливающие деньги. У тебя наверно тоже найдутся. Покамест продлится Закопане, не поехать ли нам с тобой вдвоем в Англию? Это моя давнишняя мечта, а мне лучшего сотоварища и не придумать, чем ты. И заняло бы это всего 2—3 недели. И как бы это нас обоих освежило!³

Прошу тебя, не забудь о твоём обещании предупредить меня загодя, когда соберешься приехать ко мне.

Крепко жму твою руку.

Твой сердечно

А. Куприн.

¹ Письмо датируется по содержанию и соотношению с первым письмом.

² Переговоры Ю. Д. Беляева с А. С. Сувориным, по поводу постановки пьесы «На покое» на сцене театра «Литературно-художественного общества» не увенчались успехом. Премьера сцен в 3-х действиях А. И. Куприна и А. И. Свирского состоялась на сцене Александринского театра 8 февраля 1908 г. Вот как об этом рассказал в своих воспоминаниях Н. Н. Ходотов: «Имя Куприна было настолько популярно, что мне удалось чуть ли не в десять минут решить вопрос о приеме ее (пьесы, — Л. А.) на нашу сцену. Куприну и Свирскому пришлось только забежать в контору за авансом, насчет суммы которого мне пришлось изрядно поторгиваться с Теляковским. Куприн хотел больше обычной тысячи на двести рублей. Это создавало затруднение, но, пугая Теляковского тем, что будто бы Малый Суворинский театр готов дать вдвое больше, только бы перехватить пьесу в свой театр, я добился увеличения обычной авансовой нормы. Пьеса имела средний успех, несмотря на литературные достоинства и перво-классный состав исполнителей. Для меня, а главное для авторов, особенно для Свирского, это была „беспокойная пьеса“, и почти весь первый аванс, полученный за нее, пошел на богемные пиршества» (*Ходотов Н. Н. Близкое—далекое*. Л.; М., 1962, с. 221—222).

³ Совместная поездка в Англию не состоялась.

НЕОКОНЧЕННАЯ ТРАГЕДИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «НИОБЕЯ»

Публикация Ю. К. Герасимова

В 1903 г. Вячеслав Иванов, тогда еще малоизвестный автор поэтического сборника «Жормчие звезды» (1901), готовя к печати вторую книгу лирики — «Прозрачность», задумал драматическую трилогию. Ее первую часть — трагедию «Тантал» он закончил в 1904 г. и опубликовал в альманахе «Северные цветы» (1905). Параллельно с «Танталом», иногда даже оттесняя его на второй план, В. Иванов писал вторую часть триптиха — трагедию «Ниобея». Но оставил ее неоконченной и, вероятно, никогда к ней не возвращался. Относительно же завершения трилогии не все ясно. Третьей считается трагедия «Сыны Прометей». Начатая в 1907 и оконченная в 1914 г., она была опубликована в 1915 г. и переиздана автором уже в советское время под названием «Прометей» (1919), под которым более известна. Однако, начиная трагедию «Тантал», В. Иванов обозначил ее: «Трилогии „Танталида“ первая часть».¹ Очевидно, что по первому замыслу среди героев трилогии Прометей не было. Остается неизвестным, кто из мятежных потомков богонадменного Тантала был выбран в герои завершающей трагедии: его сын Бротееас, оказавшийся в «Тантале» среди основных лиц драмы, или другой сын — Пелопс, или даже кто-то из потомков последнего.

И все же «Прометей» объективно завершил замысленную Вяч. Ивановым и брошенную им на полпути трилогию в том смысле, что это произведение вобрало в себя главные идеи «Тантала» и «Ниобеи» и придало телеологический смысл богоборческому титаническому индивидуализму их героев. Поэтому для получения даже самых общих представлений о содержании и об историко-литературном смысле трагедии «Ниобея» необходимо уяснить, какое место занимал вопрос о трагедии, а точнее — о театре трагедии, в концепции искусства Вяч. Иванова и как соотносилась с этой концепцией его драматургия.

Вслед за Д. С. Мережковским, видевшим в античной трагедии высочайший образец такого религиозного искусства, которое способно воспол-

¹ ИРЛИ, ф. 607, № 194, л. 2 об.

нить односторонность христианской «бесплотности», усиленно разрабатывал символистское учение о трагедии Вяч. Иванов. В цикле статей 1904—1906 гг. он поставил вопросы театра и драмы в центр общей теории символизма, его религиозных и эстетических проблем. Античная трагедия представлялась Иванову прямым прообразом искомой современной мистерии, которая возникнет на почве всенародного мифа и объединит исполнителей и зрителей, «поэта» и «чернь», интеллигенцию и народ в общем действе. Будущий театр трагедии виделся ему органом народного волеизъявления, способным решать самые важные вопросы духовной и даже социально-политической жизни общества. Культурно-социальная утопия приобретала у Иванова вид утопии религиозно-театральной.

Признание теургического назначения театра и его эстетической вневременности привело Иванова к отказу от аристотелевской теории драмы, породившей, по его мнению, миметический театр внешнего действия, и к выдвиганию иных драматургических принципов.

Вся история драмы, по Иванову, есть отход от жертвенного религиозно-общинного действия, в котором маска трагического героя являлась одним из обликов «Страдающего бога» (прежде всего Диониса), и движение к противоположному полюсу, характеризующемуся максимальным разобщением сцены и уплотнением и объективацией маски (Шекспир, классицисты).² Иванов предвещает возврат сцены к экстатическому литургическому действию. Маска героя вновь станет прозрачной и сквозь нее проступят «черты божества». Новая драма, считал Иванов, призвана отразить и объяснить телеологию человеческой жизни и человечества и даже своей формой воспыхивать новое религиозное сознание зрителей. Драматургу поэтому надлежит говорить «о целом и всеобщем». Современная же субъективная драма Ивановым отвергается: «...ее личины становятся масками ее творца; ее предметом служит его личность, его душевная судьба».³ А это — искажение сути театра, действие в котором должно быть «безусловным», связанным с основными процессами мировой жизни. Но Иванов отказывался и от системы действующих лиц как самостоятельных монад. Вдохновляемый гностической антропософией, ее идеей монантропизма, Иванов учил видеть во всех участниках драмы «маски единого всечеловеческого Я», а в их судьбах — проявление всеобщей судьбы. Никакого изображения конкретной жизни, быта, характеров, никакого реального действия, интриги в такой драме не предполагалось. Сам стимул развития драмы нового времени, когда «из агонии жертвы развивается трагическое действие с его перипетиями и прагматизмом внешним и психологическим»,⁴ казался Иванову нравственно сомнительным и психически нездоровым.

Иванов-драматург старался быть верным своим радикальным установкам. Однако, проповедуя всенародное искусство, он ощущал в себе призвание и к «жреческому мифотворчеству», к руководству религиозной жизнью и создавал эзотерические учительные произведения. Духовный аристократизм «мистагога» входил в противоречие с его демократиче-

² Иванов Вяч. Новые маски. — Веса, 1904, № 7, с. 3.

³ Иванов Вяч. Борозды и межи. I: О проблеме театра. — Аполлон, 1909, № 1, с. 77.

⁴ Иванов Вяч. По звездам. СПб., 1909, с. 56.

скими декларациями. Для интерпретации его трагедий требуется огромный культурно-философский и историко-литературный комментарий — настолько многосложна выражаемая ими концепция миропорядка и трагических путей становления богочеловечества и обретения свободы, настолько сильна символическая переакцентировка привлекаемого им обширного и часто малоизвестного мифологического материала. Даже самые искушенные авторы, писавшие об Иванове, не брались за расшифровку его трагедий. Так Ф. Ф. Зелинский, коллега поэта по занятиям классической филологией, говорил о туманном море его символической трагедии «Тантал» и указывал лишь на отдельные уловимые ее идеи.⁵ «Дешифровка» трагедий Иванова вне контекста его художественного и теоретического творчества не представляется возможной.

Реставрагорские намерения Иванова-драматурга были весьма значительными. Едва ли был в России драматург, который бы так «обжил» античную культовую драму, как это сделал Иванов. В самом строении древнегреческой трагедии он ценил выражение живого религиозного сознания, питаемого мифом.⁶ Иванова поэтому привлекает не Еврипид и не Софокл, а Эсхил,⁷ архаичные обрядовые *dogmata* и дифирамб.

В «Тантале» и «Ниобее» ощущается связанность избранной формой — в архитектонике, в стихе (ямбический триметр) и языке. Но мистериальный масштаб действия и тип героя-богоборца давали автору возможности для претворения «эсхилиовских» трагедий⁸ в символистские произведения. Контаминируя разные версии мифов о Тантале, Сизифе, Иксione и Ниобее (Гомер, Пиндар, Еврипид, Гораций, Овидий), Иванов усиливал их многомерность и, не прибегая к открытой модернизации, вводил в свои трагедии современную проблематику.

Первая часть триптиха была отведена исследованию индивидуализма и его роли в обретении человечеством духовной свободы. В начале трагедии царь Сипила Тантал, сын Зевса и нимфы Плуто (Богатство), предстает в зените самоутверждения. Но он не останавливается на этом, по терминологии В. Иванова — демоническом, люциферианском, состоянии. В чистом, бескорыстном дерзновении «от полноты» — совсем по Ницше («Рождение трагедии из духа музыки») — Тантал отвращается от цельности и гармонии и тем бросает вызов богам, прежде всего Аполлону. Тантал жаждет радости расточения, «нищих блаженств». Он вступает на путь героического нисхождения⁹ и сам, как истинный герой трагедии, избирает себе судьбу: «Дерзай, — велит мне жребий, — и, дерзнув, умри!». Миг замысленного деяния (похищение амброзии) Тантал признает равнозначным

⁵ См.: Русская литература XX века. М., 1916, т. III, кн. 8, с. 105.

⁶ См. об этом ниже в «Предисловии к трилогии» Вяч. Иванова (с. 233—234).

⁷ Вяч. Иванов перевел все семь сохранившихся трагедий Эсхила размерами подлинника. Переводы остались неопубликованными.

⁸ «Тантал» и «Ниобее» числятся среди несохранившихся трагедий Эсхила. Ср. с «восстановленным» И. Анненским утраченных трагедий Еврипида.

⁹ Восхождение и нисхождение, по Вяч. Иванову, — разные, по диалектически связанные фазы мирового (здесь — духовного) творческого становления.

вечности. «Философия мига» искажает суть нисхождения, вскрывает его неправый (без любви) характер, обесценивает творческий порыв. Прямым автокомментарием к «Танталу» выглядит мысль Иванова о декадентстве в его статье 1907 г.: «...оно провозгласило индивидуализм, <...> и все охватывало в мимолетности самодовлеющих „мигов“». ¹⁰ Бунт Тантала против миропорядка героичен, но бесплоден. Люди, для которых он похитил у богов амбросию, дарующую бессмертие, но и выявляющую сущность каждого, не решились присвоить удел небожителей. Дерзнули на бессмертие лишь надменные Иксион и Сизиф, чье темное эгоистическое богоборство лишено созидательного начала. На путях нисхождения Тантал приблизился к дионисийской стихии жизни, но не преодолел индивидуалистического взгляда на возможность человека («дерзай или смирайся!»), не ведая о дионисийском восторге всеобщего единения. Тщета усилий героя подчеркнута финальным образом: «погасший» Тантал в Аиде держит огромную померкшую пустую сферу.

В многоплановой мифологеме «Тантала» проблема кризиса индивидуализма (даже в высшем его, героико-альтруистическом виде) предстает как одна из ключевых. Автор утверждал этический примат коллективного сознания (всегда для него религиозного) перед титаническим («сверхчеловеческим»). Истинно поучительной и катартической в трагедии вообще Иванов считал не судьбу героя, а перемену в сознании хора, который, осуждая индивидуалистический бунт, прозревал в нем жертвенный порыв и своим состраданием приобщал героя к народной душе.

«Ниобея» своей проблематикой примыкала к «Танталу». Об этом можно судить по написанной части трагедии. Если исходить из объема «Тантала» (около 1400 строк), который выверялся автором по Эсхилу, то 354 строки «Ниобеи» представляют ее четвертую часть. Экспозиционный характер отрывка при отсутствии перечня действующих лиц не дает представления о движении сюжета и о фабульном разворачивании мифа, трактуемого Ивановым, как обычно, «с вольностью». Но близость идейно-философского замысла обеих трагедий очевидна. Избегая внешнего действия ради изображения внутренних духовных процессов, Иванов отвергал законы обмирщенной европейской драматургии и начинал трагедию с того момента, на котором сюжет мифа завершался: после гибели детей Ниобея, перепесенная в облаке из Фив в отчий край, полная горя и обиды на богов, мечтает стать камнем. Правда, автор предусматривал ретроспективу — рассказ Ниобеи о своих «страстях», но не столько из фабульных нужд, сколько из необходимости обозначить исходную богоданную позицию дочери мятежного Тантала. Даже согласно мифу, жена царя Амфиона многодетная Ниобея была непочтительна к богине Лето, матери всего двух детей — Аполлона и Артемиды. Дерзновение Ниобеи было не «рабским» бунтом, а шло «от полноты» и являлось аналогом богоборения Тантала.

Аналог этот занимал Иванова своей варплативностью. Женский характер он считал трагичным по своей сути. Восприимчивость, отзывчивость женской натуры делают ее диадой. «Поэтому, — полагал Иванов, — наиболее благодарно для трагического поэта изображение характера женского.

¹⁰ Иванов Вяч. По звездам, с. 242.

Яркая и крушая женская личность естественно трагична. И можно предугадать, что грядущие судьбы трагедии будут тесно связаны с судьбами и типами женщин будущего». ¹¹ Героиня женщина позволяла автору более органично ввести в трагедию и развернуть идеи дионисизма, ¹² эквивалентные религии, на почве которой лишь и может, по мнению Иванова, существовать театр трагедии. Именно среди женщин культ Диониса был некогда широко распространен.

В «Ниобее» хор менад выступает носителем стихийного коллективного дионисийского сознания, а Предводительница хора — выразителем религиозно-философских идей автора. Ведая высокий смысл («свет») практически безнадежной и бесплодной гордыни ¹³ героини, Предводительница хора в то же время видит, что страждущая Ниобеея, вступившая на путь нисхожденья, близка к преодолению своего индивидуализма, и в диалектических спорах готовит ее (с помощью хора) к постижению откровений Диониса — бога-утешителя, зовет приобщиться к миру «хоровых» надличных чувствований. Все это, однако, едва ли могло произойти с Ниобеей в трагедии. Хотя бы потому, что, как и у Тантала, «страсти» ее неонтологичны. Вся она в плену обиды, горда своей непреклонностью, т. е. своей несвободой, и не желает забвения, которое разлучило бы ее с горем и примирило с миром. Кроме того, как и в трагедии о Тантале, заданная мифом судьба героини (превращение в камень) скорее указывает на то, что и Ниобеея осталась в границах не преодоленной античным сознанием (в том числе и Эсхилом, как замечал Иванов) дилеммы «дерзай или смиряйся».

Близость проблематики и однотипность героев «Тантала» и «Ниобее» можно считать основной причиной незавершенности последней. Она интересовала автора, пока не был окончен «Тантал».

Драматический замысел в излюбленном Ивановым виде триады в ходе его осуществления оказался «велик» для воплощения той философско-религиозной концепции, которая существовала у него в 1903—1904 гг. Эта концепция вся легла в основу «Тантала». Только десятилетием позднее, обосновав неизбежность выхода крайнего индивидуализма в сферу надличного и общенародного, богоборства в богосозидание, соединив орфическое предание о Дионисе-младенце, «пожратом» титанами, с мифом о создании людей Прометеем и таким образом выстроив учение о вселенском анамнезисе в Дионисе (вместо Христа), Иванов смог приступить к новой трагедии. В «Сынах Прометея» в теме Пандоры оказались также выраженными те идеи трагизма женского бытия, которые должны были прозвучать в «Ниобее».

---

¹¹ Иванов Вяч. Борозды и межи. М., 1916, с. 255.

¹² Идущее от Ф. Ницше учение о дионисийстве Вяч. Иванов значительно переосмыслил, подключая к нему и христианство (Дионис — ипостась божьего сына), и славянофильский мессианизм («Дионис <...> — наш варварский, наш славянский бог...») (Иванов Вяч. По звездам, с. 234). Это учение постоянно присутствовало и уточнялось в его статьях и поэзии.

¹³ Вяч. Иванов видел в богоборстве угодный богу «мистический эвергетизм», благодаря которому человечество движется трагическим путем греха и преступления от рабства к метафизической свободе, к обретению бога в себе, т. е. к богочеловечеству.

Первое упоминание о задуманной драматической трилогии с названием ее первой части («Тантал») находится в письме В. И. Иванова к В. Я. Брюсову от 1/14 ноября 1903 г. из Швейцарии.¹⁴ К этому времени, однако, Ивановым были написаны и отправлены 15/28 сентября 1903 г. Брюсову в составе рукописи второй книги лирики «Прозрачность» хоры дев Ореад из «Тантала» и хоры Менад из (точнее — для) «Ниобеи». Они выглядели как циклы стихотворений и образовывали в книге пятый раздел, впоследствии ликвидированный. Хоры Менад имели общий объем 117 стихов, т. е. составляли уже одну треть всего будущего отрывка.

26 февраля/10 марта 1904 г. Иванов предложил Брюсову для альманаха «Северные цветы» отрывок из трагедии «Ниобея» вместо обещанного «Тантала», в работе над которым стал испытывать затруднения. Он обосновал возможность публикации этого отрывка относительно его законченностью и указал его объем — около одного печатного листа. На другой день Иванов уведомил Брюсова о своей готовности немедленно выслать «Ниобею». Есть основания предполагать, что рукопись Иванова (обозначаемая как автограф I) и является сохранившейся частью подготовленного им к публикации отрывка «Ниобеи». В этом автографе 180 стихов, что значительно меньше объема, называвшегося Ивановым, — одного печатного листа.

На полях автографа I имеется дистих на древнегреческом языке в двух редакциях. Одна из них датирована 30 марта/11 апреля <1904 г.>¹⁵

Поездка Иванова в Россию весной—летом 1904 г., очевидно, прервала работу над «Ниобеей». Но, вернувшись в Швейцарию, он сообщал Брю-

---

¹⁴ Более подробные сведения о внешней стороне работы Иванова над «Ниобеей» имеются в «Переписке В. Я. Брюсова с В. И. Ивановым», опубликованной С. С. Гречишкиным, Н. В. Котрелевым и А. В. Лавровым в 85-м томе «Литературного наследства» (М., 1976).

¹⁵ Дистих представляет собой посвящение, которое сочинялось ко всей трилогии, но стало совершенствоваться автором в связи с его намерением опубликовать начало «Ниобеи». Первая редакция (ИРЛИ, ф. 607, № 78, л. 4):

Συμβάχῳ μὲν ἄδοι μολπῶν χάρις ὄργια μούσας
Θυιάδι θυρσαχθοῦς εὔιοι δ'εὐχαὶ θεῶ.

(Менаде, сотоварищу в Вакхе, пусть будет приятна прелесть песнопений — тайнодействия обремененной тирсом Музы, а богу — дионисийские молитвы).

Три варианта другой редакции дистиха (там же, л. 2 об.) приводят к тексту посвящения, которым без перевода сопровождалась публикация «Тантала» в «Северных цветах» (1905). Четвертый (промежуточный) вариант этой редакции находится в черновике общего заглавного листа трилогии и первой ее части — «Тантала». Только при этом варианте имеется имя адресата — «Посвящение трилогии Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (Ивановой)» (ИРЛИ, ф. 607, № 194, л. 2 об.):

Συμβάχῳ Βάχῃ τὸδε μὲν πέλοι εὐχαρὶ θύρσοιν
Συμμούσῳ τ'ἄνθημ', εὔιοι δ'εὐχαὶ θεῶ.

(Вакханке, сотоварищу в Вакхе и Музах, пусть это будет приятным приношением двух тирсов, а богу — дионисийские молитвы).

Переводы обеих редакций дистиха выполнены А. И. Зайцевым; пользуюсь возможностью выразить ему признательность также и за его советы, учтенные при составлении примечаний к публикации.

сову 4/17 июля 1904 г. о своей увлеченности работой над «Ниобеей». Наличие на одном из черновых листов рукописи «Ниобеи» (соответствует стихам <301>—<318>) черновика стихотворения «Ливень» позволяет связать работу Иванова над монологом Ниобеи о гибели детей с датой 10/23 июля 1904 г., днем создания названного стихотворения.

6/19 сентября 1904 г. Иванов обещал выслать всю «Ниобею» для «Северных цветов» «месяца через полтора».¹⁶ Однако этот, назначенный самим автором, срок прошел, и Брюсов с тревогой запрашивал его 30 октября/12 ноября, поступит ли трагедия в редакцию альманаха в течение ноября. Между тем Иванов в это время вернулся к первой трагедии и неожиданно для Брюсова сообщил ему 2/15 ноября о том, что закончил ее: «...лично рад, что это „Тантал“; написать „Ниобею“ раньше было невозможностью».¹⁷ Позже, как оказалось, — тоже. По всей вероятности, работа над «Ниобеей» была остановлена еще в сентябре или октябре 1904 г. и более едва ли когда-либо велась.

Источниками публикуемого отрывка являются рукописные тексты, сплошь относящиеся к начальной части трагедии «Ниобея». Они хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР в фонде В. И. Иванова (ф. 607, № 78). Учтены также все варианты, встречающиеся в упоминавшейся выше белой рукописи с текстами хора дев Ореад из «Тантала» и хора Менад из «Ниобеи». Рукопись эта находится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в фонде В. Я. Брюсова (ф. 386, карт. 128, ед. хр. 29, л. 7—15; далее: *ГБЛ*).

Автографы ИРЛИ можно разделить по их особенностям на шесть групп:

1. Автограф на пяти листах с оборотами в виде части тетради с начальными 180 стихами (далее: *AI*). Он возникал как белой, но подвергался последующей правке, и не только стилистической. Так, на л. 1 была вписана и дважды переделывалась начальная ремарка. Выше уже высказывалось предположение, что этот автограф есть начальная часть рукописи, которую Иванов намеревался послать Брюсову для публикации.

2. Беловой автограф (*БА*) на 17 листах (листы с двойной пагинацией) от л. 2/13 по 17/28, стихи 17—308 и л. 12, стихи <336>—<354>, учитывающий правку *AI* и в свою очередь подвергавшийся небольшой последующей правке.

3. Автографы на четырех листах без нумерации стихов (*AII*) с текстом, предшествовавшим *БА* и подвергавшимся правке (л. 10, 9, 8, стихи 83—139 и л. 7, стихи 238—267).

4. Отдельный автограф (*AIII*) на одном листе (л. 6, стихи 274—297) с правленным текстом, близким к *БА*, но с несколько отличной от последнего нумерацией стихов, что позволяет видеть в нем фрагмент неизвестного списка.

5. Черновые автографы на четырех листах (л. 18/29 — *AIV*, л. 18 (?) / 33 — *AV*, л. 11—*AVI*, л. 30 — *AVII*), в которых разрабатывались варианты текста, следовавшего за *БА* (стихи <301>—<330>).

¹⁶ Литературное наследство, т. 85, с. 458.

¹⁷ Там же, с. 466.

6. Черновые автографы на двух листах, содержащие как варианты *БА*, так и тексты, восполняющие отсутствующие части *БА* публикуемого отрывка (л. 31, стихи <336>—<339>—*AVIII* и л. 32—32 об., стихи 339—362 — *AIX*).

О публикации отрывка трагедии «Ниобея» сведений не имеется. Лишь во II томе «Собрания сочинений» Вяч. Иванова (Брюссель, 1974, с. 681—682) приведены начальная ремарка и 15 строк (стихи 1—9 и 19—25), которые составлены из разрозненных черновиков «Ниобеи», находящихся в римском архиве поэта. Во фрагменте есть отличия от *AI* и *БА*.

В основу публикации положен автограф *БА*. Но из-за его неполноты текст отрывка является контаминацией нескольких автографов, в том числе и черновых (при наличии вариантов брался поздний). Стихи 1—16 даны по *AI*, стихи 17—308 <300> — по *БА*, стихи <301>—<330> — по *AV*, стихи <331>—<335> — по *AIX*, стихи <336>—<354> — по *БА*.

Все ударения, имеющиеся в тексте публикации, принадлежат автору.

Сокращения, которые Вяч. Иванов применял для обозначения действующих лиц (Н. — вместо Ниобея, Предв. хора — вместо Предводительница хора), в публикации не соблюдаются.

Авторская нумерация стихов сохранена. Корректирующая ее нумерация дается в угловых скобках.

Во время работы над трагедиями «Тантал» и «Ниобея» Вяч. Иванов подготовил для отдельного издания трилогии предисловие, которое осталось неопубликованным. В его архиве имеются две близкие по тексту рукописи: «Предисловие» и последующий его вариант — «Предисловие к трилогии» (ИРЛИ, ф. 607, № 194). Последним и предваряется наша публикация отрывка «Ниобеи».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИЛОГИИ

Не прихоть или пристрастие внушили автору его замысел, и не притязание столь же нелепое, как и произвольное, — мериться с древними в создании чего-то греческого для воображаемых греков, — не археологическую и ученую задачу, одним словом, он поставил себе, но общечеловеческую и вневременную, и потому по существу своему всегда древнюю и новую вместе; греческую же форму избрал орудием разрешения этой всеобщей задачи не просто как достойнейшую и совершеннейшую, но в силу трех исключительных ее особенностей:

1. Форма античной трагедии представлялась автору, в своих существенных чертах, формой будущего, возрожденного народного театра. Сдружиться с ней, думалось ему, должны мы путем самостоятельных творческих попыток; им же естественно начаться с воспроизведения в его эллинской одежде эллинского мифа, поскольку миф этот является общим и вековечным достоянием эллина и варвара: искавшего и ныне ищущего.^а

---

^а Далее зачеркнуто: человечества. В «Предисловии»: Человека. Далее в «Предисловии» еще фраза: Эта античная форма должна не отдалять

2. Идеи, которые автор пытался воплотить, не находили себе мифа, более сродного, нежели избранный древнегреческий».

3. Идея Диониса, являющаяся для автора разрешением и последним словом трилогии, как и разрешающим словом запросов современности, могла быть выражена наиболее просто и подлинно только в образах той мифологии, которая впервые ввела ее в религиозно-нравственное сознание человечества.

Эта точка зрения оправдывает и свободу во внутренней и внешней обработке мифа, простирающуюся до контаминации сказаний о Тантале (по пиндарической версии), о Бротее, о Сизифе, об Иксионе.¹ Примеры подобной же вольности в сочетании разнородных мифов нередки и у древних трагиков.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Автор называет действующих лиц своей трагедии «Тантал».

НИОБЕЯ

Н и о б е я

[Сидит, поникнув, на камне, окутанная в темные одежды, потом встает, тихо приподнимая с лица покрывало.] а Горная местность вокруг; луговые склоны; утесы, увитые плющом. Изредка звуки свирели вдали.

Нашедшее облако медленно расходится. Она провожает его глазами.

О Зевсов облак. Голубь мглы. Затвор очей,
До дна испивших света свет и ночи ночь! . .
Безмолвный мрак! Лефейских струй сладчайший мрак! . .
Как сизокрылой бурей, ты дремой глухой
Меня обвеял: ах! зачем с моей главы
Ты стаял прочь, как с мертвых скал вершинный снег?
Или зачем, могучий облак, не умчал
Усталую на Персефоны¹ бледный луг,
Где ропщет кровных убиенный славный сонм? . .
¹⁰ И вновь жестокий Гелиос² горит! И вновь
Медвяным склоном цветоносный Тмол³ простерт
Пред жертвой незакланной (и не сон сей зрак),
Восхищенной в родимый край рукой богов:
Дар состраданья, казни ль новой темный дар? . .
Прими же скорбный мой привет, родимый край!

(Прислушиваясь)

Ты, пастырь-Пан!⁴

облеченные ею идеи от общенародного постижения, но, напротив, посредствовать между ними и веком самую отрешенностью своею от всех временных и частных условий.

а Поперек заключенной в квадратные скобки первой фразы ремарки написано и зачеркнуто: Тихо приподымает темное покрывало.

(Молитвенно простирая руки к земле)

А ты — благоговење, тењ
Великая, родитель Тантал, бог сих мест,
Свидетелей обиды нашей, наших слав! . .
Так безучастным оком вижу вновь тебя,
20 Далеких дней священный сад! И вас, холмы,
Приют разлукой окрыленных милых грез,
Топчу стошой невольной. И любезны мне
Покой недвижимый, и престол холодных скал,
И ткани темной вокруг главы поникшей тењ;
25 Но вожделенной камнем стать ⁵ меж скал немых!

Садится под скалой поодаль, опустив на лицо покрывало. ⁶ Хор вакхических женщин, ^в вступив в оркестру, окружает жертвенник Диониса ⁶ в сдержанной, важной пляске.

Хор

Строфа I

^г Яр-бог, яр-бог, тур-Дионис!
Склоненьем цветистого Тмола
Низринься на сонм священный!
Понурого стада буй-бык, — ^д
30 Эвой! эвой!
^е Вакх, ⁷ низойди! ^ж
Тирсом ⁸ коснись, Эвий,
Уст замерших коснись
Тирсом восторга!
35 ^з Огнем твоим, чадо молний, ^и
Опламени чело мне!

Антистрофа I

^к Явись, явись, бог-Дифирамб! ^л
Иль гроздьем и плющем зеленым,

---

^{б-в} В АI: Вакхический хор входит и

^{г-д} Стихи 26—29 имеют еще два варианта. В АI:

Лиэй, Лиэй! Яр-Дионис!
По склону родимого Тмола
На сонм низойди священный,
О чистого стада пастырь

В ГБЛ:

Буй-бог, буй-бог, тур-Дионис!
Уклоном пьяного Тмола
Низринься на сонм священный!
О чистого стада яр-бык!

^{е-ж} В АI: Бог, низойди!

^{з-и} В АI и ГБЛ: Огнем твоим, молний чадо,

^{к-л} В АI: Явись, Дифирамб! Дифирамб!

Иль ясной увенчан митрой,
40 Явись, о фиалкокудрый, —
Эвой, эвой! —
Буй-Дифирамб! ^м
Тирсом коснись, Эвий,
Змеекудрой главы,
45 ^н Тирсом восторга! ^о
В унылые флейты бурным,
Бромий, дохни дыханьем!

Предводительница хора
Ни фригийские чары разымчивых флейт,
Ни лидийских нег заунывный лад
50 Из неправых уст не угодны тебе:
Сердце чистое, бог, мне соизжди! ⁹

Хор

Строфа II

Дохнет Эол: Зевсов ^п чреватый облак
Темный обляжет Тмол, —
И прольется шумящий дождь.
55 Из струистых, гулких пещер
Прянут нимфы пьяных ключей,
Из ревучих брызнут теснин
И, низвергаясь,
Пляшут меж бездной и бездной,
60 Солнечный хор Мэнад!
Влажный дымится дол,
И амвросией дышит грудь,
Эвий!

Антистрофа II

Твой дождь шумит: смертная грудь чревата,
65 ^р О Дионис, ^с тобой!
Бога, бога вместила я!
Кто я, бога, бога полна?
Легкоструйной нимфой несусь —

---

^м В AI; Бог-Дифирамб!
^{к-м} В ГБЛ:

Явись, явись, буй-Дифирамб!
Рогами ль иль плющем черным
Иль ясной увенчан митрой,
Явись, о фиалкокудрый, —
Эвой, эвой! —
Царь-Дифирамб!

^{н-о} В AI и ГБЛ: Тирсом безумья!
^п В AI и ГБЛ: Зевса
^{р-с} В AI: Бромий-Лиэй

Мой избыток гонит меня. . .
70 Бог-Разрешитель,
В бездну низринь меня, долу
Пылью златой развей! . .
Влажной росой стелюсь,
И амвросию грудь струит,
75 Эвий!

Предводительница хора
Ни кимвалов гулы, Кибелы ¹⁰ медь,
Ни буйный тимпан, корибантов ¹¹ дар,
От надменного сонма не милы тебе:
Сердце чистое, бог, мне созижди!

Хор

Эпод

80 Иб, иб, ¹² Пан, Пан!
Я ль иглистой пихты, Пан, —
Я ль пиний душистых, Пан, —
Радуйся, горный Пан! —
Зелень хвойную заплела,
85 Кудри смольной увила, —
В кудрях пьяный виется плющ,
Иб, иб, Пан!
Чу, свирели
Слышу, слышу горный отзвѣв. . .
90 О нисийских плясок ¹³ вождь,
Пан, на мой хоровод приди!
Пан! Пан!

Строфа

Предводительница хора
Гляди:
Там, где плющ
95 т Полюй свод
Отенил, у —
Образ жены сидящей вижу
Недвижным изваянием. . .

Хор

Безмолвствуй! . . Кто она?
100 Богиня ль, смертная ль? . .

Предводительница хора
Окутал одежд велелепный мрак
Тело, смертных превыше тел;

т-у В А1: Скал навес
Осенил, —

Никнет в пышной фате чело,
Мнится: Скорби кумир она —

Хор

105 Ф Иль гробовая тень.^х
Сердце теснит мне страх! Дерзну ли,
Дерзну ли к ней приблизиться,
Ей крылатую речь вещать?

Предводительница хора

Иду: мне Дионис сопутник.

110 Ибо гневен бог
На того, кто радений и таинств его,
ч В заповеданный круг,^ч
Непричастный войдет соглядатай.

Хор

ш Эвой! Эвой! ш

Антистрофа I

Предводительница хора

115 Внемли!
Если ты
Не мечта
И не стень,¹⁴
Речи внемли, и благосклонной
120 Ответствуй, благосклонная!

Хор

Кто ты? Зачем ты здесь? . .
ы Молчишь? . . Твой умысел^а —

Предводительница хора -

Иль демон-водитель совратил^ю тебя
От чужих алтарей в мой дом? . .
125 Ты безмолвствуешь? Округ сей,
Чужестранка, святых удел!

ф-х В АII стих входит в реплику Предводительницы хора.

ц-ч В АI: В заповедный предел

ш-ш В АII: Бог тайный — Эвий!

ы-э В АI: Молчит ли умысл твой

В АII после стиха 122, произносимого Предводительницей хора:

Хор

Свят Вакх!

^ю В АI: привели

Хор

^а Прочь удались, молю! ^а

(*Ниобея встает*)

Шествуй! . . Увы, вожатым Кера ¹⁵

Сидит на вье царственной!

¹³⁰ Безнадежный повсюду путь.

Предводительница хора

Иди, — иль приобщись в печали

^б Дионису, мать! ^в

Утешитель Страдавший и снимет печаль;

И подруга ему —

¹³⁵ Персефоны скорбящая мать. ^г

Строфа II

Ниобея

(*останавливаясь ^д посреди сцены*)

^е Увы, увы! ^ж

Хор

Новой всечасно кручины негаданной

Мойра ¹⁶ нам делит дары.

¹⁴⁰ Каждый удел приемлет

^{<140>} Свой — и своей ратоборствует силою

С ворогом лютым. Но ах! не осветится

Ночь безнадежности!

Где исцеление? Слез я молила бы,

¹⁴⁵ О Разрешитель, и легкой лилась и не сякла бы
жалобой,

Как Филомела ¹⁷ плачет

^з О чадах милых! ^и

Ниобея

Увы, увы, увы!

---

^{я-а} В АII стих входит в реплику Предводительницы хора.

^{б-в} В АI: Иди, и возлияй в печали

Дионису — отцу!

^г Далее было:

Хор

Свят Вахх!

Зачеркнув позднее эту реплику, автор не исправил нумерации строк.

^д В АII: стоя

^{е-ж} В АII: Увы, увы мне!

^{з-и} В АI: О чадах вечно при *незачеркнутом* О чад утрате! В ГБЛ:
О чад утрате!...

1-я хоретида

Дары забвенья, скорбная, лиет Лиэй.

Н и о б е я

150 Деяниям^к бесславным дар благой — забвение.

2-я хоретида

<150> Дел славных память — солнце дня, ты^л — скорби ночь.

Н и о б е я

В Аиде солнце мне взошло, потухло здесь.

3-я хоретида

Милей в ночи забыться сном, чем^м бдеть скорбя.^н

Н и о б е я

Со взором бдящим адской ночи мерюсь я.

4-я хоретида

155 И мерится с ней ночь речей из гордых уст.

Н и о б е я

Как черный ключ, оне бегут под вечный свод.

5-я хоретида

° Глушит их сонный сонм лефейских струй.^п

Н и о б е я

Не в небесах, а в преисподней —^р Правды¹⁸ трон.^с

6-я хоретида

В ее ль обитель клонишь ты незрячий путь?^т

Н и о б е я

160 Коль темен путь мой, светоч мне и посох дай.

7-я хоретида

<160> Язык твой света просит, а со тьмой дружит.

Н и о б е я

Иакхов^у светоч дай мне озарить Эреб.

^к В АІ: Делама

^л В АІ: ты ж

м-н Вписано над зачеркнутым: бденья скорбь В АІ: бденья скорбь

о-п В АІ: Вотще! Не внемлет сонный брег лефейских струй.

р-с В АІ: Дики трон

^т В АІ далее:

Н и о б е я (протягивая вперед руки)

Коль темен он, дай пламенный п посох мне

^у В АІ: Иакха

8-я хоретида

Неприобщенным не горит Иакхов свет.

Ниобея

Бакхеев ^Ф посох дай мне, да возрадуюсь.

9-я хоретида

165 Непосвященным не цветет Бакхеев ^х тирс.

Ниобея

Ты в очищеньях дай мне и в святыне часть.

10-я хоретида

Общенья с Дионисом возалкала ты?

Ниобея

И с матерью Деметрой безутешною.

11-я хоретида

Не ты ль отвергла милостный Лиэев ^ч дар?

Ниобея

170 Имен владыка многих и даров — Лиэй.

Предводительница хора

«170» Желанья сердца мне скажи, молящая.

Ниобея

Иакхов светоч и восторг страдания.^ч

Предводительница хора

Дар первый чем, ответствуй, вожделен тебе?

Ниобея

Отторгли ^ш Стикс и Кера от меня меня.

Предводительница хора

175 Чем дар другой, ответствуй, вожделен тебе?

Ниобея

Упиться жажду скорбью, воссмеяться ей.^ш

---

^Ф В А1: Бакхея

^х В А1: Бакхея

^ц В А1: Лиэя

^ч Вписывания над строкой создают вариант: Иакхов светоч тайный (смольный) и Бакхеев тирс.

^ш В А1: Отторгнул

^ш В А1 далее еще стих: Увы! увы!

6-я хоретида

Олимп — улыбка бога, слезы — род людской.

Ниобея

200 Роднит с Олимпом зависть нищий род людей.

7-я хоретида

Волна воздвиглась — поглотит свой океан.

Ниобея

200 <200> Высок лет Немезиды: мил приземным он.

8-я хоретида

Уединенных косит он вершин венцы.

Ниобея

Робки державцы, и неправ ревнивый суд.

9-я хоретида

205 С каких вершин твой клекот разбудил их гнев?

Ниобея

Ах, в тучах черных я свила свое гнездо.

10-я хоретида

Перунам в пищу ты дала своих орлят.

Ниобея

Молчи! Не мею. Камень я. Молю, молчи!

11-я хоретида

Дай слез ей, Эвий! Ужас каменит меня.

Ниобея

210 Приди мне грудь окаменить, Отчаянье!

Предводительница хора

Кто ты, ответствуй, смертным враг, бессмертным
враг?

Ниобея

210 <210> Мне корень — Тартар. В ночь и бездну бьет Зевес.

Предводительница хора

О чужестранка! Свят Лиэй: блюди уста.

Ниобея

Правдолюбив освободитель Дионис.

Предводительница хора

215 Кто ты, ее же свободить не волен бог?

Н и о б е я

Мне имя — Скорбь, дом отчий — Тартар, племя — Зевс.

Х о р

Строфа III

Дай исцеленье тебя призвавшей,
Противоборной, Необоримый, —
Ополоненной Обиды пленом,
220 Гордой неволей! Очи ей тмит
Аты ²¹ ночь.
<220> Будь мной оплакан, Зевсово семя,
В Тартаре мрачном, Тантал, содружник
Трапезы вечных, с ложа избытка
225 Дланью низринут светлых гостей
В кладезь тьмы!

Н и о б е я

О, горе, Тантал! горе, Тантал! горе нам!

Х о р

Ипорхема

Где я? где я? . .
Влаги, влаги, влажный бог!
230 Я скалой застыла острогрудой,
Прорезая черные туманы.
Их вотще вершиной рассекаю,
Высекаю луч из хлябей синих.
Ты блесни, полосни
235 Зубом молнийным мой камень, Дионис!
Млатом звучным источи
Из груди моей застылой слез ликующих ключи! ²²

Предводительница хора

Могучею, о чужестранка, Дионис
^а Дохнул мне в грудь ¹⁰ свободой, и чужою мне
240 ^я Тобой стою я, и с твоею скорбь моя
Смесилась. Но вестью вольных крыл та скорбь —
<240> Родная. Будет чудо! Близкий бог орла ^а

^{а-ю} В АII: Дохнул в меня

^{я-а} В АII вариант стихов <238>—<240>:

Тобой стою я, и смесилась с моей
Твоя печаль. Но ликованью легких крыл
Подобна скорбь. Жди чуда. Близкий бог орла

Незримого па нас пускает: когнем
Глубоким, с острой болью, исхищает он
245 Из сердца — сердце, злой предтеча див благих.
б Тогда, как лист оторванный, вскружась во мгле,^в
Себя не обретает сирая душа.
Где ей деться? г Се, личина чуждая д
е Ее укроет.^ж Ласточка, достигнута
250 Нахмурым ливнем, — так к тебе порхнула я.
Но, как Мэнада почи, ты бежишь моих
<250> Отверстых з рук, пророча мрак и призраки
Эреба выдыхая из нечистых уст,
Грозя богам и смертным, и того гоня,
255 Кого зовешь; то, каменея, каменишь
Мне грудь холодным ужасом и горьких жал
Яд гнойный кроешь безучастьем уст немых.^и

Н и о б е я

Мила ты мне. Сама я, разрешив власы,
265 В твоём восторге с пышным тирсом, некогда
Меж Исменид²³ из семивратных стен неслась.

Предводительница хора

Скажи еще: Фивянка ты? О, Дионис!

Н и о б е я

<260> В ущельях Киферона,²⁴ у Диркейских струй²⁵ —

Предводительница хора

О, сын Семелы!

Н и о б е я

— бога пляской славил,

270 И матерь бога, Кадма дочь,²⁶ без зависти,
При свете ль полдня, иль когда меж пламеней
Смолистой ели белый свет на Киферон
Льет дева с луком и колчаном тихих стрел...²⁷
О, горе, горе! Горе мне! О, горе мне!

б-в В III: Как лист, от древа, отлученный, вскружась,

г-д В III: Се, в личину чуждую

е-ж В III: Она укрылась.

з В III: Простертых

и В III далее:

Дух утиши болящий! Умири мятеж!
Откройся! Будь со мной! Стань мной! О мать,
в одном

260 Точиле бродят слезы всех, в едином все,
Творя Лиэя огнеярое вино.
Ему отверзлись. В дом отверстый входит гость.
Тебе ж одна надежда — Претворитель-бог.

В Беловом автографе эти стихи зачеркнуты.

Хор

Антистрофа III

- 275 Светочей отблеск, отгулы хоров,
Бог, упоенья твои познавшей,
В сердце востепли былым восторгом,
<270> В окаменелом! Память сї тмит
Керы тень.
280 О Ниобея, Тантала чадо!
Тмола царевна, Фивы царица!
С трепетом вещим вижу венец твой
Богонадменный! Алчет светил
к Мойры ночь.^л

Ниобея

- 285 О Ниобея, Ниобея! горе нам! . .

Предводительница хора

- Скажи, о чужестранка! — ибо смута дух
Схватила мой, и тайный ужас, а твой стон
<280> Зловещей птицей мне поет про ночь и рок: —
Еще ль меж лирозданных Ниобея стен²⁸
290 Цветет, моя царица, богоравных мать,
Глубокой славой, Амфиона трон деля?
Еще ль, как око амбросийной ночи, сонм,
Родных Плеяд²⁹ подобный хору, водит вокруг
По темной Гее и, встречая день, поет:
295 «Привет тебе, меж братий света, брат Титан! . .»

Ниобея

- Скажи: еще ли, с ложа встав, полуночный
Елей затеплит, и чрез ночь потом грядет,
<290> Как тихий страж, и движется в покои чад,
И видит светлость спящих. . . Дрогнет сон ресниц —
300 И взгляд, прямой, разверстнется: свой образ мать
Мешает с призраками, встречными душе,
Порхающей по гротам снов улыбчивых;
м Зарю полуотверстых уст,^н увлажненный
Амбросией покоя лоб — лобзанием
305 Отронет легким; и доносит лепет: «мать» —
Вздых сладкий из челна души, подмытого
Прибоем новым сонных волн, от берега
<300> Любви далече. . . Бьет в свой берег мерная
Зыбь полноты почиющей, и слышит мать
Биенье и дыханье, и над жизнью бдит,

к-л В ГБЛ: Рока ночь!

м-н В АИИ: Полуотверстых уст зарю,

° Бессонным сердцем в жарких персях спящих бдит...
 О, сердца бдящее биенье! ^п Гостья легкая, ^р
 Певунья ^с чащ пугливая, — вспорхнула ты, ^т —
 Из уст, душа, дохнувших, отлетела ты. . .
^у Приникнет мать, стучаться станет в перси чад, —
^ф Как птица, что ухитила птенцов в скале, —
 А птицелов их выкрал, — налетит, примчась, ^х
 <310> ^и О стены бьется грудью и зовет пытшей, ^ч
 Но пуст вертеп, и нем утес. . . На чадах ты
 Кричала ль: ^ш «Встрепенися! ^щ Тронься, ^ы сонное ^э
 Подвигнись, сердце, бейся!» Так зывала ли,
 Вся воля, вся надежда, вся отчаянье,
 Вся слух? Оно ж не бьется. Не дохнут уста.
 Отзыва нет. Грудь — камень. Но не камень — ты,
 И живо в трупе сердце неистомное
 Не станет, ненавистное! . .

Предводительница хора

Довольно, мать!

Повисли, хлынуть из очей полны, ручьи,
 <320> Растоплены твоих речей прямой стрелой;
^ю Но дышит ужас, <1 нрзб.> цепеня зимой

п-р В А VII: Птица чуткая

с В А VII: О гостья

о-т В А III вариант стихов <303>—<305>:

Да в жарком лопе спящих с ней бессонное
 Биешем верным сердце бдит! Пой, чуткая,
 О, гостья чащ пугливая! Вспорхнула ты —

у-х В А III двухстрочный вариант стихов <307>—<309>:

Вернется мать — стучаться в грудь: что птица, чьих
 Птенцов взял человек из недр скалы,

ф-х В А VI вариант стихов <308>—<309>:

Как птица, чьих ухиченных в скале птенцов
 Муж-птицелов похитил, палегит, примчась,

Этот же вариант в А IV, но с заменой примчась на стремглав.

ч В А IV: детей

ш-ы В А VI: Встрепенися, откликнися,

щ-э В А IV: неистомное!

ц-э В А III вариант стихов <310>—<312>:

О стены грудью бьется и зовет детей,
 Но пуст вертеп, и нем утес. . . Кричала ль ты
 Чад на груди: «Проснись, проснись, истомное!

ю-я В А VI вариант стихов <321>—<326>:

Но дышит ужас, цепеня зимой глухой
 Их бурный бег. . . Грозясь двужалой вестию,
 Ты ведущей змеей, вздыбясь, надвинулась
 Судьбой и неотвратный вяжешь взор.
 Мое смятенье мерншь неотвратностью
 Двух тайн горящих, я же взор окованный
 Вперяю, тая, тренет вся <?>. в зрачки судьбы

Их теплый бег. Смеясь двужалой вестию,
Ты ведущей змеей, грозясь, воздвигнулась,
Мое смятенье меряешь неотвратностью
Двух тайн горящих; я же взор прикованный
Вперила, тая чар огнем, в зрачки судьбы.^я
Твоею скорбью заклинаю: возвести
О свете той, чьим светом буду я светла,
^а О Ниобее! Исхожу я трепетом,^б
«330» Услышу ль, что не сякнет богоравный свет.

Ниобей

Богов бессмертных исповедуй именем.

Предводительница хора

³⁴⁰ Двусмысленно зловещих уст хуление.

Ниобей

С кем на кого б ты стала, ратоборствуя
В богобореньи?

Предводительница хора

Смертных суд — бессмертных чтить.

Ниобей

Бессмертным льстит твой суд — и смерти родствовать.

Предводительница хора

Бессмертен бог умерший.

Ниобей

Что сказала ты?^в

Предводительница хора

Я Вакха славлю. Ты же говори, хотя бы
Вестить пришла ты Танталову вечеру

---

^я Над незачеркнутой строкой вписано: Отгъять не смею, тая от зрачков

^{а-б} В АVI: О Ниобее. Ибо темный страх меня зовет
^в В АIX далее:

³⁴⁵ Есть путь чрез смерть к бессмертью?

Предводительница хора

Вакха славлю я,
Но говори, вестий — хоть при Тантала

Иль пепл Титанов! г,³⁰

Н и о б е я

Мне ль победителей
<340> Друзьям — друзей поведать поражение?

П р е д в о д и т е л ь н и ц а х о р а

Коль может слово, пусть меня союзницей
Соделает. Но не враждует Дионис
С Олимпом отчим.

Н и о б е я

Так внемли ж, и если ты
Не камень Фивский, с Ниобеей будешь ты.

Х о р

Эпод

Вот она, вот стоит — зрак горы крутой,
Чей верх облако обволокло^д грозой!
Долу приникнув,^е я, —
Я ль белолистная, я ль белоцветная,
Тополь зыбкая, яблонь весенняя,
<350> Бури дыханием
И темнооблачной вся трепещу^ж грозой...
Вейся, бел мой лист, — цвет душист, лети
В ночь грозы темнооблачной.

Н и о б е я

Страстей услышьте были Ниобеины!..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Персефона — дочь Деметры и Зевса, супруга Аида, владычица царства теней.

² Ниобейя отождествляет бога солнца Гелиоса, сына титана Гипериона и Фии, с Аполлоном, поразившим ее детей. Такое отождествление началось со времен Еврипида. В устах Ниобейи оно имеет анахронистический оттенок, несомненно учитываемый автором, поскольку анахронизм присущ античной трагедии.

г В AVIII далее набросок шести стихов (после пробела):

Судьбами всеми стонет твой <1 нрзб.> стон
Мне, безродной в боге, чада ль вспоминать
Закликаны в Эреб Сиреной птицею,
И стольких смертных участь общая чад, и матерей
Страдальных жертва. Но зажги маяк
В моей ночи. Твой о себе ль единой плач?

д В ГБЛ и в АИХ: заволокло

е В ГБЛ и в АИХ: приникла

ж В ГБЛ: трепеща

³ Тмол — название горной цепи в Лидии (Малая Азия), отрогом которой является Сипил, а также имя местного бога, который считается отцом Гантала, дая города Сипила. Вяч. Иванов в «Гантале» и «Ниобее» исходил из другой версии, согласно которой Гантал — сын Зевса. Существует также предание о том, что на горе Тмол родился Зевс *ὕετιος* — «принеситель дождя». Мотив облака и дождя в публикуемом отрывке сопутствует имени Зевса.

⁴ Пан — бог лесов и пастбищ, покровитель стад, обладающий даром прорицания. Сопровождаемый нимфами, он входит в свиту Диониса. Атрибутом Пана является свирель, им изобретенная.

⁵ Реминисценция из совета Микельанжело Буонаротти «Ночь»: «Мне сладко спать, а пуще — камнем быть...».

⁶ Эта ремарка имела для автора принципиальное значение: она переносит происходящее в трагедии на сцену, указывает на условно-театральный характер мистерии, которая не подражает действительности, ибо обращена к вечному. В период расцвета античной трагедии жертвенник Диониса (др.-греч. *φίμηλα*), находившийся посреди оркестры, утратил живое культовое значение. Вокруг него уже не исполнялись песни и пляски в честь Диониса. Жертвенник не обыгрывался и во время представления. Вяч. Иванов ратовал за воскрешение «Театра Диониса» и призывал те времена, когда Россия покроеется хороводами, «оркестрами и фимелами» (*Иванов Вяч. По звездам. СПб., 1909, с. 246*).

⁷ Разные имена и эпитеты Диониса — Вахх, Бакхей, Бромий («шумный»), Лэйи («освобождающий»), Иакх, бог-Дифирамб — указывают на разные ипостаси бога, свидетельствующие о его всепроникающем присутствии в жизни человека и природы.

⁸ В указателе к трагедии «Прометей» (Пб., 1919) Вяч. Иванов писал: «Тирс — ствол с листвою, служащий кошем и посохом в руках истуканных жриц и поклонников Диониса» (с. 81).

⁹ В молитви Предводительницы хора использован стих Псалтыри (50, 12): «Сердце чисто созижди во мне, боже...».

¹⁰ Кибела — фригийская богиня, мать богов, дарующая возрождение умершей природе. Ее культ, распространившийся из Малой Азии, имел выраженный оргийный характер, что связывало его с культом Диониса. На этой почве возникали совместные святилища Пана и Кибелы.

¹¹ Корибанты — жрецы Кибелы. Вяч. Иванов утверждал, что современным духовным исканиям ближе Малая Азия Гераклита, чем Афины Перикла, и говорил о потребности воскрешать не эллинскую «пластику и меру», но корибантизм азийских флейт и музыку трагических хоров» (*Иванов Вяч. По звездам, с. 240*).

¹² Вакхический возглас.

¹³ Ниса — название лесной долины, где молодой Дионис воспитывался нимфами.

¹⁴ Стень (др.-русск.) — тень, видение.

¹⁵ Керы — дочери Никты (Ночи), злые демоны, несущие своим жертвам тяжкие страдания и страшную гибель.

¹⁶ Мойры — дочери Зевса и Фемиды, богини человеческой судьбы.

¹⁷ Филомела — дочь афинского царя Пандиона и Зевксиппы, превращенная в соловья (по другим преданиям — в ласточку).

¹⁸ Дике (Правда) — богиня справедливости.

¹⁹ Агава — дочь Кадма. Ее сын Пенфей, наследник Кадма в Фивах, препятствовал женщинам поклоняться Дионису. Агава и ее сестры, находясь в исступлении, приняли Пенфея за дикого зверя и растерзали.

²⁰ Титан Атлант, брат Прометей, был родителем Гесперид, Писяд и Гиад. К последним принадлежала мать Ниобеи — Диона.

²¹ Ата — богиня духовного ослепления, ведущего к гибели.

²² Стихи <227>—<235> (без стиха <230>) были включены Вяч. Ивановым с небольшими изменениями в стихотворение «Менада» (1906), ставшее широко известным среди символистов и в их окружении.

²³ Овидий, излагая историю Ниобеи, назвал жительниц Фив исменидами по имени протекавшей через город реки Исмен (см.: Ovid., *Metam.*, VI, 159).

²⁴ Киферон — гора близ Фив.

²⁵ Ручей Дирке брал начало из одноименного источника на склонах Киферона. Их водами пользовались при вакхических посвящениях.

²⁶ Имеется в виду Семела, мать Диониса, дочь основателя Фив Кадма.

²⁷ Имеется в виду богиня Артемида, стрелы которой могли приносить внезапную смерть, особенно женщинам. Богиней луны она стала восприниматься тогда, когда ее брат Аполлон стал богом солнца.

²⁸ Фивы, построенные Кадмом, царь Амфион окружил стенами. При их постройке камни под действием искусной игры Амфиона на лире сами укладывались на место.

²⁹ См. примечание 20.

³⁰ Предводительница хора называет две темы, которые в мифологеме Вяч. Иванова, развертываемой в трилогии, были определяющими. Первая — богоборческая — тема представлена в «Тантале». Вторая — богостроительская — получила развитие в «Прометее». За двумя словами «пепл Титанов» стоит целая мистическая концепция мировой истории. По древнеорфическому преданию, вошедшему в учение Вяч. Иванова о дионисизме, Титаны, пожравшие младенца Диониса-Загрея, были испелены Зевсом (или жаром иноприродной плоти Диониса). При сотворении людей из земли, покрытой пеплом, в их состав вошло дионисийское начало. По сути дела, все единство трилогии и могло держаться на этих двух, связанных между собой темах-идеях.

И. М. КАСАТКИН

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(К ИСТОРИИ ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С М. ГОРЬКИМ)

Публикация В. И. Протченко

В 1930-е годы Институтом русской литературы в серии «Литературный архив» под редакцией известных советских горьковедов С. Д. Балухатого и В. А. Десницкого были подготовлены к печати три тома издания «М. Горький. Материалы и исследования». В последнем, третьем томе редакцией предполагалась и публикация всех известных писем М. Горького к Ивану Михайловичу Касаткину (1880—1938), хранившихся в личном архиве последнего.¹ Завязавшейся в этой связи перепиской редакции третьего «Горьковского сборника» с И. Касаткиным и объясняется поступление его писем и ряда автобиографических материалов в Пушкинский Дом, на имя С. Д. Балухатого.²

Материалы эти представлены двумя, в известной мере дополняющими друг друга, автобиографическими заметками писателя, библиографией его произведений и литературы о них (то и другое доведено до середины 30-х годов) и краткой заметкой И. Касаткина по поводу некоторых литературно-критических статей, посвященных его творчеству.

Наряду с этим в архиве С. Д. Балухатого имеются ко всем готовившимся к публикации письмам М. Горького комментарии И. Касаткина, посвященные в основе своей также автобиографический характер. В комментариях раскрываются обстоятельства получения И. Касаткиным горьковских писем, в ряде случаев поясняются содержащиеся в этих письмах мысли, вносятся подробности, касающиеся взаимоотношений их автора с младшим современником, высказываний о его творчестве и об общественной жизни России, советов относительно поисков молодым писателем своего места в сложной литературной обстановке начала века.

¹ Письма М. Горького к И. Касаткину хранились в ИРЛИ до 1949 г., когда они вместе с другими материалами горьковского фонда были переданы в архив Института мировой литературы.

² В настоящее время эти материалы и письма Касаткина к С. Д. Балухатому хранятся в ИРЛИ (ф. 25, № 266).

В своих автобиографических заметках И. Касаткин также с особым чувством признательности и сознанием огромной важности для себя дружбы с великим писателем не упускает случая указать на исключительную роль Горького в формировании идейно-творческой направленности его таланта и просто в получении необходимых для серьезного литератора знаний. Характерно в этом отношении, в частности, следующее признание И. Касаткина. «... на протяжении более четверти века, — отмечает он во второй автобиографической заметке, — Горький был, можно сказать, единственным моим учителем в писательском деле. В глухие годы реакции после 1905 года, когда места моего жительства, чаще вынужденного, были довольно удалены от умственных центров, откуда-нибудь с лесопилки, из дикого лесничества, я всегда и отовсюду имел возможность письменно беседовать с Горьким. И никакие книги, никакие образцы художественного слова, быть может, не помогли мне, шедшему в литературу ощупью, столь много и удивительно толково, как помогли эти частые письма в светло-серых конвертах, письма М. Горького из далекой Италии».

По собственному признанию И. Касаткина, за долгие годы переписки, длившейся с 1908 по 1934 г., им получено от М. Горького не менее 70 писем.³ Непросто назвать имя другого советского писателя, творческие и просто человеческие взаимоотношения с которым оставили бы столь же значительный след в эпистолярном наследии М. Горького.

Это неустанное участие основоположника пролетарской литературы в творческой судьбе И. Касаткина — не только яркое проявление горьковского отношения к молодым авторам. Глубоко заинтересованное внимание М. Горького к талантливому выходцу из той части крестьянства, которая подвергалась особенно разорительным ударам капитализма, в нарастающей степени пополняя ряды российского пролетариата и его союзников, следует объяснить не только мотивами, так сказать, профессионально-наставнического характера, но в значительной мере причинами, проистекавшими из горьковского понимания задач новой литературы в условиях настоятельной необходимости революционного преобразования всех основ русской жизни.

С этой основополагающей точки зрения на общем фоне творчества писателей-современников предоктябрьского десятилетия касаткинское изображение русской деревни несомненно заслуживало особого внимания.

Уже на основании первых рассказов И. Касаткина, посланных им в виде газетных вырезок на Капри,⁴ а впоследствии высланных в рукописных вариантах, М. Горький, пожалуй, мог впервые почувствовать заметную близость позиции молодого автора к собственной его концепции деревни — в сравнении не только с писателями старшего поколения

---

³ Сохранилось, однако, лишь 36 писем М. Горького к И. Касаткину. Судьба остальных до настоящего времени остается неизвестной.

⁴ И. Касаткин выслал М. Горькому в 1908 г. ряд рассказов, опубликованных в нижегородской газете «Судоходец». Среди них были, в частности, рассказы «Нянька» (Судоходец, 1908, 3 и 6 января), положительно оцененный М. Горьким уже в первом письме, адресованном автору его весной 1908 г. (см.: Новый мир, 1937, кн. 6, с. 14), а также «На барках» («Путь») (Судоходец, 1907, 8 и 11 ноября).

(Л. Толстой, Г. Успенский, А. Чехов, П. Засодимский), но и с младшими современниками (С. Гусев-Оренбургский, И. Бунин, Вяч. Шишков). В этом отношении занять место рядом с И. Касаткиным в отмеченное десятилетие могли весьма немногие (С. Подъячев, А. Неверов, И. Вольпов).

Отметим, что рассказы И. Касаткина в ряду произведений даже близких ему «писателей из парода» заметно выделялись творческой самобытностью их автора. Еще более существенным было обнаруженное уже в первых рассказах И. Касаткина отличие его взгляда на деревню от взглядов авторитетного наставника — М. Горького.

При всей общности верного понимания возрастающего влияния на жизнь деревни после 1905 г. передовых политических идей и роста в ней сознательных сил революционного протеста учителя и ученика изначально разделяли принципиальное различие в подходе к социальной сути труженника-земледедца — к проблеме «власти земли». Уже в первом письме к И. Касаткину (весна 1908 г.) М. Горький настоятельно рекомендует молодому писателю «написать ряд небольших рассказов или очерков на тему о том, чем живет, что думает деревня наших дней, какие знаки оставило в душе ее недавнее прошлое».⁵ Собственный взгляд на то, что оставило в душе деревни «недавнее прошлое» — события 1905 г., М. Горький, как известно, выразил в эти годы в своем наиболее значительном и действительно революционном произведении о деревне — в повести «Лето» (1909). Для Горького наиболее косной силой, враждебной не только революции, но и каким-либо светлым проявлениям человеческой души крестьянина выступает «власть земли». «Обняла <...> земля человека черными лапами своими и выжимает из него живую свободную душу, — приходит к выводу герой-рассказчик, — и вот видим мы перед собою жадного раба...».⁶

Под знаком категорического неприятия «власти земли» следует, в частности, рассматривать и предложение М. Горького в письме И. Касаткину от 25 октября 1912 г. написать очерк, тема которого — «противопоставление города и деревни».⁷

⁵ Новый мир, 1937, кн. 6, с. 14.

⁶ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1959, т. 8, с. 384.

⁷ Новый мир, 1937, кн. 6, с. 15. В этих суждениях М. Горького есть своя логика. Ведь уже в его ранней статье «Власть тьмы» мы встречаем мысль о том, что «деревенская жизнь не может же создавать характеры добрые и ясные, раз она вся до малейшего движения — борьба за существование, за кусок хлеба» (Горький М. Собр. соч., т. 23, с. 105). Характерно, что в последующих высказываниях писателя о деревне эта мысль получает дальнейшее развитие и уточнение. В конечном счете, по Горькому, ущербность характера и социальной психологии труженника земли обусловлена все же не только и не столько «борьбой за существование, за кусок хлеба». В 1908 г., к которому относится начало его переписки с И. Касаткиным, М. Горький в письме к К. П. Пятницкому делится замыслом задуманной «Истории Кузнецких»: «Эта деревня с ее охотниками, артистами, изобретателями, лавочниками, святыми и кликушами, мечтателями и дельцами. В рамки этой истории я вложу все, что знаю о деревне, все, о чем догадываюсь и что могу выдумать, не нарушая внутренней правды. Беру все это с внутренней стороны как процесс культуры и освещаю на протяжении лет 50-ти» (Горький М. Собр. соч., т. 29, с. 68). Таким образом, М. Горького совершенно нельзя упрекнуть, будто он не признавал за деревней и ее представителями позитивных начал в социальном прогрессе

По автобиографическим заметкам можно судить, с какой благодарностью и восторгом Касаткин, прошедший уже до знакомства с Горьким суровую школу жизни и классово-борьбы, воспринимал революционный пафос произведений писателя-буревестника. Заметки И. Касаткина убедительно свидетельствуют о том, что не только признание М. Горького высшим авторитетом в литературе того времени; но и внутреннее восприятие его как идейного единомышленника побуждают молодого автора отправить ему на суд свои первые литературные опыты. С самого начала личные и творческие взаимоотношения с М. Горьким сложились для начинающего писателя, «шедшего в литературу ощупью», удивительно плодотворно и счастливо. М. Горький становится не только незаменимым советчиком и тактичным наставником Касаткина-писателя, но и большим другом, неоднократно избавляя своего подопечного от необходимости изнурительной борьбы за кусок хлеба для голодающей семьи и тем самым предоставляя ему возможность для занятий литературой. Ряд равных произведений И. Касаткина увидел свет исключительно благодаря помощи М. Горького — в издательстве «Знание».

Уже в этих произведениях мы обнаруживаем значительный художественный материал для размышлений о соотношении взглядов двух писателей на деревню. Отмеченные самым непосредственным участием в их творческой судьбе М. Горького, эти рассказы вместе с тем довольно отчетливо отражают самостоятельную литературную и общественную позицию их автора, и в частности его интерпретацию проблемы «власти земли». Сошлемся хотя бы на первые три рассказа И. Касаткина, последовательно выходившие в издательстве «Знание»: «В уезде» («Осенний ветер») (сборник XXVII, 1909), «С докукой» (сборник XXX, 1910), «Село Миккульское» (сборник XXXVII, 1911).

В рассказе «В уезде» мы видим мужика из глубинной деревенской глуши, не считающегося ни с какими усилиями ради осуществления своего настойчивого желания получить книгу «насчет умственного», «насчет того, как вот земля-то округ солнца ходит».⁸

общества. Однако при этом нельзя не согласиться с В. Скобелевым, заметившим, что в этой деревне «есть все, кроме сельскохозяйственного труда и самого земледельца, оказывающегося у Горького вне „процесса культуры“ деревни» (Скобелев В. Спор М. Горького и К. Федина о мужике в 20-е годы. — Русская литература, 1969, № 1, с. 20). Добавим, что и в повести «Лето», как и в «Моих университетах», многие страницы которых посвящены изображению деревни, мы не встретим ни фигуры земледельца в его повседневной жизни, ни занимающих его проблем труда и быта. И в то же время, например, в повести «Лето» автор уделяет достаточно внимания, в том числе в положительном плане, такой мрачной фигуре, как стражник Семен. Это несколько необычно для содержания революционного произведения обстоятельство получает свое разъяснение, как только мы обратимся к общей горьковской концепции деревни. Согласно ей, этот персонаж обладает чертами явного превосходства над крестьянином, приверженным к земле: в прошлом Семен служил в армии, затем в карательных отрядах, он давно «выломился» из крестьянского мира и таким образом порвал с трудовыми и нравственными идеалами «власти земли».

⁸ Касаткин Ив. Избранные рассказы. М., 1957, с. 114, 115. В этом же ряду стоит другой крестьянский персонаж И. Касаткина, ищущий на ярмарке народный календарь «про науку» (рассказ «Торг», 1911).

Такой тип мужика, собственно, уже был знаком русской литературе, беря свое начало в известной мере в образе Иваца Ермолаевича из очерков Г. Успенского. Однако следующим шагом от мужика Г. Успенского, равно как и от горьковского понимания психологии труженика земли, является образ крестьянина-правдонскателя в рассказе «С доукой». Признавая необходимость переустройства «дедовского», дядя Митраш прищипывает разумность такого переустройства лишь при условии, если оно будет осуществлено достойным образом, с сохранением всего ценного, что выработано в вековом опыте народа («Ну, только и без дедовского пудно. Надо штоб... и взамену штоб...».⁹

Дядю Митраша в поисках взыскуемой им правды «заносят» побудительные мотивы заметно иного порядка, чем социальные побуждения предыдущих крестьянских правдонскателей в русской литературе. «Многих после пятого года этак-то заносит»,¹⁰ — замечает кузнец в адрес своего собеседника. Герой И. Касаткина проявляет интерес к книгам уже более определенного характера, все заметнее направляя свои поиски в сторону социально-классовых истин. Вдумываясь в содержание картинки в календаре, изображающей — в соответствии с численным соотношением сословий — огромного мужика и крошечную фигуру дворянина, дядя Митраш замечает: «Ежели за ум взятыся, всю Расию перекроить можно. Которого сословия больше — тому и правёж в руки».¹¹

Г. Успенский в свое время приходил к выводу о том, что самостоятельный, творческий труд крестьянина на земле является едва ли не единственным источником нравственного здоровья и физической красоты труженика. И. Касаткин идет здесь принципиально дальше Г. Успенского (одновременно все более заметно расходясь и со своим учителем). По убеждению И. Касаткина, деятельность земледельца, совершенствуя и закаляя его как творца, одновременно настоятельно понуждает неустанно изыскивать все новые средства и усилия для преодоления неблагоприятных условий труда не только в природном, но и в социальном отношении. «Где это видано, чтоб мужик устал? — заявляет, например, в рассказе кузнец Суслов. — Ему, лешему, дай волю да ход, он в самую середку земли вроеся».¹²

Третий из отмеченных нами рассказов — «Село Микульское» — наиболее значительное произведение, отражающее размышления писателя о настоящем и будущем крестьянства, о его социальной роли в истории страны. По некоторым сценам и сюжетным линиям рассказ заметно перекликается с горьковским «Летом»: те же картины безрадостной деревенской действительности, та же ситуация появления в селе революционных агитаторов, вокруг которых собираются мужики. Однако эти произведения различаются по признакам более существенного, концептуального характера. Касаткину неприемлем взгляд на крестьянина после 1905 г. как на ограниченного приверженца «власти земли», чуждого социальному зову эпохи.

---

⁹ *Касаткин Ив.* Избранные рассказы, с. 123.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 137.

¹² Там же, с. 126.

Доставленный в село под надзор полиции Григорий Куманьков на свои слова о заслугах и жертвах революционного города в 1905 г. вдруг слышит упрек, проникнутый болью и заботой об общем деле: «Что ни есть заглавную статью забыли ваши-то, коль хошь знать! Мужика-то и в зачет не поставили! Хе-хе-е... Жила тонка, надорвались без него, в нос вам помазать. А и мужик в одиночку немало кишек в те дни порвал! <...> Там — по-своему, по-городскому, значиг, а деревня закрутила по-своему».¹³

И хотя в рассказе И. Касаткина, как и в повести «Лето», силы реакции по-прежнему творят расправу над представителями активной части деревни, в сознании читателя остаются слова неукротимого «безлошадника» Гришки Шитика: «Мужик докучает, во все дыры мужик торкается, продухов ищет».¹⁴

Для И. Касаткина широкое участие обездоленной армии земледельческого труда в общем освободительном движении народных масс — это залог победы будущей революции.

Сколько-либо обстоятельного исследования о жизни и творчестве И. Касаткина не существует. Созданию такого исследования о яркой личности и самобытном таланте писателя, друге М. Горького, думается, может способствовать публикация приводимых ниже текстов его автобиографических заметок и подготовленного им библиографического материала о своем творчестве.

Тексты автобиографической заметки от 22 сентября 1936 г. и библиографических материалов публикуются по машинописи. Подпись — автограф. Текст автобиографической заметки от 24 сентября 1936 г. публикуется по машинописи с авторской правкой и вставками.

1

Касаткин Иван Михайлович. Член ВКП(б) с 1902 года.

Родился в 1880 году, 5 апреля, в дер. Барановице, Костромской губернии.

НЕКОТОРЫЕ ДАТЫ

1880 г. — родился в семье безземельных крестьян. Еще в детстве деревню покинул; в городах родители почти до смерти были нищими. В школах не учился я, грамоту постиг самоучкой и с 8 лет проходил разные «ученья» у кустарей и на пароходах при машинах.

1897 г. — поступил на Сормовский завод слесарем и через два года в Питере работал на Путиловском, затем на электростанции, где начал учиться в подпольных кружках и сошелся с партизанами. 1901 г. — участвовал в демонстрации у Казанского собора. Хранил склад подпольной литературы. На электростанции руководил забастовкой.

¹³ Там же, с. 77.

¹⁴ Там же, с. 79.

1902 г. — вступил в соц.-демократическую организацию и в 1903 г. примкнул к фракции большевиков. Держал связь с заводами. Писал тексты вышедших в Питере прокламаций — первая проза.

1904 г. — в Н.-Новгороде, в квартире Г. Ф. Ягоды, провалился с подпольной типографией и сидел там в тюрьме до 1905 года.¹ Затем участвовал в революции, в боевых дружинах, в боях с реакцией.

1907 и 1912 гг. — дважды был в тюрьме и дважды выслан в глушь, под надзор, где не раз подвергался обыскам и переселениям.

.. В тюрьме и ссылке, начиная с 1904 года, начал писать художественную прозу и начал печататься. М. Горький с Капри пригласил меня участвовать в сборниках «Знание», где я долго и печатал свои вещи; рукописи посылал Горькому, с которым вел переписку всегда.

1916—1918 гг. — Горький послал меня на Западный фронт, во главе отряда по собиранию детей беженцев. На фронте я встретил Октябрьскую революцию. Весной 1918 г. в Москве был инспектором Госконтроля, заведующим издательством ВЦИК и работал в архивах ВЧК. В 1919 г. вместе с В. Воровским организовал Госиздат и был членом редколлегии.

1920 г. — отправился в качестве заместителя особоуполномоченного ВЦИК на фронты, по Северному Кавказу, в Азербайджан, в Дагестан, где были ликвидированы многие банды. Там состоял уполномоченным Реввоенсовета Трудармии. Во время вылазки Врангеля из Крыма я был начальником полевого отделения на Кавфронте.

1923 по 1929 г. — был заведующим литературно-художественным отделом ГИЗа, редактировал журнал «Красная нива», был председателем Всероссийского Союза писателей, председателем Редакционно-художественной коллегии ЛИТО, Председателем литературной секции ГУСа,² при «Известиях» участвовал в организации журнала «Новый мир», и проч.

1932 г. — был ответственным редактором журнала «Земля Советская».

Мое писательство, как видно, очень часто терпело очень длительные перерывы в пользу многих иных дел, связанных с подпольной работой, а в наше время — с работами и должностями, иногда также далекими от писательства. Таким образом, более двух третей всего мною написанного падает на время до Октябрьской революции, причем почти все написанные за этот срок вещи делались или в тюремной одиночке или в тихих местах ссылки.

Москва.

22 сентября 1936 г.

Ив. Касаткин.

Мой писательский путь имеет мало характерных черт для писателя. Этот путь мой в разные времена разными обстоятельствами иногда очень надолго прерывался. Да и вступил я на этот путь довольно поздно и двигался по нему медленно, с остановками, с заскоками в стороны, с хватанием на ходу необходимых знаний, что, вероятно, присуще было всем так называемым самоучкам в прежние времена.

Рожденный в 1880 году, я лет до 14-ти пребывал почти неграмотным. Крайняя бедность родителей, постоянные их метания по городам в поисках заработка, пребывание мое с ранних лет в разных заведениях «мальчишкой» и «в учении» — разных кустарей — тому причина.

Лишь на Сормовском заводе, будучи молодым рабочим-слесарем, я с большим прилежанием схватился за книжку. Разные попадались книжки, часто лубочная и иная дребедень, но я тогда еще плохо разбирался, да и читал не бойко.

В дальнейшем, уже в Петербурге, всячески ликвидируя свою малограмотность в одиночку и в рабочих подпольных кружках, я понемногу стал приобретать вкус к хорошей книге и взялся за самообучение серьезно. С 1900 г<ода> я уже писал стихи «на гражданские мотивы», а с 1902 г<ода>, вступив в партию, не раз пробовал перо свое на писании подпольных прокламаций, — первая моя проза.

В те годы молодо и неожиданно прошумело имя Максима Горького. Первый его томик для меня был чем-то вроде святцев, и я носился с ним по рабочим квартирам как с драгоценной находкой. В рабочих кружках Горького мы читали с огромным, незабываемым увлечением и приветствовали его рассказы как живейший отклик на многие наши думы и помыслы.

Стихи свои я скоро забросил, как «нестоящее дело». Уйдя в подпольную работу, я не оставлял мысли при первой возможности попробовать себя в рассказах. Эта возможность представилась лишь в 1904 году, в Н.-Новгороде, когда я надолго очутился в одиночной камере тюрьмы, арестованный на работе в подпольной типографии, в квартире Г. Ф. Ягоды.

Вот тут, в нижегородской тюрьме, «на досуге» и родились первые мои произведения. Написались бы тут и последующие, но пришла революция 1905 года, освободила меня из тюрьмы и снова бросила в кипучую «практику» жизни. Писания мои прекратились вплоть до 1908 года, когда глухая реакция окончательно уже придушила революцию. Тут, вперемежку между тюрьмой и высылками, вновь стал предоставляться «досуг» для писательства.

Оживление революционного движения в 1912 году ознаменовалось для меня опять тюремной высылкой, а затем высылкой в тихие места,³ на лесной Керженец,⁴ где удалось поработать немало. Но настичная война 1914 года как-то сразу и надолго вы-

била перо из рук. А затем, следом за Октябрьской революцией, тоже пошли годы, в которые никак невозможно было сесть за писательский стол.

Оглядываясь назад, видишь, что почти две трети всего, мною донныне написанного, есть главным образом плод «бездельных» лет реакции, и лишь оставшая треть сделана за все остальные годы, в которые случались все-таки промежутки, хотя бы и с наскоку, взяться на некоторое время за перо. Из такой прерывистой писательской практики моей можно бы вывести заключение, что так называемое творчество «давалось» мне лишь тогда, когда я длительно был свободен исключительно для этого дела.

Большую, быть может решающую, роль в моих писательских шагах сыграл М. Горький. В 1907 году из костромской глуши лесной послал я ему на Капри те первые мои рассказы, которые написаны были перед 1905 годом в нижегородской тюрьме. С этого времени сразу я и стал печататься в сборниках «Знание» и во всех тех столичных журналах, которые рекомендовал Горький.

С того времени и на протяжении более четверти века Горький был, можно сказать, единственным моим учителем в писательском деле. В глухие годы реакции после 1905 года, когда места моего жительства, чаще вынужденного, были довольно удалены от умственных центров, откуда-нибудь с лесопилки, из дикого лесничества, я всегда и отовсюду имел возможность письменно беседовать с Горьким. И никакие книги, никакие образцы художественного слова, быть может, не помогли мне, шедшему в литературу ощупью, столь много и удивительно толково, как помогли эти частые письма в светло-серых конвертах, письма М. Горького из далекой Италии.

Наша литературная молодежь ныне растет и развивается в несравнимо благоприятных, совершенно иных условиях. Мыслимо ли было нам в свое время даже мечтать о таком массовом движении к высотам художественного слова. Литературные кружки, творческие группировки, дискуссии, съезды, помощь партии, правительства, товарищеская всякая поддержка и дружба, доступность поездов по стране. . .

Мы в свое время росли затерянными одиночками. Буржуазные писатели относились к нам свысока и враждебно. Буржуазная критика неуклонно искажала наше творческое лицо, встречала нас в штыки, а уж о цензуре и говорить нечего.

Личного живого общения с писателями у меня не было, потому что я слишком долгое время жил и работал в глуши, в местах высылки. Лишь в начале империалистической войны, приехав в Москву для издания первой своей книги,⁵ я впервые встретился с М. Горьким, только что приехавшим тогда из Италии. Последующие встречи в Москве с Ив. Буниным, Евг. Чириковым, Ив. Шмелевым и прочими не дали мне ничего, кроме некоторых грустных размышлений. А когда многие из них в военном чаду яростно забарабанили в патриотические барабаны, встречи с ними

оказались и совсем неинтересными. Лишь в наше советское время удалось мне вплотную войти в литературную среду.

Годы царской войны, годы революции и гражданской войны дали мне много живых, замечательных материалов. Но по какой-то, видимо, врожденной моей особенности или склонности — делать всегда что-либо одно — не удалось мне за эти же годы попутно и более действенно заняться и писательством, чтоб так или иначе запечатлеть пережитое.

То, что мною сделано доньше, я считаю лишь пробой пера.

В гражданскую войну я работал на фронтах в ряде ответственных должностей. До фронтовой работы, еще в 1918 году, заведовал первым советским издательством ВЦИК. После, совместно с В. Воровским, реорганизовывал это издательство в Госиздат и был там членом первой редколлегии. Принимал участие в налаживании полиграфии, в сплочении писателей вокруг Госиздата. Командировался А. В. Луначарским в Крым, для привлечения осевших там после Врангеля писателей Волошина, Сергеева-Ценского, Шмелова, Трещева и других на нашу сторону. После длительно и тяжело болел.

С 1923 года был членом многих редколлегий, председательствовал в художественной секции ГУСа, заведовал отделом художественной литературы Госиздата, был председателем Всероссийского Союза писателей, редактировал журналы «Красная нива» и «Земля Советская».

За годы редакционной работы я имел широкое общение с писательским миром. На моих глазах выросли многие талантливые писатели. Не взирая на юный свой возраст, художественная литература стоит у нас на крепких ногах и уже имеет успехи на путях великой переделки мира. Молодое поколение писателей входит в литературу, овеянное свежими ветрами и шумом и громом невиданного строительства. Молодое поколение идет в литературу прямыми дорогами, идет непосредственно из жизни, без проклятого наследия упадочного слововорчения и пустозвонства, густо царившего в литературе в предреволюционное десятилетие.

Своей задачей я ставлю написать большую автобиографическую повесть, охватывающую и старые и новые времена, настойчиво завещанную М. Горьким в его последнем письме ко мне. Материалы давно уже просятся на бумагу и требуют соответствующих условий для работы.

Ив. Касаткин.

24 сентября 1936 г.

Многие письма М. Горького ко мне, к великому сожалению, отчасти затеряны, отчасти в разные времена забраны жандармами и полицией при обысках.

Ив. К.

КАСАТКИН Иван Михайлович. Прозаик. Родился 5 апреля 1880 г.

Книги: 1) Собрание сочинений в 3-х томах. Изд. ЗИФ, М., 1928. Том I. Мужики. 208 стр.; Том II. Волчья песня. 224 стр.; Том III. Кузькина мать. 176 стр.

Отдельные книги: 1) Лесная быль. Рассказы. Изд. «Книгоиздатсельство» писателсеі в Москве», 1916; 2-е изд. Изд-во ВЦИК, 1919; 3-е изд. Госиздат, 1923; 4-е изд. Моск. тов. писателей, 1927; 2) Петрупыкина жизнь. Госиздат, 1920; 3) Путь-дорога. Госиздат, 1920; 4) На барках. Госиздат, 1920; 5) Старое. Госиздат, 1920; 6) Тяпа. Сказка в стихах. Госиздат, 1923; 2-е изд. Л., Госиздат, 1924; 7) Деревенские рассказы. М.—Л., Госиздат, 1925, 238 стр; 8) Тюли-люли. Изд. журн. «Прожектор», М. (первоначально печаталась в «Кр. новн», 1923, кн. 4); 9) Село Миккульское. М., изд. «Недра», 1925; 10) Старинушка. Рассказы. М., Изд. «Крестьянской» газеты», 1925; 11) На барках. Рассказы. Изд. ЗИФ, 1929.

См. еще рассказы и повести в ряде сборников «Знание» («Северные записки», «Современник», «Новое слово», «Свободный журнал для всех», изд-во «Жертвы войны»), в журналах: «Просвещение», «Заветы», «Северные записки», «Современник», «Новое слово», «Свободный журнал для всех», изд-во «Круг», «Красная новь», «Красная нива», «Красноармеец», «Прожектор», «Крестьянский журнал», «Правда», «Беднота», «Новый мир» и пр.

Критика: Л. Клейнборт. Беллетристы-самоучки. М., «Современный мир», 1916; Он же: Очерки народной литературы. Л., «Сеятель», 1924; Г. Устипов. Иван Касаткин. «Прожектор», 1924, кн. 11; Свободов Л. Ив. Касаткин. «Нижегородская коммуна», 1926, № 5; А. Дивильковский. На трудном переломе (о крестьянских писателях). «Новый мир», 1926, № 7; В. Евгеньев-Максимов. Очерки новейшей русской литературы. Л., Изд. 3-е, 1927; А. Ревякин. И. М. Касаткин. «Крестьянский журнал», 1927, № 8; И. Кубиков. Литературные очерки. М., Изд. «Федерация», 1929; И. Кубиков. Предисловие к собранию сочинений Ив. Касаткина. М.—Л., ЗИФ, 1928; Г. Федосеев. Художник деревни Ив. Касаткин. «Красная новь», 1929, кн. 19; Г. Федосеев. Иван Касаткин. «Земля Советская», 1932, № 9; Кл. Рыжиков. Тайна оптимизма. (О рассказах Ив. Касаткина). «Молодая гвардия», 1934, кн. 3; письма Горького и пр.

Рецензии: О книге «Лесная быль»: «Книга и профсоюз», 1927, № 5; А. Ревякин. «Известия», 1927, 15 апреля; «Беднота», 1927, 4 июня; «Известия», 1927, № 132; П. Смирнов «Красная новь», 1927, кн. 4; «На вахте», 1927, № XXIII; «Новый мир»,

1927, № VII; Н. Замошкин. О книге «В уезде»: «Беднота», 1926, 16 мая; О книге «Волчья песня»: «Красная новь», 1928, VI; Н. Богословский. О книге «Кузькина мать»: «Красная новь» 1923, VIII; Сем. Розенталь. О собрании сочинений (тт. I—III): «Красная новь», 1929, XI; «Антирелигиозник», 1929, V; «Рабочий край», 1929, № 95; там же, 1927, IV; Библиографический бюллетень культуркомиссии ЛОСПС,⁶ 1929, VII; Реком^{ен}дательный бюллетень ГПП,⁷ 1929, VI—VII; «Красная нива», 1929, XI; О книге «Мужики»: Реком^{ен}дательный бюллетень ГПП, 1929, XVII; «Бакинский рабочий», 1929, № 78; «Рабочий край», 1929, № 95; Реком^{ен}дательный бюллетень МГСПС.⁸ О книге «На барках»: «Рабочая газета», 1929, № 127; «Рабочий путь», 1929, № 133 <. . .>; «На досуге», 1929, X—XI; «Коммунистический путь», 1929, X; и пр.

Автобиография и биография: Л. Клейнборт. Очерки народной литературы. Л., изд. «Сеятель», 1924; Е. Ф. Никитина. Русская литература от символизма до наших дней. М., изд. «Никитинские» субботники», 1926; Вл. Лидин. Современные писатели. М., 1928 и 1930 (два издания); Ив. Белоусов. Литературная Москва. Изд. МТП; Он же. Литературная среда. М., 1928; Антология крестьянской литературы. ГИХЛ, 1931; И. Кубиков. Очерк литературы. М., 1927; Малая советская энциклопедия; Литературная энциклопедия, том V; И. В. Владиславлев. Литература великого десятилетия. Том I (1917—1927). М., ГИЗ, 1928.

Еще книги: Ив. Касаткин. Избранные рассказы. М., ГИХЛ, 1933; этот же однотомник в данное время готов там же к выпуску в дешевом издании, тиражом в 100 000 экз.; Ив. Касаткин. Однотомник избранных рассказов «Так было». М., изд. «Советский писатель», 1935.

Считаю необходимым здесь заметить, что статья А. Ревякина в «Литературной энциклопедии» обо мне (том V) является верхом недопустимой небрежности и всяческой вкривь и вкось словесной пачкотни и путаницы. Писал все это автор в 1930 году, когда он вообще наделал немало всевозможных ошибок и после был подвергнут в разных местах длительной проработке. По поводу этой статьи обо мне в «Л. Э.» впоследствии он приходил ко мне горько сокрушаться и извиняться и оправдываться тем, что-де там вышло много неладного потому, что редакция-де статью почти вдвое сократила. Но... перевернутые заглавия произведений, утверждения, что будто я нахожусь «во власти либерально-демократических настроений», что у меня есть «желание бежать от людей» и прочая чепуха, — это вряд ли получилось от сокращения статьи. Очень бывает досадно, когда такой резвый критик, как А. Ревякин, так препарирует тебя в энциклопедии!

Ив. Касаткин.

23 сентября 1936 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В свое время в краткой автобиографии И. Касаткин писал об этом эпизоде своей жизни в Нижнем Новгороде: «Там на Ковалихе, в квартире старика Ягоды, с одним товарищем (Иваном Мокруевым) установили типографию и приступили к работе. После выпуска двух-трех прокламаций типография провалилась, нас с Мокруевым арестовали, и тут я надолго — вплоть до 1905 года — просидел в тюрьме» (см.: *Клейнборг Л. М.* Очерки народной литературы (1880—1923): Беллетристика. М., 1924). Из дела «По производству дознания о 2-й тайной типографии», хранящегося в Государственном архиве Горьковской области (ГАГО), явствует, что И. Касаткин в 1904 г., прибыв в Нижний Новгород, по заданию партии быстро установил необходимые связи и организовал типографию на Ковалихинской улице, в доме В. Г. Пермяковой, в котором находилась квартира Григория (Гершена) Фишелева Ягоды (письмо ГАГО от 2 декабря 1981 г. за № 253; см. также: *Харчев В.* Нижегородский период жизни и творчества И. М. Касаткина: Материалы к биографии. — Русская литература, 1971, № 1, с. 121).

² Государственный Ученый совет при Наркомпросе РСФСР в 1920—1930-е годы.

³ В 1912 г. нижегородские большевики получили разрешение на издание легальной газеты «Поволжская быль». И. Касаткин становится членом редакции. По подозрению в принадлежности к социал-демократической партии И. Касаткин в составе всей редакции в апреле 1912 г. был арестован, но за недостаточностью улик освобожден из тюрьмы, с предписанием покинуть Нижний Новгород.

⁴ Река в Горьковской области, левый приток Волги.

⁵ Первая книга рассказов И. Касаткина («Лесная быль») вышла в 1916 г. в «Книгоиздательстве писателей в Москве».

⁶ ЛОСПС — Ленинградский областной совет профессиональных союзов.

⁷ ГПП — Главное управление политического просвещения (Главполитпросвет).

⁸ МГСПС — Московский городской совет профессиональных союзов.

М. А. ШОЛОХОВ
В РАБОТЕ НАД «ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНОЙ»

(АВТОРСКАЯ ПРАВКА В НАБОРНОЙ МАШИНОПИСИ ПЕРВОЙ КНИГИ РОМАНА)

Сообщение П. В. Бекедина

1

Как известно, архив М. А. Шолохова (рукописи большинства произведений довоенных лет, черновые наброски, вспомогательные исторические материалы, ценные бумаги, документы и т. д.) постигла печальная участь — он весь пропал, о чем широкой общественности стало известно лишь в самом конце 1947 г.¹ «Осенью 1941 года Михаил Александрович, побывав на Западном фронте, — рассказывает поэт и драматург А. В. Софропов, хорошо знакомый с Шолоховым, — приехал в станицу Вешенскую, чтобы вывезти свою семью за Волгу. Ящик с черновиками „Тихого Дона“, с главами из второй книги „Поднятой целины“, а также с уникальными заграничными изданиями „Тихого Дона“ он оставил на попечение Вешенского райотдела НКВД. Помимо этого, в ящике находились письма и телеграммы товарища Сталина, адресованные Шолохову, и диплом лауреата Сталинской премии, полученный Михаилом Александровичем за „Тихий Дон“.² В июне 1942 года, при стремительном выходе немцев

---

¹ См.: *Аралычев И.* В гостях у Михаила Шолохова. — Вымпел, 1947, № 23, с. 23—24.

² В железный ящик писатель сложил все автографы четырех томов «Тихого Дона», «Донщины», первой и второй книги «Поднятой целины», письма А. С. Серафимовича, Н. А. Островского, А. А. Фадеева и другие ценные бумаги (см. об этом: *Викторов А.* Опаленные рукописи. — Известия, 1975, 26 июня, № 147, с. 4; *Черевков К.* Оранжевая папка. — Огонек, 1977, № 4, с. 9). Не исключено, что там находились и какие-то материалы, связанные с ранним этапом шолоховского творчества, — черновики некоторых донских рассказов и даже самые первые литературные опыты будущего писателя, стихотворные и драматургические. Среди утраченных материалов были, по всей видимости, и рукописи произведений, которых мы, наверное, никогда не прочтем. Как известно, во время работы над завершающей книжной эпопеей «Тихий Дон» и над второй частью «Поднятой целины» Шо-

к станции Вешенской, районные организации вынуждены были так поспешно отступить, что весь шолоховский архив в числе других архивов оказался оставленным на одной из станичных улиц. Всю войну ничего не было известно о том, сохранились ли какие-либо документы из шолоховского архива, рукописи „Тихого Дона“ и страницы второй книги „Поднятой целины“.³ Вражеская бомба во время одной из бомбежек станицы прямо угодила в подготовленные к эвакуации на восток ящики с документами и бумагами, среди которых были и рукописи Шолохова; многое безвозвратно погибло, сгорело, кое-что разлетелось по улице и чудом сохранилось.

Однако железный ящик, заполненный шолоховскими рукописями и другими бумагами и исчезнувший при спешной эвакуации ночью, — это только часть архива знаменитого художника, разумеется, самая главная и ценная. Другая часть литературного архива была оставлена им дома. 10 июля 1942 г. фашистские стервятники совершили очередной налет и разрушили шолоховский дом; при бомбежке гитлеровской авиацией станицы Вешенской во дворе дома от осколка погибла престарелая мать писателя Анастасия Даниловна, не пожелавшая покинуть «Мишин дом».⁴ То, чем так дорожил хозяин, оказалось навсегда утраченным или, в лучшем случае, развеянным по ветру.⁵ Удалось спасти лишь крупицы: кто-то подобрал фотографию (как, например, капитан Н. М. Нехаев), кому-то досталась уцелевшая частичка библиотеки (как, например, разведчикам 4-го гвардейского минометного полка, которыми командовал И. Г. Новиков)...⁶ Таким образом, в дни Великой Отечественной войны

шолохов «начал писать рассказы» (см.: *Кетлинская В.* Михаил Шолохов. [Беседа]. — Комсомольская правда, 1934, 17 августа, № 191, с. 3). Кроме того, в этот период он обратился к драматургии: сочинял пьесу «„об отцах и детях“ крестьянского происхождения» (*Дир.* Разговор с Шолоховым. — Известия, 1935, 10 марта, № 60, с. 3) и был занят произведением, построенным на материале коллективизации: «Такую пьесу, — признавался Шолохов, — я даже начал, написал почти половину и временно отложил, чтобы закончить свои романы» (Пьеса о колхозе: Мих. Шолохов о своих ближайших творческих планах. — Комсомольская правда, 1934, 29 июня, № 150, с. 4).

³ *Собронов А.* Над бесценными рукописями «Тихого Дона». — Огонек, 1961, № 16, с. 28. Ср.: Драгоценный листок: [Беседа с А. В. Калинин]. — Молодая гвардия, 1976, № 10, с. 205; *Лазарева Т.* Автограф М. А. Шолохова. — Вечерний Ленинград, 1977, 1 апреля, № 76, с. 3.

⁴ Старый казак рассказывал в августе 1942 г. капитану Н. М. Нехаеву, воссавшему в 434-м стрелковом полку, что «похоронить Анастасию Даниловну вешенцам помогли бойцы Красной Армии, проходившие в тот день через станицу. Они же собрали и отправили в станицу Каменскую и уцелевшие книги из библиотеки писателя» (*Вертяков Н. К.* Вешенской, через тихий Дон. — Неделя, 1982, 1—7 февраля, № 5, с. 8).

⁵ «Тянувший с Дона свежий ветер разносил пепел и гарь, шелестел страницами полуобгоревших, разбросанных взрывом книг. Неожиданно капитан Нехаев увидел фотографию. Бережно поднял ее, смахнул налет пыли» (*Вертяков Н. К.* Вешенской, через тихий Дон, с. 9).

⁶ См.: *Плащевеня В.* «Катюши» Михаила Шолохова: Как спасали библиотеку писателя. — Неделя, 1982, 15—21 марта, № 11, с. 21.

погиб, в сущности, весь шолоховский архив — писателю нужно было начинать творческую жизнь как бы с начала.

А пропавшие рукописи, которые имели большое культурно-историческое значение, несомненно пригодились бы Шолохову... Трудно без них и исследователям, занимающимся такими вопросами, как язык, стиль, мастерство писателя, психология его творчества, работа прозаика над словом, над отдельными образами, творческая история «Тихого Дона», «Поднятой целины» и т. д. Отсутствие рукописей и черновиков у крупных художников подчас коварно и способно вызывать самые нежелательные последствия, не говоря уже о том, что без этих архивных материалов навсегда остаются закрытыми целые области филологической науки, некоторые важные грани анализируемых литературных явлений. Судьба архива Шолохова в этом отношении весьма красноречива, показательна и поучительна. К сказанному необходимо добавить, что автор «Тихого Дона» всегда был недостаточно внимателен к себе. «Черновики не храню ни для себя, ни для истории»,⁷ — говорил Шолохов уже после того, как жизнь преподнесла ему свои суровые уроки.

Только благодаря счастливой случайности небольшое количество шолоховских рукописей довоенной поры уцелело — мизерная часть тех сокровищ, что лежали в железном ящике, попавшем под бомбежку при эвакуировании с обозом, который должен был уйти из Вешенской в восточные районы страны. Наутро после налета фашистской авиации исписанные листы, разметанные ветром, были подняты с земли одним неизвестным офицером-танкистом, который, прочитав несколько строк, сразу же понял, что в его руках страницы рукописей «Тихого Дона». «После окончания войны, в ноябре 1945 года, — читаем в упоминавшемся уже очерке А. В. Софронова, построенном на основе бесед с автором «Тихого Дона», — Михаила Шолохова разыскал командир одной из танковых бригад, который на улице станицы летом 1942 года подобрал валявшиеся рукописи. Всю войну он бережно хранил их в своем танке. Этот командир бригады и вернул Михаилу Александровичу поздней осенью 1945 года его рукописи. К сожалению, то ли командир бригады не назвал своей фамилии, то ли фамилия его оказалась забытой, но до сих пор неизвестно имя этого человека. Надо надеяться, что он жив и даст о себе знать или это сделают его товарищи».⁸

137 разрозненных листов из третьей и четвертой книг народно-героической эпопеи — вот и все, что удалось спасти безвестному советскому офицеру и доставить спустя три года по назначению. «Когда листки из рукописей вернулись к автору, — сообщается в одной из журнальных корреспонденций, — он взял первую попавшуюся под руки папку, сложил в нее черновики

---

⁷ *Гаранжин В.* Вешенские встречи. — В кн.: Наш Шолохов: Слово о великом земляке. Ростов н/Д., 1975, с. 115.

⁸ *Софронов А.* Над бесценными рукописями «Тихого Дона», с. 28.

романа. О судьбе рукописей Шолохова в свое время писал „Огонек“ (имеется в виду цитируемая нами работа А. В. Софронова, — П. Б.). После публикации очерка редакция получила много писем от тех, кто оборонял Вешенскую. Солдаты и офицеры сообщили немало подробностей о том, как были обнаружены листы, исписанные рукой М. А. Шолохова. Но фамилию того танкиста так и не удалось установить».⁹ Есть основания полагать, что сбереженные командиром танковой бригады страницы рукописей «Тихого Дона» — это еще не все, что могло сохраниться.

Вера в то, что со временем удастся разыскать и некоторые другие материалы и документы из шолоховского архива, основывается на сравнительно недавней находке: в 1976 г. был обнаружен новый, 138-й лист из последней главы четвертой книги «Тихого Дона», слегка пожелтевший, с чуть надорванными краями, исписанный лиловыми чернилами с обеих сторон. Вот что рассказывает об этом автографе, считавшемся свыше трех десятилетий утраченным и, судя по всему, побывавшем во многих руках, писатель А. В. Калинин: «... представьте себе, недавно, тридцать четыре года спустя после <...> варварской бомбежки Вешенской и дома Шолохова, от одной женщины, читательницы и горячей поклонницы автора „Тихого Дона“, получаю я пожелтевший листок — рукопись заключительной страницы бессмертного романа. Она рассказала мне, что попала к ней эта страничка из рук человека, который в свою очередь получил ее от одного из солдат, находившихся в станице Вешенской в тот трагический день. Пожелтевший листок, исписанный рукой Шолохова, с его правкой — последней правкой заключительных абзацев „Тихого Дона“...». И далее: «Я знаю, что в разных местах, у разных людей хранятся такие же вот странички из рукописей Шолохова, попавшие к ним в годы войны. Люди ревниво берегли их и начинают присылать в литературные архивы, в редакции газет и журналов, авторам книг, посвященных Шолохову. Так оказался этот исписанный с двух сторон листок у меня. Я буду счастлив передать его Михаилу Александровичу Шолохову».¹⁰ Так этот лист, где раскрывается психологическое состояние Григория Мелехова после похороп Аксиньи, повествуется о пребывании героя в дубраве у дезертиров, о его возвращении в хутор Татарский и о встрече на берегу Дона с сыном Мишаткой, вернулся к создателю «Тихого Дона» (к коллекции шолоховских автографов в Пушкинском Доме он присоединился несколько позднее: весной 1977 г. по инициативе отца его доставила сюда дочь писателя Светлана Михайловна Туркова).¹¹

⁹ Черевков К. Оранжевая папка, с. 9.

¹⁰ Драгоценный листок, с. 205, 206—207. Здесь же воспроизведены фототипическим способом эти две страницы с шолоховским текстом.

¹¹ См. подробнее об этом: Лазарева Т. Автограф М. А. Шолохова. — Вечерний Ленинград, 1977, 1 апреля, № 76, с. 3.

Шолоховские автографы, пройдя сквозь огонь войны, постепенно возвращаются к нам как бы из небытия. Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР гордится тем, что именно ему крупнейший художник современности принес в дар свои, пожалуй, самые дорогие архивные материалы — рукописные страницы и машинопись с авторской правкой «Тихого Дона», т. е. те 138 листов, о которых говорилось выше и которые отныне заняли одно из самых почетных мест в сокровищнице Пушкинского Дома (наряду с архивами таких великих представителей национальной культуры, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Достоевский), дополнили ее золотой фонд. Поступившие автографы — это первая глава шестой части III книги «Тихого Дона» (л. 1, 2 — фотокопии) и разрозненные листы III и IV книг эпопеи.¹²

Страницы черновой рукописи и машинописи «Тихого Дона» стали основой шолоховского фонда, который недавно образован в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 814). В архиве Института имеются также любопытные материалы, связанные с передачей в ИРЛИ сохранившихся листов «Тихого Дона».

До поступления дара 1975 г. шолоховиана Рукописного отдела ИРЛИ была весьма скромной, она не выдерживала сравнения с теми разнообразными материалами, которыми располагали другие хранилища страны (значительная часть этих материалов, кстати сказать, уже давно обнародована, однако многие авторы работ о творчестве писателя продолжают ссылаться на архивы или частные собрания) — ЦГАЛИ, архив ИМЛИ им. А. М. Горького и др.¹³ Тем не менее в Пушкинском Доме уже имелся целый ряд интересных документов, связанных с именем Шолохова: несколько глав наборной машинописи первой книги романа «Поднятая целина» с правкой автора (№ 21—26), поступивших в свое время в составе архива журнала «Новый мир»; двадцать гранок с авторской правкой отрывка под названием «Дед Щукарь» (из первой книги «Поднятой целины») ¹⁴ — они поступили в составе архива ГИЗа; рукопись статьи М. Ф. Рыльского «Виддарунок», посвященной постановке оперы И. И. Дзержинского «Тихий Дон»

¹² См.: Обзор архивных материалов XVIII—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР за 1974—1975 гг. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978, с. 109, 129; *Баскаков В. Н.* 1) Пушкинский Дом. 1903—1930—1980: (Исторический очерк). Л., 1980, с. 267; 2) Рукописный отдел Пушкинского Дома. Л., 1982, с. 26—27.

¹³ См.: Центральный государственный архив литературы и искусства СССР: Путеводитель. М., 1975, вып. 4. Фонды, поступившие в ЦГАЛИ СССР в 1967—1971 гг., с. 45, 123, 130—131, 175, 235—236, 249—250, 291, 296, 298, 299, 300, 304, 326, 357, 444, 446 (см. и предшествующие выпуски указанного путеводителя); Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979, с. 124 (в архиве ИМЛИ — ф. 143 — значится 101 дело 1924—1975 гг.); Воспоминания и дневники XVIII—XX вв.: Указатель рукописей. М., 1976, с. 413 (названы две автобиографии Шолохова), и др.

¹⁴ Ср.: *Шолохов М.* Дед Щукарь: Из 1-й книги романа. М., 1937. 32 с.

на сцене Большого театра Союза ССР и опубликованной на страницах «Литературной газеты» (1936, 27 марта, № 18, с. 4), — она была передана 10 июня 1937 г. П. Н. Медведевым (р. I, оп. 24, № 94), и др. Одно письмо Шолохова (от 28 октября 1963 г.) есть в архиве поэта А. А. Прокофьева (ф. 726, оп. 2, ед. хр. 1117), о чем уже сообщалось.¹⁵

В Институте русской литературы хранятся и некоторые другие документы, имеющие прямое или косвенное отношение к творчеству и личности Шолохова. Все они также должны попасть в поле зрения исследователей, которым так не хватает свежих фактов, биографических подробностей. Однако совершенно очевидно, что уцелевшая частица рукописей «Тихого Дона» и материалы, запечатлевшие процесс доработки автором первой книги романа о коллективизации, — это золотой фонд шолоховского архива, который, несомненно, постоянно будет пополняться. Авторская правка набранной машинописи нескольких глав «Поднятой целины», по сути дела, еще не привлекала внимания шолоховедов. К анализу ее мы сейчас и перейдем.

2

Как уже говорилось выше, рукописи первого тома «Поднятой целины» и черновой вариант второй ее части, который был написан за весьма короткий срок — к началу 1933 г., постигла та же участь, что и автографы «Тихого Дона». Однако применительно к роману о коллективизации ситуация оказалась трагичной вдвойне: пропала почти готовая заключительная его книга (одни главы произведения были уже окончательно отделаны, другие — шлифовались), художнику нужно было снова вживаться в старый замысел, еще раз пережить драматические судьбы своих героев, совершить невероятное — дважды войти в одну и ту же реку. Работу над последней частью романа Шолохов предполагал завершить в 1939 г., о чем он сообщал в новогодней анкете газеты «Правда».¹⁶ Несмотря на то что автор был не совсем доволен написанным и как будто даже не очень жалел об утраченных рукописях,¹⁷ воплощение давнишнего замысла, к реализации которого он приступил в начале 50-х годов, потребовало от романиста огромных усилий.

Наборная машинопись первой книги романа «Поднятая целина» с правкой автора — за исключением нескольких страниц — находится в хорошей сохранности, что, конечно, облегчает ее

¹⁵ См.: Полякова Г. Г. Архив А. А. Прокофьева. — Русская литература, 1976, № 2, с. 169.

¹⁶ См.: Правда, 1939, 1 января, № 1, с. 3.

¹⁷ В одной из бесед Шолохов говорил: «Рукопись второй книги „Поднятой целины“ утрачена со всем архивом. Теперь я пишу вторую книгу романа заново и по-новому, так как то, что было написано до войны, мне не нравилось» (Прима К. Шолохов в Вешках. — Советский Казахстан, 1955, № 5, с. 82).

изучение (шолоховские вставки и изменения в тексте читаются без особого труда, ибо почерк писателя четок и понятен каждому; правда, некоторые слова, словосочетания и фразы зачеркнуты черными чернилами столь тщательно, что разобрать их практически невозможно, хотя мы достигли в ряде случаев положительного результата). К сожалению, машинопись в составе архива журнала «Новый мир» поступила в Рукописный отдел ИРЛИ в далеко не полном виде: налицо имеются лишь главы 15, 16, 17 и 18 (причем нет концовки 18-й главы, начиная со слов: «К вечеру на дележ...»); отсутствуют и четыре страницы в 15-й главе) и главы с 27-й по 40-ю включительно — всего 155 листов.

Первая часть «Поднятой целины», как известно, печаталась в «Новом мире» в 1932 г. (№ 1—9). Именно с этой публикацией романа мы и будем сравнивать анализируемую наборную машинопись с шолоховской правкой, говоря конкретнее, последнюю мы будем сопоставлять с соответствующими журнальными страницами (главы XV—XXI — № 3, с. 20—43; главы XXVII—XXXI — № 5, с. 68—91; главы XXXII—XXXIII — № 6, с. 87—105; главы XXXIV—XXXVI — № 7—8, с. 87—104; главы XXXVII—XL — № 9, с. 135—149), а не с более поздними изданиями «Поднятой целины», ибо текст романа претерпевал некоторые изменения, иногда очень существенные, — они еще ждут своего осмысления.

По приблизительным подсчетам, автор внес в наборную машинопись около тысячи изменений, больших и малых, как-то влияющих на целое и почти нейтральных, семантически богатых и совсем простых.

Некоторые из шолоховских вставок и дополнений объясняются чисто техническими причинами; кое-что в тексте выпало по вине машинистки или редакции. Вот несколько типичных примеров. «Андрей жадно вдыхал разнородные запахи ночи, смотрел, как под ногами в лужах дробятся и рассыпаются искрами отраженные водою звезды, думал о...». На этом предложение обрывалось, Шолохов дописывает его: «...Марине и чувствовал, что (сперва был союз *как*, который зачеркнут, видимо, из-за однообразия синтаксической конструкции, — П. Б.) на глазах его закипают горящие слезы тоски и обиды» (№ 23, л. 14).¹⁸ Или в другом месте: «А бабы быков кинут, заиржут, зашумят: „У Щукаря грызь [обратно в] *выпала!*...“ — и *опрометью бегут любопытствовать, как он, Щукарь этот, грызь обратно в свое нутряное место впихивает. Ить это спектакля, а не работа!*» (№ 25, л. 12). Иногда машинисткой пропущалось одно-два слова: «...возник он (курган, — П. Б.) над прахом убитого и с *бранными* по-

¹⁸ Здесь и далее ссылки на фонд М. А. Шолохова (ф. 814) даются в тексте с указанием номера единицы хранения и листа. Зачеркнутые писателем фразы, слова и т. д. даны в квадратных скобках, вставки, сделанные им, выделены курсивом; текст, сперва вставленный, а затем выброшенный, мы обозначаем этимп двумя знаками сразу.

честями похороненного половецкого князя...» (№ 24, л. 37); «*Кабы не моя резвость — сидел бы зараз я на поже!*» (№ 25, л. 15); «...уж больно суровы на вид были казаки, толпившиеся сзади за белым ромашковым полем сплошных бабьих платков» (№ 24, л. 21); «Банник торопливо засовывал кисет в карман шаровар, улыбался, с брезгливой жалостью поглядывая на обрешанные чуть не по самые репицы лошадиные хвосты» (№ 24, л. 17).

В других случаях появлялось невесть откуда лишнее слово (см., например, № 25, л. 7). Один из пропусков произошел явно по недогаду редакции — лист оказался обрезанным, поэтому на нем и не «поместилась» вторая половина предложения: «Он кинул в поле всех способных к труду, и даже деда Щукаря временно отстранил от обязанностей конюха, послал во *вторую бригаду*, а сам с рассветом уезжал на участки бригад и возвращался в хутор за полночь, когда по базам уже начиналась побудня перекличка кочетов» (№ 25, л. 9). Совершенно очевидно, что добавления такого рода имеют механический характер и потому могут вообще не приниматься во внимание и не апализироваться.

Две небольшие замены произведены чужой рукой (другой почерк) фиолетовыми, а не черными чернилами и синим карандашом: «Медвяный аромат [распускающихся] *набухающих почек* тополей был так приторно сладок, что у Давыдова, когда он начал говорить, было такое ощущение, как будто губы его слипа [лись] *ются* (здесь уже исправлено самим Шолоховым. — П. Б.), и даже вкус меда ощущал он, касаясь языком неба» (№ 24, л. 26); «Ить, он, черт, лучшим хозяином почитается, а такую [х..пу] *чушь* порет!» (№ 21, л. 9). Думается, это вторжение со стороны пошло только на пользу шолоховскому тексту: выражение «аромат набухающих почек тополей» гораздо точнее передает то, что хотел нарисовать писатель; слово «чушь» позволило освободиться от цензурщины, которой иногда грешили прозаики 20—30-х годов, изображающие русскую деревню.

Стремясь к экономии художественных средств, не допуская никаких повторов, чрезмерного разжевывания и освобождая текст от лишней, не работающей на целое, информации уточняющего или поясняющего характера, писатель вычеркивает показавшиеся ему ненужными словосочетания и даже целые фразы, реплики героев: «Уже вставала во весь рост угроза [с земельными неполадками,] захвата выходцами колхозных земель» (№ 23, л. 6); «...пахоту крайне необходимо было тщательно пророборонить, чтобы дождевая влага задержалась на ровно разработанном участке, а не сошла по бороздам в низину. [На этом участке сеяли кукурузу, готовя по совету Якова Лукпича его десять десятин под американский кулпсный пар]» (№ 23, л. 18); «И смеешься моему смертному горю? [Мне рук не хочется об тебя погапить...]» (№ 24, л. 15); «Были созданы *три* бригады. [Всего три в хуторе]» (№ 21, л. 15); «— Небось, заревешь! [— Пу, так

как?» (№ 21, л. 3); «Выхворался я, [а к чему спрашивается?]» (№ 23, л. 23); «...и до тех пор позывно пошвыстывает, пока Нагульнов выдернет у него из-под сиденья кнут и [через Щукареву спину] [через Щукаря] потянет жеребца по спине» (№ 23, л. 17); «Она [не подходила близко,] стояла *поодаль*, скрестив на груди обнаженные по локоть могучие руки...» (№ 24, л. 28); «Она была больно, [со знанием дела, все] поровила попасть либо в переносицу, либо в висок...» (№ 24, л. 31); «„Черт!“ — думаю. [Тут уж про баб я и думать позабыл.] На сеновале — страшная темень, а всякая печисть темноту уважает. „Значитца, — думаю, — зараз он меня зачнет кузюкать и защелыкчет досмерти... Уж лучше [б] пушай бы бабы исказились!“» (№ 24, л. 35); «И старуху стали [припмыкать,] день и ночь держать под замком» (№ 26, л. 15); «— Я посмотрю, как ты сумеешь взять что-либо из колхозной конюшни без ведома правления! Во-первых, [взять] не дадим, а во-вторых, если и возьмешь, — будешь отвечать по суду» (№ 23, л. 2); «— Ты [мне] не перебивай. Андрей!»; «— Ты меня не трожь, а то я [ить] тоже могу тронуть...» (№ 22, л. 14); «И все это из-за каких-то овец, курей, пропади они пропадом. [Век бы их не видать!]19 категорически знаю!» (№ 24, л. 2); «...на помощь ему никто из присутствующих не выступит, [защиты

¹⁹ В журнале «испытал» (см.: Новый мир, 1932. № 6, с. 87).

ждать было не от кого,] а поэтому и действовать [надо было] *решил* иначе» (№ 24, л. 28); «Да разве [же] это порядки?» (№ 21, л. 9); «... делай [себе] инженерские дела на благо мировой революции!» (№ 26, л. 13); «... после обеда жена его <...> кормила [своих] быков своей упряги из подола, насыпав туда шесть фунтов причитавшихся быкам концентратов...» (№ 25, л. 26); «Да... Так вот [тебе] и вышел из меня генерал» (№ 23, л. 24).

Особенно много сокращений на страницах, рисующих взаимоотношения Давыдова и Лушки (глава 39). Шолохов избегал здесь категоричности оценок, художественских «приговоров», развернутых комментариев и авторских обрамлений: «И то, что Дубцов пришел с нелепой жалобой на Лушку, послужило *Давыдову* лишь чисто внешнего предлога для ругни, [как могла она всем улыбаться, а его — Давыдова — обходить с холодным равнодушием?]

(№ 26, л. 18); «— Хорошая я? А? — Как тебе сказать... — неопределенно отвечал Давыдов, обнимая узкие Лушкины плечи... [Так вот и началась непутевая и никчемная эта связь]» (№ 26, л. 24), и др.

Вообще необходимо отметить, что указанная глава подверглась значительной стилистической доработке: правка коснулась как частных, так и существенных моментов. Кое в чем писатель сомневался и возвращался к внесенным изменениям еще раз: «[Начиналась старая история:] [*Как и прежде:*] Никогда не терявшийся Давыдов [*как и прежде*] розовел и хмурился, Лушка с напускным смирением опускала ресницы, а в углах губ [*ее*] неудержно трепетала улыбка» (№ 26, л. 19). Своей сравнительно обильной правкой Шолохов преследовал цель как можно лучше отделать художественный текст, как можно точнее и тоньше передать то, что гнездилось в душах Семена Давыдова и Лушки Нагульновой: «Потянуло [Давыдова] *его* к Лушке, да так не вовремя, как раз [во время самого] *в момент наибольшего* напряжен [ного] *ия* [положения в себе!] *в себе!*»; «А весна 1930 года — стремительная и скороспелая — [столько] *так много* поселила в садах и левадах соловьев, что они гремучими раскатами заполняли не только глухую пустоту ночи, но и при дневном свете никак не могли уgomониться» (№ 26, л. 18); «Словно и не было на [лице] *губах* ее недавней бесовской [, лукавой] улыбки» (№ 26, л. 19—20); «Потому-то он и сев кончил только [пятнадцатого] *десятого*, что к нему бабы бегали» (№ 26, л. 20); «— Эх, ты! А [еще] *ишо*... Ну, ладно. Дайте мне газетку, какая поинтересней» (№ 26, л. 21); «... на этом и кончились [всяческие] колебания Давыдова, тянувшегося к Лушке...»; «Живот у меня зараз какой-то бестягостный стал... какой-то [чудной] *порожний* и легкий, того и засмеялась» (№ 26, л. 24). Можно было бы привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что писатель при изображении любовной истории, прозвучавшей на весь гремяченский колхоз, тщательно взвешивал каждую художественную деталь,

При вычеркивании тех или иных элементов текста автор «Поднятой целины» словно руководствуется заветом Пушкина: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».²⁰

Имеют место и случаи, когда автор отказывался от принятого ранее решения: он, поразмыслив, восстанавливает то, что было только что вычеркнуто, т. е. сохраняет первый вариант. Вначале его не удовлетворило такое, например, предложение: «Казак улыбнулся, в бороде синеватым лезвием сверкнули зубы» (№ 22, л. 8). И оно оказалось изъятым. Затем Шолохов «оживляет» его — отвергнутый кусочек попадает в окончательный текст. В этом отношении характерна следующая фраза: «Вначале [он] он слышал, как неподалеку фыркал, переступал [конь] конь, звякая удилами [нрзб.], а потом [конь] конь сошел в [дальный] ²¹ лог, где богаче была травяная поросль...» (№ 24, л. 38).

Значительный массив шолоховской правки образуют разного рода дополнения: от маленьких слов — союзов, частиц, предлогов, местоимений и т. п. — до целых предложений (и даже групп предложений). Вставки делались Шолоховым по самым различным причинам: и с целью что-то уточнить, конкретизировать, и с целью досказать недосказанное или, быть может, выпавшее в процессе редактирования рукописи, и с целью дорисовать портрет того или иного персонажа, и с целью устранить возникшие грамматико-синтаксические «неловкости», и с целью восполнить недостающие звенья-связки, и с целью добиться интонационной ровности повествования.

В тексте и на полях машинописи романист дописывает целый фрагмент, в котором речь идет о тех чувствах, которые обуревали атаманца Любишкина после получения им причитавшейся ему конфискованной кулацкой одежды. Автору показалось мало сообщения, что его счастливый герой — в новых шароварах и сапогах — сразу помолодел лет на десять, поэтому он прибавляет еще несколько выразительных штрихов: «Нарочно вышел на главную улицу, хотя было ему и не под дорогу, на проулках часто останавливался, то закурить, то со встречным погустарить. Часа три шел до дому, [полвечерушника (?)] хвалился, и к вечеру уже по всему Гремячему шел слух: „Ноне целый день набирал одежи... Во всем новом домой шел, шаровары на нем праздничные. Как журавель, выступал, небось, ног под собой не чуял...“» (№ 24, л. 16). Это самая большая шолоховская вставка, она существенно дополняет образ одного из шолоховских героев.

Остальные вкрапления гораздо меньше, однако они тоже по своему показательны: «Кабы эта повитуха зараз живая была, я бы ее прямо сырую съел!.. Не торочь чего не надо! Не сму-

²⁰ Пушкин. Полн. собр. соч. [Л.]: Изд-во АН СССР, т. XI, 1949, с. 52.

²¹ Определение не несло на себе нагрузки, поэтому, видимо, автор и убрал его.

пцай младенцев! *Пу, вот он, бригадный стан, приехали!*» (№ 23, л. 24); «Эпачит у него душа в нашем хозяйстве осталася! *Верно я говорю?*» (№ 23, л. 3); «— [Садись] *Ступай в хутор, после разберемся*, — приказал Давыдов, [кпявая на дрожжи и] облегченно вздыхая» (№ 25, л. 16); «... совершенно неожиданно для них на первое место выбился Антип Грач, до этого находившийся в группе отсталых, в насмешку прозванный Давыдовым „слабой сильной командой“» (№ 25, л. 26); «Теперь надо наваляться на волочьбу. *И чтобы обязательно волочить в три следа!*» (№ 25, л. 27); «Сила у него медвежьяная: за что ши возьмется — кипит у него в руках! *А что молчаливый, так уж бог с ним... меньше ругни промеж нас будет...*» (№ 26, л. 6); «... по лицу старика тенью скользила не только растерянность, но и злорадное улыбочное выжидание... Так, по крайней мере, показались тогда Давыдове. На другой же день он позвал Якова Лукича к себе в комнату, выслал посторонних, [спросил:] *Разговор вели они вплотную*: — Ты что делал вчера возле амбаров?» (№ 26, л. 11); «На тебе деньги [и], *жри в три горла, бабе своей шелковые чулки на утеху покупай, но крути своими мозг[ами,] овьими шариками...*» (№ 26, л. 13); «— Да почему выходишь-то? *Куда пойдешь?*» (№ 23, л. 2); «... Давыдов встал, подошел к Макару вплотную, с неприсущим ему холодком в голосе спросил: — Письмо Сталина, товарищ Нагульнов, это — линия ЦК. Ты что же, не согласен с письмом?» (№ 22, л. 15); «„Не в добрый час попал! *Надо бы посля обеда прийти...*“, — сожалел дед Щукарь...» (№ 25, л. 10); «— Нога что-то разболелась... *А говорит нечего... Вспалал, ну и вспалал... Делов-то!*» (№ 25, л. 25); «Сходно ить? Поняли? *Потеря времени...*» (№ 25, л. 23); «Кондрат наладил плуг Давыдова, переставил на подъемной подушке крюк, установив глубину в [4] 3½ вершка,²² и, незаметно перейдя в обращении на „ты“, на ходу объяснил...» (№ 25, л. 24); «Говорил я так? Говорил! *и даже наганом по столу постукивал. Не отрицаюсь!*» (№ 22, л. 12); «И потом если до КК (краевого комитета, — П. Б.) дойдет, что ты пьянствуешь, да еще в такой ответственный момент, что ты не только середняков запугивал с оружием в руках, но и не по-большевицки относишься к своим искривлениям и даже выступаешь против линии партии, то это, Нагульнов, получится для тебя печальный факт» (№ 22, л. 16); «... из сумеречной темноты, озаренной оранжевым светом лампы...» (№ 25, л. 9); «Вот не едут сеять через то, что собственность в них на дыбки встала... *Проклятые!*» (№ 24, л. 40); «Хватит! Убьете ведь... *По голове не надо...* Нету у меня ключей!» (№ 24, л. 32); «Он понял, что дело зашло уже слишком далеко...» (№ 24, л. 28); «Исключать старого члена партии, красно [армейца] знаменца... *Вы опупели, товарищи?* Как будто нет других мер взыскания!»; «Всякий, кого приходится ущемлять, пытается свалить с себя часть вины или переложить ответ-

²² В «Новом мире» (1932, № 7—8, с. 102) «три с половиной вершка».

ственность на других...» (№ 24, л. 13); «Бывало, саднишься вечером почитать, [трошки] развитые себе сделать, а жена спать ложится. Ты считаешь трошки, ляжешь, а она задом к тебе» (№ 24, л. 2); «Чем мы ее будем пахать? Чем детишков делают?» (№ 23, л. 7); «Парусиновая рубаха его была в крови, короткие городские штаны (с бахромой *внизу* от ветхости) разорваны на коленях. Из распахнутого ворота высматривала смуглая татуированная грудь. Он тяжело, с *саном* дышал и выглядел жалко» (№ 24, л. 32); «Ирцам изрядно потолкали, и они, избитые в кровь [—], бросили мешки с хлебом, понадали в брички...» (№ 24, л. 20); «Демид Молчун, стоявший возле весов, улыбнулся, вытер рукавом пот» (№ 25, л. 1); «— Хватит, Нагульников, *пери*, пожалуйста. У нас же еще вопросы есть, — не смущаясь и все так же тая улыбочку под темными усами, примиряюще сказал смуглолицый, красивый Хомутов»; «Стало быть, брехал Серко — нужен был... Старый стал — с *базу долой*...» (№ 24, л. 15); «...павалила его, да еще и окончательно прибыла, *прямо-таки изничтожила* острым словом...» (№ 23, л. 10); «...да не энту, а вот энту, *какая не несетя*, хохлатую... Из одной курицы на бригаду лапши не сварить» (№ 25, л. 17); «Давыдов уговаривал, объяснял, что он не может наделять землей там, кому где захотелось, так как не может дробить колхозный массив, *резать его на клинья* и нарушать проведенное осенью землеустройство» (№ 23, л. 7); «— Ты мне — не товарищ! — *закричал Нагульнов*: — Ты — бирюк!» (№ 24, л. 15); «— А не получится, Беглых, как со стопроцентной коллективизацией? Ведь была в райкоме такая установка: „гоши до ста во что бы то ни стало и *как можно скорее!*“» (№ 23, л. 4); «[А] Давыдову [—] *же*, беседуя с ним, говорил: — Теперича огрузимся мы хлебом, товарищ Давыдов! А то раньше, бывало, кинет человек семена и ждет, какая выйдет... Зачнешь молотить, хлеб будто и добрый, [а] *но* взважишь умолот с десятины — и выйдет сорок пудов *либо ишо* [нрзб.] *меньше*...» (л. 26, л. 11); «— Это целину? — *орали выходыцы*» (№ 23, л. 7); «Мой родной кум *при старом режиме*²³ у самого генерала Филимонова в денщиках служил...» (№ 25, л. 18).

А вот вставки совсем мизерные: «Ночью Давыдов не слышал ни укусов блох, ни ржання лошадей, ни гогота *припоздавшей станицы* диких гусей...» (№ 25, л. 26); «— Так, может быть, он [—] *теперь* дома? — нерешительно спросил Давыдов» (№ 24, л. 34); «По-русски даст наш биток какому-нибудь англичанину, а он с ног, — копырь, и лежит, за голову держится, *чижело вздыхает*» (№ 22, л. 8); «— Такой колхозник — *вредитель* — есть среди вас. Вот он! — Давыдов указал на Атаманчукова...»; «Ставлю перед бригадой вопрос: как быть с тем *ложным* колхозником, который обманывает колхоз и советскую власть: вместо трех с половиной вершков пахоты портит землю, пашет полтора

²³ В «Новом мире» (1932, № 7—8, с. 99) — «при старом прижмие»; эта замена имеет открыто «щукаристый» характер: говорит-то дед Щукарь...

вершка? Как с тем быть, кто сознательно хочет угробить быков, работая под дождем, а в ведро вышопляет норму лишь на [1½?] ²⁴ половину?» (№ 25, л. 24); «Единоличники и все три бригады Гремячского колхоза зарею выехали в степь» (№ 25, л. 9); «... но наш товарищ Разметнов, как и следует коммунисту, не мог на такое издевательство согласиться!» (№ 25, л. 7—8); «На минуту наступило общее замешательство» (№ 25, л. 2); «Из-под шапки его катился пот, рубаха на спине потемнела, губы пересохла...» (№ 24, л. 40); «Он утром под шим спотыкнулся в воротах, а я ишо тогда ему сказал: „Вернись, Макар, примета дюже плохая!“» (№ 24, л. 33); «Они все перерыли, пораскидали [все] бумаги, книги, белье, даже у хозяев и то искали ключи» (№ 24, л. 34); «Дошли до квартиры, повалив хворостяные воротца и плетень, вломились во двор» (№ 24, л. 29); «Банник, бормоча угрозы, отступил, а на смену ему дружно выдвинулись бабы» (№ 24, л. 27); «А-а-а, нечего? Отдавайте назад хлеб!» (№ 24, л. 24); «Страшный гнев, полымем охвативший Макара под конец самохинской речи, вдруг бесследно исчез...» (№ 24, л. 14); «Вечером тогда был у Давыдова с Макаром сокровенный разговор» (№ 21, л. 6); «...била не так, как остальные, а тыловой стороной кулака, костяшками сжатых пальцев» (№ 24, л. 31); «...сказал Разметнов, последнее время упорно поддерживавший Давыдова...» (№ 22, л. 14); «Измученной походкой, еле волоча ноги, дойдет до воротцев и вдруг, будто вспомнив что-то неотложное, повернется, дробной рысью ударится опять в подсолнухи» (№ 21, л. 2); «... райполеводсоюз и райпартком ответили громовым приказом, смысл которого сводился к тому, чтобы гремяченцы всеми силами и средствами претоврати[т]ли развал колхоза...» (№ 23, л. 4); «Дело не обошлось без драки: двоюродный брат Любишкина Захар Любишкин<...> изловчился ухватить подскакавшего к быкам Мишку Игнатенка за ногу, стянул [его] с лошади и в короткий срок жестоко извозил его по землек...» (№ 23, л. 6); «Яков Лукич отправился с деревянным сажнем в степь и за Рачьим прудом в два дня отвел единоличные паделы» (№ 23, л. 7); «А кто с Малашкой Игнатенковой вчера на проулке ночью стоял? Не ты?» (№ 23, л. 9); «Марина — вся в поту и в жарком румянце — неумолимо влекла повозенку, и жалобно вызванивала на ней привалившаяся к грядущке борона...»; «...подумал Яков Лукич, предусмотрительно сворачивая в проулок» (№ 23, л. 11); «Избил за то, что тот отказался немедленно вывезти семенной фонд...» (№ 24, л. 9); «К сцене быстро подходил[о] и несколько парней» (№ 24, л. 22); «...величаво присанившийся курган караулит степь, весь одетый в серебряную чешуйчатую кольчугу» (№ 24, л. 36); «Давыдов, небось, будет говорить на моей могиле<...>» (№ 24, л. 38); «...непрерывно подъезжали подводы, [хлеб] казаки и бабы несли хлеб в чувалах, в мешках, в завесках...» (№ 25, л. 1); «Откуда на крыле когти?

²⁴ Вычеркнута явная опечатка.

Ты *под юбкой* на себе их поищи!» (№ 25, л. 17); «Бык — не трактор, как толечко намокнет у него шерсть на шее, — враз ярмом потрешь *шею* до крови, и тогда уж на нем отработался» (№ 25, л. 19); «Вот тут-то и началось смятение чувств; одна из брезгливых бабенок *со стоном* вскочила и, зажимая ладонями рот, скрылась за полевой будкой» (№ 25, л. 17); «Да оно, видишь ли, Давыдов, и раньше *без колхоза* мы как-то жили, с голоду не пухли, своему добру сами были хозяева. . .» (№ 23, л. 1); «Ставить ли вопрос о нем. . . за нежелание ликвидировать *последствия „левы[e]х“* ошибок [ки]ок, наделанны[e]х в практике создания колхоза?» (№ 22, л. 17); «Он не снимал с себя *ни* полушубка, *ни* папачи. . .» (№ 22, л. 8); «И еще один *пожилой* казак говорил. . .» (№ 22, л. 7); «— Что о-о-о? *Что* ты говоришь, дед? — хрипотно спросил Половцев» (№ 22, л. 5); «Окна *изнутри* были плотно занавешены дерюжками, ставни закрыты. . .» (№ 22, л. 4); «. . . новой кофтенки *на плечах* не износила. . .» (№ 21, л. 17); «. . . на губах такая ясная детская улыбка, что в пору бы кому-нибудь отечески погладить *саженного* атаманца²⁵ Любишкина по голове» (№ 21, л. 16); «Верно говорю. Мы в *старой* армии от живота этим и спасались» (№ 21, л. 14); «— Это он, *чертило*, не громить *ли* нас задумал? — проговорил подошедший к окну Разметнов и засмеялся» (№ 23, л. 3); «. . . но на выезде из ворот вдруг споткнулся, достал коленками земли, едва не упал и, кое-как выправившись, проворно вскочил *на ноги*» (№ 24, л. 5); «. . . все данные за то, товарищи, что он *попросту* распутничает. Иначе к чему же ему выгонять из дому жену?» (№ 24, л. 10); «А тут вскоре Яков Лукич развил такую кипучую деятельность по подготовке к полке и *общественному питанию*, такими хозяйственными проектами засыпал правление, что Давыдов снова был покорен своим энергичным завхозом» (№ 26, л. 12); «— Ну, сколько наворочал? — с чуть приметной улыбкой, *с ехидцей* спросил Куженков. . .» (№ 25, л. 25); «. . . они простирают над древней выветрившейся почвой свои волокнистые былки, *даже* весной, среди ликующего цветения разнотравья, выглядят старчески-уныло, отживше. . .» (№ 24, л. 36); «Запрягать он научился *столь* быстро, *что* соперница [я]л в быстроте с гремяченской пожарной командой. . .» (№ 23, л. 17); «Со сходцев мимо плетня лежала протоптанная по рыхлому снегу, *по грязи* стезжка» (№ 23, л. 3); «Ну, как *бы* тебе понятней объяснить?» (№ 25, л. 27); «Через это и бросил билет, а потом опять в партию пролез. . .» (№ 24, л. 15); «. . . высокий Атаманчуков одной рукой отталкивал его от ярма, а другую, сжатую в кулак, держал за спиной» (№ 25, л. 19).

Чуть ли не на каждом листе наборной машинписи мы встречаем, так сказать, правку в прямом значении этого слова: Шолохов что-то вычеркивает и на «освободившееся» место находит более точный, более выразительный вариант, соответствующий и целому, и его составным частям. Изменения в тексте продукто-

²⁵ В «Новом мире» (1932, № 3, с. 30) «атаман».

ваны то соображениями художественного лаконизма, то стремлением к насыщенной образности, к большей экспрессии и языковому разнообразию (отсюда внушительное количество синонимических замен), то желанием избавиться от тавтологии, необязательных элементов, сказать проще, яснее, короче и точнее: «...на миг растерянно подумал [Макар] *он*, подходя к столу» (№ 24, л. 11); «...чей-то теплый и веселый басок [внятно] *рас-троганно* сказал: — Давыдов, в рот тебе [нрзб.] *печенку*. Любушка Давыдов!..» (№ 24, л. 9); «Правда, не всем, но иным, [некоторым говорил] *говорил...*» (№ 22, л. 12); «...нехотя ответил [он] *тот* и прилег возле огня...» (№ 25, л. 25); «...потом [в голосе его] зашепта [ли] *л*, и в голосе его зазвучали несвойственные ему теплота и ласка...» (№ 22, л. 2); «А посла у [же] *ж* доглядели, а на ней обознач[ается] *енная* цена — пять копеек» (№ 22, л. 5); «Через полгода иду от соседей [я,] и перерезает мне дорогу хуторской бугай» (№ 23, л. 23); «[Вторая] *Первая* бригада работала на самом дальнем участке [нарезанной гремеченцами] *серопесчаной* земли. От хутора был он километрах в десяти, за перевалом, возле [нрзб.] *Лютото* пруда. Бригада пахала [целинные земли,] *готовя землю для сева колосовых...*» (№ 23, л. 22); «[В] *На* повестке дня стоял доклад заврайзо Беглых...» (№ 24, л. 6); «С минуту молчали, потом [Лушка] *она...*» (№ 26, л. 24); «...вывел злосчастную [кобылу], проявившую столь неожиданную прыть, *кобылу* за хутор. До ветряка ему сопутствовали ребяташки, потом отстали. А Щукарь *уже* не осмелился [уже] снова сесть на цыганскую „мысль“, он далеко окошелся по бугру, но на бугре уморился тянуть за педоуздок и решил гнать кобылу впереди себя. И тут-то сказалось, что [отныне принадлежавшая ему] *с таким трудом купленная им* лошадь слепа на оба глаза» (№ 23, л. 16); «Молчун гулко захохотал. Смех его [как] *разительно был похож на* грохот порожней бочки, [потряс комнату]» (№ 23, л. 2); «Демид стоял в тупой [нетрезвой] *тяжкой* задумчивости. Потом качнулся и вдруг с *пьяным безразличием* шагнул прямо в воду, побрел к амбару, медлительно и [тяжко] *валко* покачиваясь»; «И только после того, как было получено постановление ЦК „О борьбе с искривлениями [линии партии] *партийности* в колхозном движении“, райком засуетился...» (№ 23, л. 3); «Говела весь великий пост, на [шестой] *третьей* неделе ходила каждодневно молиться в тубяинскую церковь, исповедывалась и причастилась»; «— А с Андрюшкой спать на одной кровати — это не супротив бога? Или это — [не есть] *сладкий* грех? — улыбаясь, спросил Любишкин» (№ 23, л. 8); «Езда у нас не дюже большая, [к весне] *скоро* будем их к маткам припущать» (№ 23, л. 12); «Вулканическое извержение ее желудка не прекращалось до самого Тубянского, [оставляя] на дороге *оставались* позорные следы» (№ 23, л. 14); «...старуха через неделю водворила его домой, жестоко избив и изругав всепародно за то, что будто бы ход[ят] *или* к деду Щукарю по почам молодые бабы. Над старухой подшутили парни, возведя на деда этот гнусный поклеп, но

перечить он [старухе не мог, из непонятных побуждений не стал даже оправдываться перед ней] *ей не стал*, перешел домой и раза два за ночь ходил проведывать жеребцов, коивопроемый своей ревнивой супругой»; «28-го Давыдов решил съездить на поле [второй] *первой* бригады...» (№ 23, л. 17); «...а то и [н]за живца щуку поджидает. Вот мы, ребяташки, и приладились у него крючки откусывать. Дед-то глухой, как камень, ему хучь [что хонь] в ухо [делаи] *мочись*, все одно не услышит» (№ 23, л. 21); «Брат разом даванул [рогач] *стуж*, поднял косогон» (№ 23, л. 23); «Он бы, чего доброго, додумался весь мужской [род] *класс* выхолостить, чтобы от социализма не отвлекались!»; «...проглотив слюну, с невольным уважением поглядывая на Макара[, а не] *и* на книжку, спросил Разметнов» (№ 24, л. 3); «А английские буржуи завладели Индией [и], *почти* половиной мира и угнетают всяких чернокожих и темнокожих...»; «Мы в России их, *гадов*, в 17-м году по своей невинн[ой] *сти* [неопытности] на волю пуцали, а они потом нам пачали жилы резать» (№ 24, л. 4); «[В колхозах,] по моему мнению, всеми средствами надо удерживать колхозник[а] *ов* от выход[ов] *а*...» (№ 24, л. 6); «Секретарь райкома с небывалой сдержанностью поздоровался с ним *и*, как видно, [избегая] *уклоняясь* от разговора, тотчас же обратился с каким-то вопросом к председателю рика» (№ 24, л. 8); «...много[семейный] *детный* Гаев не мог управиться» (№ 24, л. 9); «„[Сымай с него [сапоги]] *Разуйте его, бабы!*“. Выкрики [звучали] *загрозотали* как беспорядочная пачепная стрельба» (№ 24, л. 21); «В миг к сцене протянулось [несколько] *множество* рук» (№ 24, л. 22); «[Несш] *Тяли*, сукина дочь, кизек на затон да ступай корову встречаи!»; «...он [сразу] *коротким, точным движением*, по-ястребному быстро поворачивает голову, выпрямляется» (№ 24, л. 23); «Одна из баб [сорвала] *стащила* со стола президиума красную сатишовую покрывку, сзади укутала ею голову Разметнова. А пока он пытался сорвать [душившую его] пахнущую чернилами и пылью скатерть, Дымок, не размахиваясь, ударил его под ложечку. Освободив голову, задыхаясь от *безрассудной* ярости и боли, Андрей выхватил из кармана наган. Бабы [с ревом] *с криком* шарахнулись в стороны...» (№ 24, л. 24—25); «...высоко [и звучно] *взлетая*, звенел над мужскими *басовитыми* голосами [чей-то] пронзительный бабий [голос] *крик*. Он резко выделялся из [общей] слитной массы голосов, как выделяется *из общего тона* осенью в лесу, тронутым первыми заморозками, страстный, захлебывающийся яростно-плачущий [голос] *лай* гончей суки, идущей вместе со стаей по горячему следу красного зверя» (№ 24, л. 25); «...бабы окружили его, оглушительно крича, [при молчаливо-] *поддерживаемые* сочувствен[ом] *ым* молчали[ш]ем казаков» (№ 24, л. 27—28); «...Он хотел сказать, что ключи не у него хранятся, но мгновенно сообразил, что, *если он откажется*, толпа бросится искать Демку Ушакова, [и если найдет, то Демке] *навверняка* *найдет*, и тогда [ему] *Демке* не сдобровать, убьют»; «У нее дрожал[а] *и* от

[великой злобы] *волнения брызглые щеки и крупная бородавка на носу, [а по брызглому] по морщинистому лицу непрестанно сыпался пот*» (№ 24, л. 29); «— У Островнова, — ответил Давыдов, вспомнив [виденное им] *стоявшего* в толпе у амбаров [лицо своего] *злорадно улыбавшегося* завхоза» (№ 24, л. 31); «Всех, кто попытается порочить партию и тянуть ее влево или вправо, мы будем *беспощадно бить!* [по рукам!]» (№ 24, л. 13); «*Он* круто поверну [впшишь] *лся*, взры [в] *л* задними ногами землю, [он] с храпом околесил двор, роняя со стегнов на жаркую землю белые пышные шмотья мыла» (№ 24, л. 33); «Макар бездумно следил за их полетом, видел, как связы камнями попадали в [воду] *пруд*, как вскипела [под н] *распахнутая* ими вода возле камышистого островка» (№ 24, л. 38); «— Так нет же, гадючья кровь! Не застрелюсь! Доведу вас подобных до точки! — *скрипнув зубами*, вслух сказал Макар и вскочил на ноги, [скрипнув зубами] *будто жуаленный*»; «[С минуту] *Мгновение* она стояла, угнув лобастую голову...» (№ 24, л. 39); «Макар выругался, пошел [к хутору нрзб.] *следом за ним*. Версты три шагал [он] бездорожно...»; «Охваченный [нрзб.] *непоборимым* стремлением соития, он веером разворачивал кудрый рыжий хвост с белесо-ржавым подбоям...» (№ 24, л. 40); «Сымите меня с бригадиров, нету моего терпежу валандаться с такими подобными: [стреноженная лошадь,] *они и меня-то* стреножили своей работой!...» (№ 25, л. 12); «...они потоками расходились, приближались к земле, и, [низвергаясь] *ложась* на дальние, простертые над горизонтом грядины бурой степи, красили ее, диковинно и радостно молодили...» (№ 25, л. 15); «...к приезду Любишкина из хутора у него уже кипела в [двух] *грехведерном* котле вода, [и в чане] выпрыгивало разварившееся пшено...» (№ 25, л. 17); «Я его ишо утром хотел побить за такую [вылазку!] *старанию*» (№ 25, л. 20); «...белое лезвие лемеха скользило неслышно, а сбочь его, [как кипящая смола,] *меняя очертания*, *смолой* вскипала, ползла черная земля...» (№ 25, л. 26); «Острое жальце ростка, нежное и слабое, вяло лежало под рыхлыми комьями теплой пахнувшей солнцем земли, стремилось к свету и не могло пронзить лишенный влаги, земляной, *зачерствевший* покров.²⁶ Давыдов спешивался на пашне, разрывал рукою землю и, рассматривая на ладони [умерщвленное] зернышко пшеницы, [протягивавшее вверх] с выметавши [й] *мся* из недра ее тоненьки [й] *м* рост [ок] *ком*, испытывал [острое] *горькое* чувство жалости к миллионам похороненным в земле зерен, так мучительно тянувшихся к солнцу и почти обреченных на смерть» (№ 26, л. 2); «Под конец [пришел] *явился* Макар Нагульнов. Он услышал, что старики — делегация верующих — [пошла] *отправились* просить у Давыдова разрешения молебствовать, поспешил прийти» (№ 26, л. 3); «Казачи либо в поездках, либо отдыхают *в куренях или* на погребницах, либо вяло постукивают топорами; сонные бабы, устроившись где-

²⁶ В «Новом мире» (1932, № 9, с. 135) иной порядок слов: «зачерствевший земляной покров».

нибудь в холодке, [ищутся в головах друг у дружки] ищутся. Пустота и дремотный покой властвуют в хутор[е]ах» (№ 26, л. 10); «Вышли те, которые по сути были мертвым балластом в [колхозе] бригадах, которые и [вошли-то в колхоз] [е] колхоз [-то] никами-то стали то ли из-за опасений, как бы не попасть в немилость к власти, то [и]ли просто увлеченные общим могущественным приливом [в колхоз], тягой в колхоз, начавш[им]ейся еще в январе» (№ 23, л. 1); «— Нашел чем хвалиться! То-то из тебя [и] дурь и прет... — хмуро [вставил] кинул Разметнов»; «Макар раздул побелевшие ноздри, в мутных глазах его [сверкнуло] плеснулось бешенство...» (№ 22, л. 12); «Яков Лукич проводил гостей за калитку... и, озабоченно вынув из кармана [данные] полученные от Лятевск[им]ого деньги, долго в предракетном сумеречье пытался разглядеть, какого они достоинства...» (№ 22, л. 10); «Они не понимают того, что эт[о]а [письмо его] статья — гнусный обман, мапевр!»; «В Тубянском и в моей станице казаки тоже отказались восставать. Переманил их Сталин сво[им письмом]ей статьей»; «...снял белую курпйчатую папаху, осушил ею [слезы] глаза» (№ 22, л. 9); «...попадешься им, так уж [пощады] милости не жди! Я побывал в 20-м году за границей, покушал французского хлеба на Галиполях и не чаял отгедова ноги притянуть!» (№ 22, л. 7); «[Да-да,] То бишь секретаря всей партии, товарища Сталина» (№ 22, л. 5); «— Может, похмелиться есть нужда? — предупредительно спросил Яков Лукич, но Лятевский глянул куда-то выше его головы [Якова Лукича]; «Ты поиде[м]шь²⁷ охлюпкой, тут недалеко» (№ 22, л. 3); «Половец улыбнулся как-то виновато, смущенно, [ежась, улыбнулся] одною стороною рта» (№ 22, л. 2); «Яков Лукич, [управившись с конем, стоял] стоял у притолоки...» (№ 22, л. 1); «...довольно крякая, сияя глазами, светлея смуглыми лицами от [сухих] скупых, дрожащих улыбок, торопливо комкали свое старое, латанное-перелатанное веретье, облачались в нов[ое]ую справу, сквозь котор[ое]ую уже не просвечивало тело» (№ 26, л. 16); «Около калитки — [еще видная] в грех шагах от них — чернела фигура человека» (№ 21, л. 10); «Снег [валил] бил густо, мокро» (№ 21, л. 7); «— Лушка-то Макарова вроде к [Давыдову] председателю колхоза зачала прислоняться... — нерешительно сообщил Яков Лукич...» (№ 26, л. 29); «Никакие Половцевы не [пособуют] устоят, какого бы ума они ни были» (№ 26, л. 25); «[Давыдов] Он, поужкивав, лежал в своей комнатухе...» (№ 26, л. 19); «Пока не возрастим своего такого знающего, до тех пор будем держать [его] Островного в завхозах» (№ 26, л. 13); «...ударник [опять же] есть самая заглавная фигура, поняла?» (№ 25, л. 27); «Усменливо поглядывая на него, Дымок [сказал] ответил...» (№ 25, л. 5); «... [с дрожью в голосе] дрожащим тенорком сказал кто-то из задних рядов толпы» (№ 24, л. 28); «... [Сказал] Ответил еди-

²⁷ В «Новом мире» (1932, № 5, с. 69) вместо «пойдешь» — «поедешь».

поличник Добродеев Мирон...» (№ 24, л. 27); «Бородатый ярской казачина [соскочил] прыгнул с брччки» (№ 24, л. 20); «Поймите, братцы, что это у меня без злого умысла супротив [власти] партии» (№ 24, л. 12); «„Видно, Половцев и Лятевский махнули [уж] через границу“, — думал Яков Лукнич, и к острому сожалению о том, что не пришлось стряхнуть Советскую власть, примешивалась спокойная радость, довольство: что²⁸ отныне уж [ничто] ничто не грозило благополучному существованию Якова Лукнича. Теперь уж, глядя на приезжавшего в Гремячий Лог участкового милиционера, он не испытывал тошнотворного страха, а раньше один вид черной милиционерской [черной] шинели повергал его в несказанный трепет и дрожь...» (№ 26, л. 14). Без всех этих многочисленных исправлений «Поднятая целина» не была бы столь совершенным созданием, отличающимся удивительной оркестровкой.

Освательной шлифовке подверглись страницы, повествующие о проделках Дымка и о его судьбе, по-своему печальной и совсем бесславной: «На закате солнца [он недолго] играет возле общественного амбара на гармошке своего сосланного дружка, Тимофея Рваного, [а потом] но как только сияя тень ляжет в садах и левадах, [как только по] едва лишь утихает людской гомон и скотинный мык, [идет Дымок] он не спеша шагает по проулку к Фектинному базу, а над грустно перешептывающимися верхушками тополей, над безмолвным хутором [шел] идет такой же одинокий, такой же круглолицый, как и Дымок, месяц. [Но] Не одни девки были утехой в жизни Дымка: любил он и водку, а еще больше драки»; «...и Дымок, не в силах совладать с борющейся его страстью, вступает в [драку] бой. К двадцати годам [его жизни] он уже [потерял песочно] успел растерять полдюжины зубов» (№ 24, л. 23); «...только голос [Дымков] после болезни становился глуше и хрипатеи, словно вздох изношенных мехов старенькой гармошки. Из [Дымка] [него] Дымка трудно было [выбить] вышибить жизнь, — живуч был, как копка»; «Дымок издавна питал к нему великую злобу и вот теперь-то, считая, [что пришло время] момент подходящий для расплаты, и полез на сцену, чтобы поквитаться...»; «Он подходил к Андрею все ближе. Колени его тряслись, и от этого казалось, что [Дымок] он словно бы притащивыва[л]ет» (№ 24, л. 24), и т. д.

Правка, причем довольно обстоятельная, не миновала даже одной из лучших шолоховских пейзажных зарисовок — описания Смертиного кургана, которое обладает глубоким социально-философским смыслом. Шолохов добивается филигранной отделки художественного текста: «Летом, вечерними зорями, на вершину его слетает из подоблачья степной беркут. [Нрзб.] Шумя крылами, он упадет на курган...»; «[Неподвижный, пжелта-бурый,] как камень самородок, неподвижный и изжелта-бурый беркут

²⁸ Этого союза в журнальной публикации не оказалось (см.: Новый мир, 1932, № 9, с. 141).

отд[ы]ох[ае]нет перед вечерней охотой и слова легко оторвется от земли, взлетит»; «Куда унес[е]ут его знобящи[й]е осенни[й]е вет[ер]ры? В голубые предгорья Кавказа? В Муганскую степь ли? В Персию ли? В Афганистан?»; «Он стоит долго, [прзб.] мертво, словно изваянный из желто-пламенного каррарского мрамора; стоит, опустив на лиловый снег рыжее [пушистое] ворсистое правило. . .» (№ 24, л. 36); «В этот момент только агатовый влажный нос его живет в могущественном [птичьем] мире слитных запахов. . .» (№ 24, л. 36—37); «[Курган] Стоит курган на гребне в восьми верстах от Гремячего Лога [на гребне], [пздавна] издавна зовут его казаки Смертным. . .»; «. . . липовину < . . . > падо сойти с кургана и проплыть, не вынимая из звездно-искрящегося снега ног, влоча [свое] покрытое сосульками, почти невесомое брющко по [прзб.] верхушка бурьяна сажен пятьдесят»; «Влажное от снега, соприкасающееся с травой перо лучит восприят[ый]ую от травы [запах] горечь полышка и прогорклый душок чернобыля, это — сверху, а от синего пенька, до половины воззающего в мясо, [—] исходит запах теплой и солонцеватой кров[ью]и. . .» (№ 24, л. 37).

В начале 16-й главы Шолохов посчитал нужным полностью сменить мизансцену: «Около дверей в конюшню. [на пичкатых сапах, спдело] под навесом. стояло человек восемь казаков»; «Одни из [спдящих] стоящих затушили о сапог цыгарку, ответл. . .» (№ 24, л. 7); «— Так, товарищ Давыдов. . . [Сидим] Стоим, обчий кур устраниваем. . .»; «— [Сели покурить] Стали покурить да загутарились. Мятель думаем переждать» (№ 24, л. 8). Чем вызвана такая правка? Видимо, тем, что первое состояние было менее правдоподобным: действие-то происходит зимой, когда холодно и метет метель, расслаиваться особенно не будешь. Мотивируя более достоверное второе состояние (стояли), писатель вводит упоминание о навесе и фразу о том, что казаки собрались здесь не только для того, чтобы перекурить и поговорить, но и для того, чтобы переждать метель.

Некоторые замены, сделанные автором в наборной машинописи, позволяют говорить о том, что Шолохов далеко не сразу распределил «роли» между эпизодическими фигурами романа, не без «накладок» провел предварительную «перепись» жителей Гремячего Лога, отнюдь не бесспорно наделил действующих лиц произведения теми или иными функциями, не совсем четко представлял себе место того или иного второстепенного героя в сюжетно-композиционной организации книги и что он уже тогда держал в голове план второй части «Поднятой целины», где количество персонажей заметно возрастет. Переименования, к которым прибегает прозаик, весьма красноречивы: «Днем работала погонычем в упряге [Архива] Афанасия Краснокутова. . .» (№ 26, л. 15); «. . . и без труда доказал сомневавшемуся в рентабельности такого предприятия [Демке Упакову] Аркашке Менку. . .» (№ 26, л. 13); «— [Вторая] Первая бригада вдоль борозды бороны гоняет. Такая волочьба ни к черту не годится. < . . . > Я им указал на

это, а [Дубцов — рябой чертила] *Ушаков* — *раскосый черт* — говорит: „Твое дело по ковадлу стукать да мех дуть, сюда не суй посяку, а то мы его зараз плугом оттяпаем!“ Я ему на это отвечаю: „Допреж чем ехать мех дуть, я бы тебя, [ряб] *косого*, вздул!“ Ну, и за малым не подрались» (№ 23, л. 17—18); «— Идол бесчувственный! Каменюка холодная! — чуть не со слезами взголосила молоденькая [Палага] *Настена* Донецкова, усердно молотившая по спине Давыдова своими маленькими, но крепкими кулачками» (№ 24, л. 30); «Вешал и отпускал хлеб бывший колхозник Батальщиков Иван, ему помогал [Демид Молчун] *мухортенький Аполлон Песковатсков*» (№ 25, л. 1). Приведенный материал показывает, что у отдельных эпизодических героев идейно-художественная нагрузка окончательно определилась довольно поздно — лишь в процессе печатания романа: Шолохов что-то уточнял, перетасовывал, заменял с тем, чтобы даже случайные, проходные, маловажные фигуры имели свое неповторимое лицо, запомнились читателю, следящему за судьбами всех гремяченцев.

Человеческое обаяние гремяченского председателя неотразимо. А ведь писатель одно время даже опасался того, что его посланник рабочего класса может получиться холодноватым. Желая «утеплить» образ Давыдова, Шолохов вносит в наборную машинопись такое, к примеру, показательное уточнение: предложение «Любишкину решено было выдать пиджак, шаровары и сапоги» принимает другой вид — «Любишкину Давыдов распорядился выдать пиджак, шаровары и сапоги» (№ 21, л. 16).

Заботясь о ритме, о ровности интонационного строя, автор на многих страницах наборной машинописи переставляет слова и словосочетания, освобождается от необоснованной инверсии, уточняет местонахождение того или иного компонента предложения. Вот несколько характерных примеров: «*По случаю дождя* приехавший с поля [по случаю дождя] Демка Ушаков шел за нею поотдаль, и, вероятно не рискуя приближаться на более короткую и опасную дистанцию, просил. . .» (№ 23, л. 11); «. . . по возмужании пристрастился портить [девок] хуторских *девок* и на этом поприще стяжал себе < . . . > худую и громкую славу. . .»; «Парень этот, по прозвищу Дымок, [на редкость] был на *редкость* кучеряв» (№ 24, л. 22); «С минуту молчали, потом [Лушка] она [приподнялась] с неожиданной живостью *приподнялась*, охватила руками свои согнутые в коленях ноги и затряслась от приступа беззвучного смеха» (№ 26, л. 24); «Всю дорогу Половцев молчал, курить воспретил и [ехать] велел *ехать* не по дороге, а сбочь, [в] саженья в пятидесяти» (№ 22, л. 4); «У Любишкина лицо — красная [кирпичина] обожженная *кирпичина*. . .» (№ 21, л. 16); «Кондрат яростно тряхнул буденновкой, на смуглый стоян [его] шеи *его*, на воротник приношенного зипуна посыпались мягкие [мякинные] остья» (№ 21, л. 9); «. . . потом и сам дед Щукарь из подсолнухов вдруг окажется, [поковыляет к хате,] не глядя на проулок, *поковыляет к хате*. . .» (№ 21, л. 2); «. . . вывел злосча-

стную [кобылу], проявившую столь неожиданную прыть, *кобылу* за хутор... А Щукарь *уже* не осмелился [уже] снова сесть на цыганскую „мыслио“...» (№ 23, л. 16); «В этот момент он готов был [ее] смеющийся рот *ее* зажать ладонью, лишь бы она замолчала» (№ 26, л. 20); «Особо ретиво [бабы] его поддержали *бабы*» (№ 25, л. 24); «Грохот [копыт] конских *копыт* стался все ближе» (№ 25, л. 5); «[Банник] Не пожалел *Банник* ног, шныряя с база на баз...» (№ 24, л. 18); «Такое состояние [у него] было *у него* всегда незадолго перед припадком...»; «...этот парень насквозь *его* видит [его], понимает и сочувствует» (№ 24, л. 8); «Сколько сусликов *ты* убил [ты]?» (№ 23, л. 18); «А как же ей, сердяге, было не обмереть над колхозным добром, когда она за всю свою [горчайшую] жизнь *горчайшую* доброго куска ни разу не съела...» (№ 21, л. 16); «Говоришь, [мне] в глаз *мне* эта статья попала?» (№ 22, л. 12); «Лицо его было черно и обветрено, [глаза глубоко ввалились], кожа на скулах от худобы туго натянута, *глаза глубоко ввалились*...» (№ 26, л. 27).

В целом ряде случаев характер авторской правки наводит на мысль о том, что Шолохов не очень жалуется союз «и», соединяющий между собой однородные члены сложносочиненного предложения: писатель изгоняет его, обходясь без всякой связки, или заменяет каким-либо другим словом. Тем самым он обеспечивает фразе тот ритм, который считает нужным и единственно правильным, и достигает необходимой плавности повествования. Стяжения такого рода позволяют художнику избавиться от излишне длинных, чрезмерно осложненных предложений, которые довольно редко встречаются в его книгах (не любит Шолохов и очень короткие, рубленые фразы, дававшие о себе знать в произведениях 20-х годов), на чем мы остановимся несколько ниже.

Приведем конкретные примеры, демонстрирующие эту особенность шолоховского синтаксиса: «...голос Макара дрогнул [и], стал еще тише» (№ 22, л. 12); «Ранняя пшеница радовала всходами, но на участке второй бригады было около сотни гектаров кубанки, высеянных в первых числах мая[, и] Давыдов опасался, что посеянная с опозданием кубанка плохо взойдет...» (№ 26, л. 1); «...дед Щукарь, пересолив накануне кашу, решил выдобриться перед бригадой и, отправившись с вечера в хутор, переночевал там, а утром припас из дома мешок [и —], на пути в бригаду [—] завернул к гумну Краснокутова...» (№ 25, л. 16); «— Куда вы... — испуганно зашептал дед Щукарь [, и] Выглянув в полуотворенную калитку, *он* увидел, как Давыдов, словно подталкиваемый в спину порывистым ветром, идет по направлению к общественным амбарам неверным, но быстрым шагом» (№ 24, л. 35); «Давыдов вошел в свою комнату [и], зная, что за ним подсматривают, сделал вид, [что] *будто* старательно ищет» (№ 24, л. 30); «Он вертел своей круглой головой, крепкой, обточенной, как речной камень-голыш, вытирал пот с короткой красной шеи [и], сожалеюще причмокивал толстыми губами»

(№ 24, л. 8); «Макар оседлал коня, снял с него недоуздок [и], накинув нарядную уздечку, некогда принадлежавшую Титку, привычно поставил ногу в зазубренное стремя» (№ 24, л. 5); «Макар, видя со стороны Разметнова проявление живейшего интереса к его учебе, откинул настороженность [и], уже охотно заговорил. . .» (№ 24, л. 3); «Кинулся я бечь, а он догнал, да под нижнее ребро рогом подценил [и], кинул через плетень» (№ 23, л. 23); «Родился я на „Евдокию“, но в этот день не то что курочке негде было напиться, но даже, говорила мамаша, [и] воборьбы на лету замерзали к ядреной матери!» (№ 23, л. 20); «Федотка, помедлив, вдруг прыгнул на ходу с дрозжек, как большой серый кузнечик [и], чикляя на одной ноге, прокричал. . .» (№ 23, л. 19); «Не вытерпел [и], сам выскочил мочомь поскорее запрячь» (№ 23, л. 18); «. . . поторговавшись, он сбавил и последний рубль, из полы в полу передал Шукарю повод недоуздка [и], даже притворно всхлипнул, вытирая рукавом ярко-синего длиннополого сюртука коричневый лоб» (№ 23, л. 13); «Та рассыпалась, со свистом рванулся из-под черепков воздух, дед Шукарь утробно икнул [и], облегченно, часто задыхался, без труда сорвал бабки» (№ 21, л. 13); «Через это мне и хотелось все поскорее сделать, покруче собственника — [и] мелкого буржу[ю]я — завернуть» (№ 22, л. 13); «Он встал вместе с Яковом Лукичем [и], не дав ему слова вымолвить спросил. . .» (№ 22, л. 5); «А Макар до конца собрания просидел молча, внешне ничем не проявляя своего волнения [и,] Давыдов, поглядывая на него, лишь единственный раз заметил, как по рукам Макара, обессиленно кинутым на колени, бугристой волною прошла крупная дрожь. . .» (№ 22, л. 17); «Хозяйка квартиры Нагульнова мне сказала, что он ежедневно [и] очень поздно приходит домой, где он бывает — ей неизвестно, но нам-то, товарищи, известно, где он может бывать!» (№ 24, л. 10); «Посветлевшими глазами оглядел он распростертый окрест его мир [и,] Ему уже казалось, что положение его вовсе не такое непоправимое [и] и безнадежное, каким представлялось несколько часов назад» (№ 24, л. 39); «Он всегда относился к Молчуну тепло [и], приязненно, питая непресоборимое уважение к его физическому могуществу» (№ 23, л. 3); «Половцев со всеми здоровался за руку, потом отошел с одним к окну [и] о чем-то, шепотом в течение пяти минут говорил» (№ 22, л. 4); «У нас был щеночек, маленький, я с ним как-то играл [и], как видно, больно ему сделал [и], что ли, Он меня и цапнул за палец, до крови укусил < . . . » Он — под амбар, я — за ним, [и] все бью его, прзб.] он — под крыльцо, но я его и оттуда достану и все бью его, бью» (№ 22, л. 2); «— Завтра уж прииду примерять, — [и пошел с база] С база пошел в повых шароварах с нампасами. . .» (№ 21, л. 16).

Вместо союза «и» даже с противительным значением в наборной рукописи нередко появляется противительный союз «но», так что Шолохов весьма последователен в своей правке, призванной в какой-то мере «разгрузить» текст, сделать его более ясным:

«На выезде из станицы хотел сесть верхом [и], но не смог: четыре раза поднимал ногу к стремям и, пьяно качнувшись, отрывался от луки...» (№ 24, л. 16); «Он вернулся за шапкой [и], но, видя, что по проулку спешит к нему народ, сам поспешил назад...» (№ 23, л. 15); «Ушла, и Давыдов вздохнул с облегчением, [и] но через минуту он уже сидел за столом, ожесточенно вцепившись в волосы, думал...» (№ 26, л. 21). Иногда соединительный союз «и» замещается Шолоховым наречием, выражающим пространственно-временные связи: «Она шла, направляясь прямо на ярки и канавки, и не перепрыгивала их, а падала [и], потом, опираясь на дрожащие передние ноги, вставала, трудно вздымая, слова шла...» (№ 23, л. 16);

Через синтаксис, построенное отдельно взятого предложения, ритм, интонацию автор «Поднятой целины», столь чуткий к своему времени, стремился передать динамику эпохи, атмосферу изображаемой действительности.²⁹ Роман Шолохова, как тонко заметил прозаик С. Ф. Буданцев в письме к В. Д. Ряховскому от 22 ноября 1932 г., «горит, жжется», поэтому его печатания «ждешь с нетерпением от продолжения к продолжению».³⁰ Разумеется, «Поднятая целина» далека от рубленой прозы и не несет на себе следов сиюминутных влияний, тем не менее в ее языковой фактуре хорошо прослушивается пульс времени, — об этом, в частности, и свидетельствует «пристрастное» отношение писателя к союзу «и», отношение, которое в какой-то степени сигнализирует об одной из особенностей шолоховского стиля конца 20-х — начала 30-х годов. Лишь в немногих случаях наборная машинка пополнилась данным союзом: «Теперь, товарищи, выслушайте мое короткое и важное слово к вам» (№ 25, л. 21). Без него только что приведенная фраза не обрела бы свойственную ей естественную ровность: в музыке прямой речи наблюдался бы еле ощутимый сбой.

Как уже можно было убедиться на иллюстрациях с союзом «и», Шолохов довольно часто, совершенствуя художественный текст, прибегает к разбивке больших предложений — из одного делает два. Вероятно, это усечение также продиктовано интонационно-ритмическими соображениями, желанием привести в мак-

²⁹ «Когда я в первый раз выступила за границей, это было в 1927 году, — говорила Л. Н. Сейфуллина, — меня спрашивали, почему наша проза такая рубленая, короткая проза, почему у нас много неправильных оборотов, почему наш язык засорен провинциализмами и т. д. Я объяснила это тем, что каждое произведение поет на себе дыханье, темпы своей эпохи, размер шага этой самой эпохи. Мы писали в период гражданской войны, жизнь была торопливая, как торопливо дыхание на бегу у людей, и та проза соответствовала своему назначению, она тогда не раздражала. Произведения, написанные в том периоде этой рубленой прозой, оправданы» (Сейфуллина Людья. О литературе: Статьи. Заметки. Воспоминания. М., 1958, с. 77).

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 422, оп. 1, ед. хр. 116, л. 165. Пользуемся случаем, чтобы принести благодарность исследовательнице творчества С. Ф. Буданцева М. М. Калантаровой, обратившей наше внимание на этот интересный документ.

символьное соответствие предмет изображения и средства, присмысл изображения, «зафиксировать» скорость коллективизации, добиться того, чтобы каждая клеточка произведения работала на целое, лучше бы высвечивая его. Действие «Поднятой целины» развивается весьма стремительно, неспроста в ней есть даже детективный элемент, столь редкий в книгах Шолохова и не очень «сподручный» для эпического повествования вообще. Дроблением длинных фраз и оборотов писатель как бы усиливает ощущение стремительного, хотя и трудного, бега жизни, вставшей на дыбы.

Большие предложения — «Этак можно в дым обмараться, с такой работой можем в миг влететь на черную доску, да так и присохнем на ней!», «Нагульнов террор устроил, никому не дает слова сказать, вместо того, чтобы вести разъяснительную работу, он орет на хлеборобов, случит ногами, грозит оружием», «Милиционер, сопровождавший партию осужденных, три раза крикнул Дымку „стой“, но тот, пригнувшись, бежал по пахоте к нему, до кустов оставалось сажений пятнадцать, тут-то милиционер стал на колени, вскинул винтовку и с третьего выстрела положил Дымку насмерть», «Ить наш председатель совета так нас зануздал было, что на собрании и слова супротив него не скажи, подтягивал нам подпруги, неплохо, дыхнуть нечем было...» — делятся на два предложения, вторые начинаются соответственно со слов: «С такой работой...» (№ 25, л. 21), «Вместо того, чтобы...» (№ 24, л. 10), «До кустов оставалось...» (№ 26, л. 10), «Подтягивал нам подпруги...» (№ 22, л. 6). Есть усечения и иного плана: оно порой играет акцентную роль — подчеркивает, выделяет (см.: № 21, л. 11). Укорачивание коснулось и авторского повествования, и прямой речи (см. также: № 22, л. 7; № 24, л. 15). Дробя предложения, входящие в состав диалогов, писатель стремился передать особенности устной разговорной речи.

Шолохову, однако, не нравились и слишком короткие фразы: он объединял их, в результате чего получались более распространенные простые или бессоюзные сложные предложения, не отличающиеся особой длиной (см., например, № 21, л. 12; № 25, л. 5; № 24, л. 19 и др.). Между двумя предложениями: «Но после того, как он кинулся от весов на приклетку амбара и стал, заслонив собою дверь, настроение большинства сразу определилось. Вслед за Дымковым возгласом посыпались крики...» — двоеточие появилось (после слова «определилось» — № 25, л. 2), по-видимому, потому, что второе предложение конкретизирует содержание первого. Длина шолоховского предложения дает основание сделать вывод о том, что автор «Поднятой целины» придерживается золотой середины: не культивирует ни толстовской, очень пространной фразы, ни чеховской, как правило, лаконичной.

Для придания художественной речи большей подвижности и разнообразия романист неоднократно вместо глагольного сказуемого обращается к деепричастию, которое, как известно, «осложняет» описываемое основное действие, сопутствует ему, делает его объемнее и разветвленное и сообщает фразе дополнительную мо-

бильность: «[Любишкин] поправил (исправлено на «поправив») на голом, горячем от солнца ленчике седла разостланную дерюжку, *Любишкин*³¹ медленно стал садиться» (№ 25, л. 12); «К стенкам!.. — и, выхватив (вместо «выхватил») наган, держа его в вытянутой руке, направился к двери» (№ 22, л. 8); «...спросил у него Давыдов, на ходу взяв из рук Кондрата занозу, кинул (исправлено на «кинув») ее под ноги» (№ 25, л. 20); и т. п. Иногда деепричастие появляется там, где сперва было наречие: «...хмуро (исправлено на «хмурясь») сказал Разметнов...» (№ 22, л. 14). Встречается и обратный ход — деепричастие вытесняется глаголом, что, вероятно, продиктовано стремлением Шолохова к гармонизации повествования, достигаемой в отдельных случаях с помощью перечислительной интонации, последовательной расстановки однородных членов предложения: «Коня он оседлал сам, тщательно разгладил потник, подтянул (вместо «подтянув») подпруги» (№ 22, л. 10).

Прозаик, являющийся тонким стилистом, делает большое количество префиксально-суффиксальных исправлений-замен, призванных то точнее передать оттенки его мысли, то пригладить языковые шероховатости, то усилить речевую характерность какого-нибудь героя: «— За вас же, сволочей!.. — неожиданно звонко сказал Давыдов и повел по сторонам странно [пр]осветлевшими глазами...» (№ 24, л. 32); «Уж коли вы так дело [на]поворачиваете, я не могу промолчать!» (№ 21, л. 10); «...но на разбитых губах его уже [с]заскользила усмешка...» (№ 25, л. 7); «Ему хотелось [по]кончить это тяжелое дело поскорее» (№ 24, л. 12—13); «Секретарь прикрыл глаза [при]пухлыми веками, тяжело облокотился» (№ 24, л. 7); «...цвет[и]а-стая радуга» (№ 25, л. 19); «...на одном из правленческих жеребцов...» (№ 25, л. 13); «...прослы[x]шавший об отъезде Макара...» (№ 25, л. 2); «...пиявками присасывались к обессиле[нно]вшему Давыдову...» (№ 24, л. 32); «Из куреня доносился гул взволнова[вшихся]нных голосов...» (№ 22, л. 8); «Половец... вытер тылом ладони пот на лбу и громче продолж[и]ал...» (№ 22, л. 4); «...опарашенный неожиданным оборотом макаро[вско]вой речи...» (№ 21, л. 6); «...кулаков, уезжа[ющ]вших в студеные полярные края...» (№ 21, л. 5); «...и пузцо сытенькое...» (№ 23, л. 20); «Не у цыганов?» (№ 23, л. 15); «Никогда за время существования Гремячего Лога газета не собирала вокруг себя тако[e]го множеств[о]а слушателей...» (№ 22, л. 10); «И зараз ты голосуешь против[у] меня?» (№ 24, л. 15); «...на его небольшую, но складную, как у ястреб[а]ка, фигуру» (№ 24, л. 22); «Махнет он зараз в окно, а я останус[ь]я, как рак на мел[и]е!» (№ 22, л. 8); «...народ силком загоняли в колхоз и церк[овь]ва́ без спросу закрывали...» (№ 22, л. 6); «...аккуратно сложенную вчетверо газет[ку]у» (№ 22,

³¹ Перенос подлежащего обусловлен, прежде всего, решением Шолохова использовать неизменяемую глагольную форму.

л. 5); «...тихо постучался» (№ 22, с. 4); «...из седельной сум[ки]ы вынул казачьи синие с лампасами шаровары, надел, а свой, по самый высокий простроченный пояс, повесил над лежанкой просуши[вать]ть» (№ 22, л. 1); «...несколько неуверенно отве[ти]чал он»; «...сел на койк[е]у» (№ 26, л. 19); «...с треском отлетали подметки с казачьих чириков п сапог[ов]...» (№ 26, л. 16); «При дожде нелз[н]я пахать, товарищ Давыдов» (№ 25, л. 19); «...воду черпал он в ближайшем мелководном пруд[у]е...» (№ 25, л. 17); «Давыдов от неожиданно[сти]го рывка откинулся назад...» (№ 25, л. 14); «Мы, граждане, сами привыкли врагов пролетар[ья]иата ставить на колени. И мы их поставим» (№ 25, л. 7); «...колхозники второй п третьей бригад[ы]...» (№ 25, л. 5); «...он провел решенне обобществ[ля]ить домашнюю птицу п весь мелкий п молочный скот...» (№ 24, л. 10); «Они решпл[нсь]и действовать хитростью» (№ 25, л. 3); «В безлюд[н]ьиں пустовал бугор...» (№ 24, л. 31); «...в отчаян[пости]иں вскрпчал Щукарь...» (№ 23, л. 15); «Кобылка сива, не очень красива[я]...» (№ 23, л. 12); «Тебе как бедняку отдадим без разговор[у]а, факт» (№ 23, л. 2); «...трехдневный запас харч[а]ей» (№ 22, л. 4); «...запет он нам выпущать цыплят[ко]е сотнями» (№ 21, л. 12).

Встречаются п совсем уж крохотные замены, которые, как правило, вызваны тем, что автор избегает языкового патураллизма п уподобления литературного языка устной, разговорной речи, п которые распространяются лишь на реплики героев — посетителей донского диалекта (см., например, № 24, л. 24; № 25, л. 14, 3; № 22, л. 14; № 21, л. 6; № 23, л. 20). Шолохов отказывается от некоторых фонетических искажений в речи действующих лиц романа (см., например, № 23, л. 20).

Подставляя восклицательные знаки, писатель добивается полного соответствия прямой речи ремаркам повествователя или же подчеркивает эмоционально-экспрессивную окраску высказывания того или иного персонажа (№ 24, л. 10; № 26, л. 30, п др.).

Шолохов, в произведениях которого встречается немало областных слов, решает дать пояснение — быть может, по просьбе редакции журнала «Новый мир» — к выражению «глухая пора», распространенному на Дону, п не только на Дону. В примечании, которым снабжено предложение «В 1930 году впервые пчезла „глухая пора“», он указывает, что «глухая пора» — это «промежуток времени между весенним севом п покосом трав» (№ 26, л. 10). В современных изданиях «Поднятой целишы» эта ссылка, появившаяся в ту пору, когда начиналось «гопение» на диалектизмы п местные речения, как правило, отсутствует.

Необходимо заметить, что между наборной машиннойписью (уже с учетом правки автора) п первой публикацией есть несколько мелких расхождений, касающихся таких моментов, как расстановка знаков препинания, написание отдельных слов, снятие с них излишней диалектной окраски (а иногда наоборот — сгущение ее), сведение до минимума нецензурных или слишком грубых

выражений, освобождение от примет устной речи и др., что свидетельствует о том, что кое-какие уточнения делались Шолоховым или редактором на последней стадии прохождения текста — в корректуре. Разночтения, разумеется, не имеют принципиального значения, они носят, как правило, «косметический» характер, «облагораживают» художественную ткань, поэтому нет сужды задерживаться на примерах этого не стопроцентного совпадения, тем более что при переизданиях первой книги писатель больше ориентировался на наборную машинопись и на свою правку, чем на журнальную публикацию романа.

Знакома читателей с наборной машинописью нескольких глав «Поднятой целины», мы стремились как можно полнее — почти исчерпывающе — продемонстрировать изменения, внесенные в текст Шолоховым. При этом мы руководствовались суждением Пушкина, что «всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства».³²

Говоря об авторской правке, необходимо постоянно иметь в виду то обстоятельство, что перед нами не рукопись, а наборная машинопись первой части произведения. Шолохов, работая с машинописью, вероятно, в каких-то частностях не соглашался с редактором, отвергал его «улучшения» и настаивал на своем, т. е. наборную машинопись максимально приближал к рукописи, отправленной в «Новый мир».

Завершая разговор об одном из ценнейших документов шолоховского фонда, нужно еще раз подчеркнуть, что история печатного текста «Поднятой целины» представляет для исследователей не меньший (если не больший) интерес, чем рассмотренная правка наборной машинописи. Научное издание романа о коллективизации, как, впрочем, и других произведений Шолохова, потребует от филологов напряженного труда. Хотелось бы надеяться, что наши наблюдения над авторской правкой хоть немножко облегчат решение этой сложной и актуальной задачи. Анализ остальных материалов, хранящихся в ИРЛИ (имеются в виду прежде всего автографы «Тихого Дона»), надо полагать, также будет способствовать этому. Нет сомнения в том, что литературоведы обратятся к ним в ближайшее время, ибо, как заметил Пушкин, «следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».³³

---

³² Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, с. 75. «Мы, — конкретизировал свою мысль великий поэт, — с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записок к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначущие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером, написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов» (там же).

³³ Пушкин. Полн. собр. соч., т. VIII, кн. 1, с. 13.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ РОМАНС С. М. ЛЯПУНОВА НА СТИХИ А. А. АХМАТОВОЙ

Публикация М. А. Лобанова

Композитор С. М. Ляпунов (1859—1924) жил и работал в то время, когда русская музыка была особенно богата выдающимися художниками, вписавшими яркие страницы в историю мировой музыкальной культуры: Чайковский, Римский-Корсаков, Скрябин, Рахманинов. Творчество Ляпунова по праву относится к крупным явлениям отечественного искусства. В начале века сочинения композитора, особенно фортепианные и камерно-вокальные, постоянно звучали в концертах, широко входили в педагогический репертуар.

Несомненный художественный интерес представляет и неопубликованный романс С. М. Ляпунова «Смуглый отрок», по манере письма напоминающий прочие вокальные миниатюры композитора — «красивые и пластичные вокальные песни лирико-созерцательного характера, безусловно скомпонованные и уравновешенные»,¹ как их охарактеризовал Б. В. Асафьев. Написанное на текст стихотворения А. А. Ахматовой, завершающего ее цикл «В Царском Селе», неопубликованное сочинение Ляпунова является одним из первых опытов обращения музыкантов к творчеству поэтессы. Примечательна и история создания данного романса. Его автограф входит в состав более крупного документа, являющегося любопытным свидетельством литературной жизни Петрограда—Ленинграда 1920-х годов.

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР хранится среди материалов по истории данного учреждения и памятный альбом,² на страницах которого записи, сделанные А. Блоком, А. Ахматовой, А. Белым, В. Брюсовым, О. Мандельштамом, Ф. Сологубом, О. Форш и др. Знаменитые писатели и поэты, связанные с Петроградом—Ленинградом, оставили в качестве литературного приобщения Пушкинскому Дому свои стихи, отрывки из прозаических сочинений. За каждой записью — какое-то событие литературно-общественной

---

¹ Асафьев Б. В. Русская музыка: XIX и начало XX века. Л., 1968, с. 67—68.

² ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 282.

жизни, важное для становления самого Пушкинского Дома.³ А открывается альбом специально для него созданным стихотворением А. Блока «Пушкинскому Дому», последним произведением, которое успел закончить поэт.⁴

Вела альбом библиотечарь Пушкинского Дома Е. П. Казанович (1886—1942). Начав свою работу в этом учреждении еще в дореволюционные годы, она оставалась в числе его сотрудников и в начале 1930-х годов.⁵ После ее смерти в блокадном Ленинграде альбом поступил в Рукописный отдел ИРЛИ.

На страницах памятного альбома и находится автограф романа С. М. Ляпунова «Смуглый отрок». В начале 1920-х годов композитор, отдававший в это время много сил педагогике, работал также над подготовкой к печати эпистолярных материалов. Интересующие его письма хранились в архиве Пушкинского Дома. Вот почему композитор оказался в кругу лиц, тесно связанных с будущим Институтом русской литературы. В дневнике Е. П. Казанович⁶ имеется запись, где исчерпывающе раскрыта предельно короткая история создания С. М. Ляпуновым своего романа:

«Ляпунов несколько раз приходил в Пушкинский Дом собственно к В. Д. Комаровой⁷ и работал над какими-то письмами из Стасовского архива. В. Д. познакомила нас. В среду 6-го С. М. пришел опять. Комаровой не было; я разговорилась с ним о чем-то, а потом попросила его дать что-нибудь в мой альбом. Я думала, что Ляпунов напишет какую-нибудь строчку из своих старых произведений, и, конечно, на большее не надеялась. Мое удивление и, конечно, удовольствие было очень велико, когда, придя к нему через несколько времени за альбомом, я застала его за большим, им тут же (л. 214) разлинованным для нот листом бумаги, в который он быстро вписывал нотные крючки, а перед ним лежал альбом, раскрытый на стихотворении Ахматовой „Смуглый отрок..“

— Я вдохновился и пишу Вам новый романс, — с улыбкой, немного шепелявя, ответил Ляпунов на мой немой вопрос. Таким образом, романс его, посвященный Пушкинскому Дому, был написан в какой-нибудь час

---

³ В частности, на страницах альбома находятся записи Е. Замятина, М. Лозинского, Вс. Рождественского, выступавших с чтением своих произведений и переводов на литературных вечерах Пушкинского Дома, имевших большое значение в истории последнего. Об этих вечерах см.: *Васкаков В. Н.* Пушкинский Дом. Л., 1980, с. 62, 64.

⁴ *Блок А. А.* Ранняя редакция стихотворения «Пушкинскому Дому»: [Публикация Л. Б. Модзалевского]. — В кн.: *Бюллетени Рукописного отдела Института литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.* М.; Л., 1947, вып. 1, с. 80—83; *Казанович Е.* Как было написано А. Блоком стихотворение «Пушкинскому Дому» / Публикация В. Н. Сажина. — *Звезда*, 1977, № 10, с. 199—200.

⁵ См.: Свидетельство очевидца: Дневниковые записи Е. П. Казанович / Вступит. статья, публикация и комментарии А. Конечного и В. Сажина. — *Литературное обозрение*, 1980, № 10, с. 108; *Григорьян К. Н.* В Пушкинском Доме. — *Русская литература*, 1981, № 3, с. 87.

⁶ ГПБ, ф. 326 (Е. П. Казанович), № 20, л. 108 об.—109 об. См. также: *Из дневников Е. П. Казанович* / Публикация В. Н. Сажина. — В кн.: *Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография.* Л., 1982, с. 170—171.

⁷ *Комарова В. Д.* (1862—1943) — сотрудница Пушкинского Дома, литературовед, выступавшая под псевдонимом «Вл. Каренин».

времени тут же, в стенах Академии, в самом Пушкинском Доме» (л. 215).⁸

Дневниковая запись Е. П. Казанович свидетельствует, что публикуемый романс возник как экспромт: от замысла данного сочинения и до окончательного оформления его нотного текста прошло не более часа. Скорее всего, и со стихотворением А. А. Ахматовой С. М. Ляпунов познакомился непосредственно при чтении альбома, ибо поэтические привязанности композитора неизменно вели его к творчеству поэтов более раннего времени.⁹ О том, что Ляпунов пережил в этот момент подлинный прилив вдохновения и внутренним слухом как-то сразу представил себе свое еще не зафиксированное сочинение, показывает характерная деталь, отмеченная Казанович: быстрота, с которой композитор записывал ноты.

Автор остался удовлетворен своей работой, что видно не только по описанию Е. П. Казанович. Об этом позволяют судить все рукописные материалы, связанные с романсом «Смуглый отрок»: кроме записи в памятном альбоме сохранился в архиве композитора черновик — тот самый лист, на который он быстро наносил «нотные крючки», а также еще одна чистовая запись, сделанная Ляпуновым для себя.¹⁰ Предполагаю, что, оставляя копию себе, композитор намеревался впоследствии издать свое сочинение. Публиковавший прежде романсы небольшими тетрадами, включавшими в среднем по четыре вокальные миниатюры, композитор оставил свой новый романс до тех пор, пока в его портфеле не накопится еще одна такая же подборка. Но этого не случилось. «Смуглый отрок» — последнее законченное вокальное сочинение композитора. И в данном смысле оно невольно вызывает в памяти блоковское «Пушкинскому Дому», тем более что оба произведения созданы по одному и тому же поводу, автографы обоих находятся под одним и тем же переплетом.

Музыка романса «Смуглый отрок» воскрешает образы возвышенно-идиллического плана, довольно распространенные в творчестве русских композиторов в 1880—1890-е годы и позже, в том числе в произведениях самого Ляпунова. Примечательно отдаленное сходство между начальными музыкальными фразами публикуемого сочинения и началом же романса «Догорает печальный закат» М. А. Балакирева, верным другом и последователем которого был С. М. Ляпунов.

Плавная напевность зачина мелодии и восторженная приподнятость интонаций-восклицаний в кульминации очерчивают круг настроений последнего романса Ляпунова. Но то и другое дано композитором без длительного развития, намеком. Характерную недосказанность (как специфический образ музыки) создают многозначительные отыгрыши-эхо в партии фортепианного сопровождения, в которых словно растворяются прозвучавшие стихи. Неоднозначность поэтического слова и безыскусной мелодии романса как бы призвана раскрыть аккомпанемент: композитор,

⁸ ГПБ, ф. 326, № 20, л. 214—215.

⁹ Об этом свидетельствуют поэтические источники всех прежних романсов С. М. Ляпунова. Кроме того, в архиве композитора хранится подборка стихов, отобранных для будущих романсов. И в этой подборке также отсутствуют стихи поэтов конца XIX—начала XX в. (см.: ГПБ, ф. 451, ед. хр. 1, № 348).

¹⁰ ГПБ, ф. 451, ед. хр. 1, № 205—206.

проявляя незаурядное гармоническое мастерство, каждый раз даст повторяющиеся мелодические обороты¹¹ на фоне новых гармоний. Несомненно, Ляпунов нашел здесь сочетание средств музыкальной выразительности, соответствующее духу стихов Ахматовой. Тем самым романс «Смуглый отрок» может быть расценен как интересный опыт воплощения в музыке поэзии начала века.

«Смуглый отрок» Ляпунова достоин войти в переиздание романсов композитора, если таковое будет предпринято. В качестве основы публикации следует избрать автограф Пушкинского Дома: в альбоме Е. П. Казанович романс «Смуглый отрок» предстает вполне законченным произведением, негромко, но достойно завершающим творческий путь талантливого русского композитора.

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

«Смуглый отрок»

Слова А. Ахматовой

Муз. С. Ляпунова

The musical score is presented in two systems. The first system shows the vocal line and piano accompaniment. The tempo is marked [Andantino]. The key signature is three sharps (F#, C#, G#). The time signature is 8/8. The piano part begins with a piano (p) dynamic. The second system continues the vocal line with the lyrics: "от-рок бро-лит по ас-се-ним У о-верных глу-хих бе-ре-". The piano part includes a *dol.* (dolando) marking. The word "Смуг-лый" is written above the piano part in the first system.

¹¹ Композиционное строение романса — двойное проведение музыкального периода, соответственно двум строфам произведения А. А. Ахматовой.

* Отсутствует в альбоме, но имеется в черновике.

гов И сао_ле - ги - е

p

мы ле - ле - ем Е - ле слыш - ный

ше - лест ша_гов Шаги

mf

е - лей гус-то и кол - ко У - сти - ла - ют вид, кня - е ни

* По-видимому, здесь должен быть ми бекар.

Здесь ле - жа - да е - го тре - уг - о - л - ка и радор - лив - ный

том Пар-ня

rosso rit

Петроград, 6 сентября 1922 г.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Запись А. С. Пушкиным стихотворения Г. Р. Державина в альбоме Д. А. Остафьева. 26 ноября 1830 г. (с. 12).
2. Расписка А. С. Пушкина под вводным листом на владение сельцом Кистепевым. 16 сентября 1830 г. (с. 13).
3. «Зерцало российских государей» Тимофея Мальгина. Внешний вид рукописи (с. 42).
4. Письмо В. А. Жуковского Н. И. Гречу. 28 января 1837 г. (с. 75).
5. В. А. Жуковский. Рисунок А. А. Воейковой. Карандаш. 1820-е годы (с. 79).
6. В. А. Жуковский. Рисунок неизвестного. Карандаш. 1830-е годы (с. 86).
7. А. Ф. Воейков. Рисунок неизвестного (из альбома Ф. А. Копи). Карандаш (с. 88).
8. А. А. Воейкова-Протасова. Рисунок неизвестного. Карандаш (с. 94).

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЗОРЫ

- Р. Е. Терехина*. Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) за 1975—1981 гг. 3

II. ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

- Об одном неосуществленном замысле Тимофея Мальгина. (*Сообщение М. П. Лепехина*) 29
- В. А. Жуковский. Письмо к Н. И. Гречу. (*Публикация К. Н. Григорьяна и Ф. Я. Приймы*) 74
- Из нежданной переписки В. А. Жуковского с русскими литераторами 1810—1820-х годов. (*Публикация Р. В. Иезуитовой*) 78
- П. А. Плетнев. Письма к В. А. Жуковскому. (*Публикация Е. П. Горбенко*) 111
- К. Н. Батюшков. Письма к Е. Н. и П. А. Шипиловым и к П. А. Вяземскому. (*Публикация В. А. Кошелева*) 129
- В. Ф. Одоевский. Письма к А. С. Пушкину. (*Публикация Р. Е. Терехиной*) 149
- А. Н. Пыпин. Письмо к Н. А. Некрасову. (*Публикация А. В. Дубровского*) 157
- Н. С. Лесков. Письмо к Л. Н. Толстому. (*Публикация А. А. Горелова*) 164
- А. И. Куприн. Письма к Ю. Д. Беляеву. (*Публикация Л. П. Архиновой*) 175
- Неоконченная трагедия Вячеслава Иванова «Нюбея». (*Публикация Ю. К. Герасимова*) 178
- И. М. Касаткин. Автобиографические заметки. (К истории личных и творческих взаимоотношений с М. Горьким). (*Публикация В. И. Протченко*) 204
- М. А. Шолохов в работе над «Поднятой целиной». (Авторская правка в наборной машинописи первой книги романа). (*Сообщение П. В. Бекедина*) 217
- Неопубликованный романс С. М. Ляпунова на стихи А. А. Ахматовой. (*Публикация М. А. Лобанова*) 246
- Список иллюстраций 252

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
на 1980 год

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректоры *А. Э. Лакомская, Л. Б. Наместникова*
и *Г. И. Суворова*

ИБ № 20733

Сдано в набор 28.02.84. Подписано к печати 24.09.84.
М-18485. Формат 60×90^{1/16}. Бумага книжно-журвальная.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 16. Усл. кр.-отт. 16. Уч. изд. л. 17.98. Тираж
11550 (1-й завод 1000 экз.). Тип. зак. 1278. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»,
В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ
ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

- 117192 **Москва**, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»

*или в ближайший магазин «Академкнига»,
имеющий отдел «Книга — почтой»:*

- 480091 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 **Баку**, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
232600 **Вильнюс**, ул. Университето, 4;
690088 **Владивосток**, Океанский пр., 140;
320093 **Днепропетровск**, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе**, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 **Ереван**, ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 **Казань**, ул. Достоевского, 53;
252030 **Киев**, ул. Ленина, 42;
252142 **Киев**, пр. Вернадского, 79;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 2;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 **Кишинев**, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 **Краматорск** Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 **Красноярск**, пр. Мира, 84;
443002 **Куйбышев**, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 **Ленинград**, Литейный пр., 57;
199164 **Ленинград**, Таможенный пер., 2;
199004 **Ленинград**, 9 линия, 16;
220012 **Минск**, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва**, ул. Горького, 19а;
117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;

- 630076 **Новосибирск**, Красный пр., 51;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской пр., 22
(«Книга — почтой»);
142284 **Протвино** Московской обл., «Академкнига»;
142292 **Пушино** Московской обл., МР «В», 1;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Кни-
га — почтой»);
700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга —
почтой»);
634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа**, Коммунистическая, 49;
720001 **Фрунзе**, бульв. Дзержинского, 42 («Книга —
почтой»);
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — поч-
той»).